

ООО «Наука и образование»

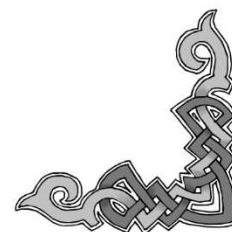
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 12
2021**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2021, № 12

Часть 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

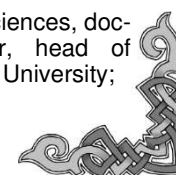
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образжиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института рриса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of the Kuban, academician REAN, professor, doctor of economic sciences, professor of economics and financial management at the Kuban state technological university named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аведян А.А. Организационные меры виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел	15
Андреева О.А., Карягина О.В., Борисова А.А., Хомутова Е.А. Доктринальные источники уголовной политики государства: к истории вопроса их формирования	20
Анисимова И.А., Якушева Т.В., Усвят Н.Д. Понятие «потерпевший от преступления» в уголовном праве	23
Антонов А.А., Симакина И.А. Дорожно-транспортные происшествия: причины и последствия	27
Бабанина Д.В. Эндо-функции криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних	30
Беляцкая А.М. Кадровое обеспечение деятельности уполномоченного по правам человека в России и за рубежом	36
Бидова Б.Б., Комоско А.А. Коррупционные преступления раздела VIII УК РФ: вопросы ответственности	39
Богданов С.В. Требования прокурора при осуществлении процессуального надзора и его отличия от представления	42
Гаврилов В.Н., Абрамова И.Е., Кузьмина В.Е. Некоторые вопросы регулирования цифровых прав в Российской Федерации	46
Гаврилов С.О., Павлюк И.В. Процессы формирования института традиционных религий в правовой системе Российской Федерации в 1990 – нач. 2020-х гг.	49
Гаджибейли Т.Б. Уголовно-правовые механизмы защиты государственного суверенитета Азербайджанской Республики	53
Гюлбанкян А.А. Преступление, которое не охватывается умыслом соучастников: проблемы интерпретации ст. 36 УК РФ	56
Доев В.А. Особенности квалификации несовершеннолетних виновных в уголовном праве	61
Должникова Е.В., Комаревцева И.В., Кислицын Н.А. Предупреждение полицией вовлечения несовершеннолетних в массовые противоправные протестные мероприятия	65
Дородонова Н.В., Чилькина К.В. Предпосылки развития социальной доктрины Римской католической церкви в XIX в. в Европе	69
Емельянцев А.Э. Влияние судебной власти на региональный законодательный процесс в США	74
Журов А.Н., Гостев С.С., Ермаков Е.Г. Участие полиции в борьбе с эпидемиями в городах Российской империи в XVIII в.	76
Иванов А.В., Потоцкий Н.К. Понятие и сущность квалифицирующих признаков легализации (отмывания) преступных доходов, т.е. преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ	81
Караваева В.А. Ретроспективный анализ нормотворческой техники уголовного законодательства (некодифицированный период)	87

Караваев А.А., Щеглов Е.Н. Теоретико-правовой анализ отдельных положений доктрины информационной безопасности Российской Федерации в сфере обеспечения защиты информационных ресурсов исполнительных органов власти	92
Караваев А.А. К вопросу о реализации сотрудниками полиции превенции вовлечения несовершеннолетних в участие в несанкционированных массовых мероприятиях	96
Козаев Н.Ш., Рясов Д.А. Основание уголовной ответственности за шпионаж	100
Колосова И.М. Коррупция в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	105
Конорезов Н.А. Обман как способ понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ)	110
Литвяк Л.Г., Беретарь З.А. Правовое положение трансгендеров в мире	115
Малимонова А.С. Краткий обзор криминалистически важных сведений о преступлениях в сфере обеспечения продовольственной безопасности	119
Мартынов М.М. Понятие «легальность» в трудах ученых-юристов Российской империи и Советской России	123
Некоз А.С. Занятие высшего положения в преступной иерархии: вопросы правоприменительной практики	129
Перемолотова Л.Ю., Князева О.В. Деформация направленности личности преступника как криминогенная предпосылка его преступного поведения	132
Перрон Ю.В. Совершенствование правовых основ деятельности общественных наблюдательных комиссий	135
Попельных А.А., Сидорова Д.П. Оспаривание сделок корпорации миноритарными участниками как способ защиты их прав на участие в распределении прибыли (получении дивидендов)	139
Савенко И.А., Бикмашев В.А. Национальный план противодействия коррупции – реальность или миф!? (К вопросу правового содержания Указа Президента РФ № 478 от 16.08.2021 г.)	143
Сизо З.М. Пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) как уголовно-политическая проблема	147
Собольк В.М. К вопросу о необходимости разработки методики расследования порчи земли	150
Старостенко Н.И. Особенности тактики допроса потерпевших при расследовании хищений, совершенных с использованием методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий	154
Суменков С.Ю., Катомина В.А. Проблемы и пределы законодательной регламентации праймериз	157
Ужахов М.К. Правовые основы противодействия финансированию терроризма	162
Умарова А.А. К вопросу о коррупции и коррупционной преступности	165
Умарова М.А. Национальные экономические интересы: правовые аспекты реализации	171

Фалилеев О.О.	
Последствия изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств	174
Шайхутдинова А.С.	
Последствия признания виновного заслуживающим снисхождения в уголовном законодательстве Российской империи	179
Яцкова А.П., Гостев С.С., Сучкова М.В.	
Развитие законодательства об ответственности за коррупционные правонарушения в Российском государстве в XVIII в.	184
Клименко Т.М., Попова Е.А., Стригуненко И.К., Чапурко Т.М.	
Политико-правовые и социально-экономические аспекты молодежной делинквентности в России	189

CONTENTS:

JURISPRUDENCE

Arkady A. Avedyan

Organizational measures for the victimological prevention of violent crimes committed against employees of the internal affairs bodies 15

**Olga A. Andreeva, Oksana V. Karyagina,
Anna A. Borisova, Ekaterina A. Khomutova**

Doctrinal sources of the State's criminal policy:
to the history of the issue of their formation 20

Irina A. Anisimova, Tamara V. Yakusheva, Nadezhda D. Usvyat

The concept of «victim from the crime» in criminal law 23

Alexander A. Antonov, Irina A. Simakina

On the need for a technical inspection of vehicles 27

Daria V. Babanina

Endo-functions of the criminal subculture among minors 30

Anna M. Belyatskaya

Staffing for the activities of the ombudsman in Russia and abroad 36

Bela B. Bidova, Anna A. Komosko

Corruption crimes of Section VIII of the Criminal Code
of the Russian Federation: issues of responsibility 39

Stanislav V. Bogdanov

The requirements of the prosecutor in the implementation
of procedural supervision and its differences from the presentation 42

Vladimir N. Gavrilov, Irina E. Abramova, Victoria E. Kuzmina

Some issues of digital rights regulation in the Russian Federation 46

Stanislav O. Gavrilov, Ivan V. Pavlyuk

The processes of formation of the institution of traditional religions
in the legal system of the Russian Federation in 1990-early 2020-ies. 49

Tural B. Hajibayli

Criminal legal mechanisms for the protection
of the state sovereignty of the Republic of Azerbaijan 53

Aram A. Giulbankian

A crime that is not covered by the intent of the accomplices:
problems of interpretation of Art. 36 of the Criminal Code of the Russian Federation 56

Vitaly A. Doev

Peculiarities of minor qualification in criminal law 61

Ekaterina V. Dolzhnikova, Irina V. Komarevtseva, Nikolay A. Kislitsyn

Police prevent the involvement of minors in mass illegal protest events 65

Natalia V. Dorodonova, Ksenia V. Chilkina

Premises of the development of the social doctrine
of the Roman Catholic Church in the 19th century in Europe 69

Alexey E. Emeliantsev

The influence of the judiciary on the regional legislative process in the United States 74

Andrey N. Zhurov, Sergey S. Gostev, Evgeny G. Ermakov

Police involvement in urban epidemics Russian Empire in the 18th century 76

Andrei V. Ivanov, Nikolay K. Pototsky

The concept and essence of qualifying features of money laundering,
I.E., crimes under Art. 174 and 174.1 of the Criminal Code of the RF 81

Viktoryia A. Karavayeva

Retrospective analysis of the rule-making technique
of the criminal law (uncodified period) 87

Alexander A. Karavaev, Evgeny N. Shcheglov Theoretical and legal analysis of separate provisions of the information security doctrine of the Russian Federation in the sphere of protecting the information resources of the executive authorities	92
Alexander A. Karavaev On the question of police officers' implementation of the involvement of minors in participation in unauthorized mass activities	96
Nodar Sh. Kozaev, Dmitriy A. Ryasov The basis of criminal liability for espionage	100
Irina M. Kolosova Corruption in the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs	105
Nikolay A. Konorezov Deception as a way of forcing sexual acts (Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation)	110
Larisa G. Litvyak, Zalina A. Beretar The legal status of transgender people in the world	115
Anastasia S. Malimonova A brief overview of forensic information on the food security crimes	119
Maxim M. Martynov The concept of «legality» in the works of legal scholars of the Russian Empire and Soviet Russia	123
Arkadii S. Nekoz Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: issues of law enforcement practice	129
Lilianna Yu. Peremolotova, Olga V. Knyazeva Deformation of the orientation of the criminal's personality as a criminogenic prerequisite of his criminal behavior	132
Yulia V. Perron Improving the legal framework for the activities of public monitoring commissions	135
Andrey A. Popelnyukh, Daria P. Sidorova Challenging corporation transactions by minority shareholders as a remedy to protect their rights to participate in the distribution of profits (receiving dividends)	139
Irina A. Savenko, Vitaly A. Bikmashev National Anti-Corruption Plan – Reality or Myth!? (On the issue of the legal content of the Decree of the President of the Russian Federation № 478 of 08.16.2021)	143
Zaur M. Sizo Pandemic coronavirus infection (COVID-19) as a criminal-political problem	147
Vladimir M. Sobolyk In relation to the need to develop a methodology for investigating of land pollution	150
Nina I. Starostenko Features of the tactics of interrogating victims in the investigation of thefts committed using social engineering and information and telecommunication technologies	154
Sergey Yu. Sumenkov, Victoria A. Katomina Problems and limits of legislative regulation of primaries	157
Magomed K. Uzhakhov Legal basis for countering the financing of terrorism	162
Amala A. Umarova On the issue of corruption and corruption crime	165
Madina A. Umarova National economic interests: legal aspects of implementation	171
Oleg O. Falileev Consequences of amendment and termination of the contract due to a significant change in circumstances	174

Aigul S. Shaikhutdinova The consequences of a conviction deserving of leniency in the criminal legislation of the Russian Empire	179
Anna P. Yatskova, Sergey S. Gostev, Margarita V. Suchkova Development of legislation about responsibility for corruption offenses in the Russian the state in the XVIII century	184
Tauzhan M. Klimenko, Elena A. Popova, Ivan K. Strigunenko, Tatiana M. Chapurko Political-legal and socio-economic-aspects of youth delinquency in Russia	189

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аведян Аркадий Аведикович
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
arkadiy.avedyan@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Объективные факторы ее виктимности сотрудников органов внутренних дел обуславливают необходимость выработки и реализации надлежащих организационных мер в целях эффективного виктимологического предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в отношении данной категории лиц. К данным мерам следует отнести, прежде всего, аналитическую и прогностическую работу по выявлению криминальных угроз личной безопасности сотрудников, а также, обеспечение эффективного профессионального отбора сотрудников на службу и стабильности кадрового состава органов внутренних дел.

Ключевые слова: виктимность, виктимологическое предупреждение, организационные меры, сотрудник органов внутренних дел, насилие.

Специфическим и, в тоже время, важнейшим направлением противодействия преступности является виктимологическое предупреждение преступлений и правонарушений [1]. Виктимологическая профилактика на социальном и специальных уровнях представляет собой деятельность широкого круга субъектов по реализации комплекса мер социально-экономического, социально-психологического, правового, организационного, медицинского, информационного, технического и иного характера, направленных на снижение уровня виктимности населения и недопущение его виктимизации. Учитывая специфику жертвы исследуемых преступлений – сотрудников ОВД, объективные факторы ее виктимности, эффективное виктимологическое предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, невозможно без надлежащего организационного обеспечения данной деятельности.

Отсутствие в стране целевой государственной программы виктимологической профилактики преступлений и правонарушений является одним

Arkady A. Avedyan
Lecturer of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
arkadiy.avedyan@mail.ru

ORGANIZATIONAL MEASURES FOR THE VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF VIOLENT CRIMES COMMITTED AGAINST EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. Objective factors of its victimization of employees of internal affairs bodies necessitate the development and implementation of appropriate organizational measures in order to effectively prevent violent crimes committed against this category of persons. These measures should include, first of all, analytical and predictive work to identify criminal threats to the personal safety of employees, as well as ensuring effective professional selection of employees for service and the stability of the staff of the internal affairs bodies.

Keywords: victimization, victimological prevention, organizational measures, an employee of the internal affairs bodies, violence.

из наиболее существенных недостатков существующей системы противодействия преступности, на чем постоянно акцентируется внимание научного сообщества [2; 3]. Разработка и реализация такой программ является основой реализации комплексных мер виктимологического обеспечения безопасности от криминальных угроз различных групп населения.

Как и любая системная целенаправленная деятельность, деятельность по противодействию преступности требует наличия актуальной криминологической информации относительно состояния преступности и связанных с ней социальных процессов [4, с. 157–168; 5, с. 235–244].

Необходимо отметить, что Концепция обеспечения собственной безопасности в системе МВД России [6] предусматривает в области защиты жизни и здоровья сотрудников ОВД организацию и проведение оперативно-разыскных и профилактических мероприятий по выявлению угроз в отношении ОВД, а также, рассмотрение обращений сотрудников ОВД об угрозе их жизни и здоровью

и проведение проверочных мероприятий по ним (п. 16.1). В то же время, в области профилактики правонарушений сотрудников ОВД предусмотрены следующие меры:

– выявление, анализ, классификацию, оценку и прогнозирование внешних и (или) внутренних угроз и определение на этой основе конкретных объектов защиты;

– проведение аналитических исследований состояния законности и служебной дисциплины, а также, подготовка прогнозов развития оперативной обстановки и динамики криминогенных процессов;

– выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений сотрудниками ОВД и прочие (п. 17.4).

Как можем видеть, Концепция не предусматривает комплекса надлежащих аналитических и иных мер по информационному обеспечению виктимологической профилактики совершения в отношении сотрудников ОВД преступлений.

В основу виктимологического обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД от насильственной виктимизации должна быть положена аналитическая и прогностическая работа по выявлению криминальных угроз, объективных и субъективных факторов виктимности, процессах и закономерностях виктимизации, а также – по оценке эффективности реализуемых превентивных мер виктимологического характера.

Инструментом решения соответствующих аналитических задач является криминологический мониторинг, выступающий неотъемлемым элементом управления противодействием преступности [7, с. 155]. Именно криминологический мониторинг обеспечивает информационный компонент, а также – синтез элементов статистики и динамики механизма противодействия преступности за счет реализации процессов получения, обработки и анализа необходимой для формулирования соответствующих выводов и принятия управленческих решений, информации [8, с. 200].

Непосредственными субъектами криминологического мониторинга, осуществляемого в целях обеспечения личной безопасности сотрудников от насильственной виктимизации, должны выступать кадровые службы, подразделения психологического обеспечения, а также – подразделения обеспечения собственной безопасности ОВД.

Объектами криминологического мониторинга должны выступать:

1) показатели состояния, уровня, динамики и структуры насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД;

2) показатели состояния, уровня, динамики и структуры насильственной преступности, преступлений и иных «фоновых» для насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, явлений;

3) объективные и субъективные факторы виктимности сотрудников ОВД;

4) степень насильственной виктимизации в целом сотрудников ОВД, а также ее дифференциация относительно отдельных групп (служб, подразделений) сотрудников ОВД;

5) процессы и закономерности виктимизации сотрудников ОВД, в частности, проявляющиеся в особенностях обстановки и ситуации насильственной виктимизации сотрудников ОВД, а также, иных элементов механизма совершения насильственных преступлений в отношении сотрудников ОВД (в зависимости от субъекта преступления, мотивации преступного поведения способов совершения преступления и пр.);

6) уровень и факторы латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД;

7) социальные последствия насильственной виктимизации сотрудников ОВД преступности ОВД;

8) эффективность управленческих решений в сфере виктимологического обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД от насильственной виктимизации;

9) эффективность конкретных мер виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД.

В качестве одной из целей мониторинга в сфере профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, специалисты указывают на формирование в перспективе ведомственной комплексной программы виктимологического противодействия преступлениям данного вида [9, с. 125].

На важность криминологического мониторинга как инструментария информационной составляющей виктимологического обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД от насильственной виктимизации указывают и практические сотрудники ОВД. Так, проведенное нами исследование показало, что 80,4 % опрошенных экспертов (опрос 980 практических сотрудников ОВД) указывают на необходимость:

– проведения системной аналитической работы по выявлению криминальных угроз личной безопасности сотрудников ОВД;

– оценки состояния насильственных преступлений, совершаемых в отношении них;

– оценки эффективности мер предупреждения данных преступлений.

Указанное свидетельствует об актуальности для сотрудников ОВД проблемы обеспечения их личной безопасности и необходимости осуществления системной аналитической работы как основы практической деятельности специализированных субъектов по ее обеспечению.

Как было выявлено нами в ходе исследования, около 60 % насильственных преступлений, совершенных в отношении сотрудников ОВД, остаются латентными, при этом латентность данных преступлений обусловлена такими факторами, как:

- утаивание сотрудником факта совершения в отношении него преступления (71,5 %);
- сложности в правовой оценке факта применения насилия в отношении сотрудника ОВД (51,3 %);
- сокрытием преступлений от учета (10,5 %);
- особенности обстановки совершения преступления – участие в контртеррористических мероприятиях и прочее (9,6 %).

Указанное свидетельствует о необходимости совершенствования имеющихся и выработки качественно новых методик выявления и расследования насильственных преступлений, совершенных в отношении сотрудников ОВД, что позволит иметь актуальную объективную криминологическую информацию относительно состоянии насильственной виктимизации сотрудников ОВД.

Учитывая то, что виктимность сотрудников ОВД находится в обратно пропорциональной зависимости от подбора личного состава и правильной организации службы [10, с. 155], а также то, что виктимизация сотрудников ОВД при совершении в отношении них насильственных преступлений имеет определенную специфику, объективно обусловленную их профессиональной виктимностью (конфликтогенным, экстремальным и стрессогенным характером профессиональной деятельности и пр.), а субъективные факторы виктимности сотрудников ОВД, определяемые особенностями личности сотрудника (как индивидуально-психологические, так и поведенческие), могут иметь место (быть присущи сотруднику) до начала прохождения им службы в ОВД [11, с. 165–170], поэтому одной из ключевых мер виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, является организация и обеспечение эффективного профессионального отбора сотрудников на службу в ОВД и стабильности кадрового состава ОВД.

Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» в качестве одних из основных направлений совершенствования деятельности ОВД предусматривает обеспечение уровня укомплектованности личным составом органов ОВД и основных качественных характеристик кадрового состава, достаточных для успешного решения служебных задач, а также повышение качества отбора и подготовки кандидатов на службу в ОВД и совершенствование профессионального психологического отбора кандидатов на службу и учебу [12].

Литература:

1. *Вишневецкий К.В.* Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе :

Именно совершенствование механизма профессионального отбора кадров для замещения должностей в системе МВД России определено в качестве одной из основных мер по обеспечению собственной безопасности в системе МВД России (п. 8.6 Концепции), а высокая сменяемость личного состава (особенно в территориальных органах МВД России на районном уровне и их оперативных подразделениях) – признана одной из внутренних угроз собственной безопасности системы МВД России (п. 10.9) [6].

Максимально высокий уровень отбора кандидатов на службу в ОВД должен быть обеспечен как при поступлении на службу, прежде всего, за счет совершенствования системы отбора кандидатов с учетом глубокого изучения их личности, моральных и деловых качеств, в том числе, с использованием специальных психофизиологических диагностик, так и осуществляться при прохождении службы, прежде всего, при назначении на вышестоящие должности, в том числе, за счет совершенствования процедур изучения, выдвижения и назначения кандидатов на руководящие должности в ОВД.

Проведенный нами опрос сотрудников ОВД показал, что, по мнению большинства экспертов (67 %), именно обеспечение надлежащего профессионального отбора сотрудников на службу в ОВД является одной из наиболее эффективных мер виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД. Также, в качестве такой меры эксперты (52 %) указали на необходимость минимизации текучести кадров в ОВД, что позволит обеспечить кадровый потенциал и профессионализм сотрудников ОВД.

С целью повышения эффективности профессионального отбора сотрудников на службу в ОВД, предупреждения противоправного поведения сотрудников и обеспечения виктимологической профилактики необходимо использовать отечественный и зарубежный опыт и имеющиеся психологические, технические и прочие методики.

Таким образом, в основу виктимологического обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД от насильственной виктимизации должна быть положена аналитическая и прогностическая работа по выявлению криминальных угроз, объективных и субъективных факторов виктимности, процессах и закономерностях виктимизации, а также по оценке эффективности реализуемых превентивных мер виктимологического характера. Одной из ключевых организационных мер виктимологического предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, является организация и обеспечение эффективного профессионального отбора сотрудников на службу в ОВД и стабильности кадрового состава ОВД.

Literature:

1. *Vishnevetskiy K.V.* Criminogenic victimization of social groups in modern society : monograph /

монография / К.В. Вишневецкий; Под ред. С.Я. Лебедева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

2. *Майоров А.В.* Методологическое обоснование концепции виктимологического противодействия преступности / А.В. Майоров // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 15–21.

3. *Майоров А.В.* Реализация государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности (2014–2020 гг.)» с учетом внедрения подпрограммы «Виктимологическое противодействие преступности в Российской Федерации» / А.В. Майоров // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4. С. 79–86.

4. *Игнатов А.Н.* Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе / А.Н. Игнатов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6(23). С. 157–168.

5. *Игнатов А.Н.* Прогностическая и футурологическая функции криминологии и их роль в генезисе уголовного права / А.Н. Игнатов // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 235–244.

6. Приказ МВД России от 02.01.2013 № 1 (ред. от 28.02.2018) «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

7. *Игнатов А.Н.* Совершенствование механизма противодействия преступности как составляющей обеспечения национальной безопасности / А.Н. Игнатов // Власть Закона. 2016. № 4(28). С. 147–156.

8. *Игнатов А.Н.* Криминологический мониторинг как составляющая механизма формирования и реализации уголовной политики / А.Н. Игнатов // Современные проблемы уголовной политики. Материалы VI Международной научно-практической конференции : в 2-х т. 2015. С. 196–205.

9. *Чумичкин А.С.* Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

10. *Иванова С.В.* Стрессоустойчивость сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор противодействия виктимности / С.В. Иванова // Человек в условиях неопределенности. Сборник научных трудов научно-практической конференции с международным участием : в 2-х т. 2018. С. 155–158.

11. *Аведян А.А.* Факторы профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел / А.А. Аведян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 165–170.

K.V. Vishnevetskiy; Ed. S.Ya. Lebedev. M. : UNITY-DANA, 2010.

2. *Mayorov A.V.* Methodological substantiation of the concept of victimological counteraction to crime / A.V. Mayorov // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. № 1. P. 15–21.

3. *Mayorov A.V.* Implementation of the state program of the Russian Federation «Ensuring public order and combating crime (2014–2020)» taking into account the introduction of the subprogram «Victimological combating crime in the Russian Federation» / Mayorov A.V. // Law and order: history, theory, practice. 2017. № 4. P. 79–86.

4. *Ignatov A.N.* Strategy for countering criminal violence in modern society / A.N. Ignatov // Criminalist Library. Science Magazine. 2015. № 6(23). P. 157–168.

5. *Ignatov A.N.* Prognostic and futurological functions of criminology and their role in the genesis of criminal law / A.N. Ignatov // Actual problems of criminal legislation at the present stage: collection of articles. scientific. tr. Int. scientific-practical conf. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 235–244.

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.01.2013 № 1 (as amended on 28.02.2018) «On approval of the Concept of ensuring own security in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

7. *Ignatov A.N.* Improving the mechanism of combating crime as a component of ensuring national security / A.N. Ignatov // Power of the Law. 2016. № 4 (28). P. 147–156.

8. *Ignatov A.N.* Criminological monitoring as a component of the mechanism for the formation and implementation of criminal policy // A.N. Ignatov // Modern problems of criminal policy. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference : in 2 vol. 2015. P. 196–205.

9. *Chumichkin A.S.* Victimological prevention of crimes committed against employees of internal affairs bodies : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2019.

10. *Ivanova S.V.* Stress resistance of employees of the penal system as a factor in countering victimization / S.V. Ivanova // Man in conditions of uncertainty. Collection of scientific papers of a scientific and practical conference with international participation : in 2 vol. 2018. P. 155–158.

11. *Avedyan A.A.* Factors of professional victimization of employees of internal affairs bodies / A.A. Avedyan // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 165–170.

12. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // СЗ РФ. 2014. № 18 (Часть 4). Ст. 2188.

12. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 345 «On the approval of the state program of the Russian Federation» Ensuring public order and combating crime» // SZ RF. 2014. № 18 (Part 4). Art. 2188.

Андреева Ольга Александровна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Таганрогский институт
управления и экономики
ol-andr1@yandex.ru

Карягина Оксана Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Таганрогский институт
управления и экономики
o.karyagina@tmei.ru

Борисова Анна Анатольевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Политехнический институт (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Таганроге
banet06021979@mail.ru

Хомутова Екатерина Александровна

студентка
Института сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал),
Донской государственной
технической университет
ol-andr1@yandex.ru

**ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА: К ИСТОРИИ
ВОПРОСА ИХ ФОРМИРОВАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена истории формирования доктринальных основ российской уголовной политики, проанализированы вопросы ее эволюции и значение для современной науки уголовного права. Авторами проведен анализ историко-правовых подходов, выработанных в отечественной юридической науке, к периодам их формирования в Московском государстве XV–XVII вв. и их связи с концептуальными положениями его уголовной политики. Предметом статьи явились памятники российского государства и права, научная литература по теме исследования.

Ключевые слова: доктринальные основы, целеполагание, уголовное право, уголовная политика, история, государство, право.

Olga A. Andreeva

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor, Department of Theory
and the History of the State and Law,
Taganrog Institute
Governance and Economics
ol-andr1@yandex.ru

Oksana V. Karyagina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Proceedings,
Taganrog Institute
Governance and Economics
o.karyagina@tmei.ru

Anna A. Borisova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Humanities and Natural Sciences,
Polytechnic Institute (branch)
Don State Technical
Taganrog University
banet06021979@mail.ru

Ekaterina A. Khomutova

Student
of the Institute of Service
and Entrepreneurship (branch),
Don State Technical University
ol-andr1@yandex.ru

**DOCTRINAL SOURCES
OF THE STATE'S CRIMINAL POLICY:
TO THE HISTORY OF THE ISSUE
OF THEIR FORMATION**

Annotation. The article is devoted to the history of the formation of the doctrinal foundations of Russian criminal policy, analyzes the issues of its evolution and significance for the modern science of criminal law. The historical and legal approaches to the periods of their formation in the Moscow state of the XV–XVII centuries and the connection with the conceptual provisions of its criminal policy are considered. The subject of the article were monuments of the Russian state and law, scientific literature on the subject of the study.

Keywords: doctrinal foundations, goal-setting, criminal law, criminal policy, history, state, law.

Уголовная политика государства всегда являлась и остается одним из главных направлений в его деятельности по обеспечению правопорядка и безопасности, охраны интересов личности и общества, стабильности развития прав и свобод граждан, их защиты от преступности и криминальных факторов. Исследование сущности доктринальных (научных) основ и целеполагания уголовной политики государства включает в первую очередь специальный понятийный аппарат таких категорий, как общественная опасность, ее характер, состав преступления, уголовная ответственность, наказание и др., без чего немислимо уголовное закон, уголовно-процессуальное право их реализация и практическая деятельность, связанных с ней юристов.

В этом процессе необходим научный анализ не только современного состояния науки уголовного права, но и истории формирования доктринальных основ уголовной политики российского государства, влияния зарубежного опыта, который, впрочем, не может быть механически перенесен в теорию и практику российского уголовного права в силу его самобытности. В частности, В.Г. Графский отмечает, что «право в гораздо большей степени, чем государство, предстает устойчивой и преемственной социальной традицией. Оно всегда пронизано традицией своего усвоения и применения во внутрисемейном и ином родственном общении, в религиозных обрядах и светских церемониях, в повторяющихся по аналогии судебных решениях, в конституционном праве и в конституционно правовых обычаях» [1]. Следовательно, правопреимственность как синтетический метод, все же, может быть дополняющим фактором, законодательство, но только после аналитического разложения политико-правового процесса, его анализа и синтеза на более высоком уровне. Правопреимственность актуализирует всеобщие законы диалектики применительно не только к историко-правовой науке с ее междисциплинарными связями, но и уголовного права на основе принципа всеобщего изменения и развития [2].

История российского уголовного права берет свое начало от норм Русской Правды, обычного права, княжеских уставов, ряда византийских источников, известных в то время, но наибольшее влияние на него оказали русско-византийские договоры (907, 911, 944, 971 гг.), при составлении которых учитывались, прежде всего, нормы русского права, что свидетельствует об уровне общественных отношений и культуры славян, живших в IX–X вв. В дальнейшей истории российского уголовного права они перерабатывались в соответствии с изменяющимися социально-экономическими и политическими условиями, дополнялись новым содержанием, соответствующим историческому времени. Поэтому русско-византийские договоры могут считаться началом становления русского уголовного правотворчества, но не науки уголовного права, которой в этот период отечественной истории еще не могло быть.

М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что, «благодаря влиянию греков, в договорах мы встречаем общие термины (иногда, переводные с греческого

языка) для выражения понятия «преступление»: «проказа» (Дог. Олега, ст. 3), «съгрешение» и понятия «наказание»: «казнь», «епитимия». Но из этого не следует, что эти понятия были навязаны русским византийцами; в договорах ясно видны уголовные воззрения, свойственные первобытному народу... для истории русского уголовного права они стали исходным моментом развития». Преступное деяние, как нарушение закона в Русской Правде называлось «обидой», требовавшей возмездия по принципу талиона (кровная месть) или материального возмещения за причиненный вред. С.В. Кодан отмечает, что «...исходя из доктринальных подходов деления ее текста на статьи и толкования содержания, отметим, что уже этот памятник права определяет правовые предписания по четырем основным направлениям правового регулирования и представляет конструкцию организации нормативного материала:

- нормы относительно верховной власти – государственное право;
- нормы по поводу имущества, обязательств и некоторых семейных отношений – гражданское право; нормы о преступлениях и наказаниях - уголовное право;
- нормы по поводу судостроительства и судопроизводства – процессуальное право».

Таким образом, право способно объективно отражать правовую действительность и реально существующие общественные отношения, которые нуждаются правовом регулировании.

По-нашему мнению, началом науки уголовного права можно считать практику описания уголовно-правовой деятельности в Разбойном, Челобитном и других приказах Московского государства, хотя право в то время еще не было дифференцированным на частное и публичное и, следовательно, отсутствовала систематизация норм уголовно-правового характера. Уставная книга Разбойного приказа, который был создан в 1555 году, являлась источником уголовно-судебного права, правовой основой его деятельности. В условиях отсутствия дефиниций составов преступлений, они традиционно восполнялись теократической доктриной. Необходимость борьбы с преступностью привела к созданию государственных розыскных органов, которые боролись с «душегубами» и «лихими людьми» – убийцами, разбойниками и рецидивистами.

В период истории Московского государства развитие общественных отношений привело к усложнению юридической практики, с одной стороны, а, с другой, – необходимости совершенствования законодательства в условиях централизации государственного управления, что стало одной из причин создания Судебника 1497 года. Главной его целью явилось приведение источников права в соответствие с произошедшими новациями в сфере государственного управления и законодательства. В подготовительный период были обобщены нормы уголовного и уголовно-процессуального права, содержащиеся в жалованных грамотах, указах о суде в соответствии с их

толкованием. Но произошедшие изменения не оказали значительного влияния на их характер потому, что еще не была известной практика их теоретического анализа, а имевшиеся пробелы заполнялись различными способами.

Судебная деятельность не исключала возможностей для мздоимства, которое, некоторым образом, входила даже в обязанности наместников и волостелей. По этому поводу Н.П. Загоскин писал, что «основная причина злоупотреблений крылась в том, что в процессе политического объединения русских земель все еще продолжала использоваться старая система управления – через наместников и волостелей», когда получение должности зависело от знатности и богатства претендента.

В Судебнике 1497 года дано новое понятие преступления – это «лихое дело» (ст. 8). Если во времена Русской Правды «обидой» называли ущерб, причиненный одному лицу или группе лиц, то «лихое дело» было объявлено деянием, направленным против существующего государственного строя, правопорядка и управления.

В царствование Ивана Грозного большинство законов включало формулу: «уложил (царь) со всеми бояры». Такая совместная деятельность царя и Думы сохранялась до конца XVI века. В Уложении 1649 г. источниками законодательства названы государевы указы и боярские приговоры. В истории известны боярские приговоры без санкций главы государства, что было возможно в период его малолетства или междуцарствия. С другой стороны, известны и царские указы, изданные без боярских приговоров. Вместе с государем Боярская дума принимала участие во внешнеполитической деятельности, а с конца XVI века к ней присоединились земские соборы.

Соборное Уложение 1649 г. явилось важной вехой в истории российского государства и права; оно отвечало интересам класса дворян, чем можно объяснить его долговечность в практической деятельности. М.Ф. Владимирский-Буданов

Литература:

1. *Графский В.Г.* Всеобщая история государства и права. М., 2000. С. 12.
2. *Андреева О.А.* Правопреемство в российской историко-правовой науке как принцип развития юридической мысли / О.А. Андреева // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 42.
3. *Андреева О.А.* Совершенствование законодательной, правоприменительной и судебной практики в процессе реализации уголовной политики государства / О.А. Андреева, О.В. Карягина, А.В. Карягина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 95–98.

отмечал, что «Уложение есть первый из русских законов, напечатанный тотчас по утверждении его. Оно печаталось в первый раз от 07 апреля по 20 мая 1649 г., а затем, когда все экземпляры быстро разошлись в том же 1649 г. С тех пор печатание законов являлось необходимым условием в состав публикации законов.

Основным законом Российской империи оно оставалось до 1830 года, его значение заключалось в том, что оно регулировало не отдельные группы общественных отношений, а все стороны общественно-политической жизни Московского государства во второй половине XVII века. Подчеркивая значение Соборного Уложения 1649 г., В.А. Томсинов указывает на, что «... помимо прочего, воплощением характерных для русского общества XVII в. особенностей правового мышления, искусства формулирования новых правовых норм и модификации норм старых, действующих с давних времен, приемов переработки с целью приспособления к условиям русского общества норм иностранных юридических сборников, навывок группировки и классификации правового материала – одним словом, всего того, что составляет содержание явления, называемого юриспруденцией. Соборное уложение 1649 г. необходимо изучать, поэтому и как памятник русской юриспруденции, оно подвело итог эволюции русской юриспруденции в предшествовавшие исторические эпохи и стало отправной точкой для дальнейшего ее развития».

Достижения в области уголовного права того времени, носили, обычно, практический характер, часто без доктринального осмысления основных его идей [3]. В настоящее время она является вспомогательным, дополнительным к уголовному закону источником российского права, может содержаться в различного рода актах неофициального доктринального толкования, поэтому, обладая научной убедительностью и авторитетом, как в прошлом, так и в настоящее время, они являются вспомогательным источником решения сложных вопросов юридической квалификации.

Literature:

1. *Grafsky V.G.* Universal history of state and law. M., 2000. P. 12.
2. *Andreeva O.A.* Succession in Russian historical and legal science as a principle of development of legal thought / O.A. Andreeva // Legal technique. 2011. № 5. P. 42.
3. *Andreeva O.A.* Improvement of legislative, law enforcement and judicial practice in the process of implementing the criminal policy of the state / O.A. Andreeva, O.V. Karyagina, A.V. Karyagina // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 10. P. 95–98.

Анисимова Ирина Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Алтайский государственный университет
anisimovaia@bk.ru

Якушева Тамара Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Алтайский государственный университет
tamara.yakysheva@mail.ru

Усвят Надежда Даниловна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
иностранных языков экономического
и юридического профилей,
Алтайский государственный университет
oosvyat@mail.ru

**ПОНЯТИЕ «ПОТЕРПЕВШИЙ
ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Аннотация. В статье проводится уголовно-правовой анализ признаков потерпевшего от преступления. Авторами предлагается доктринальное определение этого понятия в уголовном праве, а также, приводятся доказательства его содержательного отличия от уголовно-процессуальной дефиниции потерпевшего, закрепленной в ч. 1 ст. 42 УПК РФ. В завершение публикации авторами делается вывод о том, что при совершении преступления путем воздействия на блага и права потерпевшего причиняется преступный вред или создается угроза его причинения объекту преступления.

Ключевые слова: потерпевший от преступления, преступный вред, объект преступления, предмет преступления, состав преступления, преступление.

Уголовный закон достаточно часто использует термин «потерпевший» в Общей и Особенной частях (ст. 61, 63, 76, 111, 131 УК РФ), но не содержит его определения. Различные характеристики потерпевшего включены в 30 % статей Особенной части УК РФ, где они имеют значение криминообразующих, конструктивных или разграничивающих составы преступлений обстоятельств, а также выступают основанием для выделения квалифицированных и привилегированных видов преступлений. Свойства, поведение и волеизъявление потерпевшего от преступления служат средством индивидуализации уголовной ответственности и наказания в институтах Общей

Irina A. Anisimova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Altai State University
anisimovaia@bk.ru

Tamara V. Yakusheva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal procedure and Forensic Science,
Altai State University
tamara.yakysheva@mail.ru

Nadezhda D. Usvyat

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
Foreign Languages of Economic
and Legal Profiles,
Altai State University
oosvyat@mail.ru

**THE CONCEPT OF «VICTIM FROM
THE CRIME» IN CRIMINAL LAW**

Annotation. The article provides a criminal-legal analysis of the characteristics of a victim of a crime. A doctrinal definition of this concept in criminal law is proposed. The substantive difference of this concept from the criminal procedural definition of the victim, enshrined in Part 1 of Art. 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, is shown. It is concluded that when a crime is committed by influencing the benefits and rights of the victim, criminal harm is inflicted or a threat of causing it to the object of the crime is created.

Keywords: victim of a crime, criminal harm, object of a crime, subject of a crime, corpus delicti, crime.

части УК РФ. Несмотря на важную роль потерпевшего для квалификации содеянного и индивидуализации ответственности, единого учения о нем в уголовном праве не выработано, понятие и признаки потерпевшего от преступления остаются дискуссионными.

В учебной литературе потерпевшего от преступления традиционно характеризуют на основе закрепленного в ч. 1 ст. 42 УПК РФ определения: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также, юридическое лицо в случае причинения преступлением

вреда его имуществу и деловой репутации...». Проблема состоит в том, что для целей квалификации преступлений и решения иных уголовно-правовых вопросов данная дефиниция не пригодна. Законодательное определение в ч. 1 ст. 42 УПК РФ указывает на потерпевшего как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, обеспеченного соответствующими правами и обязанностями. Главными из них, по мнению С.М. Малькова и В.Н. Винокурова, являются право потерпевшего «...на возмещение вреда, причиненного преступлением», и его обязанность «...содействовать правосудию» [1, с. 68]. Уголовное право нуждается в собственном доктринальном определении потерпевшего от преступления, в которое вложен иной смысл, чем в уголовном процессе.

Уголовно-правовое определение потерпевшего должно включать материальные свойства этого понятия, отражать связь потерпевшего с преступлением, иными признаками преступления и его состава. В частности, в нем необходимо показать значение потерпевшего для объекта преступления и механизма причинения ему вреда. С учетом этого, мы полагаем, что потерпевшего от преступления можно определить как лицо, путем воздействия на блага, права, свободы и законные интересы которого причиняется вред или создается угроза его причинения объекту преступления. Отметим тот факт, что схожее определение потерпевшего было предложено Н.С. Таганцевым. Он писал, что «...потерпевшим от преступного деяния является... обладатель того правоохраненного интереса, который непосредственно повредил или кто-то поставил в опасность преступник, все равно, будет ли таким обладателем единичное лицо, совокупность лиц, составляющая или не составляющая юридическое лицо, включая сюда и само государство...» [2, с. 836]. Анализ содержания норм Особенной части УК РФ позволяет увидеть, что потерпевшим от преступления может быть физическое лицо (человек, гражданин), юридическое лицо (организация) и публичные образования (государство).

Выделим еще одну отличительную уголовно-правовую особенность потерпевшего. Она заключается в том, что потерпевшему при совершении преступления всегда причиняется вред или же создается угроза его причинения. При этом вред, наносимый потерпевшему, должен быть преступным. Таковым признается вред, который очерчен составом преступления. Как уточняется в литературе, необходимо, чтобы вред «...охватывался диспозицией статьи Особенной части УК РФ» [1, с. 68], был предусмотрен уголовным законом [3, с. 122; 4, с. 60]. По характеру, причиняемый потерпевшему вред крайне разнообразен и не исчерпывается физическим, имущественным и моральным видами, как перечислено в ст. 42 УПК РФ. К примеру, Н.Ф. Кузнецова выделяла физический, имущественный, социальный, организационный и комплексный виды преступного вреда [5, с. 176]. Наиболее обобщенное уголовно-правовое деление преступного вреда позволяет сгруппировать его на материальный, объединяющий физический и имущественный, и немате-

риальный виды. Нематериальный включает в себя моральный вред, но не ограничивается им.

Потерпевший от преступления имеет значение самостоятельного признака состава преступления. Вместе с тем, в уголовном праве распространен подход, в рамках которого потерпевший от преступления не признается отдельным признаком состава преступления, а рассматривается как понятие, производное от предмета преступления. Так, М.П. Бикмурзин относит потерпевшего от преступления к одной из разновидностей предмета преступления [6, с. 103]. А.Л. Смирнов называет потерпевшего «особым предметом преступления» [7, с. 7]. Л.В. Иногамова-Хегай рассуждает о том, что, фактически, при посягательстве на человека последний является предметом преступления, но с целью подчеркнуть особое значение человека, вместо термина «предмет» используется выражение «потерпевший от преступления» [8, с. 76–77]. А.Э. Жалинский более жестко отмечает: «Для многих специалистов личность должна быть обозначена как потерпевший, поскольку ее рассмотрение как предмета преступления кажется этически упречным. Столь деликатный подход излишен. Тело человека, части человека являются, по здравому смыслу, предметом посягательства...» [9, с. 385].

Полагаем, что позиция авторов, признающих независимость и равнозначность признаков предмета преступления и потерпевшего от преступления, более аргументирована [3, с. 53–54, 59; 10, с. 32–36; 11, с. 190]. Основой для такого вывода, на наш взгляд, служат следующие веские доводы.

Во-первых, нравственно-этические соображения и принцип признания человека высшей ценностью.

Во-вторых, различное положение предмета и потерпевшего в структуре общественного отношения, признаваемого объектом преступления. Если предмет, зачастую, выступает как материальное или нематериальное благо, по поводу которого существует общественное отношение, то потерпевший является субъектом (стороной, носителем) этого отношения.

В-третьих, необходимость учета самостоятельной роли предмета и потерпевшего при построении составов преступлений и в процессе уголовно-правовой квалификации.

В составе некоторых преступлений конструктивное значение имеют признаки и предмета, и потерпевшего от преступления. В частности, приведем пример мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК РФ). Состав данного преступления включает предмет – чужое имущество или право на имущество, используемые для предпринимательской деятельности, а также, специального потерпевшего, которым могут быть только индивидуальные предприниматели или коммерческие организации. Как видим, качественное своеобразие составов преступлений

характеризуют и, значит, сопоставляются при квалификации оба признака, что было невозможно при их смешении.

В теории уголовного права потерпевший относится к факультативным признакам, характеризующим элемент «объект состава преступления». Анализ Особенной части УК РФ показал, что описание свойств или поведения потерпевшего, законодатель включил в составы только некоторых преступлений. Н.В. Сенаторов указывает на такую черту потерпевшего от преступления, как нормативное закрепление данного признака. Потерпевший – это лицо, «...на определен ные свойства которого содержится указание в уголовном законе при описа нии конкретного состава преступления» [12, с. 235–236]. Однако заметим то, что в Общей части УК РФ в институтах назначения наказания и освобождения от уголовной

Литература:

1. Мальков С.М. Потерпевший от преступления: уголовно-правовое и уголовно-процессуальное понятие / С.М. Мальков, В.Н. Винокуров // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3(32). С. 64–69.
2. Таганцев Н.С. Уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е, пересм. и доп. СПб., 1902. 1460 с.
3. Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С.В. Анощенкова; Отв. ред. Н.А. Лопашенко. М., 2006. 248 с.
4. Фаргиев И.А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб., 2009. 430 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. 336 с.
6. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006. 184 с.
7. Смирнов А.Л. Потерпевший от преступления: уголовно-правовое исследование : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2007. 25 с.
8. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая : учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2016. 224 с.
9. Уголовное право : учебник : в 3 т. Т. 1: Общая часть / Под общ. ред. А.Э. Жалинского. М., 2011. 864 с.
10. Булгаков Д.Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 152 с.
11. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1998. 336 с.
12. Сенаторов Н.В. Потерпевший в системе элементов состава преступления / Н.В. Сенаторов // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы:

ответственности учитываются волеизъявление и роль потерпевшего по любым уголовным делам, независимо от прямого закрепления его признаков в составе преступления [13]. В связи с этим, представляет интерес для уголовного права деление потерпевшего по аналогии с субъектом преступления на «общего» и «специального» [4, с. 17; 14, с. 187–188].

Итак, обобщая изложенное, выделим основные признаки, образующие уголовно-правовое содержание понятия «потерпевший от преступления». Потерпевший – это самостоятельный признак состава преступления, характеризующий объект преступления. Потерпевшим является лицо, путем воздействия на блага и права которого причиняется преступный вред или создается угроза его причинения объекту преступления.

Literature:

1. Malkov S.M. Victim of a crime: criminal law and criminal procedure concept / S.M. Malkov, V.N. Vinokurov // Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2018. № 3(32). P. 64–69.
2. Tagantsev N.S. Criminal law. Lectures. Part General. Vol. II. Ed. 2nd, revised and additional. SPb., 1902. 1460 p.
3. Anoshchenkova S.V. Criminal law doctrine of the victim / S.V. Anoshchenkova; Editor-in-chief N.A. Lopashenko. M., 2006. 248 p.
4. Fargiev I.A. Criminal law and criminological foundations of the doctrine of the victim. SPb., 2009. 430 p.
5. Kuznetsova N.F. Problems of crime qualification: lectures on the special course «Fundamentals of crime qualification». M., 2007. 336 p.
6. Bikmurzin M.P. The subject of the crime: theoretical and legal analysis. M., 2006. 184 p.
7. Smirnov A.L. Victim of a crime: criminal law research : abstract. dis. ... cand. legal sciences. Rostov-on/D., 2007. 25 p.
8. Actual problems of criminal law. General part : textbook / Ed. by L.V. Inogamova-Hegai. M., 2016. 224 p.
9. Criminal law : textbook : in 3 vol. Vol. 1: General part / Under general revision A.E. Zhalinsky. M., 2011. 864 p.
10. Bulgakov D.B. The victim in criminal law and his criminological characteristics : dis. ... cand. legal sciences. Stavropol, 2000. 152 p.
11. Sidorov B.V. Behavior of victims of crime and criminal liability : dis. ... dr. of legal sciences. Kazan, 1998. 336 p.
12. Senatorov N.V. The victim in the system of elements of the corpus delicti / N.V. Senatorov // Five years of the Criminal Code of the Russian

материалы II Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. Н.В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г. М., 2003. С. 234–237.

13. *Михайлов Д.О.* Потерпевший от преступления и судебный штраф / Д.О. Михайлов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. URL : https://online-science.ru/m/products/law_science/gid6404/pg0/

14. *Фирсов А.Н.* Уголовно-правовая характеристика потерпевшего от заведомо ложного доноса / А.Н. Фирсов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3(37). С. 183–189. URL : <http://naukatipk.ru/ru/ct-menu-item-9.html?layout=edit&id=1241>

Federation: results and prospects: materials of the II International Scientific and Practical Conference held at the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University on May 30–31, 2002. М., 2003. P. 234–237.

13. *Mikhailov D.O.* Victim of a crime and a court fine / D.O. Mikhailov // Humanities, social-economic and social sciences. 2021. № 3. URL : https://online-science.ru/m/products/law_science/gid6404/pg0/

14. *Firsov A.N.* Criminal-legal characteristics of the victim of knowingly false denunciation / A.N. Firsov // Legal science and law enforcement practice. 2016. № 3(37). P. 183–189. URL : <http://naukatipk.ru/ru/ct-menu-item-9.html?layout=edit&id=1241>

Антонов Александр Алексеевич
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Дальневосточный
юридический институт МВД России
amatveev110@mvd.ru

Симакина Ирина Александровна
кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
специальных дисциплин,
Дальневосточный
юридический институт МВД России
amatveev110@mvd.ru

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

■ ■ ■

Аннотация. В предлагаемой вниманию читателей журнала статье приводятся статистические данные о дорожно-транспортных происшествиях в нашей стране, происшедшие за последние десять лет. В ней авторами проводится анализ понятия и видов дорожно-транспортных происшествий. В контексте изложенного, ими предлагается выработка механизмов определения причин условий дорожно-транспортных происшествий и путей их устранения при совершении отдельных видов ДТП.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, безопасность дорожного движения, причины и условия происшествия.

■ ■ ■

В настоящее время наблюдается резкое увеличение не только количества единиц транспортной техники на дорогах нашей страны, но и плотности, интенсивности движения транспорта, как в городской черте, так и на магистралях, соединяющих отдельные населенные пункты и регионы. Не умаляя достоинств растущей автомобилизации, следует обратить внимание на негативную сторону данного процесса – растущую аварийность на дорогах.

В данной статье нам хотелось бы остановиться только на некоторых причинах возникновения опасной дорожно-транспортной ситуации, ведущей к дорожно-транспортному происшествию, особенно если при этом могут пострадать люди.

Статистика последних лет однозначно свидетельствует о том, что усилия, направленные государством на снижение количества погибших и пострадавших на дорогах страны, не напрасны и указанная негативная тенденция неуклонно снижается. Так, в настоящее время снижение

Alexander A. Antonov
Senior Lecturer
Departments of Special Disciplines,
Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
amatveev110@mvd.ru

Irina A. Simakina
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Special Disciplines,
Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
amatveev110@mvd.ru

ON THE NEED FOR A TECHNICAL INSPECTION OF VEHICLES

■ ■ ■

Annotation. The statistics on road traffic accidents for the last ten years are disclosed. The analysis of the concept and types of road accidents is carried out. A mechanism is being developed to determine the causes of the conditions of road traffic accidents and ways to eliminate them when certain types of road accidents are committed.

Keywords: road safety, road traffic accident, causes and conditions of the accident.

■ ■ ■

количества погибших, например, по сравнению с 2009 г. (более десяти лет назад) составляет примерно 30 %, т.е., их количество снизилось с 28 тыс. до 17 тыс. Это достаточно хороший результат. Вместе с тем, существующая на настоящий момент статистика относительно числа погибших остается «пугающей»: более 19 тыс. фактов ДТП, в которых погибло более 70 % участников.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости продолжения интенсивной работы в этом направлении. В свою очередь, это требует гибкой и быстрой реакции на изменения, которые неминуемо происходят в нашей стране в сфере дорожного движения.

Анализируя причины дорожно-транспортных происшествий, нельзя не обойти и их виды, в особенности, приводящие к гибели участников дорожного движения. Если мы обратимся к статистическим данным, то увидим, что практически, из года в год основным видом ДТП, в результате которого

гибнет наибольшее число его участников, остаются столкновения. Причем, столкновения на загородных дорогах, где скорость транспортных средств даже по правилам дорожного движения больше, чем в городской черте.

В настоящей статье хотелось бы подробнее остановиться только на указанном виде дорожно-транспортного происшествия и способах снижения его количественных показателей.

В первую очередь, при рассмотрении вопроса о снижении количества рассматриваемых нами ДТП важно учитывать место совершения происшествия. Если говорить о загородных участках дорог, то высокой степенью аварийности обладают дороги и отдельные их отрезки, видимость в которых снижена – это повороты, следующие один за другим, спуски и подъемы. В городе наибольшей аварийностью обладают, обычно, плохо освещенные участки дороги, если говорить о столкновениях в ночное время, а также, иные участки, где, как и за городом, низкий уровень видимости.

Как мы знаем, одной из задач производства по делам об административных правонарушениях является выявление причин и условий, способствовавших его совершению (ст. 24.1 КоАП РФ) [1]. Следовательно, одной из задач ГИБДД должно быть не только определение места совершения дорожно-транспортных происшествий, но и изучение таких мест, и выдвижение предложений по снижению аварийности в таких местах. Примером технических решений в таких ситуациях могут быть:

- увеличение количества полос на проезжей части как в одну, так и в обе стороны движения;
- оборудование дополнительных разделительных полос, даже вне автострад и проспектов;
- обустройство развязок, расположенных на разных уровнях, когда въезд и выезд разделены по высоте полос движения;
- создание дополнительных полос движения перед пересечениями и на подъемах;
- устройство заездных карманов;
- повышение уровня освещенности дорог и т.д.

Исходя из задач производства по делам об административных правонарушениях, требований приказов и всего вышесказанного, можно предложить следующую общую схему разработки мероприятий по повышению безопасности дорожного движения в местах концентрации дорожно-транспортных происшествий в виде столкновений:

1. Выявление мест концентрации ДТП предполагает, что на каждом аварийно-опасном участке устанавливается не только статистическое количество происшествий, но и преобладающий вид дорожно-транспортного происшествия.

2. Анализ причин и факторов аварийности – выявляется повторяемость причин возникновения

дорожно-транспортных происшествий (например, недостатки транспортно-эксплуатационного состояния дороги из раза в раз оказываются в таком перечне) и условий их возникновения (например, состояние погоды и покрытия проезжей части, так же являются частыми условиями возникновения ДТП).

3. Разработка комплекса мероприятий по улучшению состояния безопасности дорожного движения, включающего мероприятия по устранению причин и условий совершения правонарушений в выявленных местах.

4. Создание карты прогноза мероприятий по повышению безопасности дорожного движения.

5. Реализация предложенных мероприятий.

6. Оценка эффективности реализованных мероприятий методом сравнительного анализа количества дорожно-транспортных происшествий до проведения мероприятий и после их проведения.

Также, следует иметь в виду, что при выборе мероприятий учитываются такие их разновидности, как проведение одиночных и комплексных мероприятий. Как следует из названия, первые должны способствовать предотвращению отдельных видов дорожно-транспортных происшествий, например, как в рассматриваемом нами случае – столкновений на конкретном участке дороги. Вторая группа мероприятий направлена на предотвращение совершения всех дорожно-транспортных происшествий в локальном месте.

Прогнозируемое снижение аварийности после реализации планируемых мероприятий устанавливается расчетным путем. В качестве показателя, характеризующего ожидаемое изменение аварийности в результате проведения мероприятий, рекомендуется использовать среднюю вероятность снижения количества дорожно-транспортных происшествий.

Мероприятия по повышению безопасности дорожного движения в местах концентрации дорожно-транспортных происшествий назначаются с учетом планов проведения работ по капитальному ремонту и ремонту соответствующих участков автомобильных дорог.

Приоритетность мероприятий определяется:

- степенью опасности мест концентрации дорожно-транспортных происшествий, характеристиками стабильности их местоположения;
- наличием недостатков транспортно-эксплуатационного состояния дорог, выявленных по карточкам учета дорожно-транспортных происшествий, и других дефектов дороги, влияющих на безопасность движения, установленных в результате анализа исходных данных;
- соответствием выбранных мероприятий актам технического регулирования.

Оценка эффективности мероприятий после их реализации осуществляется на основе сопостав-

ления наблюдаемого уровня аварийности до выполнения соответствующих дорожных работ с уровнем аварийности после их проведения. Также, на наш взгляд, можно проводить сопоставление анализов выявленных причин и условий совершения дорожно-транспортных происшествий до проведенных мероприятий и после их проведения. Если подобное сопоставление выявит симметричность причин условий, это будет говорить о неэффективности проведенных мероприятий.

Вернемся к статистике. Суммарное количество только пострадавших в результате столкновений за год обычно превышает 100 тыс. человек. В эту цифру входят лица, пострадавшие в результате столкновения: водители и пассажиры транспортных средств.

Особо опасными являются столкновения, которые произошли на загородных трассах, где скорости автомобилей, участвующих в происшествиях, велики. Анализируя весь спектр причин столкновений за городом, можно сделать вывод о том, что попытка заставить водителей ездить только с допустимыми скоростями (а это или 90 км/ч, или 110 км/ч) не приводит к желаемым результатам. По нашему мнению, самым эффективным направлением в уменьшении дорожного травматизма на загородных трассах является разделение транспортных потоков различных направлений. Несомненно, это не быстрый по времени, и тем более, не «самый дешевый» по финансовым затратам путь. Но только при разделении потоков металлическими ограждениями можно избежать встречных столкновений, которые и влекут самые «страшные» происшествия. Причем, выезд на полосу встречного движения будет невозможен не только умышленно (для совершения обгона), но и при потере управления, когда транспортное средство оказывается на полосе встречного движения из-за столкновения с попутно движущимся автомобилем или из-за наезда на препятствие, которым можно считать и скользкий участок проезжей части.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 11.06.2021). Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».
2. Правила дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения): постановление Правительства РФ от 23 окт. 1993 г. № 1090 (в ред. от 21.12.2019). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

Примером обустройства дорог в таком стиле можно считать не только автомагистрали, где транспортные потоки различных направлений разделены по самим характеристикам этих дорог, но и участки модернизированных загородных дорог, на которых съезды-выезды на проезжую часть возможны только через полосы разгона-торможения, а места разворотов оборудованы в виде конструктивных расширений. При таком обустройстве неожиданный выезд транспортного средства с поперечного направления невозможен. Так, автодорога А370 (Хабаровск – Владивосток) имеет несколько таких участков на территории как Хабаровского, так и Приморского края. Соответственно, на этих участках дорог ограничение скоростного режима установлено в 110 км/ч. При этом увеличивается пропускная способность участка дороги при уменьшении статистических данных по дорожному травматизму.

В ином виде представляется ситуация со столкновениями в городской черте. Основной причиной здесь, на наш взгляд, является не столько скоростной режим (хотя и это имеет место), сколько «нежелание» водителей предоставить преимущество в движении, как при проезде перекрестков, так и при маневрировании (перестроение, разворот и т.п.). Конечно, в идеале мы добьемся снижения количества ДТП с ростом культуры вождения водителей. А это процесс еще более долгий, чем даже строительство и обустройство дорог. Ведь, в этом случае мы говорим об изменении сознания целого поколения, поэтому в настоящий момент можно говорить об улучшении мер профилактики соответствующих нарушений Правил дорожного движения [2], и не только «карательных», к которым ведет повсеместное увеличение количества средств фото- и видеofиксации. Здесь также важна разъяснительная работа инспекторов ДПС, которые должны становиться реальными помощниками-консультантами, а не только выполнять функцию составления административных протоколов.

Literature:

1. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Feder. Law of d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FZ (as amended on 11.06.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
2. Traffic rules (together with the Basic Provisions on the Admission of Vehicles to Operation and the Obligations of Officials to Ensure Road Safety): decree of the Government of the Russian Federation d.d. Oct. 23, 1993 № 1090 (as amended on 21.12.2019). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Бабанина Дарья Васильевна
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
darbabanina@yandex.ru

ЭНДО-ФУНКЦИИ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. Любую субкультуру возможно и необходимо рассматривать с точки зрения ее функциональности, поскольку ее функциональные характеристики (наличие и доминирование функций, их сочетание и пр.) во многом определяют характер ее взаимосвязи и взаимодействия с другими субкультурами и ядром культуры. Исследованы особенности функционирования криминальной субкультуры в такой специфической среде, как среда несовершеннолетних. Установлены основные функции, направленные на само субкультурное сообщество (несовершеннолетних носителей криминальной субкультуры).

Ключевые слова: функция, криминальная субкультура, субкультурное сообщество, несовершеннолетние.

Любую субкультуру возможно и необходимо рассматривать с точки зрения ее функциональности, поскольку ее функциональные характеристики (наличие и доминирование функций, их сочетание и пр.) во многом определяет характер ее взаимосвязи и взаимодействия с другими субкультурами и ядром культуры [1, с. 43]. При этом следует учитывать, что функциональность любой субкультуры, в общем, является производной от функций культуры как таковой.

Функция (от лат. *functio* – совершение, исполнение) определяет отношение двух (группы) объектов, в котором изменение одного из них ведёт к изменению другого. В социальном контексте функция предполагает использование определенного механизма социальных взаимодействий для достижения определённой цели или для реализации определённых ценностей. В свою очередь, функциональность объекта определяет его значение с точки последствий (положительных, дисфункциональных или афункциональных), вызываемых изменением одного параметра объекта в других его параметрах.

Критерием для выделения функций субкультуры является взаимоотношение (как части и целого) с официальной культурой, основными функциями которой являются – адаптационная, социализирующая, коммуникативная, компенсаторная, а

Daria V. Babanina
Adjunct of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
darbabanina@yandex.ru

ENDO-FUNCTIONS OF THE CRIMINAL SUBCULTURE AMONG MINORS

Annotation. Any subculture can and should be considered from the point of view of its functionality, since its functional characteristics (the presence and dominance of functions, their combination, etc.) largely determine the nature of its interconnection and interaction with other subcultures and the core of culture. The features of the functioning of the criminal subculture in such a specific environment as the environment of minors have been investigated. The main functions are established, aimed at the subcultural community itself (juvenile carriers of the criminal subculture).

Keywords: function, criminal subculture, subcultural community, minors.

дополнительными – регулятивная, аксиологическая, воспитательно-образовательная, инструментальная и рекреативная. Данные функции, как отмечает В.В. Волкова, имеют взаимодополняющий характер и ведут к преобразованиям культуры как системы [1, с. 9–10]. Рассматривая такой специфический социально-правовой феномен, как криминальная субкультура, и устанавливая ее функциональные характеристики, прежде всего, следует исходить из взаимосвязи преступности и господствующей культуры социума.

Касательно особенностей функционирования криминальной субкультуры в такой специфической среде, как среда несовершеннолетних, необходимо определить не только ее основные функции, но и выделить такие их стороны, которые отражают их сущность и функциональные характеристики, проявляющиеся именно в данной среде.

При этом, учитывая непосредственную роль в формировании и развитии общества порастающего поколения, методологически обоснованным, на наш взгляд, является применение подхода, согласно которому, исходя из направленности функций субкультуры, их следует разделять на две группы:

1) «эндо-функции» (функции, направленные на самих носителей субкультуры);

2) «экзо-функции» (функции, направленные на общество) [2, с. 104].

Обратимся к анализу эндо-функций криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних, то есть, те функций, которые криминальная субкультура выполняет для ее несовершеннолетних носителей, направленных на них.

Рассматривая функции криминальной субкультуры, следует указать, прежде всего, на выполнение ею функции адаптации. Особенно значима функция адаптации в местах принудительного содержания. Как отмечают П.Е. Григорьев и А.Н. Игнатов, достижение целей уголовных наказаний возможно лишь в случае обеспечения надлежащих условий и индивидуального подхода к исполнению наказаний в условиях пенитенциарных учреждений, учитывающего в том числе индивидуально-психологический компонент [3, с. 205–223]. Значимость функции адаптации в местах принудительного содержания определяется тем, что в там, в жестко регламентированных условиях изоляции от общества человек вынужден осваиваться к новым реалиям, условиям и порядку жизнедеятельности. Приобщение к криминальной субкультуре позволяет более мягко, комфортно преодолевать возникшие трудности и приспосабливаться к новой для индивида реальности.

Приобщение осужденного к нормам и ценностям, которые он приобретает под влиянием криминальной субкультуры, является формой социальной адаптации, которая не может осуществляться вне системы тех поведенческих стереотипов, присущих пенитенциарному социуму. Условия мест лишения свободы отрицательно отражаются на социальной адаптации, детерминируя принудительный по своему характеру процесс приобщения осужденного к социальной среде [4, с. 12]. Вне мест принудительного содержания, криминальная субкультура также выполняет функцию адаптации. Это относится как к лицам, ранее находившимся в местах принудительного содержания, так и к лицам, не имеющим такого опыта.

Что же касается несовершеннолетних, то криминальная субкультура выполняет для данной категории лиц более широкую, по сравнению с адаптацией, *функцию социализации*. Социализация в общем понимании представляет процесс усвоения человеком, как в результате целенаправленного социально-контролируемого воздействия на его личность, т.е. воспитание, так в результате различных стихийных процессов, влияющих на ее формирование, определенной системы знаний, норм и ценностей, которая позволяет ему функционировать в качестве полноправного члена общества.

Успешность социального становления человека предполагает, с одной стороны, успешное усвоение им социального опыта, норм, ценностей, установок, присущих как обществу, в целом, так и отдельным социальным группам, а с другой стороны, успешное формирование уникальной индивидуальности и собственной позиции по отношению к социуму, саморазвитие и самореализацию,

в результате чего создается новый социокультурный опыт. Нахождение человеком гармоничное соотношение двух указанных аспектов и обеспечивает его успешную социализацию индивида в обществе [5, с. 104–106].

В целом, молодежная субкультура в качестве агента социализации выполняет ряд положительных функций:

- социальной адаптации к социуму и переменам в нем;
- самоидентификации;
- самореализации (самовыражение и самоутверждение); обеспечение перехода из мира детства в мир взрослых (особенно при блокировке, ограниченности традиционных путей реализации данного процесса);
- освобождения от опеки взрослых и обретение независимости; интеграция на основе общих ценностей, идей, установок и преимущественно в целях противостояния миру культуры взрослых или демонстрации своих возможностей, способностей и мировоззрения;
- передачи специфических ценностей, представлений и установок, свойственных определенной социальной группе, общности и прочие [6, с. 21–22].

Криминальная субкультура позволяет несовершеннолетнему не только адаптироваться к реальности окружающего мира и взрослой жизни с их порядком, нормами, требованиями и пр., она также оказывает существенное влияние на формирование личности несовершеннолетнего.

В процессе социализации личности несовершеннолетнего внутри (среди членов) криминальной субкультуры происходит формирование его индивидуальности. Как известно, в процессе нахождения подростка в субкультурной группе, представляющей собой микросоциум с присущей ему своей культурой, происходит переименование, соответствующих ценностей, норм, способов мышления и паттернов субкультурного поведения [7].

Учитывая специфику актуальной социокультурной среды, а также обусловленные возрастом, психо-физиологические особенности несовершеннолетних, криминальная субкультура может превалировать над иными факторами социокультурного воздействия на него, а весь окружающий мир восприниматься несовершеннолетним сквозь призму норм и ценностей криминальной субкультуры, приобретающих субъективное значение единственных и всеобъемлющих. Данная ситуация прогрессирует в тех случаях, когда институты семьи и образования не в достаточной степени выполняют свои функции или оказывают на индивида своего рода давление. В условиях дисфункции многих воспитательных и образовательных институтов, именно молодежные субкультуры представляют собой некое культурное пространство и среду коммуникации подростковых и молодежных сообществ, способствующих их адаптации в социуме и созданию свои,

автономных форм культурной активности [2, с. 105, 107].

Компенсаторная функция криминальной субкультуры. Общий смысл данного аспекта существования криминальной субкультуры заключается в том, что, по красноречивому выражению Р.А. Юрьева, она «... выполняет и компенсаторную функцию за нахождение индивидов в ранге социальных аутсайдеров, предлагая им в качестве замены своеобразную метафизику нахождения в неволе» [8, с. 57–58]. Что же касается реализации компенсаторной функции криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних, то, прежде всего, данная субкультура компенсирует аутсайдерское положение несовершеннолетних, обусловленное отсутствием или недостатком личных качеств, необходимых или соответствующих доминирующей в обществе культуре или иным просоциальным или нейтральным субкультурам, и нереализованные социально позитивные сценарии социализации и самореализации.

Субкультура может выступать средой, которая могла бы заместить другие проблемные стороны жизни несовершеннолетнего. При этом субкультура «компенсирует не нехватку проявлений базовой культуры, а лишь некоторые сферы жизни, позволяя индивиду самореализоваться и развиваться. Таким образом, он забывает о неурядицах в провальных для себя социальных ситуациях» [1, с. 58]. Как отмечает Т.Г. Крапотина: «Кризис подросткового возраста, отчасти, связан с болезненным отказом от детских правил поведения и попыткой выработать новые, часто альтернативные как взрослой, так и детской субкультурам. Здесь идет своеобразный отбор тех качеств личности, которые требуются или соответствуют имеющимся субкультурам» [2, с. 107–108]. Одной из основных причин приобщения несовершеннолетних к субкультуре является потребность в самовыражении, реализация которой блокируется ограничением поведения установленными обществом рамками, боязнь не оправдать ожидания окружающих и пр. В свою очередь, низкий уровень креативности может свидетельствовать о недостатке средств к самовыражению и неспособности продуцировать оригинальные решения. Таким образом, подростки склонны копировать поведенческие паттерны референтного окружения, что может привести к участию в деятельности асоциальных групп» [7, с. 16].

Субкультура определяет модели (одну либо несколько из множества) поведения, в пределах индивидуальных физических и умственных особенностей, которые выбирает каждый человек [9, с. 17]. Компенсируя субъективно или объективно обусловленное отсутствие или недостаток определенных личных качеств, необходимых для успешной социализации и самореализации несовершеннолетнего, криминальная субкультура предлагает более непритязательные условия его принятия в референтную группу и поведения в ней.

Объективными факторами востребованности компенсаторной функции криминальной функции в среде несовершеннолетних являются, в

частности, ограничение доступа к общественно одобряемым каналам самореализации вследствие бедности, проживания в отдаленных районах с неразвитой инфраструктурой, вследствие дискриминации по возрастному, гендерному, национальному признакам или вследствие идеологических, мировоззренческих, религиозных характеристик [10].

Субкультурная среда, компенсирующая недостаток или отсутствие внимания и понимания со стороны значимых других, оказывается комфортной и потому духовно близкой несовершеннолетнему, выполняя, в том числе, и функцию компенсации морального террора со стороны взрослых и других сверстников [11, с. 114]. При этом следует учитывать цикличность насилия и жестокости в семье и ближайшем окружении подростка, тиражирование образцов противоправного поведения, сопровождающих процесс социализации несовершеннолетнего и пр.

Также, криминальная субкультура компенсирует несовершеннолетним их асоциальное и (или) преступное поведение, идеализируя и романтизируя преступный образ жизни. Следует согласиться с А.А. Федосеевой, отмечающей, что именно в отражении и распространении особой «философии» уголовного мира, оправдывающей совершение преступлений, подменяющей низменные побуждения возвышенными и благородными мотивами, отрицающей вину и ответственность за содеянное, и заключается общественная опасность криминальной субкультуры [4, с. 9].

Следующей основной функцией криминальной субкультуры является *ценностно-нормативная функция*. Данная функция заключается в том, криминальная субкультура формирует ценностное отношение несовершеннолетнего к миру и соответствующие ему поведенческие нормы.

Каждая субкультура, как культура, в целом, непосредственно связана с ее ценностными ориентациями и индивидуальной иерархической системой ценностей, хотя их набор, безусловно, носит общечеловеческий характер. При этом различные ценности в различных субкультурах могут почитаться, а могут представляться антиценностями, либо может иметь место различная трактовка их значения. В современных условиях динамически развивающегося общества с характерным для него существенным уровнем социальной стратификации и утраченными или ставшими неэффективными традиционными способами самоидентификации личности, именно субкультура играет роль механизма социализации и начинает выполнять ценностно-ориентационные функции [1, с. 60, 62–63]. Как отмечает Т.Г. Крапотина: «Основу ценностной ориентации молодежной субкультуры составляет иррационализм, ведущий к признанию собственно человеческого лишь в природном, то есть, отмежевание человеческого от социокультурного. Последовательное проведение принципа иррационализма определяет гедонизм в качестве ведущей ценности молодежной субкультуры» [2, с. 103–104].

Криминальная субкультура вырабатывает специфические (нередко адаптированные или кардинально искаженные общекультурные) ценности и собственные правила поведения («понятия») и санкции за нарушение и отклонение от этих правил.

На общесоциальном уровне проблема тотального распространения криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних, наряду с общим кризисом духовности [12, с. 48–50], усугубляется и тем, что сегодня нормы тюремной субкультуры, абсолютно не подвергаемые рефлексии и критическому анализу, являются органичной составляющей повседневного языка, традиций, принципов взаимодействия между индивидами, в результате чего становятся частью повседневной культуры, а ценности тюремной субкультуры представлены неотъемлемой частью данной культуры в множестве современных литературных и кино-текстах [13, с. 12].

Воспитательно-образовательная функция криминальной субкультуры. Данная функция криминальной субкультуры тесно взаимосвязана с ее ценностно-нормативной функцией и имеет, вместе с ней, существенное значение в процессе социализации несовершеннолетнего. Учитывая то, что профессиональная и организованная преступность составляют «ядро» криминального мира [14, с. 181–186], а ее представители являются основными идеологами и носителями криминальной субкультуры, обеспечивающей процессы самовоспроизводства и самодетерминации преступности, значимость данной функции очевидна.

Регулятивная функция криминальной субкультуры. Формируя ценностное отношение несовершеннолетнего к миру и соответствующие ему поведенческие нормы и образцы поведения, криминальная субкультура регулирует его поведение. Нормы и ценности криминальной субкультуры, демонстрируя высочайшую степень референтности, обусловленную активным воздействием процессов психического «заражения» и механизмов подражания в сочетании с определенным пресингом, являются мощным регулятором поведения несовершеннолетнего [9, с. 31]. Устанавливая систему предписаний и запретов, криминальная субкультура определяет рамки, в которых может и должен действовать, реализовывать свое поведение несовершеннолетний.

Механизмом, обеспечивающим регулятивное воздействие данных предписаний и запретов являются установленные сообществом и поддерживаемые силой общественного мнения и различных форм институционального принуждения, санкции [1, с. 59]. Как отмечает Н.В. Царахова, унифицированная система различных санкций устанавливается во всей стратификационной структуре малой группы носителей субкультуры,

Литература:

1. Волкова В.В. Многогранность феномена субкультуры: теоретический и методологический

а «авторитет и незыблемость культурных ценностей, поведенческих норм достигаются существующим, «устоявшимся коридором допустимости» и поддерживаются моральными и этическими установками «живи по понятиям» [9, с. 32].

Коммуникативная функция криминальной субкультуры. В среде несовершеннолетних данная функция криминальной субкультуры является одной из наиболее осознаваемых ее носителями и значимой для них. Именно наличие общей сети коммуникаций с обслуживающим ее собственным языком, наряду с общим самосознанием, нормами, ценностями и атрибутами, позволяет говорить о субкультуре как об осмысленно сложившемся сообществе [2, с. 104]. Субкультурные сообщества выступают средой и средством общения.

Специфика криминальной субкультуры определяет коммуникативное взаимодействие ее несовершеннолетних носителей, как с представителями криминального мира, так и внутригрупповую коммуникацию, а также, межкультурную коммуникацию и коммуникацию с социумом в целом.

Криминальная субкультурная коммуникация несовершеннолетних осуществляется с использованием таких средств, как жаргон, клички, татуировки и прочие [15, с. 19]. Современные же процессы информатизации и цифровизации социума обеспечивают практически безграничную коммуникацию и взаимный обмен самым различным контентом, в том числе, направленном на распространение криминальной субкультуры и вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность [16, с. 34–40; 17, с. 82–89].

Таким образом, на основании изложенного, мы можем резюмировать, что основными эндо-функциями криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних, то есть, функциями, направленными на само субкультурное сообщество (несовершеннолетних носителей криминальной субкультуры), являются следующие:

- 1) социализационная;
- 2) компенсаторная;
- 3) ценностно-нормативная;
- 4) воспитательно-образовательная;
- 5) регулятивная;
- 6) коммуникативная.

При установлении функциональной характеристики криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних также следует учитывать, что наряду с эндо-функциями, субкультура выполняет и непосредственно связанные с ними экзо-функции, направленные на общество.

Literature:

1. Volkova V.V. The versatility of the phenomenon of subculture: theoretical and methodological aspects :

аспекты : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Н. Новгород, 2016. 152 с.

2. *Крапотина Т.Г.* Основные функции, принципы и ценности молодежных субкультур в современном обществе / Т.Г. Крапотина // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 100–110.

3. *Григорьев П.Е.* Комплексный и индивидуально-психологический подход к определению направлений и пределов гуманизации условий реализации пенитенциарных наказаний / П.Е. Григорьев, А.Н. Игнатов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6(72). № 2. С. 205–223.

4. *Федосеева А.А.* Криминальная субкультура как агент социализации молодежи : автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Майкоп, 2012. 26 с.

5. *Иванова Н.В.* Социализирующие функции и педагогические аспекты приобщения дошкольников к детской субкультуре / Н.В. Иванова // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8-3. С. 104–106.

6. *Карпиленя С.С.* Молодежная субкультура как способ социализации молодежи в условиях модернизации российского общества : автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Ростов-н/Д., 2009. 34 с.

7. *Гогуюева М.М.* Специфика негативного влияния субкультуры на развитие личности подростка / М.М. Гогуюева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5 (95). С. 153–159.

8. *Юрьев Р.А.* Функции и особенности криминальной субкультуры / Р.А. Юрьев // Вестник Кузбасского института. 2011. № 4(7). С. 56–74.

9. *Царахова Н.В.* Наркотизм в субкультуре современной российской молодежи : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Майкоп, 2015. 124 с.

10. *Тетерина А.И.* Влияние функций молодежной субкультуры на культуру общества / А.И. Тетерина; Отв. ред. Е.Л. Сорокина. // Наука и социум. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 138–141.

11. *Чупров В.И.* Социология молодежи : учеб. пособие для вузов / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. Изд. : «Норма», 2011. 411 с.

12. *Игнатов А.Н.* Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом / А.Н. Игнатов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (41). С. 48–50.

13. *Тищенко Н.В.* Тюремная субкультура в пространстве культурных практик : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Саратов, 2013. 39 с.

dis. ... cand. cultural studies: 24.00.01. N. Novgorod, 2016. 152 p.

2. *Krapotina T.G.* The main functions, principles and values of youth subcultures in modern society / T.G. Krapotina // Business. Society. Power. 2015. № 22. P. 100–110.

3. *Grigoriev P.E.* An integrated and individual psychological approach to determining the directions and limits of humanization of the conditions for the implementation of penitentiary punishments / P.E. Grigoriev, A.N. Ignatov // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. Vol. 6(72). № 2. P. 205–223.

4. *Fedoseeva A.A.* Criminal subculture as an agent of youth socialization : abstract of dis. ... cand. sociological sciences: 22.00.06. Maykop, 2012. 26 p.

5. *Ivanova N.V.* Socializing functions and pedagogical aspects of introducing preschoolers to children's subculture / N.V. Ivanova // International Journal of Experimental Education. 2014. № 8-3. P. 104–106.

6. *Karpilenya S.S.* Youth subculture as a way of youth socialization in the context of modernization of Russian society : abstract of thesis. ... cand. of sociological sciences: 22.00.04. Rostov-on/D., 2009. 34 p.

7. *Gogueva M.M.* Specificity of the negative influence of subculture on the development of a teenager's personality / M.M. Gogueva // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2010. Iss. 5 (95). P. 153–159.

8. *Yuriev R.A.* Functions and features of the criminal subculture / R.A. Yuriev // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2011. № 4(7). P. 56–74.

9. *Tsarakhova N.V.* Narcotism in the subculture of modern Russian youth : dis. ... cand. of sociological sciences: 22.00.06. Maykop, 2015. 124 p.

10. *Teterina A.I.* Influence of the functions of youth subculture on the culture of society / A.I. Teterina // Science and society. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Responsible editor E.L. Sorokin. 2017. P. 138–141.

11. *Chuprov V.I.* Sociology of youth : textbook for universities / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok. Publishing House : Norma, 2011. 411 p.

12. *Ignatov A.N.* The crisis of the spiritual sphere as a factor in the determination of extremism, terrorism and criminal violence in general / A.N. Ignatov // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3(41). P. 48–50.

13. *Tishchenko N.V.* Prison subculture in the space of cultural practices : abstract of dis. ... doctor of culture: 24.00.01. Saratov, 2013. 39 p.

14. *Иванцов С.В.* Криминальный профессионализм в системе российской организованной преступности и вопросы его предупреждения органами внутренних дел / С.В. Иванцов // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3(62). С. 181–186.
15. *Гречишкин Ю.Н.* Девиантность как предпосылка преступного поведения несовершеннолетних и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2004. 25 с.
16. *Игнатов А.Н.* Криминогенность техногенности / А.Н. Игнатов // Общество и право. 2019. № 2. С. 34–40.
17. *Игнатов А.Н.* Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений / А.Н. Игнатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82–89.
18. *Попов М.Ю.* Правовая социализация личности как ресурс социального порядка в российском обществе. М., 2006. 307 с.
19. *Попов М.Ю.* Молодежные девиации в условиях социальной трансформации: криминологический и теоретико-правовой анализ / М.Ю. Попов, Ю.Ю. Бугаенко. М., 2019. 466 с.
14. *Ivantsov S.V.* Criminal professionalism in the system of Russian organized crime and issues of its prevention by the internal affairs bodies / S.V. Ivantsov // Man: crime and punishment. 2008. № 3(62). P. 181–186.
15. *Grechishkin Yu.N.* Deviance as a prerequisite for juvenile delinquent behavior and its prevention : abstract of dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.08. Krasnoyarsk, 2004. 25 p.
16. *Ignatov A.N.* Technogenic criminality / A.N. Ignatov // Society and Law. 2019. № 2. P. 34–40.
17. *Ignatov A.N.* Information and cognitive technologies in the arsenal of methods of committing crimes / A.N. Ignatov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 11-2. P. 82–89.
18. *Popov M.Y.* Legal socialization of personality as a resource of social order in Russian society. M., 2006. 307 p.
19. *Popov M.Yu.* Youth deviations in the conditions of social transience: criminological and theoretical and legal analysis / M.Yu. Popov, Yu.Yu. Bugaenko. M., 2019. 466 p.

Беляцкая Анна Михайловна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
финансово-правовых дисциплин,
Государственный институт экономики,
финансов, права и технологий
sukhareva_nuta@mail.ru

Anna M. Belyatskaya

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
Financial and Legal Disciplines,
State Institute of Economics,
Finance, Law and Technology
sukhareva_nuta@mail.ru

**КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

**STAFFING FOR THE ACTIVITIES
OF THE OMBUDSMAN
IN RUSSIA AND ABROAD**

Аннотация. В статье анализируется кадровое обеспечение (служба) уполномоченного по правам человека, как в Российской Федерации, так и за рубежом. Структуры службы омбудсманов имеют определенные различия. Службы исполнительного (Франция) и независимого (Нидерланды) омбудсмана и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации представляют собой строго иерархическую систему, во главе, которой находится сам омбудсман, и ему подчинены другие служащие, выполняющие определенные функции. Служба парламентского омбудсмана (Швеция) представляет собой систему, в которую входят 4 омбудсмана, неподконтрольные друг другу, но при этом работающие во взаимодействии друг с другом.

Ключевые слова: права и свободы человека; механизм защиты прав и свобод человека; омбудсмен; кадровое обеспечение; аппарат омбудсмана.

Эффективность деятельности определенного государственного органа или должностного лица в определенной степени зависит от его кадрового обеспечения, насколько целесообразно между сотрудниками аппарата разделены функции и задачи. В этой связи, становится актуальным вопрос кадрового обеспечения омбудсмана в России и его аналогов за рубежом.

Структура службы омбудсмана в Швеции имеет особенности в связи с существованием четырех парламентских Омбудсманов. Один из Омбудсманов юстиции избирается в качестве главного Омбудсмана. Главный Омбудсман лично разбирает дела, имеющие важные экономические или политические последствия. Будучи руководителем службы, главный Омбудсман разрешает вопросы рабочей процедуры и организационного характера имеющие существенное значение для функционирования службы [1, с. 113].

Сфера надзора каждого Омбудсмана определяется в результате консультаций со специальной парламентской делегацией. В большинстве

Annotation. The article analyzes the staffing (service) of the ombudsman both in the Russian Federation and abroad. The structures of the ombudsman service are somewhat different. The services of the executive (France) and independent (Netherlands) ombudsman and the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation represent a strictly hierarchical system, headed by the Ombudsman himself, and other officials who perform certain functions are subordinate to him. The Office of the Parliamentary Ombudsman (Sweden) is a system that includes 4 ombudsmen who are not controlled by each other, but at the same time work in cooperation with each other.

Keywords: human rights and freedoms; mechanism for the protection of human rights and freedoms; the ombudsman; staffing; the office of the ombudsman.

случаев. область ведения Омбудсманов соответствует их квалификации.

На сегодняшний день зона ответственности делится следующим образом: зона ответственности первого из них включает судебную систему, правоохранительные органы, сферу планирования и строительства, вопросы налогов и т.д. Второй Омбудсман отвечает за вопросы, связанные с системой исправительных учреждений, вооруженных сил, здравоохранения. Третий контролирует сферу социальных услуг, страхования, рынка труда. Четвертый – вопросы деятельности полиции, прокуратуры, вопросы миграции [2].

Омбудсманы остаются независимыми: главный Омбудсман не вправе инструктировать остальных Омбудсманов юстиции о способах выполнения функций и управления сферами надзора. Но, несмотря на индивидуальные юрисдикции Омбудсманов, между ними существует взаимодействие и гибкость в распределении дел, что не исключает «связанность» вышеупомянутыми разделительными линиями контроля. Вряд ли

существует какой-либо иной орган, подобный Омбудсману, полномочия которого распространяются на столь широкие сферы государственной деятельности. Поэтому наличие четырех Омбудсманов является оправданным.

Существование главного парламентского Омбудсмана предполагает, что другие Омбудсманы консультируются с ним по вопросам осуществления инспекций, расследований и по иным необходимым вопросам. Если какое-то дело, относится к сфере компетенции сразу нескольких Омбудсманов, то оно будет решаться тем из них, к сфере ведения которого оно относится в большей степени. В случае сомнений, кто должен разрешать вопрос, главный Омбудсман разрешает спор, поручая дело одному из Омбудсманов. Если Омбудсман не может решить дело в связи с возникающим конфликтом интересов, то оно переходит в ведение главного Омбудсмана [3].

Аппарат каждого из Омбудсманов для простоты обозначается определенным цветом: желтый, белый, синий и красный департаменты. Главному Омбудсману помогает Административное управление, состоящие из Административного и Международного отделов [4].

Главному Омбудсману оказывается помощь со стороны Административного департамента, в состав которого входит группа по кадровым ресурсам, финансам, помещениям и вопросам информационных технологий, группа по регистрации и архивам, а также, Менеджер по связям с общественностью и международный директор по координации.

Группу по кадрам, финансам, помещениям и вопросам информационных технологий возглавляет Административный директор. В этой группе работают сотрудники по управлению финансовыми и кадровыми ресурсами, помощники по административным вопросам и обслуживающий персонал.

Отдел регистрации и архивов возглавляет начальник отдела. В этом подразделении работают главный регистратор, регистраторы и администраторы.

В структуру аппарата Омбудсмана также входит Секретариат, состоящий приблизительно из 50 сотрудников, большинство из которых юристы. Существуют также должности заместителей Омбудсманов (у каждого Омбудсмана имеются по два заместителя). Они назначаются парламентом и могут исполнять обязанности Омбудсмана в случае его длительной командировки или болезни [4].

Повседневное управление службой Омбудсмана Нидерландов осуществляет директор, который назначается и смещается короной по рекомендации национального Омбудсмана; другие члены персонала назначаются и смещаются национальным Омбудсманом.

Один из департаментов службы главным образом отвечает за оценку жалоб с точки зрения

приемлемости (наличия юрисдикции) их для Омбудсмана. Персонал этого департамента также дает ответы (часто по телефону) на вопросы, поступающие от общественности.

Два других департамента, имеющие примерно равную численность персонала, обязаны проводить расследования актов публичных органов и должностных лиц, подведомственных национальному Омбудсману. Один из них рассматривает дела, связанные с деятельностью полиции, Министерства общих дел, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и Министерства юстиции. Второй департамент занимается делами, касающимися иных министерств; большой объем его работы составляют жалобы в области найма и доходов (например, относящиеся к налогам, субсидиям и службам занятости) [5, с. 266].

Помимо трех департаментов по расследованию, функционируют департамент по поддержанию связи с общественностью и департамент информационных систем.

Медиатор во Франции вправе сам назначать членов своей службы. В первый год службы персонал состоял из Медиатора, его делегата (уполномоченного, который играл роль заместителя), руководителя аппарата, семи ассистентов -исполнителей, четверых служащих работающих неполный рабочий день, девятнадцать служащих, занятых полный рабочий день [6, с. 223].

В Российской Федерации существует рабочий аппарат Уполномоченного по правам человека, который обеспечивает его деятельность.

Перед рабочим аппаратом стоя совершенно разные задачи, такие как юридическое, организационное, научно-аналитическое, информационно-справочное обеспечение деятельности Уполномоченного по правам человека.

Утверждение структуры рабочего аппарата является личной прерогативой Уполномоченного по правам человека, и стоит отметить, что сам он осуществляет непосредственное руководство его деятельностью. Уполномоченный по правам человека устанавливает также численность и штатное расписание своего рабочего аппарата исходя из сметы расходов.

Уполномоченный по правам человека и его аппарат являются государственным органом с правом юридического лица. Определение структуры рабочего аппарата, положение о нем и его структурных подразделениях и непосредственное руководство осуществляет Уполномоченный по правам человека.

Содействуют реализации функций Уполномоченного по правам человека советники и помощники. Существуют должности Руководителя рабочего аппарата (назначается распоряжением Уполномоченного по правам человека), первого заместителя руководителя рабочего аппарата, заместителей руководителя рабочего аппарата,

руководитель Секретариата. Структурными подразделениями аппарата являются Секретариат и управления.

Непосредственно сам Уполномоченный по правам человека курирует управление защиты прав человека в уголовном судопроизводстве.

Первый заместитель Уполномоченного по правам человека возглавляет экспертно-правовое управление. Это управление включает в себя три отдела: отдел правовой экспертизы и совершенствования законодательства, аналитический отдел, отдел прогнозирования и подготовки докладов.

Еще один заместитель Уполномоченного по правам человека занимается вопросами защиты политических и социально-экономических прав человека и гражданина.

В его ведомстве находится:

- управление защиты гражданских прав человека,
- управление защиты социальных прав человека,
- управление защиты политических прав человека.

Литература:

1. *Шеенков О.А.* Зарождение и развитие института Омбудсмана: мировой опыт. / О.А. Шеенков. М. : Издательский дом «Юпитер», 2004. 152 с.
2. The ombudsmen's overview. Riksdagens Ombudsman. 2017. URL : <http://www.jo.se/en/About-JO/The-Ombudsmen/The-ombudsmens-overview/>
3. Инструкция для Парламентского омбудсмана Швеции от 13 ноября 1986 года. URL : <http://www.jo.se/en/About-JO/Legal-basis/Instructions/>
4. Отчет о семинаре «Опыт организации работы аппарата Омбудсманов в Швеции». Новости. Уполномоченный по правам человека в Калининградской области. 2007. URL : <http://ombudsman39.ru/news/otchet-o-seminare-opt-organizatsii-rabot-apparata-ombudsmanov-v-shvetsii>
5. *Бойцова В.В.* Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт / В.В. Бойцова. М. : Издательство БЕК, 1996. 408 с.
6. *Бойцова В.В.* Народный правозащитник: статус и функционирование: опыт сравнительного изучения : монография / В.В. Бойцова. Тверь : Издательство Тверского университета, 1994. 376 с.

Другой заместитель курирует:

- управление информации и международного сотрудничества,
- финансово-хозяйственное управление,
- организационно-кадровое управление.

Таким образом, структуры службы (или рабочие аппараты) омбудсманов имеют определенные различия в зависимости от государства. Если сравнивать службы французского медиатора, нидерландского омбудсмана и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, то здесь есть определенные сходства, так как данные службы представляют собой строго иерархическую систему. И возглавляет рабочий аппарат сам омбудсман, который определяет и численность кадрового состава и распределяет между сотрудниками полномочия.

А вот служба шведского омбудсмана уникальна, так как она представляет собой систему, в которую входят четыре омбудсмана, неподконтрольные друг другу. Но при этом работа данных должностных лиц эффективна, и во многом это объясняется тем, что работают они во взаимодействии друг с другом.

Literature:

1. *Sheenkov O.A.* The origin and development of the institution of the Ombudsman: world experience / O.A. Sheenkov. M. : Publishing house «Jupiter», 2004. 152 p.
2. The ombudsmen's overview. Riksdagens Ombudsman. 2017. URL : <http://www.jo.se/en/About-JO/The-Ombudsmen/The-ombudsmens-overview/>
3. Instructions for the Parliamentary Ombudsman of Sweden dated November 13, 1986. URL : <http://www.jo.se/en/About-JO/Legal-basis/Instructions/>
4. Report on the seminar «Experience in organizing the work of the Ombudsman's office in Sweden». News. Commissioner for human rights in the Kaliningrad region. 2007. URL : <http://ombudsman39.ru/news/otchet-o-seminare-opt-organizatsii-rabot-apparata-ombudsmanov-v-shvetsii>
5. *Boytsova V.V.* Service for the Protection of Human and Citizen Rights. World experience / V.V. Boytsova. M. : BEK Publishing House, 1996. 408 p.
6. *Boytsova V.V.* People's Human Rights Defender: Status and Functioning: Experience of Comparative Study : monograph / V.V. Boytsova. Tver : Publishing house of Tver University, 1994. 376 p.

Бидова Бэла Бертовна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
уголовного права, криминологии
и национальной безопасности,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова
bela_007@bk.ru

Комоско Анна Александровна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного,
административного и уголовного права,
Среднерусский институт управления –
филиал,
Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
bela_007@bk.ru

Bela B. Bidova

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Head of Department
Judicial Law, Criminology
and National Security
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
bela_007@bk.ru

Anna A. Komosko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Constitutional,
Administrative and Criminal Law,
Central Russian Institute
of Management – branch,
Russian Academy National Economy
and State Service under the President
of the Russian Federation
bela_007@bk.ru

**КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
РАЗДЕЛА VIII УК РФ:
ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

**CORRUPTION CRIMES
OF SECTION VIII OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION:
ISSUES OF RESPONSIBILITY**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования вопросов ответственности за преступления, криминализация которых содержится в разделе восьмом Уголовного кодекса РФ. В процессе работы над публикацией авторами раскрывается сущность понятия «коррупция» как негативного феномена, затрагивающего многие сферы жизни общества. Дается международно-правой анализ регулирования вопросов борьбы с коррупцией и взяточничеством во внешнеэкономических коммерческих операциях. Дается анализ основных составов данной группы преступлений.

Annotation. The article presents the results of a study of the issues of responsibility for crimes criminalized in section eight of the Criminal Code of the Russian Federation. The concept of corruption as a negative phenomenon is revealed. The international legal analysis of the regulation of the fight against corruption and bribery in foreign economic commercial transactions is given. The analysis of the main components of this group of crimes is given.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, состав преступления, криминализация коррупционных действий, вопросы борьбы, взяточничество.

Keywords: corruption, corruption crime, corpus delicti, criminalization of corruption actions, issues of struggle, bribery.

Коррупция – это феномен, отрицательно характеризующий наше общество и Россию в целом. Он уже вышел за рамки отдельных преступных деяний, встречающихся в структурах государственных органов власти. По этой причине имеет большое значение применение действенных мер уголовно-правового характера в борьбе с этим явлением. Нередко, деятельность сил правопорядка, связанная с рассмотрением отдельных случаев совершения преступлений коррупционной направленности, не дает никаких результатов, поскольку доказать факт коррупционного поведения чрезвычайно сложно, преступлениям

этой категории не дана готовая юридическая оценка и уголовный закон остается несовершенным.

Отечественное уголовное законодательство нуждается в непрерывной работе по улучшению системы борьбы с наиболее опасными видами поведения, имеющими черты коррупции, закрепленной на законодательном уровне, законодательно определяя новые и редактируя содержащиеся в законодательстве виды преступлений коррупционного характера, а также сопряженные с ними или способствующие им преступления.

Международным правом регулируются вопросы борьбы с коррупцией и взяточничеством во внешнеэкономических коммерческих операциях, и в соответствующих нормах содержатся предписания для государств касательно принятия законодательных актов, дающих возможность создать условия для результативного применения существующих законов с целью борьбы с этими преступлениями там, где такие акты еще не приняты. К этому процессу необходимо добавить меры законодательной борьбы с этим явлением в следующих областях системы права, содержащих особые пробелы, служащие «узакониванию» коррупции: конституционное, административное, избирательное, гражданское, служебное, предпринимательское, финансовое, бюджетное, банковское, налоговое, таможенное и пр.

Вследствие того, что структура Особенной части УК РФ специфична и предполагает построение разделов и глав по ключевым родовым и видовым объектам преступления, невозможно внутри нее объединить в одном месте не только правонарушения, сопутствующие и содействующие коррупции, но даже сами коррупционные преступления или преступные деяния коррупционной направленности.

Исследователи, занимающиеся изучением проблем построения структуры Особенной части Уголовного кодекса РФ, не достигли соглашения относительно общности видового объекта норм, содержащихся в гл. 22. Такими составами преступлений являются, например, действия, осуществляемые чиновниками в области экономической активности. При этом подобные противоречивые нормы включены не только в гл. 22, но и в другие главы этого закона [1, с. 33].

Преступления коррупционного характера включены в гл. 21, 22, 23 раздела 8 УК РФ, устанавливающего меру наказания за экономические преступления; наряду с этим, в ряде статей предусмотрена ответственность лиц, осуществивших преступления с использованием своего должностного статуса. В данном разделе описаны 30 преступных деяний, причем, 24 из них являются составами с отягчающими и особо отягчающими обстоятельствами, делающих преступление более опасным, а 6 – классифицируются как основные составы [2, с. 82].

В научной среде ведется полемика вокруг установления сути термина «использование своего должностного статуса». На наш взгляд, термин «должностной статус» не может быть сужен лишь до функций управления или обязанностей чиновника, ибо ряд должностных лиц не выполняют управленческие функции или другие обязанности, но по той работе, которую они выполняют, могут признаваться исполнителями, использующими свое должностное положение [2, с. 8]. В силу этих обстоятельств, мы разделяем точку зрения Н.Г. Иванова, считающего, что использование должностным лицом своего служебного статуса проявляется в использовании им прав или реального потенциала, связанного с той должностью, которую оно занимает [4, с. 13].

В соответствии с существующим российским законодательством, преступления имущественного характера, осуществляемые с корыстными намерениями, сходные с рассмотренными международными уголовно-наказуемыми преступлениями, также осуществляемыми «с целью получения выгоды», считаются больше хищениями с использованием своего должностного положения (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ), нежели разновидностью корыстного злоупотребления своим служебным статусом.

Полагаем, что имеет смысл включить в гл. 21 УК РФ ст. 164.1, определяющую в самостоятельной норме уголовное наказание за хищение с использованием чиновником своего должностного статуса, при этом, удалив данный вид хищения с отягчающими обстоятельствами из ч. 3 ст. 159, а также особые виды мошенничества из ч. 3 ст. 160 УК РФ.

При установлении ответственности за эти преступные деяния следует принять во внимание соотношение санкций, установленных за подобные деяния в составах хищений с отягчающими обстоятельствами УК РФ.

Под хищением с использованием чиновником своего служебного статуса понимается часто встречающееся общее сложносоставное преступление коррупционного характера, включающее в себя такие преступные действия, как злоупотребление своим должностным статусом и хищение, совершаемое обманным путем, злоупотребление доверием, прикармливание или растрата, в том числе и, так сказать, «нецелевое расходование» порученного имущества с целью получения выгоды («с корыстной целью»), так как понятие «расходование» есть «растратой, израсходованием на что-то». Составитель закона, разумеется, имеет право рассматривать (к примеру, в ст. 285.11 и ст. 285.2 УК РФ) в качестве подлежащего юридической ответственности и другое деяние («нецелевое расходование» государственных средств), тем паче что это деяние осуществлено в крупном размере, однако рассматривать его как коррупционное никак нельзя [5, с. 17].

Является фактом то, что в УК РФ аналогичные деяния, осуществляемые в той части экономики, которая не контролируется государством, определяются как коммерческий подкуп (ст. 204), а в государственном секторе экономики – как взяточничество (ст. 290, 291).

Разъяснение ст. 170 УК РФ обнаруживает ее соперническую позицию по отношению к определенным нормам гл. 30, содержащим меры наказания за должностные преступления. Эта норма выступает в роли специальной, конкретизирующей общую ст. 285 УК РФ, которая предусматривает уголовное наказание за злоупотребление служебными правами и обязанностями, осуществленное каким-либо чиновником.

В качестве общей нормы (устанавливающей ответственность за злоупотребление (превышение) служебными правами и обязанностями) выступают ст. 285, 286 УК РФ, а соотносящейся с ними

специальной нормой является ст. 169 УК РФ (препятствование легитимной предпринимательской или другой деятельности). Такие же суждения были высказаны ранее криминалистами, занимавшимися исследованием этих должностных преступлений. Как общие и специальные соотносятся между собой указанные две нормы и норма, включенная в ч. 2 ст. 178 УК РФ, в которой установлено преступление в виде действий чиновников, совершенных с использованием служебного статуса, направленных на недопущение, сдерживание или ликвидацию конкуренции.

Дифференциация общих и специальных норм важна с практической точки зрения, поскольку всегда приоритетной в квалификации преступления является специальная норма, а не общая, если имеются в наличии эти две нормы, одна из которых (общая), устанавливает общий (родовой) состав преступного деяния, а другая (специальная) – специальный (видовой) состав. Иными словами, видовой состав всегда имеет более существенное практическое значение, чем родовой состав. Общий состав, следовательно, представляет собой вроде как резервный ресурс, используемый в тех случаях, которые не может охватить специальный состав. После сравнения составов, указанных в ст. 169, 170 УК РФ, можно сделать вывод о том, что законодательно почему-то эти санкции были причислены к составам со смягчающими обстоятельствами. Согласно ч. 1 ст. 169 и ст. 170 УК РФ, максимальная санкция установлена в виде обязательных работ сроком до 360 часов, а согласно ч. 2 ст. 169 УК РФ максимальное наказание представляет собой лишения свободы сроком до трех лет. В то же время, максимальным наказанием по общей норме ст. 285 УК РФ

Литература:

1. *Минькова А.М.* Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / А.М. Минькова // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 30–35.
2. *Семенов М.Э.* Особенности объекта и предмета легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем / М.Э. Семенов // Право и жизнь. 2021. № 50. С. 80–84.
3. *Давыдов В.С.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: правовое регулирование в России и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 23 с.
4. *Иванов Н.Г.* Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем / Н.Г. Иванов // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 12–18.
5. *Русакова О.С.* Уголовная ответственность за нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2014. 26 с.

выступает лишение свободы на срок до четырех лет. Здесь хочется спросить: Как так получается, что ответственность по этим нормам различна, хотя в каждой из норм описывается тот же субъект, те же ничтожные мотивы (корыстный или личный интерес (ст. 170, 285 УК РФ)), тот же способ (злоупотребление должностным статусом (ст. 169, 286 УК РФ))? Указанное преуменьшение степени опасности в законодательстве определенных преступных форм использования служебных полномочий приводит к мысли о том, что законодательством они предусмотрены как составы со смягчающими обстоятельствами.

Осуществляя коррупционное преступление, человек злоупотребляет своим должностным статусом, исходя из корыстных целей, посредством незаконных действий, желает извлечь для себя или иных людей имущественную или неимущественную выгоду, вызванную ничтожными мотивами, серьезно нарушая этим права и защищаемые законом интересы физических или юридических лиц либо законные интересы социума или государства.

По результатам статистических исследований и практики можно сделать вывод о том, что из всего числа преступных деяний, содержащихся в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», только некоторые изредка применяются на практике, многие же преступления этой группы вообще не попадают в материалы статистики. Это связано с тем, что на законодательном уровне были допущены как системные, так и существенные недочеты в технико-юридическом построении данного раздела, его глав и отдельных статей.

Literature:

1. *Minkova A.M.* Criminal liability for misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds / A.M. Minkova // Russian Justice. 2016. № 2. P. 30–35.
2. *Semenko M.E.* Features of the object and subject of legalization of funds or other property acquired by other persons by criminal means / M.E. Semenko // Law and Life. 2021. № 50. P. 80–84.
3. *Davydov V.S.* Criminal liability for the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: legal regulation in Russia and abroad : abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences'. SPb. : Publishing House of St. Petersburg State University, 2006. 23 p.
4. *Ivanov N.G.* Legalization of funds or other property acquired by other persons by criminal means / N.G. Ivanov // Russian justice. 2020. № 3. P. 12–18.
5. *Rusakova O.S.* Criminal liability for misuse of funds of state extra-budgetary funds : abstract. dis. ... cand. law sciences. Rostov-on/D. : Publishing house of SFU, 2014. 26 p.

Богданов Станислав Вячеславович
доцент,
кафедра уголовного процесса,
криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы
исполнения наказаний
leva_308@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО НАДЗОРА И ЕГО ОТЛИЧИЯ ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. В рамках надзорной деятельности за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуроры широко применяют требование, как один из актов прокурорского реагирования. Имея существенное сходство с представлением, тем не менее, требование является специфичным и самостоятельным актом, которое на протяжении многих лет законодательно закрепляется поверхностно и только на уровне провозглашения самого факта наличия возможности его внесения. Недостатки в нормативном регулировании требования прокурора ограничивают возможность его использования в иных сферах надзорной деятельности.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, требование прокурора, представление прокурора, акт прокурорского реагирования.

■ ■ ■

Человек, его права и свободы, согласно статьям 2 и 18 Конституции РФ признаны высшей ценностью, т.е. являются категориями, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Таким образом, государство признает свою обязанность, связанную с созданием условий реализации прав, свобод и законных интересов, а также обеспечением их защиты.

Анализ статистических данных позволяет констатировать систематический неуклонный рост числа нарушений закона, прав граждан, охраняемых законом интересов общества и государства. Так, за 11 месяцев в 2021 году при общем сокращении числа зарегистрированных преступлений по стране на 2 %, составившего 1 853 148 преступлений, прокуратурой Российской Федерации выявлено и устранено свыше 4,5 млн нарушений прав и свобод граждан, что составляет тот же рост на 2 %. Аналогичная тенденция роста выявленных нарушений прав и свобод человека и

Stanislav V. Bogdanov
Associate Professor,
Department of Criminal Procedure,
Criminalistics and Operational
Investigative Activities,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service
leva_308@mail.ru

THE REQUIREMENTS OF THE PROSECUTOR IN THE IMPLEMENTATION OF PROCEDURAL SUPERVISION AND ITS DIFFERENCES FROM THE PRESENTATION

■ ■ ■

Annotation. Within the framework of supervising criminal procedural and operational investigative activities, prosecutors widely apply the requirement as one of the acts of prosecutorial response. Having a significant similarity with the submission, however, the requirement is a specific and independent act, which for many years has been legislated superficially and only at the level of proclaiming the very fact that it is possible to introduce it. Shortcomings in the regulatory regulation of the prosecutor's requirements limit the possibility of its use in other areas of supervisory activity.

Keywords: prosecutor, prosecutor's supervision, prosecutor's demand, prosecutor's representation, prosecutor's response act.

■ ■ ■

гражданина за 11 месяцев 2021 года на 3,3 % характерна для общенадзорной деятельности прокуратуры [7].

В целях решения задач по сдерживанию роста числа нарушений, обеспечению законности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства российская прокуратура осуществляет не только надзорную, но и ненадзорную деятельность. С этой целью прокуратуре предоставлены достаточно широкие полномочия, направленные на предупреждение и устранение выявляемых нарушений законодательства.

В то же время нельзя не заметить существующую неразрешенность важных вопросов прокурорской деятельности. В научной и практической среде длительное время обсуждается необходимость расширения полномочий прокурора. Однако вопросы детального регламентирования уже имеющихся мер прокурорского реагирования рассматриваются редко [2], [4].

Так, одним из недостаточно регламентированных федеральным законодательством прокурорских инструментов реагирования остается требование, активно применяемое прокурорами при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, дознания и оперативно-розыскной деятельности, о чем свидетельствуют статистические данные Генеральной прокуратуры РФ.

Так, за 11 месяцев 2021 года количество требований, внесенных прокурорами в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ возросло на 5,7 % с 308735 до 326469. В то время как количество представлений на досудебной стадии возросло на 1,7 % с 77145 до 74480 [6].

Аналогичные показатели характерны были и для 2020 года, когда количество требований выросло на 7,1 % с 316820 до 339457, а количество представлений фактически осталось на прежнем уровне (-0,4 %) – 85788 (86160 в 2019 году). Таким образом, количество требований систематически превышает количество представлений в 4 и более раза [5].

Соотношение требований и представлений при осуществлении надзора за оперативно-розыскной деятельностью (далее – ОРД) еще более значительно: в 2020 году внесено 91322 требования и 11584 представления, что составило разницу почти в 8 раз, в 2019 году внесено 101781 требование и 10811 представлений, то есть более чем в 9 раз [5].

Следует отметить, что на прокурора в сфере уголовного судопроизводства возложены две основные функции:

1. Надзор за соблюдением законов при проверке сообщений о преступлениях, расследовании уголовных дел, рассмотрении уголовных дел судами и при исполнении приговоров и иных судебных решений,
2. Утверждение обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления, постановления о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера) и поддержание обвинения в суде.

В рамках этой деятельности прокурор, установив факты нарушения законодательства выносит и направляет в адрес руководителя следственного органа или органа дознания требования и представления. По своему характеру, форме и содержанию эти два акта прокурора крайне схожи, однако имеют существенные отличия и особенности.

Так, представление прокурора, порядок его внесения регламентируется ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ), в частности ст. 24. В тоже время подробного определения, требований к форме и содержанию законодательство не содержит, а вытекает из общих положений полномочий прокуратуры.

Представление прокурора по уголовному делу – это акт прокурорского реагирования на выявлен-

ные нарушения уголовно-процессуального законодательства, имеющие системный характер, адресованный руководителю следственного органа и содержащий предложения как к устранению нарушений закона, так и причин и условий, способствовавших совершению нарушений закона, а также по привлечению к ответственности виновных лиц.

В более общем понимании представление прокурора это предусмотренный ФЗ наряду с протестом, постановлением и предостережением один из актов прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона, которые наступили в результате действий (бездействий) или принятия решений государственными органами и должностными лицами, который оформляется письменно.

Представление об устранении нарушений закона вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению.

Согласно ст. 24 ФЗ в течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме.

Требование прокурора по уголовному делу – это предусмотренная УПК форма прокурорского реагирования на допущенные нарушения уголовно-процессуального законодательства при расследовании конкретного уголовного дела или материала доследственной проверки, выраженная в адресованном руководителю следственного органа (органа дознания) обязательном для исполнения указании об устранении допущенных нарушений.

Основания и порядок вынесения прокурором требования в области уголовного судопроизводства регламентируются УПК РФ. ФЗ «О прокуратуре РФ» хоть и указывает на обязательность требований прокурора, но не выделяет его как отдельную форму прокурорского реагирования, подразумевая только инструмент истребования прокурором необходимых сведений и информации от должностных лиц, граждан и организаций [1].

Основными отличиями представления от требования принято считать следующие:

1. Прокурор вправе вносить представление по фактам выявленных нарушений в любой сфере российского законодательства, в то время как требование применяется прокурорами только в рамках надзора за уголовно-процессуальным законодательством, а также отчасти за оперативно-розыскной деятельностью. Вынесение требований в рамках так называемой «общенадзорной деятельности» действующим законодательством не предусмотрено.
2. Представление носит, как правило, комплексный характер, т.е. вносится либо на единичные, но существенные нарушения закона либо на

несколько правонарушений, носящих системный характер, в то время как требование характерно именно для фактов единичных нарушений. Критерий существенности одного нарушения закона носит субъективный характер, а право выбора акта реагирования в таких случаях остается за прокурором.

При осуществлении общего надзора прокурор лишен вообще возможности подобного выбора, поскольку вне зависимости от количества выявленных нарушений у него остается единственный инструментарий – представление.

3. В требовании указывается только на необходимость устранения конкретных нарушений, в то время как в представлении дополнительно излагаются также причины и условия, способствовавшие их совершению и требования устранения не только нарушений, но и их причин.

4. Представление, в отличие от требования, содержит обязательный элемент – это вопрос о необходимости привлечения виновного лица к дисциплинарной ответственности. Требование, как акт прокурорского реагирования, не преследует дополнительной цели – наказания виновного.

5. Представление в соответствии со ст. 24 ФЗ имеет строго установленный месячный срок для его исполнения. Срок исполнения требования прокурора в рамках УПК регламентирован только по отношению к руководителю следственного органа в ч. 4 ст. 39 УПК и составляет 5 суток.

6. Представление является актом прокурорского реагирования, которое подлежит безусловному исполнению и может повлечь административное наказание по ст. 17.7 КоАП РФ за невыполнение законных требований прокурора. В то же время требование прокурора, адресованные им руководителю следственного органа, может остаться без исполнения, согласно ч. 4 ст. 39 УПК, если следователь, расследующий уголовное дело, а также руководитель следственного органа не согласны с поступившим требованием и воспользуются своим правом обжаловать его вышестоящему прокурору.

Отдельно следует заметить, что ст. 17.7 КоАП РФ содержит достаточно спорное примечание, согласно которому положения этой статьи не распространяются на урегулированные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации отношения, связанные с осуществлением прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. По своей сути данное примечание вступает в противоречие со ст. 24 ФЗ и

Литература:

1. *Винокуров Ю.Е.* Прокурорский надзор / Ю.Е. Винокуров [и др.]; Под ред. Ю.Е. Винокурова. М., 11-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. С. 479.

признает возможность в рамках процессуального законодательства не исполнять следователям, дознавателям и их руководителям в установленных сроках требования прокурора, изложенные не только в представлении, но фактически в любом акте прокурорского реагирования. Самостоятельная оценка и законодательное регулирование необходимо для требования, используемого прокурорами при осуществлении надзора за оперативно-розыскной деятельностью, поскольку оно еще менее регламентировано и только вытекает из общих положений ФЗ «О прокуратуре» и ФЗ «Об ОРД». На основании вышеизложенного можно согласиться с мнением ряда ученых [3] о необходимости разработки и внесения комплекса изменений в уголовно-процессуальный кодекс, кодекс об административных правонарушениях, а также в Федеральные законы о прокуратуре и об ОРД, в которых предусмотреть самостоятельные статьи посвященные такому акту прокурорского реагирования как требование.

При этом, как видится, следует учесть, что:

1. Вносить требование прокурор вправе по любым выявленным нарушениям, а не только в рамках уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

2. Нарушения должны носить исключительно единичный и случайный характер и не нести за собой существенных вредных последствий.

3. Лица, допустившие нарушения, по своим личностным данным и характеру нарушения могут не привлекаться к ответственности.

4. Требование подлежит безусловному рассмотрению в порядке «общего» надзора в течение 15 суток, а в рамках уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в течение 5 суток с обязательным информированием о результатах рассмотрения и принятых мерах.

5. В случае признания необоснованными действий следователя (руководителя следственного органа) или иных должностных лиц по обжалованию требования прокурора, внесенного им в рамках УПК, незамедлительно ставить вопрос о привлечении их к дисциплинарной ответственности за нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства.

6. Требование должно содержать структуру, состоящую из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной, – что обусловлено характером нарушений, на которые оно вносится, и необходимостью системного изложения правовой позиции прокурора.

Literature:

1. *Vinokurov Yu.E.* Prosecutor's supervision / Yu.E. Vinokurov [et al.]; Edited by Yu.E. Vinokurov. M., 11th ed., reprint. and additional. M. : Yurayt, 2014. P. 479.

2. *Дутов Ю.И.* О расширении полномочий прокурора в стадии предварительного расследования / Ю.И. Дутов, Н.Ю. Дутов // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 177–180.

3. *Пригорща П.А.* Требование прокурора как средство обеспечения исполнения закона : теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Пригорща Петр Александрович; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. Екатеринбург, 2011. 166 с. РГБ ОД, 61 11-12/1102. URL : <http://www.dslib.net/sud-vlast/trebovanie-prokurora-kak-sredstvo-obespechenija-ispolnenija-zakona-teoreticheskie-i.html> (дата обращения 27.12.2021).

4. *Рагулин А.В.* О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации / А.В. Рагулин // Евразийская адвокатура. 2017. № 4. С. 52–65.

5. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2020 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (дата обращения 27.12.2021).

6. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за ноябрь 2021 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=6> (дата обращения 27.12.2021).

7. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL : http://crimestat.ru/offenses_map. (дата обращения 27.12.2021).

2. *Dutov Yu.I.* On expanding the powers of the prosecutor at the stage of preliminary investigation / Yu.I. Dutov, N.Yu. Dutov // Civil service and personnel. 2020. № 4. P. 177–180.

3. *Prigorshcha P.A.* The prosecutor's demand as a means of ensuring the enforcement of the law : theoretical and practical aspects : dissertation... Candidate of Legal Sciences: 12.00.11 / Pyotr Alexandrovich Prigorshcha; [Place of defense: Ur. state. jurid. acad.]. Yekaterinburg, 2011. 166 p. RGB OD, 61 11-12/1102. URL : <http://www.dslib.net/sud-vlast/trebovanie-prokurora-kak-sredstvo-obespechenija-ispolnenija-zakona-teoreticheskie-i.html> (date of application 27.12.2021).

4. *Ragulin A.V.* On the need to expand the powers of the prosecutor as a participant in criminal proceedings in the Russian Federation / A.V. Ragulin // Eurasian Advocacy. 2017. № 4. P. 52–65.

5. Statistical data on the main indicators of the activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January-December 2020 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (date of application 27.12.2021).

6. Statistical data on the main indicators of the activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for November 2021 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=6> (date of application 27.12.2021).

7. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : http://crimestat.ru/offenses_map (date of application 27.12.2021).

Гаврилов Владимир Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Саратовская государственная
юридическая академия
vladimirrgavrilov@rambler.ru

Абрамова Ирина Евгеньевна

студентка 4 курса,
Институт прокуратуры Саратовской
государственной юридической академии
abramovich2000irina@gmail.com

Кузьмина Виктория Евгеньевна

студентка 4 курса,
Институт прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии
v.e.kuzmina@yandex.com

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается такой новый объект гражданских прав, как цифровые права. Авторами приведено существующее нормативно-правовое регулирование данного вопроса, говорится о пробелах законодательства в этой сфере. На основе анализа положений закона и высказанных в теории гражданского права точек зрения, следует, что имеется значительное количество различных интерпретаций к понятию цифровых прав, а данное в законодательстве определение предлагает варианты тех прав, которые возможно использовать только в цифровой среде. Приводится вариант решения существующих проблем путем создания кодифицированного правового акта.

Ключевые слова: цифровые права, Гражданский кодекс, блокчейн, законодатель, технологическая среда, цифровизация, объект права.

В настоящее время за счет цифровизации общества формируется технологическая среда, воздействующая как на усовершенствование общественных отношений, так и на правовую систему, создавая новую сферу гражданско-правового регулирования. Данный вопрос является дискуссионным среди ученых в различных теоретических аспектах, в том числе, особое внимание уделяется правовому регулированию имущественного оборота результатов информационных технологий и цифровых прав. Очень важно грамотно использовать цифровые права, тем самым

Vladimir N. Gavrilov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Civil Law,
Saratov State Law Academy
vladimirrgavrilov@rambler.ru

Irina E. Abramova

Student of the 4th year,
Institute of the Prosecutor's Office
of Saratov State Law Academy
abramovich2000irina@gmail.com

Victoria E. Kuzmina

Student of the 4th year,
Institute of the Prosecutor's Office
of Saratov State Law Academy
v.e.kuzmina@yandex.com

**SOME ISSUES OF DIGITAL
RIGHTS REGULATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The article considers such a new object of civil rights as digital rights. The existing legal regulation of this issue is given, it is said about the gaps in legislation in this area. Based on the analysis of the provisions of the law and the points of view expressed in the theory of civil law, it follows that there are a significant number of different interpretations to the concept of digital rights, and the definition given in the legislation offers options for those rights that can only be used in a digital environment. A variant of solving existing problems by creating a codified legal act is given.

Keywords: digital rights, civil code, blockchain, legislator, technological environment, digitalization, object of law.

обеспечивая безопасность данных, что и обуславливает актуальность выбранной темы.

В соответствии с новыми реалиями, «цифровая экономика» представляется как важнейшая сфера жизнедеятельности общества, в которой цифровые данные играют большую роль в формировании современного государства [1]. Все больше сфер жизнедеятельности общества переходят в новое пространство, создавая свои нормативные документы, правила и регламенты.

В связи с определенным вакуумом в единообразном понимании новообразовавшихся правовых институтов данная сфера права не может обзавестись однородной законодательной базой. Существует несколько нормативно-правовых актов, регламентирующих данную сферу, однако они не в полной мере определяют сущность и значение цифровых прав. В настоящее время правовая политика направлена на развитие экономических отношений в цифровом формате, а нормативное регулирование цифровых прав, как нового объекта Гражданского кодекса РФ и связанных с ним правоотношений, появилось в недалеком прошлом.

В начале октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] (далее – Закон № 34-ФЗ). Этот нормативный акт вносит изменения в ст. 128 ГК РФ, дополняя привычный нам перечень объектов имущественных прав новым понятием «цифровые права». По нашему мнению, данное изменение очень четко определило место цифровых прав в гражданском законодательстве, тем самым пресекая существовавшие споры о их сущности.

Законодателем цифровые права были раскрыты через понятие обязательственных и иных прав, которые могут использоваться и осуществляться лишь в информационной среде. При этом содержание права собственности этих прав может осуществляться и без передачи их третьим лицам. Закон № 34-ФЗ определяет в ч. 2 п. 3 ст. 1 владельца цифрового права как лицо, имеющее возможность и право распоряжаться этим правом по правилам информационной системы. Также, вышеуказанный Закон расширил понимание формы сделок в письменном виде, тем самым позволив реализовать сделки с использованием электронных или иных технических средств, т.е., разрешил любые разновидности электронной подписи, которые позволяют конкретизировать лицо, совершающее сделку.

Таким образом, здесь говорится о реализации имущественных прав в виде цифрового кода, которые созданы в информационной системе, т.е. права переводятся в цифровую форму. Здесь «цифровой код» понимается как обозначение, с помощью которого определяется возможность заверения права на имущество. Также, нельзя не заметить, что информационные системы обуславливают права в виртуальном мире, обладающими определенными физико-техническими характеристиками – правилами логико-математических алгоритмов информационных систем.

Изначальный вариант законопроекта [3] предусматривал соотнесение новых объектов гражданских прав только лишь к системам с нулевыми рисками, используя их как один из вариантов диверсификации, при этом значительно уменьшая их первоначальные свойства и назначение, и сводя их к закреплению в реестрах, функционирующих благодаря технологии блокчейн. Данный подход не воспринимается специалистами, т.к. он предполагает рассмотрение цифровых прав

лишь в системе блокчейн, что не является верным. Миллионы людей уже используют новейшие технологии в этой форме, и, не учитывая другие технологии, эксперты, тем самым, отступают от принципа технологической нейтральности. Мы считаем, что существование цифровых прав только лишь в децентрализованных информационных системах существенно ограничивает возможности развития данного вида прав. Уже сейчас у технологии блокчейна есть временные рамки и срок службы, поэтому можно предположить, что ее заменит более совершенная модель, а это значит, что использование в Гражданском кодексе конструкций, которые могут устареть, методологически не верно.

Многие ученые занимались этой проблемой и отмечали тот факт, что нынешнее понимание цифровых прав очень широко и включает в себя абсолютно все права, функционирующие в данной сфере. Так, отмечается, что необходимо более детально проработать нормативную базу, регулируемую цифровые права. И хотя изменения в гражданском законодательстве и сдвинули с мертвой точки контроль над взаимоотношениями в информационной сфере, этого недостаточно для полного и всеобъемного регулирования правоотношений, возникающих в этой сфере [4].

Открытый перечень признаков, существующий на данный момент и представленный нам в определении цифровых прав, дает законодателю возможность более подробно проработать в будущем данную категорию и установить ее виды, признаки и содержание, создать новые нормативные акты, которые смогли бы восполнить те пробелы, что существуют сейчас. Также в данном определении цифровых прав не раскрывается формулировка «обязательственные или иные права», но можно предположить, что речь идет о праве требования на получения какой-либо услуги, результата этой услуги, имущества в электронном виде. Информационная система, которая содержит различные правила определения цифрового права, обуславливает «иные» цифровые права, т.е. перевести в цифру можно будет только те права, которые закон разрешит.

Если проанализировать ст. 141.1 ГК РФ, то можно увидеть, что в п. 1 дается определение цифровых прав, однако, оно лишь предлагает варианты тех прав, которые возможно использовать только в цифровой среде. Но для их реализации необходимо определить права и обязанности их пользователей, нормативно-правовую базу, правила информационной системы, основанные на законе. Из этого следует, что сейчас перед законодателем стоит важная задача по модернизации существующей нормативной базы, регулирующей гражданские правоотношения в информационной среде. Важным моментом при анализе действующего законодательства и планировании последующих изменений в нем является единообразное понимание цифровых прав на основе междисциплинарного подхода юридической и экономической наук. Также мы считаем возможным создание одного кодифицированного акта, который будет регламентировать все правоотношения между субъектами права в цифровом пространстве.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 09 мая 2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. Федеральный закон от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
3. Законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения 15.12.2021).
4. *Гаврилов В.Н.* Правовая характеристика цифровых прав / В.Н. Гаврилов // Аграрное и земельное право. М., 2021. № 4(196). С. 8–13.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 09, 2017 № 203 «On the strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030» // SZ RF. 2017. № 20. Art. 2901.
2. Federal Law № 34-FZ of March 18, 2019 «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // SZ RF. 2019. № 12. Art. 1224.
3. Draft Law № 424632-7 «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (date of application 15.12.2021).
4. *Gavrilov V.N.* Legal characteristics of digital rights / V.N. Gavrilov // Agrarian and land law. M., 2021. № 4(196). P. 8–13.

Гаврилов Станислав Олегович
профессор кафедры государственного
и административного права,
Кемеровский
государственный университет
gavrosh66@mail.ru

Павлюк Иван Васильевич
старший преподаватель,
Кузбасская православная
духовная семинария
pavluk.iv@gmail.com

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990 – НАЧ. 2020-Х ГГ.

Аннотация. В настоящей статье проведено исследование законодательства Российской Федерации, регулирующего реализацию права на свободу совести и деятельность религиозных объединений. Целью работы, которую поставили перед собой авторы, было выделить особенности и проследить правовые тенденции в формировании понятия традиционная религия. В процессе исследования были детерминированы регулятивные нормы и принципы, характеризующие особый статус традиционных религиозных организаций как отдельного правового института в правовой системе Российской Федерации.

Ключевые слова: право на свободу совести и вероисповедание, религиозное объединение, религиозная организация, церковь, традиционная религия.

Вопросы взаимоотношения российского государства и конфессий имеют важное значение на протяжении всей отечественной истории. Правовая регламентация этой сферы знает попытки построения симфонии церковной и светской власти, и попытки уничтожения религий, как одного из главных идеологических врагов. В отношениях с конфессиями государство руководствуется следующими конституционными принципами: Россия – светское государство; никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (статья 14) [1].

Для регулирования деятельности религиозных объединений и вопросов реализации права на свободу совести существует специальный Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2] (далее Закон о свободе

Stanislav O. Gavrilov
Professor of the State
and Administrative Law,
Kemerovo State University
gavrosh66@mail.ru

Ivan V. Pavlyuk
Senior Lecturer,
Kuzbass Orthodox
Theological Seminary
pavluk.iv@gmail.com

THE PROCESSES OF FORMATION OF THE INSTITUTION OF TRADITIONAL RELIGIONS IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 1990 – EARLY 2020-IES.

Annotation. This article examines the legislation of the Russian Federation regulating the exercise of the right to freedom of conscience and the activities of religious associations. The aim of the work was to identify the features and trace legal trends in the formation of the concept of traditional religion, to identify the norms characterizing the special status of traditional religious organizations as a separate legal institution in the legal system of the Russian Federation.

Keywords: right to freedom of conscience and religion, religious association, religious organization, church, traditional religion.

совести). При этом достаточно дискуссионным остается вопрос о необходимости существования и законодательного закрепления правового термина «традиционная религия» или «традиционная конфессия». Так, И.В. Понкин, проведя конституционно-правовой анализ норм Основного закона заключает, что введение в российское право понятия традиционных религиозных организаций соответствует действующему законодательству и никак не сказывается негативно на постулате равных прав религиозных организаций [5, с. 138]. Игуменья Ксения (Чернега) разделяет понятия юридическое равенство и равноправие. Равноправие есть предоставление равных прав и обязанностей. Вместе с тем, правовое равенство предполагает равное распространение действия закона на всех его субъектов. На его основании все субъекты должны исполнять нормативные предписания, действовать в соответствии с ними, подвергаться юридической ответственности в случае нарушений [6, с. 92]. Таким образом,

можно утверждать, что в случае дифференциации подходов к различным правовым режимам культовых объединений данный принцип равенства не нарушается. С.Б. Васильева указывает, что «...термин «традиционные религии» означает, что на определенной территории большинство населения на протяжении длительного периода времени исповедует ту или иную религию или религии. Критерием для классификации религии как традиционной в данном случае выступает время...» [7, с. 5].

Вопрос о введении правового термина «традиционная религия» в государственных структурах обсуждался неоднократно. В 1999 и 2002 гг. были попытки внести на рассмотрение нижней палаты законопроект «О традиционных религиозных организациях в РФ». А в 2019 г. в ходе работы круглого стола на тему «Традиционные ценности и правовые гарантии их обеспечения» председатель комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений С.А. Гаврилов высказался о необходимости законодательного закрепления в РФ понятий «традиционные ценности» и «традиционные религии». Несмотря на спорность, разность позиций и несогласие некоторых ученых с введением правового понятия «традиционная религия», в действующем правовом поле существуют нормы, обеспечивающие особый статус некоторым религиозным организациям. Тот факт, что Преамбула Закона о свободе совести не устанавливает такого понятия, декларируя принцип равного уважения ко всем религиям, не должен вводить в заблуждение. По мнению С.Ю. Пятина, преамбула Закона не обладает самостоятельной юридической силой, с другой стороны, в соответствии с историческим и логическим приемами толкования норм права она должна иметь значение в практике его применения (в т.ч. и судебной) [8]. С точки зрения правоприменительной практики следует отметить, в первую очередь, деление всех церковных объединений на религиозные группы и организации. Критерием дифференциации выступает наличие либо отсутствия статуса юрлица: религиозные организации обладают данной правосубъектностью, группы – нет (статьи 7 и 8 Закона о свободе совести). В первоначальном варианте закона чтобы получить право зарегистрировать группу в качестве юридического лица она должна была просуществовать на территории России не менее пятнадцати лет (п. 1 ст. 9 Закона о свободе совести (редакция, существовавшая до 13 июля 2015 г.). На наш взгляд, такие правила фактически подтверждали существование религиозных объединений традиционных для России, то есть имеющих некоторую историю своего существования в нашей стране (минимум пятнадцать лет). С этим согласны и некоторые ученые. Так, А.Р. Султанов утверждает, что вышеназванное правило было принято «...с целью ограничить возможность наделять правосубъектностью религиозных общин новых религиозных движений или ... для противодействия нетрадиционным религиям и сектам» [9, с. 30]. Правда, правило об адаптационном сроке для религиозных групп на сегодняшний день не действует в связи с внесением поправок, но с отменой адаптационного срока для

местных религиозных организаций, не входящих в структуру централизованных и соответственно не имеющих продолжительной истории существования на территории России, были установлены определенные ограничения на срок десять лет со дня их регистрации. Такие местные религиозные организации, согласно ст. 27 Закона о свободе совести, не вправе, в частности, проводить церковные обряды в медицинских учреждениях, приглашать зарубежных проповедников и пр.

Из анализа названных норм видно, что религиозные объединения, существующие на территории нашей страны более определенного срока (ранее пятнадцать лет, теперь десять) обладают реальными правовыми привилегиями по сравнению с вновь создаваемыми. С 2016 года в российском праве появляется понятие миссионерская деятельность, некоторые аспекты которой потребовали корректировок действующего законодательства, и не только в сфере религии [3]. Теперь закон стал регламентировать миссионерскую деятельность религиозных объединений, установив строгие правила осуществления миссионерской деятельности (ст. 24.2 Закона о свободе совести), несоблюдение которых влечет привлечение нарушителей к административной ответственности.

Правовая регламентация миссионерской деятельности, с одной стороны, ставит под контроль государства ее осуществления всеми религиозными объединениями, с другой стороны, направлена, в первую очередь, на те объединения, которые не имеют достаточного количества своих последователей в России, а также на тех, кто склонен прибегать к нарушениям и злоупотреблениям в этой сфере.

Постепенное формирование института традиционных религий проявляется и в усилении уголовной и административной защиты свободы совести и вероисповедания. Так, Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». Данным законом были введены новые составы преступления и административного правонарушения в действующее законодательство. Уголовный кодекс РФ дополнен новым составом «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [4].

О.В. Мартышин характеризует внесение названных поправок как яркое проявление режима наибольшего благоприятствования для традиционных религий [10, с. 293]. Однако это мнение, на наш взгляд, не является беспорным.

Следует особо упомянуть изменения в конституционном законодательстве, имеющие отношения к предмету нашего исследования. В 2020 г. в результате всеобщего голосования были внесены существенные поправки в действующую

Конституцию Российской Федерации. В частности, в тексте Основного закона появилось упоминание веры в Бога. Так, пункт 2 статьи 67.1 Конституции РФ гласит «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...». Таким образом, обновленный текст Конституции отсылает к традициям нашего государства, которые Россия призвана сохранять, к памяти предков и их идеалам, среди которых особо выделена вера в Бога. Вместе с тем, конституционно закреплено понятие брака, без каких-либо либеральных оговорок, тем самым, законодательно подтверждена приверженность именно традиционным ценностям [1].

Российское право не знает такого понятия как традиционная религия или традиционная конфессия. Тем не менее, на основании сказанного выше

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
2. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ, 29.09.1997, № 39. Ст. 4465, Российская газета, № 190 (01.10.1997).
3. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 11.07.2016. № 28. Ст. 4558.
4. Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // Собрание законодательства РФ. 01.07.2013. № 26. Ст. 3209.
5. *Понкин И.В.* Правовые основы светскости государства и образования. М. : Про-Пресс, 2003. 416 с.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: М.О. Шахов, ин. Ксения (О.А. Чернега), В.В. Ряховский, Т.В. Вагина, А.Е. Себенцов [и др.]; Под общ. ред. Р.В. Маранова. М. : Славянский правовой центр, 2011. 624 с.
7. *Васильева С.Б.* Традиционная и нетрадиционная религиозность в современном мире / С.Б. Васильева // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 8. С. 3–8.

можно сделать вывод, о том, что в действующем законодательстве появляются нормы, выделяющие разные категории религий, которые принято называть традиционными. Категория «традиционная религия», по мнению О.В. Мартышина, хоть и не имеет четкого правового содержания, но постепенно приобретает правовой характер [10, с. 203]. Вполне реальной видится возможность появления института традиционных религий, но его правовая регламентация требует продуманного подхода и четких формулировок, исключающих двойное толкование норм. Правовое закрепление института традиционных религиозных организаций не должно ограничивать права на свободу совести и вероисповедания представителей религий, не отнесенных к категории традиционных.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
2. Federal Law of September 26, 1997 № 125-FZ (as amended on April 30, 2021) «On freedom of conscience and on religious associations» // Collected Legislation of the Russian Federation, 09/29/1997, № 39, Art. 4465, Rossiyskaya Gazeta, № 190 (01.10.1997).
3. Federal Law of June 29, 2013 № 136-FZ «On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to counteract insult to the religious beliefs and feelings of citizens» // Collected Legislation of the Russian Federation. 01.07.2013. № 26. Art. 3209.
4. Federal Law of 06.07.2016 № 374-FZ «On Amendments to the Federal Law On Countering Terrorism and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety» // Collected Legislation of the Russian Federation. 11.07.2016. № 28. Art. 4558.
5. *Ponkin I.V.* Legal foundations of secularism of the state and education. M. : Pro-Press, 2003. 416 p.
6. Scientific and practical commentary on the Federal Law «On Freedom of Conscience and on Religious Associations» (article by article) / Author's call: M.O. Shakhov, in. Ksenia (O.A. Chernega), V.V. Ryakhovsky, T.V. Vagina, A.E. Sebentsov [et al.]; Under general revision R.V. Maranova. M. : Slavic Legal Center, 2011. 624 p.
7. *Vasilyeva S.B.* Traditional and non-traditional religiosity in the modern world / S.B. Vasilyeva // Bulletin of the Buryat State University. 2010. № 8. P. 3–8.

8. *Пятин С.Ю.* Комментарий к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / С.Ю. Пятин // СПС «КонсультантПлюс». 2006.

9. *Султанов А.Р.* Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского суда по правам человека. М. : Статут, 2013. 544 с.

10. *Мартышин О.В.* Государство и религия : монография. М. : Проспект, 2021. 384 с.

8. *Pyatin S. Yu.* Comment to the Federal Law of September 26, 1997 № 125-FZ «On freedom of conscience and on religious associations» (article by article) / S.Yu. Pyatin // SPS ConsultantPlus. 2006.

9. *Sultanov A.R.* Protection of freedom of conscience, dissemination of beliefs through the prism of rulings of the European Court of Human Rights. M. : Statute, 2013. 544 p.

10. *Martyshin O.V.* State and religion : monograph. M. : Prospect, 2021. 384 p.

Гаджибейли Турал Бахруз оглы
доктор философских наук,
преподаватель кафедры права,
Академия государственного управления
при Президенте
Азербайджанской Республики
mitras@bk.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Суверенитет – это вопрос, непосредственно связанный с независимостью народа и государства, и обычно отражается в декларациях о независимости или в учредительных документах каждого государства. В этой статье рассматривается важность уголовно-правовых механизмов защиты государственного суверенитета в целях сохранения независимости народа АР и в целом всего государства. Изучаются основные элементы данных уголовно-правовых механизмов, а также особенности их взаимодействия. Автором описывается сравнение старого и нового уголовного законодательства АР, в том числе раскрывается перечень преступлений против государственной власти, закрепленных в УК АР, и их классификация.

Ключевые слова: суверенитет, безопасность, уголовно-правовые механизмы, государственная измена, шпионаж.

Понятию «суверенитет» в современной правовой терминологии свойственны характерные черты такие характеристика, как отсутствие ограничений и возможность верховной власти самостоятельно определять и реализовывать свою волю. Суверенитет напрямую связан с независимостью народа и государства. Суверенитет государства означает его независимость во внешних и внутренних делах. Организация Объединенных Наций основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов, поэтому уважение суверенитета считается одним из основных принципом международных отношений.

18 октября 1991 г. Верховный Совет Азербайджанской Республики, основываясь на Декларации о независимости, принятой Национальным Советом Азербайджана 28 мая 1918 года, а также, на правопреимственности демократических принципов и традиций Азербайджанской Республики и руководствуясь Декларацией Верховного Совета Азербайджанской Республики от 30 августа 1991 года «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики», принял Конституционный Акт «О

Tural B. Hajibayli
Doctor of Philosophy,
Lecturer in the Department of Law,
Academy of Public Administration
under the President
Azerbaijan Republic
mitras@bk.ru

CRIMINAL LEGAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF THE STATE SSOVEREIGNTY OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Annotation. Sovereignty is an issue directly related to the independence of the people and the state, and is usually reflected in the declarations of independence or in the constituent documents of each state. This article examines the importance of criminal law mechanisms for protecting state sovereignty in order to preserve the independence of the people of Azerbaijan and the entire state as a whole. The main elements of these criminal law mechanisms are studied, as well as the peculiarities of their interaction. The author describes a comparison of the old and new criminal legislation of the Republic of Azerbaijan, including the list of crimes against state power enshrined in the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan, and their classification.

Keywords: sovereignty, security, criminal law mechanisms, high treason, espionage.

восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики». Статья 5 Конституционного Акта гласит, что любые действия, направленные против независимости Азербайджанской Республики, являются вмешательством во внутренние дела суверенного государства и влекут за собой ответные действия в соответствии с нормами международного права. Суверенитет Азербайджанской Республики неделим и распространяется на всю ее территорию (статья 12) [2]. 12 ноября 1995 года путем всенародного голосования – референдума был принят основной закон Азербайджанской Республики. Статья 2 (Суверенитет народа) Конституции Азербайджанской Республики гласит, что свободно и независимо определять свою судьбу и учреждать свою форму правления является суверенным правом народа Азербайджана. Народ Азербайджана осуществляет свое суверенное право непосредственно путем всенародного голосования – референдума и посредством своих представителей, избранных на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права путем свободного, тайного и личного голосования [1]. Исходя из вышесказанного, суверенитет

является одним из основных положений Конституции. Следовательно, наряду с положениями Конституции, суверенитет государства охраняется в том числе и уголовным законом. Одной из немаловажных задач Уголовного кодекса Азербайджанской Республики является охрана конституционного строя Азербайджанской Республики от преступных посягательств. Для осуществления данной задачи в Особенной части Уголовного кодекса Азербайджанской Республики устанавливаются уголовно-правовые механизмы защиты основ конституционного строя и предусматривается ответственность за совершение общественно опасных деяний, которые посягают на суверенитет и безопасность государства. Таким образом, уголовно-правовые механизмы направлены на решение задач уголовного законодательства. К элементам уголовно-правового механизма относятся:

- человек, как субъект уголовно-правовых отношений;
- уголовно-правовые нормы, наделенные регулятивно-обязывающей и регулятивно-воспитательной функциями;
- субъект реализующий перечисленные функции уголовно-правовых норм.

Уголовно-правовой механизм непосредственно связан с ее элементами, находящимися в постоянном взаимодействии:

- объектом охраны;
- субъектом, от которого охраняется объект, субъектом, который обеспечивает охрану объекта, уголовно-правовыми средствами.

Охраняя объект (государственную власть) от причинения вреда или ущерба, либо от возникновения реальной угрозы их причинения со стороны субъекта, от которого охраняется объект, уголовное законодательство, посредством своих норм удерживает лиц от совершения посягательств на охраняемый уголовным законом объект посредством страха перед наказанием и воспитанием способности воздержания от преступления, а субъект, обеспечивающий охрану (правоохранительные органы и суды) производит контроль над соответствием действий лиц установленным законом уголовно-правовым нормам [4, с. 8–9].

Итак, уголовно-правовая норма наделена функциями удержания человека от совершения им общественно опасного деяния и воспитания способности у человека сдерживать себя от совершения преступления. В уголовном праве ответственность за общественно опасные деяния, посягающие на государственный суверенитет, обычно, закрепляются в главе о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства. Одно из отличий действующего уголовного законодательства Азербайджанской Республики (1999 г.) от предыдущего, в том числе и Уголовного кодекса 1960 г., связано со структурой Особенной части. На первое место уголовно-правовой охраны были поставлены интересы личности, а не государства. В связи этим изменилось

расположение глав в системе Особенной части УК АР. Несмотря на это, степень опасности этих преступлений остается высокой, поэтому законодатель закрепил более половины этих деяний в категории особо тяжких преступлений. Раздел XI УК АР называется «Преступления против государственной власти» и содержит 4 главы:

- «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (гл. 31);
- «Преступления против правосудия» (гл. 32);
- «Коррупционные преступления и иные преступления против интересов службы» (гл. 33);
- «Преступления против порядка управления» (гл. 34).

Наиболее опасными среди этих групп преступлений являются преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, так как ставят под угрозу не только деятельность органов государственной власти, но и государство, в целом [3, с. 2]. Законодатель к этим преступлениям отнес в основном те преступления, которых по УК 1960 г. считались государственными преступлениями. Непосредственными объектами этих преступлений в зависимости от характера действий выступают безопасность государства, территориальная неприкосновенность, в том числе и суверенитет. Большинство авторов, исходя из объекта посягательства, разделяют преступления против основ конституционного строя и безопасности государства на нижеследующие категории:

- 1) преступления, посягающие на внешнюю безопасность (государственная измена – ст. 274, шпионаж – ст. 276);
- 2) преступления, посягающие на жизнь человека, как дополнительного объекта (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля – ст. 277);
- 3) преступления, посягающие на внутреннюю безопасность (использование Вооруженных Сил Азербайджанской Республики и иных вооруженных формирований, предусмотренных законодательством Азербайджанской Республики, против азербайджанского народа или конституционных государственных органов – ст. 275; насильственный захват власти или насильственное удержание власти, насильственное изменение конституционного строя государства – ст. 278; создание не предусмотренных законодательством вооруженных формирований или групп – ст. 279; вооруженный мятеж – ст. 280; публичные призывы, направленные против государства – ст. 281);
- 4) преступления, посягающие на экономическую безопасность (диверсия – ст. 282; разглашение государственной тайны – ст. 284; незаконное завладение информацией, составляющей государственную информацию – ст. 284-1; утрата документов, содержащих государственную тайну – ст. 285);
- 5) преступления, посягающие на равенства граждан независимо от расы, национальности и

вероисповедания (возбуждение национальной, расовой, социальной или религиозной ненависти и вражды – ст. 283; создание устойчивой группы с целью участия в вооруженных конфликтах вне пределов Азербайджанской Республики – ст. 283-1) [5].

Приведем очень обобщенный обзор конкретных преступлений против государственного суверенитета. Государственная измена и шпионаж одновременно могут посягать на суверенитет, обороноспособность и территориальную неприкосновенность Азербайджанской Республики. С объективной стороны государственная измена выражается в нижеследующих действиях: переход на сторону врага; шпионаж; выдача государственной тайны иностранному государству; оказание

Литература:

1. Конституция Азербайджанской Республики. URL : <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/az/az057ru.pdf>
2. Конституционный Акт Азербайджанской Республики о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики (18 октября 1991). URL : https://republic.preslib.az/ru_d2.html
3. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учебник для вузов / Под ред. Г.И.Борзенкова и В.С.Комиссарова. М., ИКД «Зерцало-М», 2002, 512 с.
4. Уголовно-правовой механизм обеспечения задач уголовного законодательства России : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 22 с.
5. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. URL : http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353

помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности против Азербайджанской Республики. С объективной стороны шпионаж совершается путем скрытого сбора информации различными тайными способами в целях ее передачи иностранной стороне, в том числе иностранным органам спецслужб. На квалификацию государственной измены и шпионажа не влияют мотивы преступления. Они могут быть личными, политическими, корыстными и др. Субъектом государственной измены может быть только гражданин Азербайджана, достигший 16 лет. Признанные виновными в совершение шпионажа иностранные граждане и лица без гражданства, несут ответственность по ст. 276 УК АР.

Literature:

1. Constitution of the Republic of Azerbaijan. URL : <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/az/az057ru.pdf>
2. Constitutional Act of the Republic of Azerbaijan on the restoration of the state independence of the Republic of Azerbaijan (October 18, 1991). URL : https://republic.preslib.az/ru_d2.html
3. Course in criminal law. The special part. Vol. 5. Textbook for universities / Ed. G.I.Borzenkov and V.S. Komissarov. M., ICD «Zertsalo-M», 2002. 512 p.
4. The criminal-legal mechanism for ensuring the tasks of the criminal legislation of Russia. Abstract of dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Saratov, 2007. 22 p.
5. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan. URL : http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353

Гюлбанкян Арам Артурович
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
aram.gyulbankyan@inbox.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ ОХВАТЫВАЕТСЯ УМЫСЛОМ СОУЧАСТНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТ. 36 УК РФ

Аннотация. На основании анализа и обобщения правоприменительной практики, изучения и критического осмысления различных теоретических подходов в статье предпринята попытка определить содержание единого умысла соучастников и установить, в каком случае возникают основания для применения нормы об эксцессе исполнителя (ст. 36 УК РФ). В результате проведенного исследования автор констатирует, что соучастники совершают одно общее, единое для всех них преступление, что соответствует трактовке соучастия как специфической формы социального взаимодействия. Именно это общее для всех преступление является предметом единого умысла соучастников, именно по отношению к нему проявляется интеллектуальный и волевой компоненты умысленной вины соучастников. Общность преступления для всех соучастников определяется как объективными критериями (через вклад каждого из них в его совершение), так и субъективным отношением соучастников к этому совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». При этом преступление воспринимается соучастниками как «свое» в результате соглашения о его совместном совершении и в рамках этого соглашения. Деяние, выходящее за эти рамки, становится для соучастника субъективно «чужим», даже если соучастник допускал возможность его совершения. В содержательном плане единство умысла соучастников на совершение совместного преступления лимитируется пределами их сговора. Иными словами, деяние исполнителя можно расценивать как охватываемое умыслом других соисполнителей или иных соучастников, если оно «укладывается» в рамки соглашения соучастников о совместном совершении преступления. Соответственно, если исполнитель вышел за пределы состоявшегося сговора, необходимо признать, что такое деяние не охватывается умыслом соучастников.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя преступления, соучастие в преступлении, единство умысла соучастников.

Aram A. Giulbankian
Postgraduate Student Departments
of Criminal Law and Criminology
Kuban State University
aram.gyulbankyan@inbox.ru

A CRIME THAT IS NOT COVERED BY THE INTENT OF THE ACCOMPLICES: PROBLEMS OF INTERPRETATION OF ART. 36 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Based on the analysis and generalization of law enforcement practice, the study and critical understanding of various theoretical approaches, the article attempts to determine the content of the common intent of the accomplices and to establish in which case there are grounds for applying the rule of excess of the performer (Article 36 of the Criminal Code of the Russian Federation). As a result of the study, the author states that the co-participants commit one common crime, the same for all of them, which corresponds to the interpretation of complicity as a specific form of social interaction. It is this crime common to all that is the subject of a single intent of the accomplices, it is in relation to it that the intellectual and volitional components of the deliberate guilt of the accomplices are manifested. The commonality of a crime for all accomplices is determined both by objective criteria (through the contribution of each of them to its commission), and by the subjective attitude of the accomplices to this jointly committed criminal act as «their own». In this case, the crime is perceived by the accomplices as «their own» as a result of an agreement on its joint commission and within the framework of this agreement. An act that goes beyond these limits becomes subjectively «alien» for the accomplice, even if the accomplice admitted the possibility of its commission. In terms of content, the unity of intent of the accomplices to commit a joint crime is limited by the limits of their conspiracy. In other words, the act of the perpetrator can be regarded as embraced by the intent of other co-perpetrators or other accomplices, if it «fits» into the framework of the agreement of the accomplices on the joint commission of the crime. Responsibly, if the performer went beyond the limits of the conspiracy, it must be admitted that such an act is not covered by the intent of the accomplices.

Keywords: excess of the perpetrator of the crime, complicity in the crime, unity of intent of the accomplices.

Согласно ст. 36 УК РФ, эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Слово «excessus» переводится с латинского языка как выход, отступление, уклонение. Все эти значения довольно точно отражают сущность рассматриваемого уголовно-правового феномена, которая заключается в выходе исполнителя преступления за рамки единого умысла соучастников, отступление от соглашения, достигнутого соучастниками, превышение пределов того преступного результата, к которому стремились соучастники, что проявляется в объективной действительности в совершении исполнителем (а иногда и иным соучастником) преступного деяния, которое не охватывается умыслом других соучастников.

Как отмечается в уголовно-правовой литературе, «эксцесс исполнителя устанавливается путем сопоставления совершенного им преступного деяния с содержанием умысла соучастников, т.е., посредством сравнения признаков фактически исполненного преступления с совместными преступными планами соучастников, с той интеллектуальной «моделью» совместного преступления, которая была разработана в результате соглашения соучастников» [1]. Иными словами, чтобы констатировать эксцесс исполнителя, необходимо вначале установить содержание единого умысла соучастников, пределы их преступного соглашения, а затем решить, состоялся ли выход за эти пределы или нет.

Надо признать, что установление содержания умысла соучастников и границ преступного соглашения между ними – это довольно непростая задача.

Во-первых, как показывает практика, соучастники нередко действуют с неконкретизированным, а точнее, относительно-определенным умыслом, не имея четкого представления о параметрах совместно совершаемого преступления. Например, в результате сговора соучастники поставили единую преступную цель, допустим, похитить имущество у потерпевшего, но не определили конкретные способы достижения этой цели. Для констатации единого умысла на хищение этого вполне достаточно, но при этом неконкретность достигнутого соглашения, его инструментальная неопределенность допускают широкую вариативность субъективных представлений о реализации преступного замысла.

Во-вторых, соучастники могут по-разному воспринимать и интерпретировать достигнутую договоренность о совершении преступления, что в принципе характерно для любых форм социального взаимодействия. Например, один подстрекатель предвидит и допускает возможность совершения исполнителем более тяжкого преступления, а другой нет.

Подобные разночтения затрудняют установление содержания единого умысла соучастников, что закономерно образом отражается и на уголовно-правовой оценке преступных действий, которые явно или неявно отклоняются от него.

Четкие и понятные критерии, позволяющие определить «охват», т.е., пределы умысла соучастников для целей ст. 36 УК РФ, ни в теории уголовного права, ни в правоприменительной практике не выработаны. «Зона согласия» здесь довольно узкая – все специалисты солидарны в том, что ст. 36 УК РФ подлежит применению при выходе за пределы конкретизированного умысла соучастников [2]. Правоприменительные органы не испытывают особых затруднений при уголовно-правовой оценке подобных ситуаций, уверенно констатируя, что исполнитель совершил преступление, которое не охватывается конкретизированным умыслом иных соучастников. Показательным в этом плане можно считать случай, когда соучастниками были четко согласованы и оговорены пределы применяемого насилия, а исполнитель применил более интенсивное насилие и причинил более тяжкий вред здоровью [3]. В другом случае, в процессе преступного сговора на совершение хищения один из трех соисполнителей просил двух других не убивать потерпевшую, с чем они согласились, однако, несмотря на это, в процессе хищения они совершили убийство [4]. Наличие эксцесса исполнителя преступления в этих ситуациях не вызывает сомнений.

Если же параметры планируемого совместного преступления четко не оговорены (а это весьма типичная ситуация), то границы единого умысла соучастников и, связанная с этими границами, возможность применения положений ст. 36 УК РФ оцениваются судами крайне неоднозначно.

В одних случаях, суды констатируют эксцесс исполнителя на том основании, что совершенное исполнителем преступное деяние совершено при отсутствии у иных соучастников осведомленности о его совершении [5] или знания о намерении исполнителя совершить более тяжкое преступление [6], договоренности на совершение соответствующего преступного деяния [7]. Здесь, суды определяют границы единого умысла соучастников достаточно узко, что закономерно расширяет возможности для применения ст. 36 УК РФ.

В других ситуациях, суды трактуют пределы единого умысла соучастников намного более широко, полагая, что совершенное исполнителем преступное деяние, которое допускалось иными соучастниками как возможное, полностью охватывается их умыслом. Иными словами, суды считают, что, если соучастник допускал возможность совершения исполнителем более тяжкого преступления, предполагал подобное развитие событий, то такое преступление охватывается умыслом соучастника, что исключает эксцесс.

Этот подход наглядно иллюстрирует следующее решение высшей судебной инстанции (его ключевые позиции выделены курсивом): «Согласно приговору, осужденные Лежнев, Яганычева, Федорова и Пынтя, имея изначально умысел на тайное хищение имущества потерпевшей, *допускали*

совершение хищения денежных средств открытым способом, вследствие чего действия Яганычевой, Пынтя и Федоровой по похищению имущества Б. обоснованно квалифицированы судом по п. «в» ч. 2 ст. 162 УК РФ, а действия Федоровой – дополнительно по ч. 3 ст. 33 УК РФ как организатора данного преступления. Яганычева, Пынтя и Федорова насилия, опасного для жизни и здоровья, к потерпевшей не применяли и не предполагали о применении Лежневым такого насилия в отношении потерпевшей. Приговором суда установлено, что телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья, потерпевшей причинил только Лежнев, без договоренности с остальными соучастниками хищения, т.е., допустил эксцесс исполнителя. На этом основании, суд правильно квалифицировал его действия по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ... Действия Лежнева, связанные с лишением жизни потерпевшей Б. суд верно квалифицировал как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, сопряженное с разбоем» [8].

Суть процитированного решения такова – для того, чтобы вменить организатору, имеющему умысел на кражу (Федоровой), соучастие в разбое, достаточно допущения им возможности совершения исполнителем открытого хищения чужого имущества. И наоборот – совершенное исполнителем убийство расценивается как эксцесс, поскольку иные соучастники не предполагали возможность совершения этого преступления.

Нетрудно заметить, что при столь широкой трактовке пределов единого умысла соучастников применение ст. 36 УК РФ становится возможным лишь в случаях, когда соучастник не только не имел договоренности на совершение исполнителем более тяжкого или дополнительного преступления, но и даже не допускал возможности его совершения. Соответственно, по этой логике допущение возможности совершения более тяжкого или дополнительного преступления исключает признание этого преступления эксцессным деянием.

Широкая трактовка пределов единого умысла соучастников находит поддержку и в уголовно-правовой науке. В частности, Г.А. Есаков пишет: «Представляется, что в связи с конструкцией «охват умыслом» можно сформулировать общее правило квалификации, сводящееся к тому, что преступление следует считать охваченным при эксцессе умыслом иного соучастника, ... когда совершение иного преступления допускается, мыслится как неисключенное». Развивая свою мысль, он указывает на то, что «Верховный Суд РФ и нижестоящие суды последовательно высказываются о том, что допущение возможности совершения иного преступления, предположение о таковой возможности достаточны для отказа от применения ст. 36 УК РФ. Соучастник, допуская совершение другого преступления, тем самым, формирует интеллектуальный элемент умысла и, продолжая участвовать избранным способом в совершении преступления, выказывает свое желание (волевой элемент) совершить другое преступление (иначе: не желаешь – не действуй).

При этом соучастнику нет необходимости знать в деталях о совершаемом преступлении; достаточно общего представления о том, какое это преступление. Напротив, допущение возможности совершения любого иного преступления недостаточно для целей ... ст. 36 УК РФ» [9].

Подобная трактовка «охвата умыслом» соучастников резко ограничивает сферу применения ст. 36 УК РФ, позволяя констатировать эксцесс исполнителя лишь в крайне редких случаях. Это, кстати, прекрасно понимает и Г.А. Есаков: «Пожалуй, только прямой запрет совершать какое-то иное преступление или четкая договоренность о пределах применяемого насилия ... допускают применение ст. 36 УК РФ. Такой достаточно строгий подход к соучастникам может быть обоснован интересами ... снижения уровня криминального насилия через как бы непрямое предложение соучастникам минимизировать характер и степень общественной опасности совершаемого деяния всеми доступными методами» [10].

Прежде, чем оценивать эти теоретические рекомендации, следует подчеркнуть принципиально важное обстоятельство – в силу тесной взаимосвязи эксцесса и соучастия в преступлении границы того, что охватывается или не охватывается умыслом соучастников в контексте ст. 36 УК РФ, должны определяться содержанием субъективных признаков соучастия. Иными словами, понять, в каких случаях деяние исполнителя не охватывается умыслом соучастников, можно только при условии предварительного установления предмета, содержания и пределов этого умысла.

При этом нужно четко понимать следующее принципиальное обстоятельство, на котором основывается учение о соучастии и правила его уголовно-правовой оценки: соучастники совершают *одно общее, единое для всех них преступление*, что соответствует трактовке соучастия как специфической формы социального взаимодействия [11]. Именно это общее для всех преступление является предметом единого умысла соучастников, именно по отношению к нему проявляется интеллектуальный и волевой компоненты умышленной вины соучастников.

Общность преступления для всех соучастников определяется как объективными критериями (через вклад каждого из них в его совершение), так и субъективным отношением соучастников к этому совместно совершаемому преступлению воспринимается соучастниками как «свое» в результате соглашения о его совместном совершении и в рамках этого соглашения. Деяние, выходящее за эти рамки, становится для соучастника субъективно «чужим», даже если соучастник допускал возможность его совершения.

Таким образом, в содержательном плане единство умысла соучастников на совершение совместного преступления лимитируется пределами их сговора [12]. Это обстоятельство неоднократно подчеркивается Пленумом Верховного Суда

Российской Федерации. Так, в абз. 2 п. 14.1 постановления Пленума от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что «в тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям статей 161, 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насильем либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками».

Из процитированного разъяснения следует, что при наличии предварительного сговора сфера охвата умысла ограничена пределами состоявшейся договоренности. Пленум четко указывает, что если при наличии сговора на кражу соисполнитель не присоединился к эксцессу, допущенному другим соисполнителем, то он не может нести ответственность за грабеж или разбой. Не может потому, что он сговорился именно на совершение кражи и не вышел вслед за другим соисполнителем за пределы этой договоренности. Допускал ли он при этом возможность совершения другим соисполнителем более тяжкого преступления (грабежа или разбоя) либо не допускал такой возможности – это обстоятельство, с точки зрения Пленума, на квалификацию его действий не влияет. Тем более, не влияет это обстоятельство на уголовно-правовую оценку действий организатора, подстрекателя, пособника.

В том же постановлении Пленума содержится указание (пусть и недостаточно четкие) на то, что соисполнитель может нести ответственность за действия другого соисполнителя лишь при условии предварительного сговора на совершение этих действий. Только в этом случае можно считать, что они охватываются единым умыслом соисполнителей. В частности, в п. 14 разъясняется, что «если применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, охватывалось умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, все участники совершенного преступления несут ответственность по части второй статьи 162 УК РФ как соисполнители и в том случае, когда оружие и другие предметы были применены одним из них». Аналогичное правило зафиксировано и в абз. 1 п. 14.1: «Если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц

Литература:

1. Капинус О.С. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации / О.С. Капинус, К.В. Ображиев // Уголовное право. 2018. № 2. С. 42.

по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему, действия всех участников группы следует квалифицировать по пункту «в» части четвертой статьи 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом действия лица, причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть, или совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются также по части четвертой статьи 111 или пункту «з» части второй статьи 105 УК РФ соответственно».

Таким образом, можно заключить, что охват умысла – это его интеллектуальная характеристика, относящаяся к осознанию предмета криминального взаимодействия. Интеллектуальный момент единого умысла соучастников заключается в осознании того, какое преступление они совершают совместными усилиями, его видовых признаков.

При этом деяние исполнителя можно расценивать как охватываемое умыслом других соисполнителей или иных соучастников, если оно «укладывается» в рамки соглашения соучастников о совместном совершении преступления. Соответственно, если исполнитель вышел за пределы состоявшегося сговора, необходимо признать, что такое деяние не охватывается умыслом соучастников. Сказанное относится не только соучастию, сформировавшемуся на основе предварительного сговора, но и к ситуациям, когда сговор достигнут в процессе исполнения объективной стороны преступления (например, в случае присоединения соучастников).

Что же касается волевого отношения соучастников к совместно совершаемому единому преступному деянию, то оно может иметь довольно широкий диапазон – от желания его совершения, до сознательного допущения или безразличного к нему отношения.

Изложенный подход к трактовке единого умысла соучастников требует корректировки правоприменительной практики применения, а точнее, неприменения ст. 36 УК РФ. Необходимо отказаться от широкого толкования сферы охвата умысла соучастников, основанного на концепции допущения возможности совершения более тяжкого или дополнительного преступления, что позволит реализовать требования субъективного вменения и согласовать толкование ст. 36 УК РФ с теоретическими постулатами учения о соучастии в преступлении.

Literature:

1. Kapinus O.S. Excessive act and other accomplices to the crime: the problems of civil / O.S. Kapinus, K.V. Obrazie. Criminal law. 2018. № 2. P. 42.

2. См.: *Капинус О.С.* Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации / О.С. Капинус, К.В. Ображиев // Уголовное право. 2018. № 2. С. 44–45; *Есаков Г.А.* Умысел в соучастии (эксцесс исполнителя и ответственность организатора) / Г.А. Есаков // Уголовное право. 2018. № 2. С. 35–36.
3. См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 29.06.2017 № 10-9352/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.04.2013 № 208-О13-1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кассационное определение Московского городского суда от 27.06.2011 № 22-8258 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2009 № 74-О09-1 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.10.2015 № 10-13441 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление президиума Московского областного суда от 25.01.2012 № 44у-286/12 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 56-О11-39 // СПС «КонсультантПлюс».
9. *Есаков Г.А.* Умысел в соучастии (эксцесс исполнителя и ответственность организатора) / Г.А. Есаков // Уголовное право. 2018. № 2. С. 32–36.
10. *Есаков Г.А.* Умысел в соучастии (эксцесс исполнителя и ответственность организатора) / Г.А. Есаков // Уголовное право. 2018. № 2. С. 32–36.
11. *Арутюнов А.А.* Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 22. В науке справедливо отмечается, что «феномен, который призван описать институт соучастия, представляет собой лишь тот факт совершения несколькими лицами одного преступного деяния, который может быть охарактеризован с использованием таких категорий, как «общая деятельность», «совместное совершение», «коллективное взаимодействие» (см.: Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина : монография. М. : РГУП, 2019. С. 15).
12. *Ображиев К.В.* Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений / К.В. Ображиев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4. С. 4–13.
2. See: *Kapinus O.S.* Excerpt of the perpetrator and other accomplices of the crime: qualification problems / O.S. Kapinus, K.V. Obrazhiev // Criminal law. 2018. № 2. P. 44–45; *Yesakov G.A.* Intent in complicity (the executive process and responsibility of the organizer) / G.A. Yesakov // Criminal law. 2018. № 2. P. 35–36.
3. Cm., for example: the appellate decision of the Moscow city court on 29.06.2017 № 10-9352/2017 // SPS «Consultant Plus».
4. The appeal decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.04.2013 № 208-A13-1 // SPS «Consultant Plus».
5. The appeal decision Moskovskogo city court 27.06.2011 № 22-8258 // SPS «Consultant Plus».
6. The appeal decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.04.2009 № 74-O09-1 // SPS «Consultant Plus».
7. The appellate decision of the Moscow city court 06.10.2015 № 10-13441 // SPS «Consultant Plus»; decree of the Presidium of the Moscow about-chastnogo court dated 25.01.2012 № 44u-286/12 // SPS «Consultant Plus».
8. The appeal decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.06.2011 № 56-A11-39 // SPS «Consultant Plus».
9. *Isakov G.A.* Intent Association (excessive act and responsibility of the organizer) / G.A. Isakov // Criminal law. 2018. № 2.P. 32–36.
10. *Isakov G.A.* Intent Association (excessive act and responsibility of the organizer) / G.A. Isakov // Criminal law. 2018. № 2. P. 32–36.
11. *Arutyunov A.A.* Complicity in a crime under the criminal law of the Russian Federation : abstract. dis. ... cand. jurid. In science, it is rightly noted that «the phenomenon that is intended to describe the institution of complicity is only the fact that several persons commit one criminal act, which can be characterized using such categories as «common activity», «joint commission», «collective interaction» (see: Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing / Edited by Y.E. Pudovochkin : monograph. M. : RSUP, 2019. P. 15).
12. *Obrazhiev K.V.* Problems of establishing the form of complicity in the qualification of group crimes / K.V. Obrazhiev // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2017. № 4. P. 4–13.

Доев Виталий Александрович
преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Краснодарский университет МВД России
vitlam@mail.ru

Vitaly A. Doev
Lecturer of the Department
of Civil Law and Procedure
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
vitlam@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВИНОВНЫХ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

PECULIARITIES OF MINOR QUALIFICATION IN CRIMINAL LAW

Аннотация. В статье рассматриваются особенности квалификации несовершеннолетних виновников в уголовном праве России, а также – международные практики, применяемые в различных странах в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. В качестве основной цели проведения исследования можно назвать потребность формирования параллели между мерами пресечения в отношении совершеннолетних лиц и несовершеннолетних, последние из которых требуют особого внимания государства, а также, применения досконально продуманной уголовной практики, позволяющей снизить преступность и установить в отношении виновников воспитательные функции уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное право, квалификация, преступление, несовершеннолетний, малолетний, подросток, виновный, потерпевший.

Современное общество, стремительно развивающееся с каждым днем, сталкивается с множеством проблем, которые оказывают активное влияние не только на процесс его формирования, но и безопасность. Одной из них стало стремительное повышение преступности среди несовершеннолетних, обвиняемых преимущественно по уголовным статьям с большим сроком лишения свободы и строгими мерами пресечения.

Для формирования в сознании подрастающего поколения устойчивых и правильных норм поведения, государство стремится всячески оказать помощь несовершеннолетним детям, оберегая их от формирования неправильных ценностей и привычек – снизить рост алкогольной и наркотической зависимости среди детей, и других негативных форм поведения. В связи с этим, на законодательном уровне вводятся новые поправки, которые позволяют принять меры в отношении совершеннолетних лиц, умышленно толкающих непросвещенное поколение к употреблению запрещенных средств. Как правило, подобные случаи являются наиболее распространенными в судебной практике, ведь именно по этим статьям

Annotation. The article examines the features of qualification of juvenile perpetrators in the criminal law of Russia, as well as international practices used in various countries in relation to persons under the age of criminal responsibility. The main goal of the study can be called the need to form a parallel between measures of restraint in relation to adults and minors, the latter of which require special attention from the state, as well as the use of thoroughly thought-out criminal practice, which allows to reduce crime and establish educational functions of criminal legislation in relation to perpetrators.

Keywords: criminal law, qualification, crime, minor, juvenile, teenager, guilty person, victim.

ежегодно бывают осуждены сотни тысяч преступников.

И если в отношении совершеннолетних мера, в большинстве случаев, бывает применена одна из самых строгих, при рассмотрении уголовных дел, где виновником является несовершеннолетний, суд, по мнению большинства экспертов уголовного права, должен предусматривать возможность вынесения индивидуального приговора. В качестве ориентира рекомендуют опираться не только на возраст, но и ряд других особенностей.

Первоочередно, принимая во внимание статистику алкозасимости в России, где практически в каждой третьей семье страдают зависимостью от спиртных напитков, суду следует учитывать особенность ослабленной психики подростков.

Во-первых, пристрастие к алкогольным напиткам говорит о наличии явных психологических проблем.

Во-вторых, в зависимости от тяжести преступления всегда можно предусмотреть более или менее строгую меру пресечения.

Так, за употребление или распространение наркотических веществ, двух наиболее распространенных обвинительных статей среди молодежи, гуманным будет провести контроль и лечение, естественно, не без введения ряда ограничений. При этом важно осознавать, что несовершеннолетний, будучи еще совсем молодым, может просто не понимать оказываемого вреда наркотиков на организм или тяжести совершаемого им преступления. В такие моменты следует рассмотреть дело более тщательно, чтобы выявить главных виновников – совершеннолетних личностей, толкающих несовершеннолетнего на преступление.

Второстепенно, оперируя судебной практикой и возможностью доработки текущего законодательства, в отношении несовершеннолетних, большинство экспертов и исследователей стремятся сформировать ряд альтернативных мер условному или реальному сроку. В их числе административные работы и сторонние способы применения законных мер воспитания личности, которые не окажут влияние на дальнейшую судьбу подростка с негативной стороны [3; 4].

Квалификация несовершеннолетних виновных: сравнение практик и ответственности совершеннолетних

Об особенностях квалификации несовершеннолетнего виновного в уголовном праве говорят многие эксперты. В «Young Adults with Autism Spectrum Disorder and the Criminal Justice System» исследователи пристально рассмотрели ключевые аспекты предъявления обвинений и поблажек в системе уголовного правосудия, сопоставив несовершеннолетних обвиняемых и совершеннолетних преступников возрастом до 23 лет с наличием расстройств аутистического типа. В ходе проведения сравнения были проведены сравнения с контрольной группой, продемонстрировавшие, что 3 % людей с расстройствами были обвинены минимум в одном нарушении к моменту достижения юношеского возраста. Однако в сравнении с другой группой были обнаружены и принципиальные различия – молодые люди с расстройствами оказались менее вовлеченными в преступления в сравнении со здоровыми людьми [1].

Обращаясь к результатам международных исследований, не принимая во внимание различие методов воспитания и уровня жизни в разных странах, а рассматривая исключительно поведенческую психологию несовершеннолетних, важно упомянуть работу «Shared residential placement for child welfare and juvenile justice youth: current treatment needs and risk of adult criminal conviction». В различных странах рассматривают актуальность нахождения под стражей детей-подростков с «особым статусом» или воспитанников колоний-поселений. Так как систематические знания о состоянии несовершеннолетних преступниках частично ограничены, специалисты приняли решение построить свое исследование на изучении демографических, криминальных и психоэмоциональных особенностей молодежи с повышенной склонностью к нарушению закона. В качестве основы для работы была взята выборка

из швейцарского исследования, в котором приняли участие 354 несовершеннолетних ребенка: 131 девочка и 223 мальчика в возрастном диапазоне от 10 до 18 лет. На практике исследователи выделили 3 основные группы – логистические регрессии, примененные для расследования любых убеждений, как насильственных, так и не насильственных. В результате они получили данные, что наличие проблем с наркотиками, алкоголем и другими зависимостями становились ключевыми факторами риска для общих, предыдущих судимостей за насильственные действия и травматического опыта в связи с ненасильственными убеждениями в зрелом возрасте. Специалисты считают, что размещение в колониях-поселениях с «особым статусом» преимущественно основано на потребности проведения лечения, а не на судебном титуле. Особое внимание они уделяют оказанию профессиональной помощи при наличии алкогольной или наркотической зависимостей [2].

В сравнении результатов [2] и [3], на территории РФ все больше экспертов по уголовному праву считают необходимым рассматривать возможность введения коррективов в законодательство и уголовную правоприменительную практику. В связи с этим, многими предложены новые пути решения сложностей в реализации ст. 230 УК РФ, которые связаны преимущественно с «проблемной точкой», влияющей на вынесение наказания за преступление.

Проводя оценку уровня уголовно-правовой борьбы, в своей работе [4] автор подробно поделился результатами исследования действия уголовно-исполнительного права в отношении несовершеннолетних, а также предъявил актуальную на 2020 год статистику. Согласно предварительным результатам, полученным в ходе проведения анализа, 71,3 % респондентов среди сотрудников правоохранительных органов оценивают уровень борьбы крайне низко, а сам показатель преступлений и вовсе колеблется в пределах 46,5 %. В это же время около 30 % опрошенных, выдвигают свое мнение о положительном показателе борьбы с преступлениями, предусмотренными ст. 230 УК РФ, Проводя анализ полученных показателей, можно с уверенностью заявить, что представители правоохранительных органов имеют четкие представления о том, в чем заключаются проблемы следственной и судебной практики – выделяют для себя основные моменты, которые следует проработать на законодательном уровне.

В качестве ориентира, применительно к формированию индивидуального наказания, основные уголовно-правовые санкции могут быть применены преимущественно в тех случаях, когда их пределы полностью соответствуют уровню общественной опасности совершенного деяния. В такие моменты основное научно-практическое значение бывает установлено в соответствии с результатом анализа тенденций применения наказаний в отношении нарушителей уголовного законодательства.

Склонение, уговоры, советы или сторонние методы введения в заблуждение умышленно, в рассматриваемых составах преступления, зачастую, не бывают положены в декриминализацию действий, что оказывает особое влияние на степень общественной опасности содеянного и на выбор меры пресечения соответственно. В сравнении решений по ч. 1, 2 ст. 230 УК РФ и ч. 3 ст. 230, преобладало больше условных решений свободы, тогда как по второй статье зачастую лица были лишены свободы на 10 лет (мера пресечения зависела от тяжести преступления и других особенностей, влияющих на срок).

Изучая данные по вынесенным приговорам, важно отметить значимость проблемы, которую сам автор вынес на обозрение – подход к назначению меры пресечения совершеннолетним, подталкивающих несовершеннолетних лиц к употреблению наркотических веществ с целью финансовой или любой другой выгоды. Так, автор рассматривает реальный случай из уголовной практики, когда некий совершеннолетний П., находясь вместе с несовершеннолетним К., предложил ему попробовать наркотические средства. В качестве аргумента он использовал возможность К. получить новые впечатления. При этом П. осознавал, что своими неправомерными действиями он толкает К. к употреблению запрещенных веществ, тем самым оказывает активное влияние на вероятность дальнейшего заболевания К. наркоманией. Так, изучив подробно дело, суд вынес приговор к лишению свободы на 10 лет (уголовное дело № 1-145/2017).

Несмотря на установленную меру пресечения, статистика в 88 % говорит о наличии условных наказаний в отношении преступников. Это дает основание полагать, что современная уголовная система уделяет мало внимания опасности данного преступления для всего общества. Между тем, важно отметить, что само уголовное право располагает множеством инструментов и разделов для применения системы индивидуализации наказания, как пример, установки лишения свободы условно или наказание в соответствии с минимальным сроком, закрепленным за нормами.

Таким образом, при изучении судебной практики можно сделать вывод о том, что современное условное осуждение совершеннолетних лиц во многом является слишком мягкой мерой пресечения. Подобное утверждение у исследователя имеет простое обоснование – зачастую условное осуждение не является мерой, адекватной характеру совершенного деяния.

Так, Т.А. Федоренко повествует о том, что даже при отбытии полного (условного) наказания, судом не достигается главная цель – исправление преступника. В большинстве случаев, как показывает статистика лично проведенных автором исследований, склоняющие к употреблению наркотических веществ, лица бывают уверенными в своей безнаказанности и совершают подобные преступления даже при наличии условного срока. В связи с этим, исследователь сообщает, что либерализация приговоров негативно сказывается на воспитательной функции уголовного

законодательства. Вот почему для исправления положения автор настаивает на пересмотре и введении новых подпунктов, касающихся несовершеннолетних, а именно – пропаганды и распространения наркотических веществ [4].

В работе «FACTS-The Forensic Adolescent Consultation and Treatment Service—an all Wales mental health service for children and adolescents with the most complex and challenging behavioral problems. Can we meet needs without over-medicalizing» были рассмотрены актуальные методы для борьбы с преступностью, связанные в первую очередь с подростками и их пагубными привычками – алкоголизмом и наркоманией. В качестве первоочередных моментов, на которые они обращали внимание, стали 3 критерия:

- потребность в проведении глубокого лечения, позволяющего минимизировать риск возникновения повторного преступления;
- гуманный суд, который будет учитывать отклонения здоровья – алкоголизм или наркотическая зависимость, ставшие психологической зависимостью;
- проведение показательного суда, который простимулирует не нарушать законодательство и поможет снизить уровень преступности среди подростков [5].

В исследовании «Constitutional rights of prisoners» эксперты рассмотрели все аспекты прав заключенных, приняв во внимание несколько актуальных конституционных вопросов, связанных непосредственно с исправительными учреждениями. В нем они разобрали федеральные законы, и права заключенных на подачу иска, которые преимущественно во всех странах имеют место быть. На практике его применение дает практическое представление о влиянии конституционного права на повседневные проблемы тюрем и тюремных программ, как результат, предоставляет отличную почву для исследования последствий событий в области поиска, изъятия и конфиденциальности, несовершеннолетних правонарушителей [6].

Рассматривая другие научные работы и публикации, можно сделать вывод о том, что большинство исследователей требуют применения новых и более адаптированных под текущие условия законов. Так, в отношении несовершеннолетних лиц А.Ю. Мартынович предлагает применить ряд мер, которые в перспективе помогут предостеречь лиц от совершения преступлений повторно. В качестве основной из них рекомендуется усилить меру наказания за совершенное преступление против совершеннолетних, в особенности, если в процессе применялись насильственные, корыстные или любые другие способы. Автор рассматривает подростка как еще неопытного человека, с ограниченным кругом познаний и высоким коэффициентом ведомости, которую совершеннолетние преступники могут использовать в своих целях.

В связи с этим, он рассматривает обязательным введение новых дополнений по ст. 230 УК РФ, среди которых:

- совершение преступления посредством введения в заблуждения или применения других обманных методов;
- совершение преступлений в отношении лиц, не достигших 14-ти лет, лицами, достигшими совершеннолетия;
- совершение преступления с целью личной заинтересованности;
- совершение преступления лицом, на которого возложена ответственность за ребенка (учитель, родитель, опекун, воспитатель и т.п.) [4].

Особенности квалификации несовершеннолетних виновных в уголовном праве – синтез устаревших и актуальных законов, которые в большинстве случаев требуют доработки исходя из

Литература:

1. URL : https://www.scopus.com/record/display.Uri?eid=2-s2.0-85098519551&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=8dfd9f665780768d8588072f85249b73&sot=b&sdt=b&sl=40&s=TITLE-ABS-KEY%28criminal+law+and+juvenile%29&relpos=2&citeCnt=1&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1
2. URL : https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85099754382&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=8dfd9f665780768d8588072f85249b73&sot=b&sdt=b&sl=40&s=TITLE-ABS-KEY%28criminal+law+and+juvenile%29&relpos=0&citeCnt=2&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1
3. *Евланова О.А.* Практика применения новых норм УК России о наказании за сбыт наркотических веществ / О.А. Евланова, Н.В. Павловская // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 10.
4. *Мартынович А.Ю.* Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: квалификация, освобождение от уголовной ответственности, назначение наказания. Красноярск, 2004. С. 24–25.
5. URL : https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85116576672&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=272edd3aeb3d2a37d3515efbcb2212d0&sot=b&sdt=cl&cluster=solang%2c%22English%22%2ct%2c%22Russian%22%2ct&sl=40&s=TITLE-ABS-KEY%28criminal+law+and+juvenile%29&relpos=1&citeCnt=0&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1
6. URL : https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85117260769&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=69b6c4a1a278f6bb6c0f122ac9fcc1ac&sot=b&sdt=cl&cluster=solang%2c%22English%22%2ct%2c%22Russian%22%2ct&sl=40&s=TITLE-ABS-KEY%28criminal+law+and+juvenile%29&relpos=6&citeCnt=0&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1

состояния и особенностей каждого человека индивидуально. В будущем, это поможет оказать наиболее эффективный способ воспитания поколения, исключив неправильные ценности и изолировав от общества потенциально опасных индивидов. При рассмотрении подростков и детей с «особым статусом», в частности склонных к употреблению алкоголя и наркотиков, международные и отечественные эксперты считают правильным ввести новые подпункты к уголовному кодексу, в том числе РФ, позволяющим ввести послабления к приговорам заключенных. Так, в зависимости от статьи обвинения и тяжести преступления, требуется разработать новые подпункты к статьям уголовного кодекса, благодаря которым, тысячи людей пройдут правильные воспитательные процессы и смогут вовремя встать на правильный путь.

Literature:

1. URL : https://www.scopus.com/record/display.Uri?eid=2-s2.0-85098519551&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=8dfd9f665780768d8588072f85249b73&sot=b&sdt=b&sl=40&s=TITLE-ABS-KEY%28criminal+law+and+juvenile%29&relpos=2&citeCnt=1&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1
2. URL : https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85099754382&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&sid=8dfd9f665780768d8588072f85249b73&sot=b&sdt=b&sl=40&s=TITLE-ABS-KEY%28criminal+law+and+juvenile%29&relpos=0&citeCnt=2&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1
3. *Evlanova O.A.* Practice of application of new norms of the Criminal Code of Russia on punishment for the sale of narcotic substances / O.A. Evlanova, N.V. Pavlovskaya // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2013. № 10.
4. *Martynovich A.Yu.* Illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues: qualification, exemption from criminal liability, sentencing. Krasnoyarsk, 2004. P. 24–25.
5. URL : https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85116576672&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=272edd3aeb3d2a37d3515efbcb2212d0&sot=b&sdt=cl&cluster=solang%2c%22English%22%2ct%2c%22Russian%22%2ct&sl=40&s=TITLE-ABS-KEY%28criminal+law+and+juvenile%29&relpos=1&citeCnt=0&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1
6. URL : https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85117260769&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=69b6c4a1a278f6bb6c0f122ac9fcc1ac&sot=b&sdt=cl&cluster=solang%2c%22English%22%2ct%2c%22Russian%22%2ct&sl=40&s=TITLE-ABS-KEY%28criminal+law+and+juvenile%29&relpos=6&citeCnt=0&searchTerm=&featureToggles=FEATURE_VIEW_PDF:1

Должникова Екатерина Викторовна
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
katyadoll1994@mail.ru

Комаревцева Ирина Владимировна
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
ira.komarevtseva.79@mail.ru

Кислицын Николай Александрович
преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
Danser21@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОЛИЦИЕЙ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В МАССОВЫЕ ПРОТИВОПРАВНЫЕ ПРОТЕСТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Аннотация. Профилактическая работа среди несовершеннолетних с целью недопущения их участия в массовых несанкционированных мероприятиях актуальна и требует усовершенствования не только имеющегося законодательства, но и более серьезной их проработки в направлении предупреждения данных поступков со стороны несовершеннолетних лиц. В статье рассматривается профилактическая деятельность российской полиции, направленная на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в массовые противоправные протестные мероприятия. Анализируется действующая ответственность за совершение подобных действий взрослыми, а также, организация и участие в несанкционированных мероприятиях самих несовершеннолетних, но подлежащих ответственности субъектов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вовлечение, несанкционированные массовые мероприятия.

Конституция Российской Федерации в ст. 31 закрепляет право граждан на мирные собрания, без оружия, проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирование.

Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ закрепляет порядок, по

Ekaterina V. Dolzhnikova
Lecturer of the Department
of Administrativ Law
end Administrative Activity,
Stavropol branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
katyadoll1994@mail.ru

Irina V. Komarevtseva
Lecturer of the Department
of Administrativ Law
end Administrative Activity,
Stavropol branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ira.komarevtseva.79@mail.ru

Nikolay A. Kislitsyn
Lecturer of the Department
Special Disciplines,
Novorossiysk branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Danser21@yandex.ru

POLICE PREVENT THE INVOLVEMENT OF MINORS IN MASS ILLEGAL PROTEST EVENTS

Annotation. Prevention among minors in order to prevent participation in such events is currently relevant and requires the improvement of not only the existing legislation, but also to work more seriously on the prevention of these actions on the part of minors. The article discusses the preventive activities of the police aimed at preventing the involvement of minors in mass illegal protest events. The current responsibility for the commission of such actions by adults is analyzed, as well as the organization and participation in unauthorized events of the minors themselves, but subjects subject to responsibility.

Keywords: minors, involvement, unauthorized mass events.

которому граждане могут мирно собираться, но предварительно уведомить органы администрации.

Профилактика среди несовершеннолетних с целью недопущения их участия в подобных мероприятиях в настоящий момент актуальна и требует усовершенствования не только имеющегося

законодательства, но и более серьезно проработать сторону предупреждения данных поступков со стороны несовершеннолетних лиц. Необходимой является разработка наиболее эффективных методов предупреждения участия и вовлечения несовершеннолетних в незаконные протестные акции, а также, предложение возможных способов совершенствования уже применяемых мер.

В настоящий момент, возраст несовершеннолетних лиц, участвующих в подобных мероприятиях, снижается, что привлекает внимание всех организаций и структур, участвующих в воспитании подростков.

При вовлечении несовершеннолетнего в несанкционированные массовые мероприятия возрастает риск стать им соучастниками массовых беспорядков, административных правонарушений и преступлений. По данным детского омбудсмена Анны Кузнецовой в начале 2021 года в несанкционированных митингах в регионах Российской Федерации на акциях было задержано около 300 подростков.

«Конвенция о правах ребенка» в статьях 13, 14, 15 предоставляет детям право на свободу мысли, право свободно выражать свое мнение, встречаться и объединяться в группы, право на свободу мирных собраний, если это не нарушает государственную безопасность и общественный порядок.

Федеральным законом № 54-ФЗ регулируется порядок проведения митингов, шествий и пикетирований. Организатором может быть один или несколько граждан РФ, достигший возраста 18 лет для демонстраций, шествий и пикетирований и 16 лет для митингов и собраний.

Родителям и законным представителям несовершеннолетних участников несанкционированных массовых мероприятий следует помнить об административной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании (ст. 20.2.1.1 КоАП РФ). Для самих подростков, достигших возраста привлечения к административной ответственности, существует ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2 КоАП РФ). При этом за нарушение данной нормы грозит ужесточением мер воздействия. Если гражданина задерживали на митингах более двух раз в течение 6 месяцев, наряду с положениями КоАП, правоохранительные органы привлекают к уголовной ответственности по ст. 212.1 УК РФ.

Наряду с этим, уголовное законодательство устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность – это ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления» и ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий».

Под вовлечением, согласно Пленум Верховного Суда № 1 от 01.02.2011, понимаются «действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий».

Несовершеннолетнему необходимо осознавать ответственность за совершение противоправных действий, что достаточно полно бы обеспечила профилактическая деятельность правоохранительных органов. В частности, одним из направлений деятельности полиции, согласно ст.2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О полиции», является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, но, исходя из установившейся практики, именно это направление является наименее слабым в деятельности полиции. Все её действия направлены лишь на наказание и на страх перед наказанием и принуждением к соблюдению установленных норм.

Сегодня существует множество средств массовой коммуникации, которые доступны каждому, через которые может устанавливаться связь с населением и оказываться на них необходимого воздействия. В частности, это было бы эффективно по отношению к тем несовершеннолетним, о которых ведется речь.

Оппозиция созывала всех выйти на митинги именно с помощью различных социальных сетей, таких как «Телеграмм», «Ютуб», «Вконтакте» и др. Во многом, это является самым большим преимуществом, имеющимся у оппозиции, и недостатком в деятельности правоохранительных структур. Вполне возможно, что самым эффективным, в данном случае, было бы использование тех же средств, что и провокационной стороной. Но, в силу определенных факторов, в настоящее время нельзя сказать, что органы внутренних дел в полной мере используют все имеющиеся у них средства. С этой точки зрения профилактика является наиболее неэффективной.

Во многих источниках власти ссылались на то, что агитация проводилась для данной группы лиц, что она является наиболее движущей силой. На самом деле, в этом – её упущение. Агитация производилась для всех, а то, что на нее так начали реагировать дети, это лишь потому, что они наиболее легко могут быть подвергнуты внушению. Сама оппозиция в своих агитационных статьях рекомендовала лицам до 18 лет не участвовать в данных акциях. Но, тем не менее, яркость речей, расчет на вызов резонанса и наличие бунтарского начала у каждого подростка сделали то, что мы имели на данных митингах - участие несовершеннолетних. Необходимо говорить о том, что участие в данных митингах подвергает опасности жизнь и здоровье будущего поколения, поскольку во время массовых беспорядков несовершеннолетние могут получить травмы различной степени тяжести. В наименее опасных

случаях их могут задержать и привлечь их родителей или их самих к административной ответственности.

Информация разъяснительного характера о недопущении участия подростков в протестных мероприятиях и ответственность за это, как правило, расположены на сайтах отделов полиции.

Подобные слова были вывешены на официальном сайте Пушкинского отдела полиции в городе Санкт-Петербурге. На наш взгляд, такие предостережения самым не эффективным образом могли подействовать на несовершеннолетних и на самих родителей, потому что далеко не каждый родитель хоть раз в год обращается к официальным сайтам МВД как к информативному порталу, и уже, тем более, различные принуждающие тексты обходят их стороной. Про несовершеннолетних, в этом случае, вообще говорить бесполезно, поэтому данная информация просто была там размещена для очередного отчета о проделанной работе.

Не просто так каждый раз учеными-юристами поднимаются вопросы о неэффективности предупредительной деятельности со стороны правоохранительных органов. Любая профилактика проводится в соответствии с прописываемыми нормативно-правовыми актами, но этого не всегда достаточно. В этом отношении, правоохранительным органам стоит делать упор на свое развитие, расширять способы взаимодействия на население и активное внедрение передовых систем коммуникаций. В этом отношении существует проблема, связанная с устареванием форм деятельности и, в целом, со снижением уровня профессиональности и эффективности деятельности, в частности, полиции. Эффективной была бы разработка, распространение или, все же, поручение данной деятельности различным образовательным учреждениям или общественным организациям, в деятельности которых задействованы дети, памяток с профилактирующей информацией, а также, проведение непосредственной работы с законными представителями данных лиц. Взаимодействие как одна из форм совместной профилактической деятельности позволяет полиции более полно использовать свои возможности и полномочия, возложенные на нее Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О полиции».

Способом взаимодействия между определенными органами, преследующими основную цель, в нашем случае, выступает правовое информирование несовершеннолетних, что позволяет более эффективно добиваться ее и более комплексно разрешать имеющиеся проблемы.

Школы, интернаты и иные другие образовательные учреждения не меньшее место занимают в процессе воспитания и становления подростка и выступают вторым институтом социализации после семьи. Поэтому с таким важным институтом и должны поддерживать сотруднические взаимоотношения правоохранительные органы.

Профилактическая деятельность, проводимая данными учреждениями, позволяет сократить количество преступлений и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, применить меры к исправлению несовершеннолетних, которые уже совершили проступки, повысить уровень их правовой культуры и проинформировать о последствиях противоправной деятельности.

Во время митингов, происходящих на улицах городов, во многих школах, колледжах, университетах проводились классные часы, организовывались мероприятия на время начала митингов, составлялись памятки о том, как вести себя в данном случае. Но, к сожалению, в данных случаях вся профилактическая работа была не столь эффективна. На улицах во время незаконных протестных акций было задержано около 300 несовершеннолетних, и это только по данным официальным, и большинство несовершеннолетних было задержано на улицах Москвы.

В некоторых учреждениях даже грозили подросткам отчислением из образовательных организаций, но метод принуждения в данном случае сомнительно выполняет ту задачу, которую на него возлагают, и данные угрозы не носят законный характер, хотя, за привлечение к административной ответственности студент подлежит дисциплинарной ответственности со стороны соответствующей образовательной организации.

Несмотря на то, что деятельность по предупреждению этого вида противоправной деятельности среди несовершеннолетних была осуществлена как органами внутренних дел, так и многими образовательными организациями, это не позволило ограничить их от незаконного участия в массовых несанкционированных протестных мероприятиях.

Как уже отмечалось выше, правоохранительным органам стоит более активно применять в своей профилактической деятельности сеть-Интернет и множество других средств массовой коммуникации для информирования гораздо большего количества людей, нежели это происходит при распространении информации на официальных сайтах. Это позволит не только повысить уровень правовой культуры граждан, но и позволит, в какой-то мере, сократить количество преступлений и правонарушений.

Следует проводить живые встречи в образовательных организациях, при этом, используя доступные для понимания и запоминания молодежи формы доведения до нее информации через яркие иллюстрации, сценки, игры. Таким образом, активное взаимодействие с несовершеннолетними лицами, позволит обеспечить занятость несовершеннолетних во внеучебное время, особенно тех, кто состоит на учете в органах внутренних дел или иных учреждениях системы профилактики, осуществлять контроль за нахождением указанных несовершеннолетних на учебных занятиях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.02.2021).
4. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ (последняя редакция).
5. *Казанцева Е.В.* К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел с образовательными организациями в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних. Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1. С. 39–41.
6. *Еремеев С.Г.* Совместная деятельность полиции и образовательных организаций в пропаганде правовых знаний / С.Г. Еремеев // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2(47). С. 46–51.
7. *Омаров Э.Р.* Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности при проведении протестных акций / Э.Р. Омаров // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49).
8. URL : https://russian.rt.com/russia/news/825167-deti-zaderzhaniakcirossiya?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (15.12.2021).

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, dated 21.07.2014 № 11-FKZ).
2. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 07.04.2020) (as amended and supplemented, entered into force on 12.04.2020).
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 17.02.2021)
4. Federal Law «On Meetings, Rallies, Demonstrations, Processions and Picketing» dated 19.06.2004 № 54-FZ (last edition)
5. *Kazantseva E.V.* On the issue of interaction of internal affairs bodies with educational organizations in the field of juvenile delinquency prevention. Psychology and pedagogy of performance. 2020. № 1. P. 39–41.
6. *Eremeev S.G.* Joint activities of the police and educational organizations in the promotion of legal knowledge / S.G. Eremeev // Applied legal psychology. 2019. № 2(47). P. 46–51.
7. *Omarov E.R.* The activities of the internal affairs bodies to ensure security during protest actions / E.R. Omarov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(49).
8. URL : https://russian.rt.com/russia/news/825167-deti-zaderzhaniakcirossiya?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (15.12.2021).

Дородонова Наталия Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
истории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия
dorodonovan@gmail.com

Чилькина Ксения Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
истории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия
kvchilkina@mail.ru

**Предпосылки развития
социальной доктрины
Римской католической церкви
в XIX в. в Европе**

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки развития социальной доктрины Римской католической церкви в XIX в. На современном этапе развития государства и права католическая церковь в европейских странах является активным участником дискурса по важнейшим проблемам современности: голод населения в отдельных странах мира, миграция, использование медицинских технологий в репродуктивной сфере, экологические проблемы. Участие церкви в решении данных проблем с позиций христианской этики обеспечивает максимально возможное гуманное их решение. Теоретической и правовой основой взаимодействия церкви с другими социальными институтами по поводу защиты прав и свобод человека выступает социальная доктрина церкви, представленная в Энцикликах Пап и других документах церкви. Возникновение социальной доктрины в XIX в. было обусловлено рядом факторов. В числе таких факторов – предпосылок авторы выделяют социально-экономические, политические, теоретико-научные. Исследование предпосылок возникновения социальной доктрины Римской католической церкви, аккумулировавших потенциал церкви в качестве правозащитной организации в новых политических и экономических условиях, позволяет выделить закономерности и перспективы деятельности церкви как автономного, практически значимого в современной политике института.

Ключевые слова: история католической церкви, история государства, Европа, бедность, социальная доктрина, социальные риски, секуляризация.

Natalia V. Dorodonova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History of State and Law,
Saratov State Law Academy
dorodonovan@gmail.com

Ksenia V. Chilkina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History of State and Law,
Saratov State Law Academy
kvchilkina@mail.ru

**PREMISES OF THE DEVELOPMENT
OF THE SOCIAL DOCTRINE
OF THE ROMAN CATHOLIC CHURCH
IN THE 19TH CENTURY IN EUROPE**

Annotation. The article examines the prerequisites for the development of the social doctrine of the Roman Catholic Church in the XIX century. At the present stage of the development of the state and law, the Catholic Church in European countries is an active participant in the discourse on the most important problems of our time: hunger of the population in certain countries of the world, migration, the use of medical technologies in the reproductive sphere, environmental problems. Participation the church in solving these problems from the standpoint of Christian ethics provides the most humane possible solution to them. The theoretical and legal basis for the interaction of the church with other social institutions regarding the protection of human rights and freedoms is the social doctrine of the church, presented in the Encyclicals of Popes and other documents of the church. The emergence of social doctrine in the XIX century was due to a number of factors. Among such factors are the prerequisites of the authors there are socio-economic, political, theoretical and scientific. The study of the prerequisites for the emergence of the social doctrine of the Roman Catholic Church, which accumulated potential The role of the Church as a human rights organization in the new political and economic conditions allows us to highlight the patterns and prospects of the church's activity as an autonomous, practically significant institution in modern politics.

Keywords: Catholic Church history, state history, Europe, poverty, social doctrine, social risks, secularization.

В условиях современной демократии снова встает вопрос о необходимости учета позиции церкви по многим вопросам государственного управления, о расширении форм взаимодействия между государством и церковью [1; 2; 3]. Церковь участвует в качестве эксперта при выработке многих политико-правовых решений и на уровне отдельных государств, и на уровне международных политических организаций. Теоретической основой деятельности Римской католической церкви в современной политике является выработанная ею за последние сто тридцать лет, социальная доктрина¹.

Социальная доктрина Римской католической церкви – относительно недавно (конец XIX в., 1891 г) выделявшаяся в церковном учении совокупность идей, целью которой является анализ социального положения человека (в первую очередь, материального) на предмет выявления проблем, связанных с ущемлением либо ограничением прав и свобод человека. Основным источником данных идей являются энциклики Папы Римского [4]. Первая энциклика, положившая начало развитию социальной доктрины, – «О новых вещах» («*Rerum Novarum*») 1891 г. Папы Льва XIII. С тех пор, число энциклик, содержание которых развивает социальную доктрину Римской католической церкви, растет как ответ на новые риски и угрозы человечеству, в целом, отдельным категориям населения. Особую роль в развитии социальной доктрины сыграл Второй Ватиканский собор (1960-е годы), в ходе которого были осмыслены вопросы о роли самой церкви в социальных отношениях, о способностях и роли человека и государства в обеспечении социального мира и др.

Идеи социальной доктрины Римской католической церкви находят отклик в документах и политике церкви, а также – в политике современных государств. В современной европейской литературе активно развивается теория взаимодействия церковных и государственных организаций как общая, так и применительно к различным сферам общественных отношений. Социальная доктрина церкви возникла в XIX в. не случайно. Этому способствовали определенные факторы и явления социальной-экономической, политической и теоретико-научной сфер жизни общества.

В первую очередь, на наш взгляд, речь нужно вести о социально-экономических предпосылках возникновения социальной доктрины. В XIX в. в европейских странах регулярно проходили структурные перестройки общества и, сопровождавшие данные процессы, экономические кризисы. В этих условиях, большое количество населения проживало за чертой бедности. В Германии, например, нищенствовали и голодали целыми деревнями, заработок работающего человека не покрывал потребностей одного человека, тогда как семьи были многочисленны, и женщины, как правило, не работали, не приносили семье дохода. Христианская церковь также, как и в

средневековье, вынуждена была оказывать различную помощь нуждающимся. Бедность – одно из состояний, которое сопровождает развитие общества. В первой трети XIX в. активно развивалась политическая экономика, которая выявляла закономерности перераспределения имущественных благ. В этот период времени положение рабочего класса становится самостоятельным вопросом в экономической науке. Первыми данными проблемами начали заниматься ученые Англии, так как именно здесь, ранее других государств, стали очевидны такие закономерности, как постоянная (а не временная) бедность людей, имеющих работу, массовая безработица в период промышленного спада, неблагоприятные условия жизни трудящихся (скученность людей в рабочих кварталах городов, трущобный характер жилья, антисанитарные условия жизни и пр.). Одним из первых экономистов, кто стал исследовать проблему бедности в связи с проблемами распределения материальных благ, был швейцарец Ш.Л.С. де Сисмонди. Он предлагал государственное вмешательство в развитие рыночных отношений с целью преодоления бедности [5, с. 196]. Далее, в XIX в. бедность рабочих анализировалась социологами, экономистами, религиоведами, государствоведами, юристами.

Категория «бедность» является одной из центральных категорий социальной доктрины Римской католической церкви. Н.Н.Поташинская подробно описывает категорию «бедность» в социальной доктрине Католической церкви, обозначает меры, которые церковь считает необходимыми в борьбе с бедностью на современном этапе общественного развития [6]. Следует согласиться с выводами автора о том, что необходимо учитывать мнение церкви во многих сферах жизни общества по причине квалифицированности церкви в вопросах преодоления бедности [6]. В свою очередь, бедность населения, как обобщенно отмечает Г.Ю. Канарш, была вызвана такими факторами, как свободная конкуренция товаропроизводителей между собой, конкуренция продавцов рабочей силы, периодические промышленные кризисы, а также – массовое внедрение машинной техники [7, с. 131]. В процессе борьбы с бедностью церковь в лице пасторов, епископов, своей паствы, часто занимающей должности в местных и высших законодательных органах государства, сталкивалась с теми проблемами, которые сопровождают бедность: голод, болезни, распад семьи, нарушение общественного порядка и др. [8]. Церковь организовывала пункты питания, ночлежки, работные дома, публично говорила об этих проблемах на страницах газет и журналов, на уровне отдельных научных трудов, взывала к милосердию богатых. Таким образом, первой предпосылкой возникновения социального католицизма были социально-экономические: проблемы бедности большой массы населения Европы XIX в., вызванные такими факторами, как свободная конкуренция рынка, периодические промышленные кризисы, технический прогресс, рост населения.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-01100673 «Влияние социальной доктрины

Римской католической церкви на развитие социального законодательства Европы в XIX–XX вв.»

Другой предпосылкой выделения социальной доктрины Римской католической церкви были многочисленные труды, посвященные проблемам справедливого социального распределения материальных и финансовых фондов – теоретико-научная предпосылка. В работе Майки Юзефа «Социальное учение католической церкви» дается обзор тех идей авторов XIX в., которые послужили предпосылкой возникновения социальной доктрины. Во Франции после Великой революции, сформировался круг авторов, отстаивающих нравственные и этические основания государственной политики. Под социальным прогрессом они понимали, прежде всего, прогресс нравственный. Критерием социального счастья выступал социальный мир, а правовой основой жизни общества должен быть Декалог (10 Заповедей Бога) [9, с. 241]. В их числе были экономисты, историки, юристы Ф. Ле Пле, О. Бешо, Г. Фасийон, Э. Лепеллетье, К. Жанне. Последователь идей Фредерика Ле Пле, священник Анри де Турвиль создал кружок под названием «Школа социальных наук», издавал журнал «Социальные науки». Деятельность и взгляды де Турвиля оказали большое влияние на общественное и профессиональное сообщество Франции.

Однако, по мнению Ю. Майки, более реалистичной оказалась немецкая общественная мысль, которая использовала ценности христианской философии и богословия, более спокойно воспринимала распространившиеся в Европе идеи социалистов [9, с. 253]. Именно в Германии зародилось, так называемое, «социальное католичество», занявшее критическую позицию по отношению и к либерализму, и к социализму, заимствуя у них то, что было полезно. В Германии колоссальную роль в формировании социального католицизма в XIX в. сыграли взгляды и деятельность епископа, профессионального политика и общественного деятеля Эммануэля Вильгельма фон Кеттелера, опиравшегося на труды Фомы Аквинского. Помимо Франции и Германии, идеи социального католицизма получили распространение в других странах Европы – в Австрии, Польше, Бельгии и др. Большая роль в распространении социального католицизма в Германии и Бельгии принадлежит католическим университетам – Лувенский (Бельгия) и Тюбингенский (Германия).

В качестве третьей предпосылки развития социальной доктрины Римской католической церкви следует, на наш взгляд, называть политическую: процесс отделения государства от церкви (секуляризации). В ходе Великой французской революции произошел окончательный разрыв отношений между этими двумя социально-политическими организациями – государством и церковью. В ходе революции в 1789 г. было национализировано все имущество церкви, в феврале 1790 г. были запрещены все созерцательные монашеские ордена, конфисковано монастырское имущество. Согласно «Гражданской конституции духовенства», епископы и священники должны были избираться народом. Духовенство обязывалось принести присягу Конституции. В 1791 г. Папа осудил «Гражданскую конституцию духовенства» и собирался отлучить от церкви «конституционных» епископов, и остальное

духовенство, в связи с чем, многие из последних отказались от ранее принесенной присяги. В ноябре 1791 г., отрекшиеся от присяги священники были лишены гражданских прав, и 40 тысяч священников эмигрировали [10, с. 163]. В сентябре 1791 г. были казнены 300 священников и 3 епископа, комьенские монахини-кармелитки, и уже в ноябре была упразднена Конституционная церковь. Далее, была учреждена Директория, затем Консульство, Наполеон Бонапарт пришел к власти. Ему требовалась поддержка церкви, но отношения с нею продолжали оставаться конфликтными, так как, став Императором, Наполеон снова решил объявить себя главой церкви.

Процесс секуляризации государства в Европе в XIX в. охватил все государства в той или иной форме и степени. В первую очередь, остро встал вопрос в Италии. Там на протяжении нескольких десятилетий длилась ожесточенная борьба Папы с революционерами в итоге, закончившаяся поражением Папы и лишением его светской власти. Еще в начале XIX в. в ходе конфликта Наполеона и папы Пия VII Наполеон упразднил Папское государство и захватил Папу (1808 г.) [11]. Папская область вошла в состав Итальянского королевства. Папа был освобожден союзными войсками после свержения Наполеона. Пий VII вернулся в Рим и восстановил Папское государство. Статус данного государства был утвержден на Венском конгрессе.

На Венском конгрессе (1815 г.) Папа опротестовал решения государей относительно секуляризации духовных курфюршеств. Пий VII в булле «Provida solersque» объявил, что протестанты подлежат ведению Папы: немецкие страны входят в сферу деятельности католические миссионеров и должны быть подчинены «коллегии для пропаганды веры». После восстановления Папского государства положение дел на этой территории было тяжелым, хозяйственная политика Папы была провальной. В 1831 г. здесь вспыхнул мятеж, и было образовано Объединение итальянских провинций, но Папа подавил мятеж с помощью австрийского военного вмешательства. В 1836–1837 гг. последовала эпидемия холеры и голод, что усугубило положение дел.

Французская революция 1848 г. распространилась и на Италию, Рим был захвачен. Папа Пий IX бежал и вернулся в 1850 г. Население Рима разделилась на два лагеря – революционеров и сторонников папской власти. В 1859 г. в Италии вспыхнула война. В 1860 г. было создано объединенное государство, столицей которого был провозглашен Рим. Однако Рим занимал Папа, которого поддерживали созданные им войска папских зуавов и французские войска. Вплоть до 1869 г. фактической столицей Италии был г. Турин. Папа продолжала сопротивляться революционному влиянию, и в 1864 г. была издана Энциклика, которая осуждала революционные идеи и, в целом культуру, Нового времени.

Революционеры несколько раз пытались захватить Рим, но безуспешно. Такая ситуация войны сохранялась до 1870 г., когда французские войска были отозваны из Рима по причине Франко-прусской войны. Революционеры захватили Рим,

Папа капитулировал и отказался от светской власти. Весь Рим, кроме Ватикана, перешел под контроль властей Италии [12]. Статус Святого Престола оставался неурегулированным до 1929 г. Преемники Пия IX продолжали претендовать на светскую власть формально, заявляли об этом в документах. Отчасти, следствием данных событий стала в Германии, так называемая, «культуркампф» Римской католической церкви и канцлера О. ф. Бисмарка, в результате которой компетенция церкви в сфере образования была ограничена, однако, положение церкви в Германии было относительно стабильным по сравнению с другими европейскими странами.

В 1860–1870-е годы в Европе быстро развивается социальный католицизм. В Германии епископ Кеттелер, совместно с Адольфом Кольпингом и бароном Фогельзангом, организуют рабочие ассоциации, улучшая жизнь рабочих. Во Франции Армель на своих текстильных фабриках вводит совместное с рабочими управление, в Италии Джузеппе Тоньолю становится теоретиком социального движения [10, с. 185]. Опираясь на идеи и практику Кеттелера и Тоньолю, Лев XIII подготавливает и издает в 1891 г. Энциклику «*Regrum Novarum*», послужившую началом социальной доктрины Римской католической церкви [13].

Литература:

1. *Бабурин С.Н.* Развитие отечественного конституционализма как эволюция форм консолидации общества / С.Н. Бабурин // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 1(19). С. 7–14.
2. *Федюшкина А.И.* Государство и право в парадигмах секулярности и постсекулярности: подходы к разрешению религиозных конфликтов / А.И. Федюшкина // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 158–164.
3. *Щекин Н.С.* Институционализация моделей диалога церкви и государства в западноевропейской философской традиции / Н.С. Щекин // Доклады Национальной академии наук Беларуси. 2018. Т. 62. № 4. С. 495–503.
4. *Голубев К.* Вопросы развития общественно-экономических отношений в социально-философских энцикликах с конца XIX века и до наших дней / К. Голубев // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 174–200.
5. *Майбурд Е.М.* Введение в историю экономической мысли: От пророков до профессоров. М. : Дело : Вита-пресс, 1996. 544 с.
6. *Поташинская Н.Н.* Бедность в социальной доктрине Католической Церкви / Н.Н. Поташинская // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2017. № 2. С. 88–100.
7. *Канарш Г.Ю.* Социальное государство: исторический генезис и современные модели / Г.Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1.

В результате институционального конфликта церкви и европейского государства в XIX в., во многих конституциях европейских стран XX в. был определен статус церкви как независимого от государства института, и церковь была поставлена в условия подчинения государственному закону.

Таким образом, в XIX в. Римская католическая церковь, теряя свои политические позиции в диалоге со светской властью, начала усиливать свое значение как институт, стоящий на защите человеческого духа, и поборник социального благополучия [14]. Под действием ряда факторов, в XIX в. Римская католическая церковь, даже в условиях колоссального удара по её авторитету и сферам влияния, сумела сохранить свое социальное значение в качестве жизненно важного населению европейских стран института современного толка. В современных условиях, также как и в XIX в., церковь вынуждена вырабатывать новые практики участия в социальной жизни, обращая внимание государственных органов на значимые аспекты обеспечения прав и свобод человека, участвуя в таком обеспечении, выступая его гарантом.

Literature:

1. *Baburin S.N.* The development of domestic constitutionalism as the evolution of forms of consolidation of society / S.N. Baburin // Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences. 2019. № 1(19). P. 7–14.
2. *Fedyushkina A.I.* State and law in the paradigms of secularity and post-secularity: approaches to resolving religious conflicts / A.I. Fedyushkina // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2021. № 2. P. 158–164.
3. *Shchekin N.S.* Institutionalization of models of dialogue between church and state in the Western European philosophical tradition / N.S. Shchekin // Reports of the National Academy of Sciences of Belarus. 2018. Vol. 62. № 4. P. 495–503.
4. *Golubev K.* Issues of the development of socio-economic relations in socio-philosophical encyclicals from the end of the nineteenth century to the present day / K. Golubev // Christian reading. 2010. № 1. P. 174–200.
5. *Mayburd E.M.* Introduction to the history of economic thought: From prophets to professors. M. : Delo : Vita-press, 1996. 544 p.
6. *Potashinskaya N.N.* Poverty in the social doctrine of the Catholic Church / N.N. Potashinskaya // Bereginia. 777. Owl: Society. Politics. Economy. 2017. № 2. P. 88–100.
7. *Kanarsh G.Yu.* Social state: historical genesis and modern models / G.Yu. Kanarsh // Knowledge. Understanding. Skill. 2018. № 1.

8. *Нечипорова Е.В.* Милосердно-благотворительная деятельность католической церкви / Е.В. Нечипорова // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 48–56.
9. *Майка Юзеф.* Социальное учение католической церкви: опыт исторического анализа. Рим; Люблин : Изд-во Святого Креста, 1994. 479 с.
10. *Скальфи Романо.* Краткая история Католической Церкви. М. : Издательство «Новое Небо». 2018. 230 с.
11. *Шестакова А.Г.* Анализ взаимоотношений Франции и Ватикана в конце XVIII – первой четверти XIX вв. / А.Г. Шестакова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 3326–3330.
12. *Отрош М.И.* К вопросу о светской власти Папы римского в церковном государстве и государстве граде Ватикан / М.И. Отрош // Государство и право. 2016. № 6. С. 78–89. С. 84–86.
13. *Кондратенко С.Е.* К истокам политической аргументации современного католицизма / С.Е. Кондратенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 2. С. 120–127.
14. *McQuade J.* The Catholic Church and the Challenge of Modernity in 19th Century Europe / McQuade J. // Saeculum Undergraduate Academic Journal. 2011. Vol. 7. № 1.
8. *Nechiporova E.V.* Charitable and charitable activities of the Catholic Church / E.V. Nechiporova // Humanities and social sciences. 2009. № 5. P. 48–56.
9. *Mike Jozef.* The Social teaching of the Catholic Church: the experience of historical analysis. Rome; Lublin : Publishing House of the Holy Cross, 1994. 479 p.
10. *Scalfi Romano.* A Brief History of the Catholic Church. M. : Publishing house «New Sky». 2018. 230 p.
11. *Shestakova. A.G.* Analysis of the relationship between France and the Vatican at the end of the XVIII – first quarter of the XIX centuries / A.G. Shestakova // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2013. Vol. 3. P. 3326–3330.
12. *Otrosh M.I.* On the question of the secular power of the Pope in the Church State and the Vatican City State / M.I. Otrosh // State and law. 2016. № 6. P. 78–89. P. 84–86.
13. *Kondratenko S.E.* On the origins of political argumentation of modern Catholicism / S.E. Kondratenko // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Cultural studies. Political science. Right. International relations. 2014. № 2. P. 120–127.
14. *McQuade J.* The Catholic Church and the Challenge of Modernity in 19th Century Europe / McQuade J. // Saeculum Undergraduate Academic Journal. 2011. Vol. 7. № 1.

Емельянец Алексей Эдуардович
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
79787437072@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В США

Аннотация. Механизмы законодательного процесса, содержание законодательства федеративного государства и его составных частей в значительной мере зависят от предварительного и последующего, после принятия закона, конституционного контроля. В этой связи, влияние судебных органов на деятельность законодательных органов в контексте наделения их полномочиями по осуществлению конституционного контроля достаточно велико, особенно это проявляется в федеративных государствах с достаточно высокой степенью централизации власти. Таким государством в рамках проводимого исследования выступают Соединенные Штаты Америки, правовая система которого хоть и значительной мере отличается от правовой системы Российской Федерации, однако, содержит схожие по задачам органы государственной власти, в том числе и на уровне субъектов, что позволяет осуществить исследование в рамках данной тематики.

Ключевые слова: законодательная власть, судебная власть, региональные органы, США, законодательный процесс, равенство, конституционный контроль.

Начиная с 1950-х годов, Верховный суд Соединенных Штатов (далее – «Суд») стал динамичной силой в расширении конституционных прав, в том числе прав на равенство. Под руководством председателя Верховного суда Эрла Уоррена, Суд страны приступил к конституционной революции, которая отметила равенство как центральный принцип конституционного законодательства. Наиболее ярким примером приверженности в Суде делу равенства является, конечно, дело Браун против Совета по образованию, в котором Суд истолковал пункт о равной защите четырнадцатой поправки к запрету расовой сегрегации в школах штатов. С этим важным решением последовали и другие решения, придерживающиеся данного принципа. В 1970-х годах,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Государственного совета Республики Крым молодым ученым Республики Крым (проект «Усовершенствование механизма реализации права законодательной инициативы

Alexey E. Emeliantsev
Lecturer of the Department
of State and Legal Disciplines,
Crimean branch of the Russian State
University of Justice
79787437072@yandex.ru

THE INFLUENCE OF THE JUDICIARY ON THE REGIONAL LEGISLATIVE PROCESS IN THE UNITED STATES

Annotation. The mechanisms of the legislative process, the content of the legislation of the federal state and its constituent parts largely depend on the preliminary and subsequent, after the adoption of the law, constitutional control. In this regard, the influence of judicial bodies on the activities of legislative bodies in the context of granting them the powers to exercise constitutional control is quite large, especially in federal states with a sufficiently high degree of centralization of power. Such a state within the framework of the ongoing research is the United States of America, whose legal system, although significantly different from the legal system of the Russian Federation, however, contains similar tasks of public authorities, including at the level of subjects, which makes it possible to carry out research within this subject.

Keywords: legislative power, judicial power, regional authorities, USA, legislative process, equality, constitutional control.

поскольку состав Верховного суда находился на переходном этапе, большинство судей, которые по-прежнему были готовы использовать пункт о равной защите, активно относили дискриминацию по признаку пола к неблагоприятному статусу и нарушали ряд законов штата и федеральных законов, дискриминирующих по признаку пола. Такими способами, благодаря решениям судов в штатах по защите равенства в США происходила децентрализация власти – возникал «Новый судебный федерализм» [2]¹.

Полноценное и активное участие судебной власти в законодательных процедурах возникло с целью внедрения концепции равенства в нормативную материю штатов, которая в последствии на

представительных органов муниципальных образований Республики Крым в законодательном процессе Республики Крым»).

современном этапе выходит за рамки федеральной модели равной защиты, осуществляемой на базе федеральных законов США. Концепция равенства является традиционным столпом американского конституционализма и включает в себя основополагающий тезис, влияющий на законодательство каждого штата: «Все люди созданы равными и имеют равные права и возможности в соответствии с законом». Ряд ранних конституций штатов также содержал положения, запрещающие предоставление неравных привилегий или иммунитетов. Эти положения, а также их близкие по духу положения, запрещающие особые права, можно найти во многих конституциях штатов и сегодня. Профессор Джеффри Шаман указывает на то, что концепции проведения надлежащей правовой процедуры в контексте обеспечения равной защиты в значительной степени пересекаются друг с другом, и, как следствие, в некоторых случаях, для обеспечения прав или привилегий могут использоваться положения о равенстве. Это особенно актуально, когда законы наносят ущерб правам или привилегиям дискриминационным образом [1].

Ключевой формой влияния на законодательный процесс со стороны судебных органов является возможность оценки закона как дискриминационного. Законы, нарушающие права или привилегии, могут подвергаться конституционному пересмотру в соответствии с положениями о равенстве. В тех случаях, когда такие законы затрагивают права, которые считаются основополагающими или имеют определенную степень конституционного статуса, – будет усилен судебный контроль. В противном случае, при отсутствии подозрительной или полу-подозрительной классификации, законы, которые затрагивают несущественные права или привилегии, будут пересмотрены с весьма деликатной формой минимального контроля. Однако иногда при пересмотре законов, дискриминирующих права или устанавливающих привилегии, в какой-то степени

Литература:

1. *Shaman Jeffrey M.* Equality and liberty in the golden age of state constitutional law / By Jeffrey M. Shaman. Published by Oxford University Press, Inc. 2008. P. 1–269.
2. *Zimmerman J.F.* Contemporary American Federalism: The Growth of National Power. Westport. Connecticut; London : Praeger Publishers, 1992. P. 93.
3. *Stevens R.M.* Asymmetrical Federalism: The federal principle and the Survival of the Small Republic. «Publius», 1977. Vol. 7. № 4. P. 32.
4. *Kelman M.* Federalism and Policy Performance / M. Kelman L. : Routledge, 2000. P. 204. Цит. по кн. Фарукшина М.Х. Федерализм: Теоретические и прикладные аспекты. М. : Юристь. 2004. P. 19.
5. *Вайман А.Б.* Судебный федерализм: зарубежный опыт на примере США / А.Б. Вайман // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12. С. 9–11.

минимальный судебный контроль за процессом принятия и пересмотра должен быть усилен [3].

Авторитет судебной власти и судебный контроль реализуется так же и на этапах принятия закона. Это ярко проявлялось в процессе легализации абортов в отдельных штатах. Так, в 1973 году Верховный суд Соединенных Штатов принял решение о возбуждении дела Роу против Уэйда, устанавливающего право на неприкосновенность личной жизни в соответствии с Четырнадцатой поправкой к Федеральной конституции, которая включает право женщины на аборт. Хотя Верховный суд продолжает придерживаться дела Роу, что до жизнеспособности плода женщина имеет право делать аборт, другие решения Суда позволили установить некоторые ограничения право женщины делать аборт. Эти решения, ограничивающие право женщин на репродуктивную свободу, нашли поддержку в некоторых штатах, изменивших собственную позицию при процессе принятия соответствующего нормативного акта Верховным судом Соединенных Штатов, в большинстве своем, опираясь на решения собственного конституционного суда штата, что шло в допустимые противоречия согласно модели американского федерализма.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что современное Федеральное конституционное право США возникло на взаимодействии законодательной и судебной власти. Это стало возможным благодаря системе государственного управления в Соединенных Штатах, состоящей из двойного суверенитета, разделяемого штатом и федеральными органами. В результате двойного суверенитета те суды штатов, которые предпочли осуществлять правовой контроль за законодательной деятельностью, могли свободно расширять свои конституции штата, в то время как федеральные суды вступили на путь ограничительного толкования федеральной конституции.

Literature:

1. *Shaman Jeffrey M.* Equality and liberty in the golden age of state constitutional law / By Jeffrey M. Shaman. Published by Oxford University Press, Inc. 2008. P. 1–269.
2. *Zimmerman J.F.* Contemporary American Federalism: The Growth of National Power. Westport. Connecticut; London : Praeger Publishers, 1992. p. 93.
3. *Stevens R.M.* Asymmetrical Federalism: The federal principle and the Survival of the Small Republic. «Publius», 1977. Vol. 7. № 4. P. 32.
4. *Kelman M.* Federalism and Policy Performance / M. Kelman L. : Routledge, 2000. P. 204. Цит. по кн. Фарукшина М.Х. Федерализм: Теоретические и прикладные аспекты. М. : Юристь. 2004. P. 19.
5. *Vayman A.B.* Judicial federalism: foreign experience on the example of the USA / A.B. Vayman // Law and state: theory and practice. 2019. № 12. P. 9–11.

Журов Андрей Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент,
кафедра истории государства и права,
доцент,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
zhurov67@mail.ru

Гостев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук,
кафедра истории государства и права,
старший преподаватель,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
dragon9006@list.ru

Ермаков Евгений Геннадиевич

кандидат юридических наук,
кафедра истории государства и права,
доцент,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
ermakoff69@bk.ru

**УЧАСТИЕ ПОЛИЦИИ В БОРЬБЕ
С ЭПИДЕМИЯМИ В ГОРОДАХ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII В.**

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию деятельности полиции по контролю за санитарно-эпидемиологической обстановкой в городах Российской империи и ее участия в борьбе с эпидемиями в XVIII в. Санитарно-эпидемиологическая обстановка рассматривается как комплекс мер, направленных на недопущение возникновения эпидемий. В статье дается обзор и анализ нормативно-правовых актов, принятых в течение XVIII в., и регламентирующих данную сферу деятельности полиции. В статье освещается проблема привлечения городских жителей к обеспечению чистоты на городских улицах, организации безопасной с санитарной точки зрения торговли продуктами питания, исследуется система наказаний, установленная российским законодательством за неисполнение властных предписаний в данной сфере. Также, в статье дается анализ специфики и особенностей развития организационно-правовых основ данного направления работы и реализации полномочий полиции Российской империи по контролю за санитарно-эпидемиологической обстановкой и борьбой с эпидемиями.

Andrey N. Zhurov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of the History of State and Law,
Associate Professor,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia V.Ya. Kikotya
zhurov67@mail.ru

Sergey S. Gostev

Candidate of Legal Sciences,
Department of State History and Law,
Senior Lecturer,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
dragon9006@list.ru

Evgeny G. Ermakov

Candidate of Legal Sciences,
Department of State History and Law,
Associate Professor,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
ermakoff69@bk.ru

**POLICE INVOLVEMENT
IN URBAN EPIDEMICS
RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH CENTURY**

Annotation. The article is devoted to the legal regulation of the activities of the police to control the sanitary and epidemiological situation in the cities of the Russian Empire and its participation in the fight against epidemics in the 18th century. The sanitary and epidemiological situation is considered as a set of measures aimed at preventing the emergence of epidemics. The article provides an overview and analysis of the normative legal acts adopted during the 18th century and regulating this area of police activity. The article highlights the problem of attracting urban residents to ensure cleanliness on city streets, organizing a sanitary food trade, examines the system of punishments established by Russian legislation for non-compliance with government regulations in this area. The article also provides an analysis of the specifics and features of the development of the organizational and legal foundations of this area of work and the implementation of the powers of the police of the Russian Empire to control the sanitary and epidemiological situation and combat epidemics.

Ключевые слова: городская полиция, генерал-полицеймейстер, полицмейстерская канцелярия, эпидемия, санитарно-эпидемиологическая обстановка.

Keywords: city police, decency, police general, police chancellery, epidemic, sanitary and epidemiological situation.

В 1718 г. в процессе государственных преобразований в первой четверти XVIII в., проводимых Петром I, в России была создана регулярная полиция. Сначала она появляется в новой столице отечественного государства – в Санкт-Петербурге, в 1722 г. в Москве, затем образуется в городах Империи. И лишь с 1775 г. регулярная полиция начинает функционировать не только в городах, но и сельской местности. Задачи, стоящие перед полицией, отнюдь не исчерпывались охраной правопорядка и борьбой с уголовной преступностью. Она выполняла функции, связанные с обеспечением противопожарной безопасности, контролировала торговлю, осуществляла строительный надзор и многое другое. По замыслу царя-реформатора, сформулированному в Регламенте или Уставе Главного Магистрата (1721 г.) полиция «...споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравочении, всем безопасность подает,.... *предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах...*; вкратце ж над всеми сим полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [1, с. 297].

Немаловажным направлением в деятельности регулярной полиции Российской империи стал контроль за санитарно-эпидемиологической обстановкой, организация борьбы с эпидемиями.

Эпидемии – неизбежный спутник человечества. Заразные болезни, такие как чума, холера, оспа, тиф и другие уносили, порою, гораздо больше человеческих жизней, чем кровопролитные войны. Серьезной проблемой эпидемии были и для нашей страны. Это было обусловлено не только низким уровнем жизни основной массы населения, недостаточным питанием, антисанитарией, но и отсутствием вплоть до XIX в. адекватной государственной политики к организации санитарной службы и оказанию медицинской помощи населению.

Анализируя работу полиции в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности и противодействия эпидемиям, можно выделить несколько направлений подобной деятельности.

Во-первых, это – разработка и издание соответствующих нормативных правовых актов и контроль за их исполнением.

Во-вторых, надзор за чистотой городских улиц и недопущения скапливания на них нечистот, как потенциального источника для распространения «заразы».

В-третьих, осуществление контроля за торговой деятельностью, и, прежде всего, продуктами питания с целью запрещения продажи недобро-

качественных товаров, способных вызвать заболевания.

В-четвертых, участие в реализации карантинных мероприятий в случаях возникновения эпидемий.

В-пятых, содействие в снабжении населения необходимыми лекарственными препаратами и медицинской помощью.

Особо можно обозначить и участие полиции в предотвращении и ликвидации массовых беспорядков, которые, увы, зачастую, сопровождали эпидемии.

В XVIII в. осуществляется интенсивная нормотворческая деятельность, регламентирующая деятельность полиции по контролю за санитарно-эпидемиологической обстановкой и ее участие в предотвращении эпидемий и эпизоотий. Данные нормативные правовые акты можно подразделить на несколько видов. Одним из основных являются именные императорские указы, которые касались наиболее значимых вопросов функционирования полиции. Так, уже в Пунктах, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицеймейстеру от 25 мая 1718 г., дата принятия которых считается днем образования регулярной полиции в России, регламентируются действия полиции, направленные на обеспечение чистоты на улицах, контроля за санитарно-эпидемиологической обстановкой.

Уже с начала существования полиции вырабатывается практика опубликования царских указов от имени генерал-полицеймейстера. Так, первый руководитель Санкт-Петербургской полиции А.М. Девиер 13 декабря 1718 г. издает указ об «Объявлении Санкт-Петербургским жителям в канцелярии полицмейстерских дел, у кого в доме окажутся больные горячкой» [2, с. 601–602]. Подобную практику нормотворчества продолжают наследники Девиера на посту генерал-полицеймейстера. Например, 23 февраля 1747 г. генерал-полицеймейстер Татищев издает указ «О позволении приезжать ко двору и в прочие места из домов, в коих случится корь или оспа» [3, с. 661], а 09 октября 1766 г. генерал-полицеймейстер Чичерин объявляет документ «Об обязанности жителей С.Петербурга подписками, чтобы они объявляли в Главную Полицию о безумных, если таковые у кого в доме находятся» [4, с. 1017]. Группа указов, касающихся контроля за санитарно-эпидемиологической обстановкой, издается и Главной полицмейстерской канцелярией, руководящим полицейским органом. Примером может служить указ от 08 ноября 1765 г. «О запрещении иметь проезд ко Двору одержимыми сыпными болезнями, и тем, кои имеют с ними сообщение» [5, с. 378-379].

Нормотворческой деятельностью в рассматриваемой сфере занимался и Правительствующий Сенат. Особую активность в этом он проявлял в

50–70-е годы XVIII в., в период массового распространения эпидемий по стране. Так, например, 6 июля 1761 г. был издан сенатский указ «О принятии предосторожности в Санкт-Петербурге от умножившегося скотского падежа» [6, с. 746–747], а 11 октября 1771 г. – «Об учреждении двух Комиссий для охранения и врачевания от моровой заразной язвы» [7, с. 329–332].

Как мы видим, основное внимание поддержанию должного уровня санитарно-эпидемиологического состояния уделялось, прежде всего, в городах Российской империи. Скудность городского населения, отсутствие систем канализации и водоснабжения были факторами, способствующими возникновению и распространению эпидемий. Одним из способов противодействия этому было поддержание чистоты городских улиц, недопущения скапливания на них бытовых отходов. Уже упомянутые выше Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицеймейстеру, предписывали горожанам «содержать все улицы и переулки каждому против своего двора в рядах и в рынках и в прочих местах в чистоте, и сор чистить и возить на указанные места» [8, с. 570]. Особо указывалось на необходимость убирать «мертвечину», как потенциальный источник распространения заразных заболеваний.

Законы определяли и санкции, налагаемые за неисполнение властных предписаний в этой сфере. В соответствии с Именным указом от 20 июня 1718 г., если перед домом обывателя обнаружился мусор, то на домовладельца налагался штраф в размере трех рублей [9, с. 578]. В случаях неоднократных нарушений сумма штрафа могла дойти до 30 рублей, либо к виновному могли применить и более суровое наказание.

Власти новой российской столицы и ее первый генерал-полицеймейстер А.М. Девиер, стремясь создать по-европейски развитый город, активно занимались вопросами санитарии. Выброс на улицу нечистот строго пресекался, был организован вывоз мусора в специально отведенные участки за городом (чем занимались нанятые для этого люди). Обращалось внимание на организацию торговли съестными припасами. Неоднократно указывалось, что торговцы имеют право торговать в оборудованных местах, которые должны соответствовать определенным санитарным требованиям, торговцы же обязывались носить чистую одежду и белые фартуки (в частности, об этом говорится в именном указе, объявленным генерал-полицеймейстером Девиером 15 ноября 1718 г. «О назначении рынков в Санкт-Петербурге, о наблюдении чистоты торгующим съестными припасами и о ношении им белых мундиров»). Особо оговаривалось и качество продаваемых продуктов: «...отнюдь нездорово го какого съестного харчу не продавали, а паче вредительского чего, но все б держали здоровое, еще ж смотреть и хранить с прилежанием» [10, с. 592].

Еще одним аспектом поддержания санитарии в Санкт-Петербурге, как городе «на воде», явилась забота о сохранении чистоты рек и каналов в городской черте. Запрещалось вывозить мусор «на реку летним временем и зимнею порою отнюдь не

возить, тажко протоки и по каналам сором не засыпать» [11, с. 576].

Как мы видим, нормативные правовые акты содержали, прежде всего, запретительные меры, а также, требования к подданным осуществить, или воздержаться от определенного рода действий. По сути, на само население были возложены повинности по обеспечению чистоты, вывоза мусора, соблюдения санитарных норм и т.д. Причем, осуществлять эти повинности люди должны были за счет собственных средств. Роль полиции в этом сводилась к контролю за выполнением подданными этих повинностей и привлечению провинившихся в их неисполнении к установленной законом ответственности.

Залогом эффективного противодействия эпидемиям является своевременное выявление заболевших и их скорейшая изоляция от общества. Этот вопрос в XVIII в. также находился в компетенции полиции. 13 декабря 1718 г. А.М. Девиером объявляется указ «О объявлении Санкт-Петербургским жителям в канцелярии полицмейстерских дел, у кого в доме окажутся больные горячкой». В соответствии с этим документом, «у кого в домах кто залежит болезнию горячкою, и тех бы домов хозяевам о тех болезнях и много ль у кого залежит человек, объявить в Канцелярии Полицмейстерских дел безо всякого замедления» [2, с. 601]. При этом санкция за нарушение этого требования не была конкретно определена, документ лишь указывает на применение «жестокое наказания». Таким образом, полицмейстерская канцелярия стала органом, которая собирала сведения о заболевших и принимала решения об их дальнейшей изоляции и лечении. Хотя бывали и достаточно спорные распоряжения, исходившие от полицейских властей. Так, генерал-полицеймейстер Татищев 25 февраля 1747 г. объявил «Ежели впредь у кого случится в домах воспа или корь, таковым из домов своих, как ко Двору Ея Императорского Величества, так и в прочие места выезжать позвольте» [3, с. 661]. Это свидетельствует о недостаточных познаниях в области медицины и могло повлечь за собой печальные последствия. Однако уже в 1754 г. это положение меняется, и в случае обнаружения заразных болезней не только воспрещалось посещать императорский двор, но и фактически предписывалось закрываться в доме на одно- или двух-месячный карантин [12, с. 248–249]. В данном случае, на полицию была возложена обязанность информировать горожан о подобном установлении и проверять его исполнение.

Отвечала полиция в городах и за выделение земельных участков для захоронения умерших в период эпидемий, устанавливала правила и порядок погребения, осуществляла контроль за правильностью его производства («О назначении места для кладбищ в Санкт-Петербурге; о глубине могил и о зарывании оных», 11 мая 1756 г. [13, с. 566–568]).

В период распространения в Москве чумы в 1771 г. правительство еще раз указало: «Дабы все жители немедленно объявляли Частным Надзирателям, когда кто их домах занеможет, чтобы

определенные Лекари могли тотчас больного освидетельствовать и отделить его, в случае опасности» [14, с. 315].

Московская чума 1770–1772 гг., сопровождавшаяся чумным бунтом, потребовала выработки действительных мероприятий для борьбы с эпидемией. К сожалению, московское руководство покинуло охваченный болезнью город. Плохой пример показал и московский обер-полицмейстер Николай Бахметьев,

также выехавший из Москвы. В отсутствие руководства, полиция на время фактически устранилась от выполнения своих обязанностей, в том числе, и связанных с борьбой с эпидемией.

В соответствии с серией принятых указов в 1771–1772 гг., власти стали реализовывать следующие меры:

- установление карантинных и усиленный контроль за перемещающимися по стране подданными;
- проветривание и окуривание вещей;
- введение «комендантского часа» с восьми часов вечера до семи часов утра;
- освидетельствование полицейскими лекарями вновь заболевших;
- контроль за соблюдением чистоты, в том числе, и в жилых помещениях («О мерах предохранения жителей от прилипчивой болезни» от 10 октября 1771 г. [15, с. 327–329]).

Также, Сенатским указом от 11 октября 1771 г. в Москве было образовано две комиссии. И если первая, Комиссия для охранения и врачевания от моровой заразной язвы, ведала преимущественно медицинскими вопросами, то вторая – Исполнительная комиссия, в состав которой вошел и московский обер-полицмейстер, была

Литература:

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: [Собрание 1-е]. (далее ПСЗ). Т. 6. СПб., 1830. № 3708.
2. ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830. № 3256.
3. ПСЗ. Т. 12. СПб., 1830. № 9375.
4. ПСЗ. Т. 17. СПб., 1830. № 12754.
5. ПСЗ. Т. 17. СПб., 1830. № 12505.
6. ПСЗ. Т. 15. СПб., 1830. № 11286.
7. ПСЗ. Т. 19. СПб., 1830. № 13675.
8. ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830. № 3203.
9. ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830. № 3212.
10. ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830. № 3236.

наделена полицейской властью преследовать и наказывать нарушителей предписаний первой комиссии («Об учреждении двух Комиссий для охранения и врачевания от моровой заразной язвы» [16, с. 331]).

Принятый в 1782 г. «Устав благочиния, или полицейский», также закрепил ряд мер, связанных с деятельностью полиции в санитарно-эпидемиологической сфере («В каждом квартале иметь подрядчика для чищения улиц и свозки с улиц и из города нечистоты», «Буде кто станет разносить заразу, того иметь под стражу и отослать к суду, где поступать с ним, как в законе написано», «Буде кто учнет продавать испорченные припасы пропитания, того иметь под стражу и отослать к суду, где поступать с ним по мере вины его, как в законе написано» и т.д.).

Как и сейчас, несознательных людей, нарушающих противоэпидемиологические ограничения, было достаточно много. Для выявления таких лиц власти даже прибегали к помощи простых горожан, не бескорыстно, разумеется. Так, указом от 24 декабря 1771 г., лицам, донесшим в полицию о людях, скрывающих опасную болезнь, либо торгующих пожитками умерших, выплачивалось от 10 до 20 рублей. Очень значительная по тем временам сумма!

Общими усилиями чуму в Москве удалось победить. Но эпидемии часто возникали на территории нашей страны и в дальнейшем, в конце XVIII–XIX вв. Необходимо отметить, что буквально через три года после окончания эпидемии в Москве был описан ход и обобщена информация об этом трагическом событии, в том числе оценено и участие московской полиции в борьбе с эпидемией и ее последствиями [17]. Накопленный тогда опыт стал использоваться отечественной полицией для организации более эффективного контроля за санитарно-эпидемиологической обстановкой и борьбы с эпидемиями в Российской империи.

Literature:

1. The complete collection of laws of the Russian Empire since 1649: [Collection 1st.]. (further PSZ). Vol. 6. SPb., 1830. № 3708.
2. PSZ. Vol. 5. SPb., 1830. № 3256.
3. PSZ. Vol. 2. SPb., 1830. № 1315.
4. PSZ. Vol. 17. SPb., 1830. № 12754.
5. PSZ. Vol. 17. SPb., 1830. № 12505.
6. PSZ. Vol. 16. SPb., 1830. № 11286.
7. PSZ. Vol. 19. SPb., 1830. № 13675.
8. PSZ. Vol. 5. SPb., 1830. № 3203.
9. PSZ. Vol. 5. SPb., 1830. № 3212.
10. PSZ. Vol. 5. SPb., 1830. № 3236.

11. ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830. № 3210.

12. ПСЗ. Т. 14. СПб., 1830. № 10317.

13. ПСЗ. Т. 14. СПб., 1830. № 10553.

14. ПСЗ. Т. 19. СПб., 1830. № 13660.

15. ПСЗ. Т. 19. СПб., 1830. № 13674.

16. ПСЗ. Т. 19. СПб., 1830. № 13675.

17. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 году с Приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений по Высочайшему повелению напечатано 1775 года в Москве при Императорском университете. М., 1775.

11. PSZ. Vol. 5. SPb., 1830. № 3210.

12. PSZ. Vol. 14. SPb., 1830. № 10317.

13. PSZ. Vol. 14. SPb., 1830. № 10553.

14. PSZ. Vol. 19. SPb., 1830. № 13660.

15. PSZ. Vol. 19. SPb., 1830. № 13674.

16. PSZ. Vol. 19. SPb., 1830. № 13675.

17. Description of the pestilence that existed in the capital city of Moscow from 1770 to 1772 with the Appendix of all for the termination of the then established institutions by the Imperial command was published in 1775 in Moscow at the Imperial University. M., 1775.

Иванов Андрей Викторович

аспирант кафедры
уголовно-правовых дисциплин
юридического факультета,
Институт международного права
и экономики имени А.С. Грибоедова
zagorye@mail.ru

Потоцкий Николай Карлович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин юридического факультета,
Институт международного права
и экономики им. А.С. Грибоедова
n.pototsky@iile.ru

**ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ
КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ
ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ)
ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ,
Т.Е. ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТ. 174 И 174.1 УК РФ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации ст. 174 (174.1) УК РФ, дана оценка квалифицирующих признаков по степени их общественной опасности, рассмотрены нарративы ученых по совершенствованию квалифицирующих признаков легализации денежных средств или иного имущества, проведен анализ действующего законодательства и постановлений Пленумов ВС РФ, автором предложено установить минимальный порог привлечения к уголовной ответственности за легализацию, а также изменить действующие признаки и дополнить новым в ст. 174 (174.1) УК РФ с учетом представленных обоснований и пояснений.

Ключевые слова: отмывание, легализация денежных средств, полученных преступным путем, квалифицирующие признаки, с использованием своего служебного положения, цифровые активы, криптовалюта, Конвенция.

Международные нормы являются стратегическим вектором развития национальных законодательств и являются генезисом новых составов преступлений. Ввиду отсутствия продолжительного опыта применения вновь образуемых составов, правоприменитель сталкивается с некоторыми сложностями и проблемами в практике их применения. Одним из таких преступлений новейшего времени является легализация (отмывание) преступных доходов.

Andrei V. Ivanov

Postgraduate Student
of the Department of Criminal
Law Disciplines of the Faculty of Law,
Institute of International Law
and economy named after A.S. Griboedov
zagorye@mail.ru

Nikolay K. Pototsky

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Criminal Law
subjects of the Faculty of Law,
Institute of International Law
and Economy named after A.S. Griboedova
n.pototsky@iile.ru

**THE CONCEPT AND ESSENCE
OF QUALIFYING FEATURES
OF MONEY LAUNDERING, I.E.,
CRIMES UNDER ART. 174 AND 174.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RF**

Annotation. The article is devoted to the problems of qualification of art. 174 (174.1) of the Criminal Code of the Russian Federation, the qualifying signs on the degree of their public danger are estimated, the narratives of scientists on improvement of qualifying signs of money laundering or other property are considered, the analysis of the current legislation and the decisions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation is performed, the author has offered to establish a minimal threshold of bringing to criminal responsibility for legalization as well as to change the acting signs and to add new ones in art. 174 (174.1) of the Criminal Code of the Russian Federation with due consideration of the presented justifications.

Keywords: laundering, money laundering, money laundering, qualifying signs, using one's official position, digital assets, cryptocurrency, Convention.

Квалифицирующие признаки ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса (далее УК) тождественны между собой. В качествеотягчающих обстоятельств за легализацию преступных доходов законодатель предусмотрел такие как легализация, совершенная в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, организованной группой и в особо крупном размере.

Согласно примечания к ст. 174, под крупным размером в ст. 174 и 174.1 УК предусмотрено совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, совершенными на сумму, превышающую 1 млн 500 тыс. рублей, а в особо крупном размере – 6 млн рублей. Более того, под соответствующие классификационные признаки подпадают не только единая операция или сделка, но и несколько финансовых операций или сделок с денежными средствами или иным имуществом, если общая сумма составит 1 млн 500 тыс. рублей или 6 млн рублей соответственно. Это следует из п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее ППВС № 32), который разъяснил, что в тех случаях, когда лицом совершены две и более финансовые операции или сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными в результате совершения одного или нескольких основных преступлений, и обстоятельства их совершения свидетельствуют о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям статьи 174 или статьи 174.1 УК [1]. Исходя из этого, финансовые операции или сделки, совершенные на сумму менее 1 млн 500 тыс. рублей подпадают под действие ч. 1 указанных статей. Однако ни законодатель, ни ВС не указали минимального порога суммы финансовой операции или иной сделки. Отсутствие нижнего предела, по нашему мнению, нарушает ч. 2 ст. 14 УК, содержание которой говорит о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

В литературе исследователями предлагается различными варианты установления минимального порога ответственности за легализацию. В частности, К.Э. Емцева предложила установить порог ответственности в размере 250 тысяч рублей, а сделки по легализации ниже указанной суммы ею предложено отнести к категории административного правонарушения [2]. Л.Н. Куровская предложила 300 тыс. рублей, чтобы избежать привлечения к уголовной ответственности лиц за малозначительные действия [3]. О.В. Сабанина предложила установить уголовную ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов только в случае их совершения в значительном размере, под которым подразумевается сумма превышающая 50 тыс. рублей, тем самым введя дополнительный квалифицирующий признак «доход в значительном размере» [4]. За установление такого квалифицирующего признака как значительный размер предлагает и О.А. Рыхлов, но определив значительный размер в 200 тыс руб. по движимому и 1 млн руб. по недвижимому имуществу [5]. Безусловно, в Законе

должен быть предусмотрен порог минимального размера финансовых операций или сделок по легализации преступных доходов, меньше которого уголовная ответственность должна отсутствовать, но с предложенными авторами вариантами мы не можем согласиться. Единственная сумма, которая отражена в законодательстве, это 600 тыс. рублей. Именно эта сумма установлена в ст. 6 Федерального закона РФ от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 28.07.2004 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее ФЗ-115) в качестве обязательного контроля за операциями с денежными средствами или иным имуществом [6]. И было бы логично указать ее в качестве минимального порога уголовной ответственности за легализацию. Но, тогда возникает дилемма, как быть, если в качестве предикатного преступления выступают преступления, в которых минимальные пороги меньше, чем сумма в 600 тыс. рублей? Поскольку законодателем пока не установлен минимальный порог легализации преступных доходов, мы считаем, что более правильным будет взять за отчет минимального порога привлечения к уголовной ответственности за легализацию минимальную сумму предикатного преступления. Например, в ч. 2 ст. 7.27 КоАП законодатель установил максимальную сумму мелкого хищения 2 тыс. 500 рублей, соответственно хищение выше указанной суммы будет считаться уже преступлением и квалифицироваться по соответствующим статьям УК.

Законодателем были разнесены квалифицирующие признаки крупный размер в ч. 2, а совершенные деяния группой лиц по предварительному сговору и лицом с использованием своего служебного положения, соответственно, в ч. 3 ст. 174 (174.1) УК. Не совсем понятна логика законодателя, почему признак крупный размер имеет меньшую общественную опасность по сравнению с признаками группой лиц по предварительному сговору и с использованием его служебного положения. Так, из анализа статей раздела УК о преступлениях в сфере экономики, можно заметить, что в некоторых статьях законодатель объединил в одной части статьи такие признаки как крупный размер и группой лиц по предварительному сговору (например, ч. 2 ст. 161 (грабёж), ч. 2 ст. 163 (вымогательство), ч. 2 ст. 175 (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем), ч. 2 ст. 193.1 (совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов) УК РФ), а есть примеры, в которых признак с использованием служебного положения приравнен к крупному размеру (например, ч. 3 ст. 160 (присвоение или растрата) УК РФ), тем самым, уровнях их по степени общественной опасности. Поэтому нами поддерживаются мнения авторов, которые предлагают объединить ч. 2 и 3 действующей редакции ст. 174 и 174.1 УК РФ в одну часть, с целью выполнения правил юридической техники и унификации уголовных норм о легализации.

Следующим моментом, который вызывает неоднозначность и вызывает проблемы, связанные с

квалификацией преступлений о легализации, являясь применением квалифицирующего признака «с использованием своего служебного положения». Сложность вызывает определение субъекта легализации, который использует свое служебное положение. Законодательство не содержит нормы, дающие родовое определение совершению преступления лицом с использованием своего служебного положения, что осложняет практическое применение указанных норм. Оно разработано теорией уголовного права, где под использованием лицом своего служебного положения понимается легализация денежных средств или иного имущества, заведомо приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом, государственным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, не являющейся государственной.

Верховный суд неоднозначно дает в своих постановлениях трактовку квалифицирующего признака использование служебного положения. Проведем анализ некоторых из них. Так, в п. 23 ППВС № 14 от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее ППВС № 14) указывается, что под использующим свое служебное положение лицом (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ) следует понимать как должностное лицо, так и лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами. Например, при изготовлении лекарственных препаратов таким лицом может являться провизор, лаборант, при отпуске и применении — работник аптеки, врач, медицинская сестра, при их охране — охранник, экспедитор [7]. А уже в п. 29 ППВС № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее ППВС № 48) под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты уже понимаются должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации) [8].

Согласно примечания к ст. 285 УК под должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции только в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях и компаниях. В примечании ст. 201 УК выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного

самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

Как мы видим, в ППВС № 14 лицо должно просто обладать трудовой функцией, т.е., согласно ст. 57 ТК, выполнять работу по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы. А уже в ППВС № 48, лицо должно только обладать функциями должностного лица или выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. По нашему мнению, в ППВС № 14 ВС был ближе к истине, поскольку достаточно конкретизировал понятие служащего. Под служащим понимается лицо, которое работает по найму в области умственного, нефизического труда [9]. Как следует из трактовки, здесь нет ссылки на то, что служащий должен обладать административными, руководящими или иными функциями и состоять на государственной или иной должности.

Применительно к легализации преступных доходов ВС принимал постановления дважды. Первым было Постановление от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (далее ППВС № 23), в п. 23 которого под лицами, использующими свое служебное положение (пункт «б» части 3 статьи 174 и пункт «б» части 3 статьи 174.1 УК РФ) понимались должностные лица, служащие, а также лица, осуществляющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях [10]. В последующем ППВС № 32, которое отменило ППВС № 23, ВС заузил разъяснение такого квалифицирующего признака как использование своего служебного положения, указав применительно лишь к государственному регистратору и нотариусу, тем самым поставив перед правоприменительной еще больше вопросов. Не понятно, как быть с квалификацией, если легализация преступных доходов происходит, например, обычным продавцом антикварного магазина или рядовым сотрудником тотализатора? Какие организационно-распорядительные, управленческие или административно-хозяйственные функции, они несут?

Директива Европейского Парламента и Совета (ЕС) от 20.05.2015 г. № 2015/849 «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении Регламента (ЕС) 648/2012 Европейского Парламента и Совета ЕС и об отмене Директивы № 2005/60/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС и Директивы № 2006/70/ЕС Европейской Комиссии» (4-я Директива ЕС) предусматривает конкретный перечень лиц, которые в результате своей

профессиональной деятельности могут быть причастны к легализации преступных доходов. К ним относятся: аудиторы; бухгалтеры-ревизоры; налоговые консультанты; нотариусы; независимые юристы (адвокаты), если они участвуют в каких-либо финансовых сделках или сделках с недвижимым имуществом, независимо от того, представляют ли они своих клиентов или нет, либо если они содействуют планированию или осуществлению сделок своих клиентов; агенты по недвижимости; лица, занимающимся торговлей товарами; организаторы азартных игр; провайдеры, занимающиеся услугами по обмену между виртуальными валютами и фиатными валютами; поставщики хранительских кошельков; лица, хранящие, торгующие или выступающие в качестве посредников в торговле произведениями искусства [11]. Перечисленные выше специальности не обладают организационно-распорядительными, управленческими или административно-хозяйственными функциями и при буквальной трактовке уголовных норм легализации выпадают из числа субъектов легализации с квалифицирующим признаком использования своего служебного положения. Указанный выше перечень лиц, вследствие своей деятельности, обладают определенными навыками, знаниями и возможностями, которые они могут использовать при совершении преступлений, связанных с легализацией. Не учет квалифицирующих признаков, в данном случае использования лицом своего служебного положения, ведет к недооценке степени общественной опасности и, как следствие, объема вины. Для восполнения данного пробела в части касающейся, нами предлагается дополнить в ст. 174 (174.1) УК квалифицирующий признак как «использование своего служебного положения» дополнительной формулировкой «...или при осуществлении своей профессиональной деятельности».

В литературе можно встретить большое разнообразие предложений некоторых авторов по совершенствованию квалификации уголовных норм о легализации преступных доходов в виде дополнительных признаков, сопряженных с предикатным преступлением. Среди них, например, совершение легализации в целях финансирования акта терроризма или террористической организации, а равно иной преступной деятельности [12]; совершение легализации с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными в результате преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [13]; совершение деяния с использованием оффшоров [14] или заведомо носящее транснациональный характер (с иностранным элементом) [15]. Такой подход авторов мотивирован повышенной степенью общественной опасности преступлений и имеющейся аналогичной практикой в уголовных законодательствах зарубежных стран. Мы не совсем согласны с позицией авторов, предлагающих криминализировать статьи о легализации дополнительными квалифицирующими признаками в виде ссылок других составов. По своей природе легализация преступных доходов является прикосновенным преступлением, т.е. является производным от основного. Сами по себе такие составы как совершение

валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст.193.1 УК), незаконный оборот наркотических и психотропных средств (ст. 228, 228.1 УК), содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК) являются основными и тяжкими составами, за которые предусмотрено отдельное наказание, поэтому будет совсем не логично, если они выступят в роли квалифицирующих признаков у прикосновенного состава. В таком случае, с учетом действующей в РФ системы наказаний, наказания за указанные составы преступлений поглотят наказание за легализацию, что деструктивно отразится на расследовании уголовных дел, поскольку расследование уголовных дел о легализации отойдет на второстепенный план, в связи большой нагрузкой по доказыванию такого рода преступлений и значительной временной затратой, за который обвиняемый не понесёт фактического наказания, а это уже отрицательно скажется на ПОД и выполнении РФ своих обязательств, принятых по Конвенциям ООН и Совета Европы в части касающейся легализации (отмывании) преступных доходов.

Существует и другая, противоположная точка зрения, отличающаяся от вариантов, предложенных выше авторами. Так, Л.Н. Куровская предложила сделать легализацию в качестве квалифицирующего признака к некоторым составам преступлений: «...установление уголовной ответственности в отношении лица, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, не согласуется с принципом *Nemo debet bis puniri pro uno delicto* и не отвечает принципу индивидуализации ответственности. Выходом из создавшегося положения, по мнению диссертанта, могло бы быть внесение в составы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оружия, коррупционной направленности, такого квалифицирующего признака, как совершение действий, указанных в диспозиции этих норм, сопряженных с легализацией (отмыванием) полученных доходов» [3, с. 69]. Такая позиция представляется нам одиозной и мы критически относимся к ней, в связи с тем, что легализацию преступных доходов можно детерминировать как конвенционное преступление, парадигма объективной стороны которого довольно объемна и по правилам законодательной техники ее невозможно описать одной трактовкой в виде квалифицирующего признака, на что в дальнейшем потребуются дополнительное разъяснение ВС РФ и излишний комментарий к УК, что деструктивно скажется на практическом применении данной нормы.

Тенденциями современного развития являются новые технологии, которые задают стратегический вектор развития во всех областях современного мира. Не отстает от этих технологий и преступный мир. Одним из таких изобретений является цифровые технологии, а как производные - darknet и криптовалюта (виртуальная валюта), с помощью которых в современном мире совершается достаточное количество преступлений, в том числе легализация (отмывание) преступных доходов. Криптовалюта (биткоин, альткоины и

токены) делают финансовые услуги независимыми от контролирующих и регулирующих органов, банков. Операции по их использованию носят анонимный характер, что привлекает к ним преступный мир и дает возможность использования в противоправной деятельности. Использование криптовалюты представляет особую угрозу при использовании ее в финансировании терроризма, в коррупционных преступлениях, поскольку правоохранительные органы фактически лишены возможности установления бенефициаров, отправителей и получателей платежей, также представляет угрозу краха финансовой системы, поскольку не имеет контроля со стороны финансового регулятора.

О наличии общественной опасности совершения преступлений с использованием криптовалюты отмечается и в Публичном отчете Росфинмониторинга «Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов 2017–2018 гг.», в котором в частности, отмечено, что криптовалюты используются при легализации преступного дохода, полученного от незаконного оборота наркотических средств [16]. Анонимность расчетов с использованием криптовалют повышают ее популярность среди преступного элемента при совершении экономических преступлений и преступлений коррупционной направленности, поскольку усложняет процесс доказывания по делу.

Использование виртуальных валют вошло в группу высокой оценки рисков. Суммируя и оценивая вышеизложенное, можно утверждать о том,

Литература:

1. БВС. Сентябрь 2015. № 9.
2. *Емцева К.Э.* Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 9.
3. Куровская Л.Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия легализации преступных доходов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 10.
4. *Сабанина О.В.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 9, 10.
5. *Рыхлов О.А.* Ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, по уголовному законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2007. С. 10,11.
6. Собрание законодательства РФ. 13.08.2001 г. № 33. Ст. 3418.
7. БВС. Август 2008 г., № 6.
8. БВС. Февраль 2018 г., № 2.

что преступления, совершенные с использованием криптовалюты носят общественно опасный характер и наносят существенный урон экономике страны. На основании изложенного, мы предлагаем дополнить ст. 174 (174.1) УК таким квалифицирующим признаком как совершение легализации с использованием цифровых финансовых активов (криптовалюты).

Подводя итоги вышесказанному, с целью унификации уголовного законодательства в части легализации преступных доходов, нами предлагается:

- 1) установить минимальный порог привлечения к уголовной ответственности по ст. 174 (174.1) УК соответствующий предикатному преступлению 2500 руб.;
- 2) с целью выполнения правил юридической техники и унификации уголовных норм о легализации, объединить ч. 2 и 3 действующей редакции ст. 174 (174.1) УК в одну часть;
- 3) изменить квалифицирующий признак «использование своего служебного положения» на формулировку «использование своего служебного положения или при осуществлении своей профессиональной деятельности»;
- 4) дополнить ст. 174 (174.1) УК таким квалифицирующим признаком как совершение легализации с использованием цифровых финансовых активов (криптовалюты).

Literature:

1. BVS. September 2015. № 9.
2. *Emtseva K.E.* Counteraction to legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: criminal law and criminological aspects : abstract of thesis. cand. in philosophy of law. Krasnodar. 2016. P. 9.
3. Kurovskaya L.N. Criminal and legal problems of counteraction to legalization of criminal proceeds : diss. cand Law. M., 2004. P. 10.
4. *Sabanina O.V.* Criminal liability for the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means : autoref. dis. ... cand. of legal sciences. Yekaterinburg, 2004. P. 9, 10.
5. *Rychlov O.A.* Responsibility for legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means under the criminal legislation of Russia : autoref. dis. ... cand. of legal sciences. Chelyabinsk. 2007. P. 10,11.
6. Collection of Legislation of the Russian Federation. 13.08.2001 г. № 33. Art. 3418.
7. BVS. August 2008, № 6.
8. BVS. February 2018, № 2.

9. Большой академический словарь русского языка : в 30 т. // Гл. редактор А.С. Герд. М., СПб. : Наука. РАН. 2019. Т. 26. С. 263.

10. Российская газета (федеральный выпуск) 07.12.2004 г.

11. Официальный Журнал ЕС, № L 141, 5.6.2015. С. 73.

12. *Кузахметов Д.Р.* Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 11.

13. *Муксинова А.Ф.* Легализация доходов, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков, в зарубежном уголовном законодательстве / А.Ф. Муксинова // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32). С. 238–245.

14. *Варфоломеева Л.Н.* Противодействие отмыванию денежных средств / Л.Н. Варфоломеева, Е.С. Рудых, И.В. Игнатъева // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 4(38). С. 120.

15. *Букарев В.Б.* Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: общественная опасность и вопросы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

16. URL : <http://www.fedsfm.ru> (дата обращения 19.01.2021).

9. The Big Academic Dictionary of the Russian language // Editor-in-chief Gerd A.S. M., SPb. Nauka. RAS. 2019. In 30 vol. Vol. 26. P. 263.

10. Rossiyskaya Gazeta (federal issue) 07.12.2004.

11. Official Journal of the EU, № L 141, 5.6.2015. P. 73.

12. *Kuzakhmetov D.R.* Legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: issues of theory, legislative regulation and practice: autoref. dis. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2006. P. 11.

13. *Muxinova A.F.* Legalization of proceeds acquired as a result of illicit drug trafficking in foreign criminal legislation / A.F. Muxinova // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2(32). P. 238–245.

14. *Varfolomeeva L.N.* Counteraction to money laundering / L.N. Varfolomeeva, E.S. Rudykh, I.V. Ignatyeva // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2019. № 4(38). P. 120.

15. *Bukarev V.B.* Legalization (laundering) of proceeds acquired by criminal means: public danger and issues of qualification : autoref. dis. ... cand. of legal sciences. M., 2006. P. 11.

16. URL : <http://www.fedsfm.ru> (date of application 19.01.2021).

Караваяева Виктория Анатольевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель-методист
учебно-методического управления
учреждения образования,
Академия Министерства
внутренних дел Республики Беларусь
2006_victory@mail.ru

Viktoryia A. Karavayeva

Candidate of Legal Sciences,
Senior Teacher Methodist
of Educational and Methodical
Management Educational Institutions,
Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus
2006_victory@mail.ru

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ
НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(НЕКОДИФИЦИРОВАННЫЙ ПЕРИОД)**

**RETROSPECTIVE ANALYSIS
OF THE RULE-MAKING TECHNIQUE
OF THE CRIMINAL LAW
(UNCODIFIED PERIOD)**

Аннотация. В данной статье проводится ретроспективный анализ нормотворческой техники уголовного законодательства неcodифицированного периода. Авторами отмечается, что современные технико-юридические средства и приемы, использованные при конструировании уголовного закона, явились результатом длительного эволюционного процесса, особенности которого должны быть учтены при исследовании конкретных уголовно-правовых норм. Рассмотрены особенности конструирования структурных элементов источников права, подходы к конструированию норм, а также форма и содержание положений, схожих с современными примечаниями. Определены этапы становления нормотворческой техники уголовного законодательства.

Annotation. A retrospective analysis of the rule-making technique of the criminal legislation of the uncodified period is carried out. It is noted that modern technical and legal means and techniques used in the construction of criminal law were the result of a long evolutionary process, the features of which should be taken into account when studying specific criminal law norms. The features of the design of the structural elements of sources of law, approaches to the design of norms, as well as the form and content of provisions similar to modern notes are considered. The stages of formation of the rule-making technique of criminal legislation are determined.

Ключевые слова: история нормотворческой техники, уголовно-правовое нормотворчество, уголовный закон, основной состав, квалифицированный состав, санкция, примечание.

Keywords: history of rule-making technique, criminal law rule-making, criminal law, main composition, qualified composition, sanction, note.

Исследование процесса становления нормотворческой техники играет важную роль в процессе совершенствования действующего уголовного законодательства. Анализ исторических источников права позволяет обнаружить определенные тенденции общественного развития, которые повлияли на уровень нормотворческой техники Уголовного кодекса Республики Беларусь. Современные технико-юридические средства и приемы, использованные при конструировании уголовного закона, явились результатом длительного эволюционного процесса, особенности которого должны быть учтены при исследовании конкретных уголовно-правовых норм.

вошедшая в состав древнего сборника под названием «Кормчая книга». Исследователями отмечается непосредственное влияние церковного и светского византийского права на формирование древнерусского права [8, с. 14].

Исследование истории отечественного уголовного законодательства целесообразно начинать с обращения к средневековым источникам права XI–XIII вв. (Русская Правда, договорные грамоты белорусских государств-княжеств с иностранными государствами и др.). Одним из первых источников права является Русская правда,

С точки зрения нормотворческой техники, средневековые источники права характеризовались недостаточной структуризацией нормативного материала: текст не был разделен на разделы, главы, статьи. Например, в первоначальном тексте Русской правды отсутствовала какая-либо нумерация: текст был для удобства разделен на статьи летописцами. Нормы средневековых источников права XI–XIII вв. преимущественно имели казуистический характер в связи со стремлением законодателя наиболее подробно отразить все возможные случаи совершения противоправных деяний. Структура норм в Русской Правде в целом характеризовалась единообразием. Гипотеза начиналась со слов «паки ли», «оже», «аще», «а», которые имели значение

«если»; диспозиция выражалась словом «то». Логическая импликация частей древнерусской нормы представляла собой вопрос, поставленный в гипотезе (произошло ли конкретное событие, является ли лицо виновным и т.д.), и ответ на этот вопрос [4, с. 14]. Казуистический характер норм Русской Правды предопределил точность формулировок санкций, большинство из которых в современном понимании могут быть отнесены к абсолютно-определенным.

В рамках исследования средневековых источников прав, достаточно сложно говорить о предпосылках к формированию Общей и Особенной частей. Указанные части формально отсутствовали, однако анализ норм древнерусских законов позволяет полагать, что первоначально происходило формирование норм Особенной части, поскольку основное внимание было уделено именно закреплению признаков конкретных противоправных деяний.

Источники права Великого княжества Литовского XIII–XVI вв. по своей структуре и конструкции норм схожи с Русской Правдой, однако, в содержательном плане они отражают более высокий уровень развития отдельных институтов уголовного права. Так, в общеземской грамоте великого князя Казимира 1447 г. впервые встречается понятие противоправного деяния – проступка (ст. 4). В Судебнике 1468 г., который считается первым кодифицированным уголовным законом белорусских земель, содержалось четкое указание на противоправный характер преступного деяния при помощи словосочетаний «выступ из права» (ст. 12), «над правом стянуть» (ст. 21).

Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 г. явились результатом переработки текущего законодательства и практики его применения, отдельных положений римского, немецкого, польского права, а также обычного права. С точки зрения нормотворческой техники в Статутах ВКЛ наблюдаются значительные изменения в структуризации нормативного материала: текст был разделен на разделы, главы и артикулы. В Статутах ВКЛ начался процесс формирования специальной юридической терминологии [1, с. 32].

Артикулы Статутов ВКЛ были значительного объема и носили казуистический характер, однако, в Статуте 1529 г. наблюдается процесс приведения артикулов к единой конструкции: «если бы кто..., то», «если бы кто, ... тогда». В современном понимании санкции Статутов ВКЛ можно охарактеризовать как абсолютно-определенные и относительно-определенные. Анализ санкций показывает постепенный отказ от имущественных наказаний, которые были наиболее распространены в Статуте ВКЛ 1529 г., в пользу публичных и устрашающих.

Наиболее прогрессивным с точки зрения нормотворческой техники являлся Статут ВКЛ 1588 г. В данном документе впервые получили законодательное закрепление важнейшие принципы уголовного права: равенство всех перед законом, презумпция невиновности, соответствие наказания совершенному деянию и др. Статут ВКЛ 1588 г.

действовал на белорусских землях до начала XIX в. и после присоединения к Российской империи оказал значительное влияние на развитие нормотворческой техники российского законодательства, в частности, он явился одним из источников Соборного Уложения 1649 г.

Принятие Артикула Воинского Петра I 1715 г. оказало значительное влияние на дальнейшее формирование нормотворческой техники отечественного уголовного законодательства. Артикул Воинский Петра I был разработан по форме шведских, датских, немецких и французских военных артикулов. Отдельными исследователями отмечается влияние византийского военного законодательства [5, с. 14–15]. Текст данного документа был приближен к современному:

- присутствовала рубрикация;
- постепенно преодолевалась казуистичность норм;
- впервые появились дефиниции;
- происходило дальнейшее формирование юридической терминологии.

Артикул Воинский Петра I оказал значительное влияние на формирование Общей части уголовного закона, а также – уголовно-правовых санкций. В Артикуле Воинском Петра I впервые появились положения, которые были обособлены от основного содержания артикула словом «толкование», по содержанию сходные с современными примечаниями.

Отдельные исследования, посвященные проблемам нормотворческой техники, в юридической науке отсутствовали до XVIII в. Появление первых отраслевых требований к форме и содержанию уголовного закона было обусловлено сформировавшимися в европейской уголовно-правовой науке направлениями (школами).

В Западной Европе в XVIII в. возникает просветительно-гуманистическое направление (Ш.Л. Монтескье, Вольтер, Ч. Беккариа, Ж.П. Марат и др.), представители которого излагали взгляды буржуазии, стремившейся к ограничению власти феодалов. Основные идеи данного направления выражались в развитии положений о предупреждении преступности, о соразмерности преступления и наказания, а также о неотвратимости наказания. Распространение в обществе просветительно-гуманистических идей привело к постепенному изменению характера наказаний, что отразилось на формировании уголовно-правовых санкций. В уголовном законодательстве наблюдается отказ от применения публичной смертной казни и иных устрашающих видов наказаний, начинается «эра карательной сдержанности».

В конце XVIII в. – начале XIX в. в уголовно-правовой науке возникает классическое направление (И. Кант, Г. Гегель, А. Фейербах, И. Бентам и др.). Его представителями сформулирован принцип «nullum crimen, nulla poena sine lege», который был взят за основу для построения уголовных кодексов большинства европейских стран.

Значительное внимание уделялось анализу догмы уголовного права, общим требованиям к построению уголовного закона и уголовно-правовых институтов, а также анализу конкретных составов преступлений. Основные идеи классического направления были отражены в Уголовном кодексе Франции 1810 г. и Уголовном кодексе Баварии 1813 г.

С 1826 г. по 1832 г. развитие нормотворческой техники уголовного закона связано с теоретической и практической работой по систематизации законодательства под руководством М.М. Сперанского. Итогом указанной деятельности явился Свод законов Российской империи 1832 г., действие которого было распространено на белорусские земли царским указом от 25 июня 1840 г. Основой для создания Свода законов, по мнению исследователей, было сочинение английского философа Ф. Бэкона «О достоинстве и приумножении наук», а также достижения римского права и европейской юриспруденции.

В структурном отношении, составители Свода законов учли передовые особенности нормотворческой техники, сформулированные представителями классического направления в уголовном праве и закрепленные в австрийском, французском и баварском уголовных кодексах. В Своде законов впервые произошло обособление норм, которые в современном понимании могут быть отнесены к Общей части уголовного права. Значительные изменения произошли в области расположения нормативного материала: нормы Общей части были логически выстроены «от преступления к наказанию», процессуальные уголовно-правовые нормы были отделены от материальных, группировка норм Особенной части осуществлялась по объекту преступного посягательства.

В 1845 г. в Российской империи было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое в целом характеризовалось сложной структурой: в документе насчитывалось более двух тысяч статей. В ходе его подготовки были использованы действующие уголовные уложения зарубежных стран, что, несомненно, не могло не повлиять на уровень нормотворческой техники. В Уложении 1845 г. формально не были выделены Общая и Особенная части, однако некоторые ученые называют Общей частью первый раздел «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще».

Законодатель использовал при конструировании норм квалифицирующие признаки и «примечания». Характер примечаний существенно не отличался от положений, закрепленных в статьях. Их использование преимущественно было направлено на привлечение внимания в процессе восприятия текста закона. Возможно, именно с этим связан тот факт, что данный структурный элемент стал называться именно «примечание».

Во второй половине XIX в. классическое направление в европейской уголовно-правовой науке, несмотря на значительное количество преимуществ, подвергалось критике, поскольку его представители осуществляли конструирование

уголовно-правовых норм без учета исторических и социально-экономических условий, основные проблемы уголовного права были рассмотрены ими с формально-юридической стороны [5, с. 701]. Реакцией на теоретические и практические недостатки классического направления явились антропологическое (Ч. Ломброзо, Э. Феррри, Р. Гарофало и др.) и социологическое (Ф. фон Лист, А. Принс, В. Ван-Гамель, И.Я. Фойницкий и др.) направления. Представители антропологического направления обосновывали идею биологического характера преступности. Утверждалось, что человек изначально рождается с определенным набором антропологических черт, которые определяют его преступное поведение.

Последующие научные исследования в области уголовного права поставили под сомнение многие положения антропологического направления, однако, несмотря на это, оно способствовало развитию отдельных институтов уголовного права. В частности, появились теоретические разработки возраста уголовной ответственности, характеристики личности преступника, а также, мер медицинского характера, применяемых к лицам, страдающим психическими расстройствами, учения о вменяемости и т.д. Многие положения антропологического направления явились предпосылками к возникновению криминологии.

В основу социологического направления в уголовно-правовой науке была положена теория социально-экономических, физических (космических) и биологических (физических) факторов преступности, разработанная итальянским юристом Э. Ферри. Представителями социологического направления обоснована идея «опасного состояния личности», в соответствии с которой к преступнику, наряду с наказанием, применялись меры безопасности вне зависимости от того, совершило ли лицо конкретное преступление или нет. Основанием уголовной ответственности являлось наличие у лица определенных физических или психологических особенностей, которые опасны для общества. Следует отметить, что, несмотря на радикальность указанной теории, она была использована в дальнейшем при подготовке отдельных норм уголовного законодательства.

В 1864 г. был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее – Устав 1864 г.), который регламентировал проступки, за совершение которых предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком до одного года. Статьи Устава 1864 г. отличаются единообразной конструкцией, которая, как правило, выглядит следующим образом: «за несоблюдение... виновные подвергаются...». Для описания объективной стороны преступления впервые используются отглагольные существительные, такие как «присвоение», «хранение», «несоблюдение», «производство», «нарушение», «устройство», «употребление» и др.

Примечания присутствуют как в первой главе, содержащей общие положения, так и в последующих главах. К одной статье относилось от одного до шести различных примечаний. В отличие от

Уложения 1845 г., примечания по содержанию можно объединить в определенные группы (случаи, на которые действие статьи не распространяется, разъяснения, отсылки и др.). В то же время, имелись некоторые противоречия в использовании примечаний. Например, случаи, на которые действие статьи не распространяется, могли располагаться как в примечании, так и в тексте статьи (ст. 104).

На рубеже XIX–XX вв. происходит процесс доктринального оформления нормотворческой техники, который связан с развитием юридического позитивизма, в рамках которого проблема формы нормативных предписаний выходит на первый план. Основу концепции нормотворческой техники составил догматический юридический метод. Появляются первые крупные исследования, посвященные проблемам нормотворческой техники [2; 3].

22 июня 1903 г. в Российской империи было утверждено Уголовное уложение, которое состояло из 37 глав, включавших 687 статей. В уголовно-правовой литературе Уголовное уложение характеризуется преимущественно критически. Основным недостатком данного акта является чрезмерная казуистичность норм и сопутствующая ей многостатейность. Однако, несмотря на все недостатки, Уголовное уложение было разработано в конкретные исторические и социально-экономические условия и соответствовало уровню развития нормотворческой техники. Происходит постепенное совершенствование конструкции статей, предусматривающих квалифицированные составы. Так, появляются «сквозные» квалифицирующие признаки, присутствующие в нескольких главах («учинено умышленно», «по корыстному побуждению» и др.); постепенно преодолевается многозначность терминологии, характерная для Уложения 1845 г. Положения, которые ранее законодатель размещал в примечаниях, а также дополнениях к статьям, в Уголовном уложении были перемещены в содержание статей.

Впервые на законодательном уровне закрепление требований нормотворческой техники было осуществлено в 1913 г. в Правилах изложения законопроектов Российской империи. Данный документ регулировал вопросы формулирования

названий структурных элементов законопроектов, порядка внесения изменений и дополнений; закреплял грамматические и стилистические правила, предъявляемые к законопроектам и т.д. Некоторые положения документа интересны с точки зрения конструирования уголовного закона. Например, в ст. 5 указывалось, что следует «избегать примечаний; к отделам же общей части законопроектов не допускать их вовсе» [7, с. 5].

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ нормотворческой техники уголовного законодательства некодифицированного периода позволяет выделить следующие этапы ее становления: до начала XVIII в. – этап казуистического изложения норм, характеризующийся недостаточной структуризацией нормативного материала. Основное внимание в источниках права уделяется наиболее полному и точному описанию признаков противоправных деяний, что в современном понимании свидетельствует о предпосылках к формированию Особенной части уголовного закона. Примечания используются преимущественно для привлечения внимания и содержат положения, различные по содержанию. В целом, при конструировании структурных элементов источников права прослеживается связь с установлениями римско-византийской эпохи;

XVIII в. – 1922 г. – этап постепенной структуризации нормативного материала, характеризующийся усложнением средств и приемов нормотворческой техники. Структура источников права представлена четким делением на главы и статьи, имеющие нумерацию. Происходит совершенствование конструкции статей:

- наблюдается структурное обособление санкции от диспозиции;
- появляются квалифицирующие признаки.

Проявляются предпосылки к формированию Общей части уголовного закона. В примечаниях располагаются положения, которые могут быть сгруппированы по определенным критериям. На формирование структурных элементов источников права значительное влияние оказало просветительно-гуманистическое, а также классическое направление в науке уголовного права Западной Европы.

Литература:

1. *Довнар Т.И.* Значение и место Статута 1566 года в правовом развитии Великого Княжества Литовского / Т.И. Довнар // *Аннали юрид. історії.* 2017. Т. 1. № 1. С. 30–37.
2. *Жени Ф.* Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях / Ф. Жени // *Журн. М-ва юстиції.* 1906. № 8. С. 122–166.
3. *Иеринг Р.* Юридическая техника / Р. Иеринг; Пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб., 1905. 105 с.
4. *Исаев М.Л.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией

Literature:

1. *Dovnar T.I.* The meaning and place of the Statute of 1566 in the legal development of the Grand Duchy of Lithuania / T.I. Dovnar // *Annali jurid. istorii.* 2017. Vol. 1. № 1. P. 30–37.
2. *Zhenya F.* Legislative technique in modern civil law codifications / F. Zhenya // *Journal. The Ministry of Justice.* 1906. № 8. P. 122–166.
3. *Iering R.* Legal technique / R. Iering ; trans. from German F.S. Schoendorff. SPb., 1905. 105 p.
4. *Isaev M.L.* Explanatory dictionary of Old Russian legal terms: from agreements with Byzantium to the

до уставных грамот Московского государства / М.Л. Исаев. М. : Спарк, 2001. 119 с.

5. *Кучма В.В.* Феномен рецепции византийского права в российском военно-уголовном законодательстве эпохи Петра I / В.В. Кучма // Античная древность и средние века: Сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т. Симферополь, 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 7–18.

6. *Наумов А.В.* Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. / А.В. Наумов. М. : Волтерс Клувер, 2010. Т. 1: Общая часть. 710 с.

7. Правила изложения законопроектов : разработаны особым совещ. из чинов Гос. канцелярии и канцелярии гос. думы. СПб., 1914. 33 с.

8. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн; Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. 523 с.

charters of the Moscow State / M.L. Isaev. M. : Spark, 2001. 119 p.

5. *Kuchma V.V.* The phenomenon of reception of Byzantine law in the Russian military-criminal legislation of the era of Peter I / V.V. Kuchma // Ancient antiquity and the Middle Ages : collection of scientific tr. / Ural State University. Simferopol, 1995. Iss. 27: Byzantium and medieval Crimea. P. 7–18.

6. *Naumov A.V.* Russian criminal law: a course of lectures: in 3 volumes / A.V. Naumov. M. : Volters Kluver, 2010. Vol. 1: General part. 710 p

7. Rules for the presentation of draft laws: developed by a special meeting. from the ranks of the State Chancellery and the Chancellery of the State Duma. SPb., 1914. 33 p.

8. *Feldstein G.S.* The main trends in the history of the science of criminal law in Russia / G.S. Feldstein; ed. and with a preface by V.A. Tomsinova. M. : Zertsalo, 2003. 523 p.

Карavaев Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административной
деятельности органов внутренних дел,
Воронежский институт МВД России.
ferrari49@yandex.ru

Щеглов Евгений Николаевич

адвокат,
Воронежская
областная коллегия адвокатов
ferrari49@yandex.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ДОКТРИНЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ
РЕСУРСОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ**

Аннотация. В статье производится исследование официальных взглядов на проблемы обеспечения информационной безопасности, изложенных в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации применительно к автоматизированным электронным ресурсам органов внутренних дел. Исследуются актуальные задачи и направления обеспечения безопасного оборота конфиденциальной информации в органах исполнительной власти. Обозначаются отдельные угрозы электронному информационному пространству органов внутренних дел.

Ключевые слова: информационная безопасность, конфиденциальные сведения, правонарушение, профилактическая информационных угроз, информационные риски, хранение конфиденциальной информации, информационных банки данных.

Актуальность исследования информационных ресурсов федеральных органов исполнительной власти подчеркивается рядом факторов.

Во-первых, первично орган власти позиционируется индивидом, как нечто охранительное в части касающейся его прав и свобод, имеющих нормативное регламентирование.

Во-вторых, распространение COVID-19 для населения России привнесло определенные новеллы в части организации работы государственных органов, учреждений, должностных лиц.

Alexander A. Karavaev

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
ferrari49@yandex.ru

Evgeny N. Shcheglov

Counsel,
Voronezh Regional Bar Association
ferrari49@yandex.ru

**THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS
OF SEPARATE PROVISIONS
OF THE INFORMATION SECURITY
DOCTRINE OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE SPHERE
OF PROTECTING THE INFORMATION
RESOURCES OF THE EXECUTIVE
AUTHORITIES**

Annotation. The article examines the official views on the issues of information security, set out in the Doctrine of Information Security of the Russian Federation in relation to the automated electronic resources of the internal affairs bodies. The current tasks and directions of ensuring the safe circulation of confidential information in the executive authorities are investigated. Individual threats to the electronic information space of the internal affairs bodies are indicated.

Keywords: information security, confidential information, delinquency, preventive information threats, information risks, storage of confidential information, information databanks.

В-третьих, приоритетно обозначена роль технологий «удаленного доступа» практически в каждой сфере жизни общества.

Следовательно, возрастает значение дистанционных инструментов исполнения должностных обязанностей. Информационные ресурсы в данном контексте представляются одним из центральных элементов системы обеспечения деятельности федеральных органов исполнительной власти.

Доктринальное осмысление информации происходит в научном сообществе достаточно долгий

временной период, при этом «цифровизация» (переход к электронным носителям) отмечается зачастую сложным процессом с позиции организации защиты. Подобное течение научной мысли обусловлено рядом практических составляющих. В электронных информационных ресурсах увеличивается сегмент накопления, хранения, унификации, оперативности доступа, реализация его дистанционным способом. Бесспорным, с позиции научного осмысления, нам представляется использование актуальных информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти как современного метода оказания дистанционных услуг населению и обслуживания его интересов. Однако любой прогресс помимо позитивных тенденций может формировать отдельные правовые риски, либо создавать конкретные угрозы реализации отдельных прав (свобод) граждан. В данном контексте, такими деструктивными факторами могут выступать непропорциональный доступ третьих лиц к охраняемому законом тайнам.

Иллюстрировать обозначенную концепцию, по мнению авторов, может оборот конфиденциальных сведений в информационных ресурсах различных органов исполнительной власти. К примеру, накопление различных персональных данных, личной, семейной, отдельной коммерческой тайны в информационных банках органов внутренних дел происходит на постоянной основе. Обозначенный ресурс необходим полиции для качественного исполнения возложенных действующим законодательством обязанностей.

Переход к электронным банкам упрощает доступ фактического правоприменителя к необходимым сведениям и сокращает временные затраты, которые могли понадобиться для исполнения организационных предписаний, определенных для получения доступа к конкретной информации, хранящейся на бумажном носителе. Таким образом, посредством сокращения временных затрат возрастает показатель оперативности принимаемых решений, реализуемых действий, что в определенном контексте, положительно влияет на процентное соотношение раскрываемости противоправных деяний и привлечение виновных к установленной законом ответственности.

Негативной составляющей обозначенного процесса, по мнению авторов, является возможность распространения широкого спектра конфиденциальной информации среди неопределенного круга лиц, которые могут не иметь доступа к охраняемым сведениям с позиции действующего законодательства. Охрана информации в электронном цифровом формате имеет ряд отличительных особенностей. К ним относятся системность, практичность, актуальность, техническая грамотность, нормативная правовая регламентированность, организационная обеспеченность и некоторые другие. Исключительно комплексное использование охранительного инструментария позволит добиться его качественной реализации. Поскольку важным характеризующим элементом любой охранительной системы является сбалансированность.

Одним из центральных документов, определяющим видение законодателя отдельных элементов информационной безопасности является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [1]. Данный документ является результатом научного, правового, организационного осмысления современных информационных угроз, а также приоритетных задач и направлений деятельности в исследуемой сфере. Нормотворец в обозначенном документе использует формулировку «система официальных взглядов» на обеспечение безопасности в сфере информации. Такая позиция, представляется нам вполне оправданной, поскольку доктринальное осмысление любой проблемы предполагает формирование широкой научной позиции, на которой впоследствии могут быть построены частные научные изыскания отдельных исследуемых сфер. В рамках данной статьи, нам представляется актуальным рассмотреть отдельные положения Доктрины, поскольку именно они, впоследствии, определяют вектор нормативного правового регулирования отдельных сфер информационной защиты.

Понятие «обеспечение информационной безопасности», представленное в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, по мнению авторов, представляет определенный научный интерес. Применительно к проблеме защиты сведений в автоматизированных информационных системах органов внутренних дел, речь должна идти о правовых, организационных, научно-технических, кадровых и экономических мерах. Ключевым понятием для категории «обеспечение информационной безопасности» является взаимоувязанность. Это – всегда комплекс мер, которые должны быть разумно сбалансированы между собой.

Наличие четкой системы запретов и обязанностей субъектов, использующих информационную систему, без обеспечения должного уровня технической защиты информации не может обеспечить реальную защиту этой системы и, наоборот, никакая техническая система защиты информации без системы локального нормативного правового регулирования не сможет реально защитить информацию [2].

Следовательно, в рамках вопроса обеспечения сохранности сведений в автоматизированных системах органов внутренних дел, применение разведывательных, контрразведывательных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления на постоянной основе представляется, в определенном контексте, чрезмерно затратным фактором. Поскольку, мероприятия подобного порядка потребуют значительного количества ресурсной базы различных подразделений государственного аппарата задействованных в обозначенном направлении деятельности.

Обратим внимание еще на ряд положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. Деятельность органов внутренних дел и полиции в ней специально не

выделяется. Она входит в более общий блок общественных отношений – информационную безопасность в области государственной и общественной безопасности.

Анализируя вышеприведенное положение, авторы хотели бы высказать следующее: при наличии ядерного и иных видов оружия массового поражения, действующих механизмов политического, экономического и военного сдерживания на международном уровне ни одна из развитых стран мира или их коалиция не позволит себе начать полномасштабную военную агрессию. Это чревато необратимыми последствиями. Но если невозможно разрушить государственность на какой-либо территории исключительно военным путем, ее можно попытаться уничтожить или ослабить, используя внутренние силы и противоречия. Именно на это и направлено, в конечном счете, информационное противоборство между мировыми державами. Роль полицейской информации, сконцентрированной в автоматизированных информационных системах, в военном противостоянии крайне низка, но она весьма повышается в информационно-политическом противостоянии, когда в ход идут аргументы коррумпированности власти, осуществления ею противоправных действий в отношении оппозиционно настроенных граждан и т.д.

Примерами обозначенной деятельности, на практике, могут быть политические устремления различных оппозиционных сил, которые пытаются спровоцировать массовые народные волнения, направленные на изменение действующего политического курса, смены руководства страны, изменение конституционного устройства государственного аппарата. Подобная деятельность реализуется этапами, имеет зачастую зарубежное финансирование, целевые «условно легитимные» задачи, декларируемые широкой общественности в конечном итоге, подменяются противоправными. Граждане, вовлеченные в подобную деятельность под различными предложениями обманным путем, после разоблачения организаторов несут юридическую ответственность в соответствии с действующим законодательством.

По нашему мнению, организаторы подобных акций, заплатят значительную сумму, если в их распоряжение попадет банк оперативной информации в отношении государственных служащих регионального или федерального уровня, содержащий негативные сведения об их деятельности, в том числе связанные со злоупотреблением должностными полномочиями. Такая информация, пусть даже не имеющая должного уровня достоверности, дает повод для шантажа, склонения к выполнению заданий, направленных на подрыв суверенитета государства.

Следующим уровнем информационных угроз является, так называемая, компьютерная преступность, которая постоянно активизируется в кредитно-финансовой сфере, а также, посягает на частную жизнь, личную и семейную тайну граждан, коммерческую тайну корпоративных организаций и т.д.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации в своем содержании раскрывает основные направления обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности (ст. 23), в рамках данной статьи мы отметим ряд авторских комментариев относительно обозначенных положений.

Применительно к пункту «а», следует отметить, что в настоящий период времени отмечается активнейшее использование информационных технологий, прежде всего возможностей сервисов сети Интернет (Skype, WhatsApp, Telegram и др.), а также, так называемых, «социальных сетей», для распространения идей экстремистского содержания, привлечения сторонников, организации демонстраций, массовых беспорядков и т.п. Задача полиции в данном направлении состоит в накоплении сведений о субъектах данной деятельности, защите своих собственных информационных ресурсов, своевременном реагировании на активизацию использования сетей для подготовки противоправных действий.

Дополнительная угроза, в рамках обозначенной деятельности, зачастую, заключается в том, что к ней привлекаются несовершеннолетние лица. Данные социальные индивиды легко поддаются внушению ложными идеалами, поскольку не имеют достаточного жизненного опыта. Привлечение несовершеннолетних, в широком понимании, создает фактическую угрозу будущему национальному развитию, поскольку насаждение идеологии правого нигилизма в «неокрепшем» сознании деструктивно сказывается на процессах правового воспитания, развития социализированной личности [3]. К примеру, можно рассмотреть социальную ситуацию на территории государства Украина. Непосредственное вовлечение молодежи в националистические движения повлекло массовые беспорядки, нарушение прав и свобод граждан, причинение различных видов ущерба.

Применительно к пункту «в», задача полиции состоит в активном участии в мероприятиях по повышению защищенности систем автоматизированного управления транспорта, промышленных объектов, объектов энергетического комплекса от деструктивных воздействий на эти системы.

Прогнозируемые риски, в данном сегменте государственной деятельности, достаточно сложно переоценить, поскольку ущерб техногенных катастроф в исторической ретроспективе всегда сопровождался значительными социальными потерями. В некоторых случаях, последствия случившихся аварий на объектах промышленности еще долгий период времени влекут деструктивные последствия экологического характера на данной территории и создают условия для необходимости поиска новой территории для жизни местному населению. Подобная деятельность постоянно сопровождается значительными затратами из государственного и муниципального бюджета, ориентированными на создание благоприятных условий для жизни людей оставшихся без какой-либо недвижимости пригодной для проживания.

Применительно к пункту «г» следует отметить, что по мере повышения уровня автоматизации в управлении органами внутренних дел уязвимость ведомственной информационной инфраструктуры также неизбежно увеличивается. Причем, помимо деструктивной деятельности зарубежных спецслужб, воздействие на информационные ресурсы полиции возможно и внутри страны, как с целью получения интересующей информации, ее искажения или уничтожения, так и с целью дезорганизации работы автоматизированных систем.

Система обеспечения безопасности информационных ресурсов органов внутренних дел, в определенном контексте, является интересным объектом для посягательства злоумышленников. Первичной целью можно рассмотреть желание правонарушителя похитить сведения для организации шантажа, вымогательства и прочих противоправных деяний в отношении третьих лиц (фигурантов информационной системы). Однако в качестве вторичных целей возможно рассмотреть желание правонарушителя изменить, исказить, удалить ряд сведений о себе, которые были внесены в электронную информационную систему в связи с совершением противоправных действий данным индивидом. Безусловно, на обозначенных двух направлениях круг целевых устремлений правонарушителя не может быть исчерпан и на практике он может быть значительно шире.

Применительно к пункту «ж» следует отметить, что органы внутренних дел в целом и полиция как

их составная часть являются аккумуляторами огромного количества сведений ограниченного доступа, существенная часть из которых составляет государственную тайну. Отсюда вытекает необходимость принятия целого комплекса мер по защите информации. И если в отношении сведений на бумажных носителях правовое регулирование данных отношений сложилось давно, а также, имеется устоявшаяся административная практика в этом вопросе, то в отношении автоматизированных банков данных проблема защиты информации по-прежнему имеет место.

Рассмотрев некоторые вопросы обеспечения информационной безопасности, авторы хотели бы констатировать, что данное направление государственной деятельности является весьма широким и ему в современных общественно-политических реалиях придается большое значение. Именно поэтому, комплексное сбалансированное решение охранительных задач информационной безопасности невозможно без научного, практического, нормативного правового осмысления современных реалий. Как нам представляется, нормативная правовая деятельность государственного аппарата в контексте информационной безопасности электронных информационных ресурсов органов внутренних дел нуждается в дополнительной проработке с позиции актуальных рисков, данную деятельность необходимо основывать на системном мониторинге угроз и правоприменительной практике.

Литература:

1. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 года № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
2. *Фатьянов А.А.* Правовое обеспечение безопасности информации. М., 2001. С. 48.
3. *Занина Т.М.* Зарубежный опыт организации профилактической работы в отношении несовершеннолетних правонарушителей / Т.М. Занина, М.В. Бутова // Общество и право. 2019. № 2(68). С. 97–101.

Literature:

1. On the approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of December 05, 2016 № 646 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. № 50. Art. 7074.
2. *Fatyayov A.A.* Legal security of information. M., 2001. P. 48.
3. *Zanina T.M.* Foreign experience in organizing preventive work in relation to juvenile offenders / T.M. Zanina, M.V. Butova // Society and Law. 2019. № 2(68). P. 97–101.

Караваяев Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административной
деятельности органов внутренних дел,
Воронежский институт МВД России
ferrari49@yandex.ru

Alexander A. Karavaev

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ferrari49@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ
СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ
ПРЕВЕНЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УЧАСТИЕ
В НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ
МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ**

**ON THE QUESTION
OF POLICE OFFICERS 'IMPLEMENTATION
OF THE INVOLVEMENT OF MINORS
IN PARTICIPATION IN UNAUTHORIZED
MASS ACTIVITIES**

■ ■ ■

Аннотация. В статье производится анализ отдельных форм общей и частной превенции вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные массовые мероприятия. Исследуются актуальные задачи и направления профилактической деятельности инспектора по делам несовершеннолетних органа внутренних дел. Проанализированы актуальные направления информационной работы с несовершеннолетним, его родителем (законным представителем).

■ ■ ■

Annotation. The article analyzes certain forms of general and private prevention of the involvement of minors in unauthorized mass events. The current tasks and directions of the preventive activities of the inspector for juvenile affairs of the internal affairs bodies are investigated. The current directions of information work with a minor, his parent (legal representative) are analyzed.

■ ■ ■

Ключевые слова: массовое мероприятие, несовершеннолетний, правонарушение, общая и частная превенция, информационные угрозы, общественно-политическое мероприятие, инспектор по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

■ ■ ■

Keywords: mass event, minor, offense, general and private prevention, information threats, social and political event, juvenile inspector of the internal affairs bodies.

■ ■ ■

Одним из способов реализации конституционных прав и свобод человека (гражданина) является организация, либо участие в массовых мероприятиях, проводимых мирно, без оружия и в установленном действующем законодательством порядке [1]. Зачастую такие социальные события имеют разноплановый организационный контекст и могут носить политический, спортивный, культурный, социальный или смешанный характер. Целевая аудитория вовлекаемых участников массовой акции зачастую широкая, состоит из представителей различных социальных страт. Следовательно, если мероприятие носит открытый характер (доступно для неограниченного круга лиц) в нем могут принимать участие абсолютно все возрастные группы.

■ ■ ■

общественно политические акции проведенный А.А. Навальным в 2017–2018 году.

Деструктивные практические примеры проведения массовых мероприятий с нарушением действующего законодательства присутствуют в общественной действительности. Они не носят системный характер, но могут иметь значительный социальный охват. Ярким примером подобной противоправной деятельности могут быть

При проведении данных мероприятий, по нашему мнению, несовершеннолетние участники активно вовлеклись посредством интегративных ресурсов, социальных площадок и мессенджеров. Таким образом, достигалась определенная латентность обозначенной деятельности. Более того, систематизация обозначенного способа на техническом уровне и сопровождение его соответствующим медиа продуктом (репортажи, документальные фильмы и пр.) позволяло вовлечь лиц, изначально не проявлявших заинтересованность к оппозиционному политическому течению.

Подавляющее большинство граждан, которые были заинтересованы таким способом, подростки (школьники). Представители этой возрастной группы зачастую не старше 14–18 лет, легко поддаются внушению, агрессивны, бескомпромиссны и имеют достаточно несформированное понимание о законности конкретной социально-политической деятельности. Обозначенная

возрастная категория зачастую может быть охарактеризована, как экспрессивная социальная масса, не склонная к проведению статического общественно-политического мероприятия, на которую достаточно быстро распространяется «эффект толпы».

Необходимо отметить, что отсутствие значительного объема социального опыта и жизненной практики, позволяет организаторам подобных противоправных массовых акции легко подменять изначально декларируемые цели в процессе проведения на ложные, либо отличные по своему контексту (содержанию, правовой оценке).

Следовательно, вовлекаемая социальная масса несовершеннолетних может быть умышленно склонена к совершению противоправных деяний, нарушению общественного порядка, повреждению различных видов собственности. Необходимо отметить, что сами участники массового мероприятия могут изначально не планировать совершение деликта. Сознанием участников в момент совершения противоправных действий управляют организаторы, умело ориентируя несовершеннолетних на причинение ущерба путем предоставления ложных сведений, данных, фото и видео материалов.

Таким образом, достигаются скрытые от общественности противоправные цели проведения подобных акций. Целями могут выступать нарушение стабильной политической ситуации, подрыв авторитета действующего легитимного руководства государственного аппарата, формирование деструктивных социальных настроений в широких социальных слоях, ориентирование граждан на неприязненное отношение к различным представителям (органам) исполнительной власти.

Согласно статьи 2 ФЗ «О полиции» [2] одним из основных направлений ее деятельности является профилактика противоправных деяний. Подобная нормативная правовая конструкция согласуется с концепцией преобладание методов убеждения над принуждением. Поскольку предупреждение деликта влечет меньшие затраты государственных издержек, направленных на привлечение виновного к ответственности, а также восстановления нарушенного права потерпевшей стороны.

Отсутствие деструктивных последствий (как и самого факта правонарушения) не требует социальной адаптации лица, привлеченного к ответственности, после понесенного наказания в рамках, установленных действующим законодательством. В широком понимании, превенция способствует воспитанию правосознания у гражданина, что представляется нам, более прогрессивной методикой, направленной на поддержание надлежащего уровня общественного порядка и безопасности.

Задачи по профилактике правонарушений несовершеннолетних реализуются широким кругом подразделений полиции. Титульной обозначенная функция является для подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних

дел. С точки зрения правового регламентирования превенция в деятельности инспектора подразделения по делам несовершеннолетних закреплена целым перечнем нормативных правовых предписаний. Рассмотрим некоторые из них более подробно соотнося их с контекстом проводимого исследования.

Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3] в своих положениях (ст. 6) отражает конкретные направления превентивной деятельности: протекция социальных единиц и государства от посягательств противоправного характера; развитие и систематизация учета профилактического характера, ориентированного на субъект демонстрирующий склонность к совершению деликта; превенция безнадзорности (беспризорности, правонарушений) и иных действий ребенка носящих антиобщественный характер; разработка государственных (муниципальных) программ в сфере превенции; выявление и устранение причин (условий) создающих предпосылки для совершения действий противоправного характера; выявление потенциальных потерпевших и лиц пострадавших от противоправных деяний.

Данный перечень направлений профилактической деятельности, по нашему мнению, достаточно широк и охватывает различные социальные категории. Определенный научный интерес, с позиции профилактики вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные массовые мероприятия является выявление потенциальных потерпевших и лиц пострадавших от противоправных деяний. Поскольку вовлекаемый несовершеннолетний первично является жертвой противоправного деяния организатора, а уже вторично, самостоятельно становится правонарушителем в случае выполнения действий за совершение которых установлена административная, уголовная санкция.

Компаративный анализ положений статьи 2 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4] позволяет отметить центральные задачи субъектов, задействованных в профилактической деятельности в отношении несовершеннолетних: превенция безнадзорности (беспризорности), а также правовых деликтов совершаемых несовершеннолетним; протекция прав, свобод, законных интересов ребенка; реабилитация (в том числе социально-педагогическая) несовершеннолетнего который находится в социально опасном положении; превенция (общая, частная) вовлечения ребенка в противоправную деятельность или склонения к суициду.

Представляется актуальным, отметить заключительный элемент обозначенной системы, на котором нормотворец акцентирует внимание фактического правоприменителя на недопущении случаев вовлечения несовершеннолетних в деятельность, которую возможно квалифицировать как противоправную. В широком понимании, деятельность несовершеннолетнего в данном контексте

может образовывать составы преступления, административного правонарушения, иного социально деструктивного значения.

Положения ФЗ № 182 разделяют превентивную деятельность на общую и частую согласно социальному охвату. Общая профилактика ориентирована на неопределенный круг лиц, который в полном объеме может и не вовлекать в совершения противоправных действий. Частная превенция имеет более точный (адресный) характер и реализуется в отношении непосредственного представителя социума.

На уровне ведомственного нормативного правового регулирования необходимо отметить приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [5]. В рамках обозначенного нормативного правового предписания реализованы положения законодательства федерального уровня, обозначенные нами ранее. Инспектор в рамках проверки сообщений о противоправных деяниях реализует превентивную деятельность с правонарушителем, в обязательном порядке выявляет причины и условия, способствовавшие совершению деликта, организует дальнейшую профилактическую деятельность.

На основе исследованных нормативных правовых предписаний, представляется актуальным, отразить общую и частую превентивную деятельность инспектора по делам несовершеннолетних в сфере вовлечения несовершеннолетних к участию в несанкционированных массовых мероприятиях:

1. Общая превентивная деятельность включает в себя:

– профилактические беседы с широкой аудиторией (школы). Данная деятельность реализуется путем комплексного информирования родителей (законных представителей) о возможности совершения подобных противоправных действий в отношении их ребенка. Инспектор совместно с педагогическими работниками разъясняет возможные правовые перспективы участия несовершеннолетнего в несанкционированном массовом мероприятии, отражает актуальные социальные риски, комментирует вероятные деструктивные последствия с позиции действующего законодательства. Необходимо учитывать возможную занятость родителя (законного представителя) на рабочем месте и отсутствие вовлеченности в дела несовершеннолетнего. Данную деятельность возможно подразделить на три основных вектора:

а) родитель самостоятельно может вовлекать несовершеннолетнего в участие;

б) родитель может не проинформировать инспектора о возможных фактах (попытках) вовлечения ребенка;

в) сведения о вовлечении несовершеннолетнего «в бытовой сфере» могут поступить к инспектору

от третьих лиц (медицинские учреждения, секции, иные образовательные организации и др.);

– наглядная агитация. Необходимо использовать возможности информационных досок, уголков объявлений в образовательных организациях. В дополнении возможно провести актуальную информационную работу в сети Интернет, социальных сетях или на различных электронных социальных площадках. В рамках содержательного посылы информационного контента рекомендуется доступным языком разъяснить правовые последствия от занятий обозначенной деятельностью. Объяснить возможные риски для несовершеннолетнего;

– профилактические беседы с учащимися (деловые игры, лекции-беседы иные интерактивные формы). Целевая задача данной деятельности разъяснить модель поведения несовершеннолетнего в подобной жизненной ситуации согласно нормативным правовым предписаниям действующего законодательства. Выработать у ребенка в сознании определенную модель социально одобряемых ценностей и ориентиров.

2. Частная превентивная деятельность включает в себя:

– адресные мероприятия превентивного характера (беседы, информирование и т.д.) с лицами, вовлекающими несовершеннолетних в обозначенную деятельность. Данные лица могут быть ранее привлеченными к юридической ответственности за подобные действия. Им необходимо подробно обозначить актуальную форму ответственности, а также комплекс возможных мер направленных на предупреждение правонарушений с их стороны;

– привлечение к административной ответственности, лиц вовлекающих детей в совершение антиобщественных действий, при наличии достаточных оснований для составления протокола инспектором по делам несовершеннолетних органов внутренних дел;

– доставление обозначенной категории граждан в территориальные подразделения полиции для проведения профилактических мероприятий;

– ограничение родительского права (либо его лишение), в случае если вовлечением несовершеннолетнего занимается родитель (законный представитель) ребенка.

В заключении отметим, что данная деятельность сопровождается использованием значительных электронных информационных ресурсов, к которым родители (законные представители) могут не проявлять надлежащего интереса. Таким образом, ребенок потребляет информационные продукты в сети Интернет без какой-либо цензуры, сторонней оценки взрослым человеком. В некоторых случаях применяемые организаторами несанкционированных массовых акций социально-психологические методы ориентированы исключительно на подростка с несформированным

механизмом социальной защиты. По нашему мнению, комплексная превентивная работа, инспектора, родителя, педагога направленная на недопущение вовлечения ребенка в участие в

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
5. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // СПС «КонсультантПлюс».

несанкционированном массовом мероприятии должна обязательно затрагивать информационное пространство несовершеннолетнего, в том числе и в электронной среде.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS «ConsultantPlus».
2. On the Police: Federal Law of 07.02.2011 № 3-FZ (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.
3. On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: Federal Law of 23.06.2016 № 182-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. № 26 (Part I). Art. 3851.
4. On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of 24.06.1999 № 120-FZ (as amended on 24.04.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.
5. On the approval of the Instructions for organizing the activities of units for minors of the internal affairs bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 15.10.2013 № 845 // SPS «ConsultantPlus».

Козаев Нодар Шотаевич

доктор юридических наук,
доцент,
заместитель начальника
по учебной и научной работе,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
nkosaev@mail.ru

Рясов Дмитрий Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
ryasov_dmitriy@mail.ru

Nodar Sh. Kozaev

Doctor of Law,
Associate Professor,
Deputy Chief
on Academic and Scientific Work,
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
nkosaev@mail.ru

Dmitriy A. Ryasov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ryasov_dmitriy@mail.ru

**ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ШПИОНАЖ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности юридической конструкции состава шпионажа (ст. 276 УК РФ) как основания для уголовной ответственности за посягательство на безопасность государства и основы его конституционного строя. Рассматриваются вопросы социально-правовой обусловленности ограничения свободы граждан на распространение сведений не образующих государственной тайны, но потенциально представляющих угрозу безопасности Российской Федерации. Обращается внимание на юридико-техническое описание конструктивных признаков в конструкции исследуемой нормы, а также критерии отграничения шпионажа от смежных общественно-опасных посягательств.

Ключевые слова: безопасность государства, шпионаж, государственная тайна, преступление, основание уголовной ответственности, состав преступления, сведения, сбор сведений, информация, квалификация, уголовная ответственность.

Для каждого государства первостепенной задачей является сохранение своего суверенитета, территориальной неприкосновенности, целостности и обороноспособности. В настоящее время усиливается интерес иностранных спецслужб к информации и сведениям, обеспечивающих благоприятное функционирование государства. Особое внимание уделяется направлениям внутренней и внешней политики, экономическому развитию, социально-экономическим преобразованиям, реализации военной политики и ее ориентирам, научно-техническому прогрессу и

**THE BASIS OF CRIMINAL LIABILITY
FOR ESPIONAGE**

Annotation. The article considers the peculiarities of the legal design of the composition of espionage (Article 276 of the Criminal Code of the Russian Federation) as grounds for criminal liability for encroaching on the security of the state and the basis of its constitutional system. The social and legal conditionality of restricting the freedom of citizens to disseminate information that does not form State secrets, but potentially poses a threat to the security of the Russian Federation, is being considered. Attention is drawn to the legal and technical description of structural features in the design of the norm under study, as well as the criteria for delimiting espionage from related socially dangerous attacks.

Keywords: state security, information security, state secret, crime, basis of criminal liability, crime composition, information, information, qualification, criminal liability.

исследованиям. Это свидетельствует о необходимости своевременной реакции государства на посягательства извне. Ведь, нормальное функционирование государства в условиях безопасности является фундаментом для развития различных сфер жизни общества и реализации прав граждан.

В таких условиях, актуальной является проблема ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Применение уголовного законодательства в

отношении данных преступлений имеет важное политическое и предупредительное значение.

Одним из преступлений, посягающих на конституционный строй и безопасность государства, является шпионаж. Данное преступление обладает специфическими чертами и особенностями, которые несут существенную угрозу для государства.

Иностранные государства, иностранные разведки используют агентурные методы для сбора информации в интересующих областях, чтобы иметь возможность использовать ее для установления своего преимущества, проведения враждебной деятельности. Это вызывает необходимость закрепления в законодательстве норм, позволяющих противодействовать посягательствам на безопасность Российской Федерации и привлекать к ответственности лиц, задействованных в осуществлении шпионажа.

Система мер, направленных на защиту национальной безопасности Российской Федерации, представлена также средствами уголовно-правового реагирования на преступные посягательства в данной сфере правоотношений. К данной категории преступлений отнесен и шпионаж, ответственность за который установлена в статье 276 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ).

Определяя в качестве приоритета уголовно-правовой охраны права, свободы и законные интересы личности, нормы УК РФ коррелируют с положениями, содержащимися в статье 2 Конституции Российской Федерации, где говорится о том, что личность, ее права и свободы являются высшей ценностью. Такие идеи являются характерными чертами конституционного строя правового государства. Однако глава 1 Особенной части Уголовного Кодекса РСФСР была посвящена государственным преступлениям [1, с. 569]. В отношении этой части, А.Г. Хлебушкин говорит о том, что не стоит сильно привязываться к установлению приоритетов в уголовно-правовой охране, потому что только совокупная охрана государства, личности и общества позволит надлежащим образом защитить соответствующие интересы [2, с. 10]. М.В. Бавсун отмечает, что возведение на вершину уголовно-правовой охраны защиты личности не говорит об ослаблении такой охраны, а, наоборот свидетельствует о том, что защита государства нормами уголовного закона способствует охране других значимых общественных отношений [3, с. 94].

Соглашаясь с мнением указанных авторов, мы считаем возможным заключить, что обеспечение надлежащей охраны личности и других значимых общественных отношений возможно только при условии создания совокупности уголовно-правовых механизмов защиты конституционного строя и безопасности государства, которые являются фундаментом всей правовой системы.

Статья 4 Конституции Российской Федерации предполагает защиту конституционного строя всеми возможными способами. Меры уголовно-правового характера могут способствовать

эффективной, действенной охране и защите суверенитета, территории страны, безопасности и обороноспособности. Основной закон гарантирует свободу мысли и слова, предусматривает возможность свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Однако определенные категории «информация» составляет секретные сведения, распространение которых может привести к неблагоприятным последствиям для безопасности государства.

В этой связи, вполне естественными являются ограничения на доступ и распространение такой информации, а также, запреты на передачу этой информации иностранным государствам, международным и иностранным организациям, поскольку такие действия могут нанести вред различным сферам жизни государства. Это может привести к существенному экономическому ущербу, приостановить создание стратегически важных объектов, разработку и внедрение многообещающих научных и технических исследований, оригинальных технологий, планов обороны, новых видов вооружения. Также, распространение информации, составляющей государственную тайну, и иных сведений, которые могут быть использованы против безопасности государства, могут привести к непоправимым последствиям в сфере международных отношений, которые выражаются в дестабилизации дипломатических отношений. Вследствие этого, установление суровых наказаний за действия такого рода нам представляется вполне логичным способом защиты безопасности государства [4, с. 290].

Безопасность гражданского общества напрямую зависит от защиты информации, составляющей государственную тайну, так как она включает в себя сведения о военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-разыскной деятельности государства. Именно такая информация становится предметом посягательства либо иностранных граждан, либо лиц без гражданства, участвующих в распространении, похищении, а также - в хранении тайных сведений, преследующих цель передачи их заинтересованным государствам, либо запрещенным организациям и группировкам на территории Российской Федерации.

Законодатель, расценивая государственную измену и шпионаж наиболее опасными преступлениями против внешней безопасности РФ, относит их к категории особо тяжких преступлений.

Базовым нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы безопасности страны, является Конституция РФ. Помимо этого, имеющие значение для охраны общественной безопасности нормативные предписания, включены в ряд федеральных законов, нормативных актов органов государственной безопасности. Однако следует отметить, что законодательная дефиниция понятия «безопасность» в действующем российском законодательстве отсутствует. Не представлено данное определение и в предметном Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. «О

безопасности» [5]. Достаточно широко понятие «безопасность» трактуется и в научной литературе. Авторами оно рассматривается по-разному в зависимости от объектов защиты и от определенных сфер человеческой жизни [6, с. 87]. В современных условиях национальная безопасность выступает при этом категорией многоплановой, ценностной, социально-философской.

Шпионаж как самостоятельное преступление (ст. 276 УК РФ), представляет собой одну из форм государственной измены (ст. 275 УК РФ), ответственность за которую довольно часто воспринимается как нарушение общепризнанных прав человека. Сторонники данного мнения обосновывают его тем, что у каждого человека имеется право осуществлять нахождение информации, ее использование для своих целей, а также – ее передачу. Данную позицию, по нашему мнению, следует считать несостоятельной, поскольку Всеобщая декларация о правах и свободах человека предусматривает следующее: свободы и права не могут быть реализованы, если это приводит к нарушению безопасности общества, государства. Помимо этого, Основной закон РФ (статья 55, часть 3) содержит положение, в соответствии с которым, реализация свобод и прав не может быть связана с посягательствами на такие основы государства, как его безопасность, оборона и конституционный строй. Также, обратим внимание на положение части четвертой статьи 29 Конституции РФ, в соответствии с которым, получение информации и ее распространение может вестись только таким способом, который предусматривается законом.

Непосредственный объект шпионажа образуют общественные отношения, обеспечивающие внешнюю безопасность государства, к которой относят [7, с. 157]:

1. Конституционный строй, т.е., установленный Конституцией РФ, порядок государственной власти.
2. Суверенитет, т.е., самостоятельность государства в принятии решений, касающихся как внешней, внутренней политики, так и вопросов, связанных с культурными и духовными аспектами жизни общества.
3. Территориальную целостность, т.е., неотторжимость и неотделимость отдельных субъектов Федерации в самостоятельные, суверенные государства.

Безопасность государства представляет собой состояние защищенности, создающее благоприятный фундамент для нормального функционирования различных сфер общества, при котором отсутствует риск нанесения ущерба, а также - возможность посягательства извне.

Суверенитет государства – это самодостаточная система управления, не требующая воздействия извне, которая предполагает верховенство и независимость государственной власти, неподчиненность по отношению к другим государствам, создание нормативно-правовой базы, опреде-

ляющей правовое положение государства и положение государственного аппарата. В международных актах уважение суверенитета государства является одним из основных принципов международного права и международных отношений [8, с. 91].

А.Л. Бредихин отмечает, что под суверенитетом понимается формально закрепленная самостоятельность и независимость государства, обеспеченные постоянной системой органов государственной власти и законодательства [9, с. 67].

В.В. Горюнов считает, что суверенитет – это, свойственная государству, возможность осуществлять права и функции, обладать независимостью от других государств, а также, верховенством на своей территории, которая отличает государство от других публично-правовых институтов [10, с. 7].

Таким образом, говоря о суверенитете, авторы выделяют следующие характерные признаки: независимость государства, верховенство государственной власти, наличие системы государственных органов и законодательства.

По мнению Е.Ю. Бархатовой, государственной территорией признается территория, в отношении которой установлен суверенитет, а также, осуществляется верховенство определенного государства. К государственной территории относится также природная среда и ее компоненты: суша, водные объекты, воздушное пространство, недра [11, с. 84].

Предмет шпионажа в диспозиции анализируемой статьи 276 УК РФ представлен двумя видами: в первом случае, предмет шпионажа может быть представлен сведениями, которые, в соответствии с федеральным законодательством и иными нормативными правовыми актами, отнесены к государственной тайне.

Во втором случае предмет шпионажа составляют сведения, которые могут быть использованы в ущерб безопасности Российской Федерации. В отсутствие законодательного определения иных сведений, к ним представляется возможным отнести различные карты, схемы местности, данные о составе воды на определенной территории страны, информация о конкретных лицах, сведения об объектах, имеющих стратегическое значение, и др.

Стоит отметить, что собирание или передача сведений, не составляющих государственной тайны, считаются шпионажем лишь тогда, когда одновременно имеются два условия:

а) эти действия совершены по заданию иностранной разведки;

б) они предназначены для использования в ущерб внешней безопасности России.

Полагаем, что морально-психологическое состояние населения, нравственные устои, предпочтительные ценности, реакция на определенные события в стране, уровень заболеваемости и

многие другие вопросы могут быть отнесены к иным сведениям. Важно, что для состава шпионажа их собирание и передача должны формировать возможность причинения вреда интересам российского государства.

Безопасность и обороноспособность государства определяется его способностью обеспечить территориальную неприкосновенность, государственную независимость, то есть, не вмешательство извне в его внутреннюю и внешнюю политику, гарантируемую помощью вооруженных сил.

Предмет шпионажа – сведения, которые не составляют государственную тайну. Вследствие этого, объективная сторона шпионажа может быть осуществлена только двумя действиями: сбором либо передачей таких сведений.

Объективная сторона шпионажа выражается в активных действиях лица по собиранию сведений, что предполагает альтернативный характер способов незаконного изъятия добываемых сведений у их владельца. Исключение составляет, по мнению законодателя, их похищение, образующее самостоятельно закрепленный способ оборота со сведениями, указанный в диспозиции ст. 276 УК РФ, Владельцами таких сведений может быть неограниченный круг лиц, как физических, так и юридических. Их организационно-правовая форма значения для квалификации не имеет.

Среди наиболее распространенных способов шпионажа принято считать прослушивание (подслушивание), копирование, фотосъемку, информационное пиратство и др. Похищение как

частный случай собирания, по мнению законодателя, – самостоятельное действие шпионажа по аналогии с хищениями чужой собственности, похищением сведений, являющихся предметом шпионажа, может быть по своему характеру тайным или открытым, сопровождающимся нападением. Предметом похищения, как правило, становятся носители информации – технологическая брошюра, образец изделия, деталь, чертеж, материалы и др. Правовым значением для квалификации по ст. 276 УК РФ будет обладать хранение сведений для их последующей передачи заинтересованным лицам. Такое хранение будет самостоятельным действием субъекта шпионажа, если, например, он сам их не добывал, но получил от третьих лиц на сохранение. Место хранения квалификационного значения не имеет. Это может быть или личное жилище, или производственные помещения, или специально оборудованный тайник. Важным условием является фактическое обладание сохраняемых сведений для их последующего оборота.

Вызывает вопросы целесообразность выделения в объективной стороне шпионажа такого действия, как похищение сведений. Полагаем, что из диспозиции статьи 276 УК РФ надлежит исключить термин «похищение» применительно к добываемым сведениям по той причине, что похищение является частью действия по собиранию искомым сведений. Однако может возникнуть ситуация, при которой при шпионаже (то есть, при собирании сведений) лицо осуществляет также и их похищение. В этом случае, действия субъекта шпионажа мы полагаем верным квалифицировать по совокупности преступлений, шпионажа и хищения.

Литература:

1. *Воронин В.Н.* Качество уголовно-правовой охраны безопасности государства от внешних посягательств / В.Н. Воронин // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. № 3.
2. *Хлебушкин А.Г.* Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00. СПб., 2017.
3. *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2013.
4. *Лавицкая М.И.* Защита безопасности Российской Федерации уголовно-правовыми средствами / М.И. Лавицкая, М.А. Абашина // *Правовая безопасность личности, общества и государства*. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2019.
5. «О безопасности»: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // «Парламентская газета». 2011. № 1–2.
6. *Борисов С.В.* Государственная измена и шпионаж как наиболее опасные преступлений против

Literature:

1. *Voronin V.N.* The quality of criminal law protection of state security from external encroachments / V.N. Voronin // *All-Russian Criminological Journal*. 2017. № 3.
2. *Khlebushkin A.G.* Criminal law policy of the Russian Federation in the field of protection of the foundations of the constitutional system : autoref. dis. ... dr. law sciences: 12.00. SPb., 2017.
3. *Bavsun M.V.* Criminal legal impact: ideology, goals and means of implementation : dis. ... dr. law sciences: 12.00.08. Omsk, 2013.
4. *Lavitskaya M.I.* Protection of the security of the Russian Federation by criminal legal means / M.I. Lavitskaya, M.A. Abashina // *Legal security of the individual, society and the state*. M. : Russian State University for the Humanities, 2019.
5. «About security»: Federal Law № 390-FZ of 12/28/2010 (ed. of 11/19/2020) // «Parliamentary Newspaper». 2011. № 1–2.
6. *Borisov S.V.* High treason and espionage as the most dangerous crimes against the security of the

безопасности Российской Федерации / С.В. Борисов, А.А. Чугунов // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3(15).

7. Шилов М.Д. Курс современного уголовного права / М.Д. Шилов, Ю.В. Захарченко. Ростов : Изд-во РГУ, 2016.

8. Олесов А.А. Государственный суверенитет в федеративном государстве / А.А. Олесов // Вестник ТГПУ, 2014. № 8.

9. Бредихин А.Л. Юридический суверенитет государства: понятие и содержание / А.Л. Бредихин // Вестник БелЮИ МВД России. 2010. № 1.

10. Горюнов В.В. Суверенитет Российской Федерации: сущность, содержание, гарантии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Екатеринбург, 2007.

11. Бархатова Е.Ю. Международное публичное право в вопросах и ответах : учеб. пособие. М. : ТК Велби, 2004.

Russian Federation / S.V. Borisov, A.A. Chugunov // Altai Legal Bulletin. 2016. № 3(15).

7. Shilov M.D. Course of modern criminal law / M.D. Shilov, Yu.V. Zakharchenko. Rostov : Publishing House of the Russian State University, 2016.

8. Olesov A.A. State sovereignty in a federal state / A.A. Olesov // Bulletin of the TSPU. 2014. № 8.

9. Bredikhin A.L. Legal sovereignty of the state: concept and content / A.L. Bredikhin // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1.

10. Goryunov V.V. Sovereignty of the Russian Federation: essence, content, guarantees : abstract. dis. ... cand. law sciences': 12.00.02. Yekaterinburg, 2007.

11. Barkhatova E.Y. International public law in questions and answers : textbook. M. : TK Velbi, 2004.

Колосова Ирина Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
уголовно-процессуального
права и криминалистики,
Всероссийский
государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
florenzia1567@mail.ru

Irina M. Kolosova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
of Criminal Procedure
Rights and Forensic Science,
All-Russian
State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia)
florenzia1567@mail.ru

**КОРРУПЦИЯ В КОНТРАКТНОЙ
СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ,
РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

**CORRUPTION IN THE CONTRACT
SYSTEM IN THE PROCUREMENT
OF GOODS, WORKS, SERVICES FOR
STATE AND MUNICIPAL NEEDS**

Аннотация. Статья посвящена анализу коррупционных нарушений в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Автором приводится классификация этих нарушений, сформированная на основании анализа законодательства о закупках, а также, наиболее часто выявляемых нарушений правоохранительными органами. Особое внимание уделяется выявлению правонарушений коррупционной направленности на этапах закупок.

Annotation. The article is devoted to the analysis of corruption violations in the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs. The author provides a classification of these violations, formed on the basis of an analysis of procurement legislation, as well as the most frequently detected violations by law enforcement agencies. Particular attention is paid to the identification of corruption-related offenses at the stages of procurement.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, коррупция, коррупционная составляющая закупок, классификация коррупционных нарушений в закупках, откаты.

Keywords: contract system, public procurement, corruption, corruption component of procurement, classification of corruption violations in procurement, kickbacks.

В целях оптимизации расходования бюджетных средств, в 2013 году в России был принят Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее по тексту – Закон № 44-ФЗ). Принятие данного нормативного правового акта значительно изменило ранее существовавший закупочный механизм, сделав его более прозрачным, открытым и доступным. Это выразилось, прежде всего, в принципах, этапах, способах и участниках закупочной деятельности. Вместе с тем, как показывает сложившаяся практика, современная контрактная система подвержена коррупционным рискам. Наиболее распространенными нарушениями коррупционного характера являются: нецелевое расходование бюджетных средств, осуществление фиктивных закупок либо закупок под какого-то определенного исполнителя контракта и другие. Так называемые, «серые схемы», направленные на обогащение за счет бюджетных средств, как заказчиков, так и исполнителей государственных контрактов приобре-

тают самые разнообразные формы. Последствия таких сговоров приводят к расхищению бюджета государства.

За 2018 год органами прокуратурами выявлено 8562 нарушений коррупционной направленности, при этом 275 уголовных дел возбуждено по инициативе прокуроров. Для сравнения, в 2019 году, соответственно, было возбуждено 8104 и 262, в 2020 – 7137 и 269 уголовных дел. Сопоставление приведенных статистических данных позволяет констатировать, что средний показатель за анализируемые три года остается практически неизменным [9].

Примечательно, что в Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 (далее – План), вошел самостоятельный подраздел о совершенствовании мер по противодействию коррупции в сфере закупок [4]. В положениях данного подзаконного акта перед Правительством Российской

Федерации поставлены конкретные задачи, реализация которых должна стать действенным инструментом по предотвращению коррупции в рассматриваемой нами сфере. Как нам представляется, данный инструмент может быть реализован путем подготовки действенных и эффективных предложений по изменению действующего законодательства в сфере закупок. Следует подчеркнуть, что в этом же разделе Плана содержится положение, согласно которому, Генеральной прокуратуре Российской Федерации надлежит принимать меры, направленные на предупреждение и пресечение незаконной передачи должностному лицу заказчика денежных средств, получаемых поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в связи с исполнением контракта, за «предоставление» права заключения такого контракта (отката), на выявление и устранение коррупционных проявлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц [4].

По нашему мнению, для определения неправомερных действий, являющихся коррупционными, следует руководствоваться Законом № 44-ФЗ, а также, Федеральным законом «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Приоритетным, с нашей точки зрения, является исследование такого феномена, как конфликт интересов, который нашел закрепление в указанных законах. Примечательно, что в Законе № 44-ФЗ рассматриваемое нарушение уточняется и ему присваивается специфика контрактной системы. По мнению сотрудников прокуратуры, выявление данного нарушения – одно из наиболее сложных в практической деятельности. Выявление конфликта интересов в обязательном порядке предполагает изучение всех аспектов деятельности проверяемого лица, сопоставления его должностных обязанностей, функций государственного управления, принимаемых решений в их взаимосвязи [7, с. 14]. Полагаем возможным интерпретировать и применять данную точку зрения и относительно выявления конфликта интересов в закупках. В практической деятельности органы прокуратуры уделяют выявлению конфликта интересов повышенное внимание. Например, прокуратурой Сургутского района ХМАО в ходе проведенной проверки в отношении казенного учреждения «Центроспас-Югория» было установлено, что должностным лицом зонального поисково-спасательного отряда Сургутского района не предпринимались меры по урегулированию возникшего конфликта интересов. Так, он подписывал исполнительные документы по государственным контрактам на выполнение работ по техническому обслуживанию и ремонту транспортных средств. При этом исполнителем по контрактам выступал родственник должностного лица, от имени которого он распоряжался поступающими денежными средствами. Также, в ходе проверки также было установлено, что работы по указанным контрактам надлежащим образом не выполнялись. В настоящее время соответствующий сотрудник казенного учреждения уволен по итогам рассмотрения представления органов прокуратуры. Кроме того, следственными органами возбуждено и

расследуется уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество) [10].

Другой проблемой, не являющейся прямым коррупционным нарушением, но косвенно способствующей их совершению, является аффилированность между участниками закупок. В соответствии со ст. 53.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, под данным понятием трактуется наличие между лицами отношений связанности [3]. По мнению многих авторов, наличие данного явления представляет собой коррупционный признак [5, с. 129]. По нашему мнению, данная точка зрения вполне объективна, поскольку у участников закупок невольно возникает желание предоставить преференции «своим» лицам при проведении закупок.

Иными нарушениями, которые, сами по себе, относятся к нарушению законодательства о конкуренции, но одновременно могут быть охарактеризованы наличием коррупционной составляющей, являются картельные сговоры и иные соглашения, заключаемые между участниками закупок, в частности между поставщиками. Такое деление рынка, само по себе, подрывает прозрачность закупок, является нарушением принципа профессионализма исполнителя контракта.

Следующим нарушением, относящимся к коррупционным, являются, так называемые, «откаты». На законодательном уровне нет определения такому понятию, однако, данная терминология основательно вошла в сферу практической деятельности. С нашей точки зрения, наиболее точно охарактеризовал данное понятие Ш.М. Шурпаев, считая, что в рамках контрактной системы закупок под откатами следует понимать «реализуемую с использованием должностных полномочий, дающих право осуществлять административно-хозяйственные функции, связанные с управлением и распоряжением бюджетными средствами, форму коррупционных отношений между заказчиком (государственным или муниципальным) и поставщиком (исполнителем, подрядчиком), выражающейся в предоставлении последним вознаграждения в виде денег, ценных бумаг и иного имущества, незаконного оказания услуг неимущественного характера, иных имущественных прав заказчику за содействие в получении заказа на обеспечение государственных и муниципальных нужд» [8, с. 127]. Мы полагаем, что нарушения законодательства о закупках, которые прямо не свидетельствуют о наличии коррупции, но, тем не менее, могут иметь коррупционную составляющую. К таковым следует отнести необоснованную закупку у единственного поставщика, дробление заказов, заключение контрактов на условиях, отличных от документации о закупке, незаконное изменение условий контракта, оплата контрактов, не выполненных в действительности и иные нарушения.

Таким образом, исходя из рассмотренных нарушений в сфере закупок, можно предложить следующую классификацию коррупционных нарушений в рассматриваемой сфере:

– действия (бездействие) участников закупок, являющиеся коррупционными;

– действия (бездействие) участников закупок, прямо не являющиеся коррупционными, но которые могут повлечь наступление таких негативных последствий.

Одним из средств предупреждения коррупции в сфере государственных закупок является мониторинг Единой информационной системы (далее – ЕИС) и сведений, размещаемых в ней государственными заказчиками. Цель такого мониторинга – выявление нарушений на начальной стадии закупочной деятельности, а также своевременное пресечение совершения нарушений коррупционной направленности.

Результаты анализа правоприменительной практики свидетельствуют о том, что в целях выявления коррупционных правонарушений в сфере государственных закупок, важно охватывать всю закупочную деятельность участника. Иными словами, необходимо проводить проверки следующих этапов закупок:

1 этап – планирование закупок;

2 этап – определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

3 этап – заключение контракта, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги;

4 этап – исполнение контракта.

На этапе планирования закупок следует обратить внимание на соответствие планов закупок, следование установленному порядку формирования, принятие данных планов, своевременность их размещения в ЕИС, обоснование приобретения объекта закупки и др.

При определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) государственных контрактов подлежат установлению:

– соблюдение требований к конкурсной документации;

– способ определения исполнителей контрактов;

– законность предъявления заказчиком требований к участникам закупки;

– критерии оценивания поступающих заявок от потенциальных исполнителей контрактов.

В том случае, если контракт между участниками закупочных отношений заключен, необходимо обратить внимание на его соответствие проекту контракта, который был представлен вместе с извещением, а также – на сроки его заключения.

Литература:

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для

На этапе исполнения контракта, необходимо изучать документацию, подтверждающую выполнение сторонами контракта возложенных на них обязательств, а также документацию по приемке товаров, работ, услуг, которые являлись предметом заключенного государственного контракта и ее размещение в ЕИС, а также применение мер ответственности в отношении исполнителя контракта, если им допущены нарушения условий заключенного контракта.

Современная контрактная система Российской Федерации, несмотря на разнообразие инструментов, направленных на открытость и прозрачность закупочных отношений, по-прежнему характеризуется высоким уровнем коррумпированности. Прокуратурой России наравне с уполномоченными органами, осуществляющими контроль за государственными закупками, ведется надзорная деятельность, в том числе по предупреждению и пресечению совершения правонарушений коррупционной направленности. Для эффективности надзорной деятельности важно анализировать все этапы закупочного механизма, в целях выявления всех возможных нарушений, а также установления взаимосвязей между ними. Одновременно, по нашему мнению, следует оценивать и иные нарушения, которые прямо не свидетельствуют о нарушении антикоррупционного законодательства, но также могут служить почвой для рассматриваемого негативного явления. В связи с этим нами была предложена соответствующая классификация таких нарушений в сфере закупок.

По мнению Генерального прокурора Российской Федерации, сфера государственных и муниципальных закупок во всех странах подвержена коррупционным проявлениям [11]. В научной доктрине сложилось аналогичное мнение, что закупочная сфера является одним из самых потенциально коррумпированным направлением деятельности государственных и муниципальных органов. Поэтому, целесообразно совершенствовать не только прокурорский надзор, но и законодательство в сфере закупок [6, с. 142].

При этом по мнению Председателя Следственного комитета Российской Федерации большинство проблем во взаимоотношениях с бизнесменами в закупках, в том числе путем искоренения так называемых откатов, может быть решено после вступления в силу нового закона (№ 360-ФЗ), предусматривающего упрощение проводимых процедур и повышающего прозрачность государственных и муниципальных закупок. И что самое важное, в крупных закупках смогут участвовать только предприятия, имеющие положительный опыт деятельности на данном направлении [12]. По нашему мнению, постепенное и поступательное внесение изменений в законодательство о закупках, сформированное на практике правоохранительных органов может стать важным шагом на пути предотвращения коррупции.

Literature:

1. Federal law «On contract system in procurement of goods, works, services for state and municipal

обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СЗ, 08.04.2013, № 14. Ст. 1652.

2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СЗ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ, 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

4. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы».

5. *Гаврилюк Р.В.* Аффилированность в сфере публичного и частного права как один из признаков коррупционной составляющей / Р.В. Гаврилюк, Г.Ю. Носаненко, А.А. Уразов // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова : в 2-х частях, Чебоксары, 02–03 октября 2020 года. Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2020. С. 127–131.

6. *Паращевина Е.А.* К вопросу о проблематике прокурорского надзора в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок / Е.А. Паращевина // Крымские юридические чтения. Преступность и общество: Сборник материалов научно-практической конференции : в 2-х томах. Ялта, 24–25 мая 2018 года / Под общей редакцией Н.Н. Колюки. Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. С. 139–142.

7. *Русецкий А.Е.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции / А.Е. Русецкий // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 1–2. С. 12–14.

8. *Шурпаев Ш.М.* Проблемы трактовки понятия «откат» в системе коррупционных отношений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Ш.М. Шурпаев // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 31. С. 123–129.

9. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>

10. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре по представлению прокурора должностное лицо казенного учреждения уволено за нарушение антикоррупционного законодательства. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=59158370>

11. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова РИА «Новости».

needs» of 05.04.2013 № 44-FZ // Sz, 08.04.2013, № 14. Art. 1652.

2. Federal law «On combating corruption» dated 25.12.2008 № 273-FZ // Sz, 29.12.2008, № 52 (Part 1). Art. 6228.

3. Civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 № 51-FZ // Sz, 05.12.1994. № 32, Art. 3301.

4. The decree of the President of the Russian Federation from 16.08.2021 № 478 «On the National anti-corruption plan for 2021–2024».

5. *Gavrilyuk R.V.* Affiliation in the sphere of public and private law as one of the signs of the corruption component / R.V. Gavrilyuk, G.Yu. Nosanenko, A.A. Urazov // Legal and moral aspects of the functioning of civil society: A collection of materials of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor V.P. Malkov : in 2 parts, Cheboksary, 02–03 October 2020. Cheboksary : I.N. Ulyanov Chuvash State University, 2020. P. 127–131.

6. *Parashchevina E.A.* On the issue of the problems of prosecutorial supervision in the field of state and municipal procurement / E.A. Parashchevina // Crimean legal readings. Crime and society : A collection of materials of the scientific and practical conference : in 2 vol. Yalta, May 24–25, 2018 / Under the general editorship of N.N. Kolyuki. Yalta : Limited Liability Company Publishing House Printing House «Ariall», 2018. P. 139–142.

7. *Rusetsky A.E.* Prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption legislation / A.E. Rusetsky // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2017. № 1–2. P. 12–14.

8. *Shurpaev Sh.M.* Problems of interpretation of the concept of «kickback» in the system of corruption relations in the field of procurement for state and municipal needs / Sh.M. Shurpaev // Legality and law and order in modern society. 2016. № 31. P. 123–129.

9. Results of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>

10. In the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, on the recommendation of the prosecutor, an official of a state institution was dismissed for violating anti-corruption legislation. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/achive?item=59158370>

11. Interview with the Prosecutor General of the Russian Federation Igor Krasnov RIA «Novosti». URL :

URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=67360817>

12. Александр Бастрыкин рассказал о расследовании громких коррупционных дел. URL : <https://rg.ru/2021/12/09/aleksandr-bastrykin-rasskazal-o-rassledovanii-gromkih-korruptsionnyh-del.html>

<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=67360817>

12. Alexander Bastrykin spoke about the investigation of high-profile corruption cases. URL : <https://rg.ru/2021/12/09/aleksandr-bastrykin-rasskazal-o-rassledovanii-gromkih-korruptsionnyh-del.html>

Конорезов Николай Андреевич
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Konorezov@list.ru

ОБМАН КАК СПОСОБ ПОНУЖДЕНИЯ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (СТ. 133 УК РФ)

Аннотация. В статье подвергается анализу общественная опасность понуждения к действиям сексуального характера при обмане потерпевшего. Посредством историко-правового и сравнительно-правового метода научного исследования, а также, с опорой на достижения доктрины частного права, рассматривается обманный способ получения согласия жертвы на вступление в половой контакт. Принимая во внимание, что обман, как и другие способы понуждения к действиям сексуального характера, препятствует добровольному и самостоятельному формированию согласия лица, автор приходит к выводу о целесообразности более полной охраны половой свободы личности, в том числе от понуждения путем обмана.

Ключевые слова: половые преступления, понуждение, обман, половая свобода, харассмент.

Общеземная тенденция по усилению правовой защиты неприкосновенности личности достаточно ярко проявляется в контексте современных гарантий по охране половой свободы личности от каких-либо внешних воздействий. Известно, что понуждение к действиям сексуального характера сопровождается отсутствием добровольности вступления в сексуальные отношения, в связи с чем, оценивается социологами в качестве вида негативной девиации. Хотя на сегодняшний день достаточно подробно вопросы уголовно-правовой характеристики и квалификации понуждения к действиям сексуального характера отражены в юридической литературе, остается неразрешенной проблема рассмотрения содержания данного преступления за рамками его законодательной конструкции, то есть *de lege ferenda*. В контексте полноценного обеспечения безопасности личности от сексуальных домогательств, настоящая тема только актуализируется.

Признаки состава преступления, предусмотренного ст. 133 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), довольно подробно изучены в науке. Однако право, как известно, не ограничивается нормативными предписаниями, подвергающимися корректировке в зависимости

Nikolay A. Konorezov
Postgraduate Student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Konorezov@list.ru

DECEPTION AS A WAY OF FORCING SEXUAL ACTS (ARTICLE 133 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. The article analyses the social danger of inducing a sexual act by deceiving the victim. By means of historical and comparative legal method of scientific research, as well as based on the achievements of private law doctrine, the deceptive way of obtaining the victim's consent to sexual intercourse is considered. Considering that deception, as well as other ways of inducing sexual acts, interferes with the voluntary and independent formation of consent of the person, the author concludes that it is advisable to protect the sexual freedom of the person more fully, including from inducement by deception.

Keywords: sexual crimes, compulsion, deception, sexual freedom, harassment.

от политико-правовых соображений. Коль скоро, современные ученые в большинстве своем рассматривают право в качестве более объемной категории, не совпадающей с сугубо позитивистским пониманием (тождественное законодательству), то и в уголовном праве имеют место перспективы такого развития научной мысли. Это подтверждает участвующая практика по критике нормативных предписаний, распространение жанра научных проектов уголовного кодекса России и др. В этой связи, мы полагаем целесообразным рассмотреть обычно упускаемый из виду обман как способ понуждения к действиям сексуального характера.

Генеральная посылка высшей судебной инстанции в очередной раз свела на нет сколько-нибудь активную дискуссию по данному вопросу. Так, известно, высшая судебная инстанция исходит из того, что «не могут рассматриваться как понуждение к действиям сексуального характера или как иные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности действия лица, добившегося согласия потерпевшей на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием (например, заведомо ложного обещания вступить в брак и т.п.)»

(п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [1]).

Советское уголовное законодательство в объективную сторону состава понуждения включало лишь служебную и материальную зависимость, тогда как уже на тот период профессор Я.М. Яковлев обоснованно настаивал на целесообразности расширения состава посредством дополнения диспозиции признаком «и иные случаи зависимости». Ученый справедливо исходил из того, что основная цель, стоящая перед государством в данном случае, выражается именно в более полной охране объекта посягательства – половой свободы [2]. Этого концептуального направления, по нашему мнению, стоит придерживаться и сегодня. Однако ученые, исследующие данный состав преступления, ограничиваются законодательными рамками, постулируя лишь упомянутую правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ, по-видимому, как единственно верный вариант правовой оценки ситуации с обманом (М.Н. Ахмедов, О.Н. Дядькин, А.Н. Красиков, А.Н. Попов, В.П. Степалин и др.) [3].

В современных условиях противодействия сексуальному харассменту [4] мы полагаем неправильным исключать уголовно-правовую охрану половой свободы, на которую виновный посягает посредством обмана, что в целом соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ о кумулятивном эффекте общественной опасности противоправного посягательства, образующегося накоплением и наслаением ряда обязательных и факультативных признаков состава преступления [5].

Напомним, что именно признак общественной опасности в силу положений ч. 1 ст. 14 УК РФ выступает основанием криминализации того или иного деяния. Как правило, для признания акта поведения преступным, вопрос встает о том, посягает ли он на объект уголовно-правовой охраны? Подчеркнем, что основным непосредственным объектом анализируемого преступления обоснованно признается именно половая свобода. Для мотивированного ответа следует определиться, в чем же состоит сущность состава понуждения к действиям сексуального характера и обмана как его способа.

Криминализованные способы, перечисленные в ст. 133 УК РФ, например, шантаж, формируют порок воли потерпевшего (потерпевшей), отсюда констатируется нарушение свободы человека по ведению половой жизни в любом из ее аспектов. «Разбираемый состав преступления также хорошо иллюстрирует тезис о том, что при принуждении как преступлении в деянии виновного интересует не человек сам по себе, а его поведение: в данном случае, лицо ставит своей задачей добиться вынужденного согласия жертвы и совершения ею внешне добровольных действий» [6].

Как верно замечают авторы диссертационных исследований по половым преступлениям

(Е.А. Котельникова [7], И.С. Алихаджиева [8]), понуждение к действиям сексуального характера преступно, потому что наличествует ограничение воли жертвы на вступление в половой контакт; при таком ограничении воли жертва не способна полноценно действовать в соответствии со своими намерениями, в результате чего, нарушается половая свобода.

В теории уголовного права ложные сведения характеризуются как одна из форм активного обмана, под которым понимается осознанное сокрытие или искажение истины, совершенные в устной или письменной форме либо посредством умолчания, путем действия или бездействия, при наличии вытекающей из закона или договора обязанности представить истинную информацию [9].

Заметим, что упречное формирование воли субъекта общественных отношений оценивается уголовным законом в зависимости от конкретного случая: с одной стороны, в качестве обстоятельства, вовсе исключающего преступность деяния (ст. 40 УК РФ); с другой стороны – в роли конститутивного признака ряда составов преступлений, где обман или злоупотребление доверием образуют способ преступления (ст. 110.1, 141, 150, 151.2, 159, 159.5, 165, 183, 283.1, 339 УК РФ).

При этом Пленум Верховного Суда РФ понимает преступный обман достаточно широко. Например, применительно к хищениям высшая судебная инстанция разъясняет его содержание через потенциальную возможность выражения: в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

Стало быть, при охране отношений собственности (ст. 159 УК РФ, ст. 165 УК РФ) уголовный закон, в том числе в его понимании высшей судебной инстанцией, признает обман как способ преступления достаточно общественно опасным, а при охране половой свободы – нет. Между тем, в системе уголовного закона, где интересы личности, очевидно, стоят выше, чем права собственности, такой подход представляется, как минимум, непоследовательным. Кстати, в зарубежных правовых порядках мы видим такую же ситуацию. Так, израильский доктор права Асаф Хардуф называет это главным нормативным диссонансом в охране половой свободы личности – «notwithstanding its clear violation of sexual autonomy, sex obtained by fraud is usually not considered rape» (несмотря на явное нарушение сексуальной автономии, секс, полученный обманным путем, обычно не считается изнасилованием) [10].

Зарубежное уголовное право, в данном случае, не менее противоречиво и имеет аналогичные дефекты, ибо основанием криминализации того же изнасилования в странах общего права признается, так называемая, сексуальная автономия («sexual autonomy»), которая фактически тождественна половой свободе. В связи с этим, профессор права Рубенфельд полагает необходимым изменить подход к пониманию основания криминализации изнасилования, чем можно будет избежать выявленное противоречие [11]. А профессор Фальк заявила, что секс по обману действительно должен считаться изнасилованием [12]. Переводя последнюю мысль на наш социально-культурный контекст и особенности уголовного-правовой регламентации, речь идет, очевидно, именно о необходимости считать такое поведение преступным.

В свете предписаний Пленума Верховного Суда РФ о непреступном свойстве обмана в посягательствах на половую свободу, следует рассмотреть правовую характеристику обмана как такового.

Анализируя правовое значение обмана, В.В. Долинская и И.В. Шишко отмечают, что «если бы сторона, действовавшая под влиянием обмана, знала истинное положение дела, то она не дала бы согласия на заключение сделки. Сделка, заключенная под влиянием обмана, не соответствует истинным намерениям обманутой стороны. В силу этого, и римское право, и современные законодательства не признают действительности сделки, заключенной под влиянием обмана» [13]. В этом мы усматриваем главный смысл, присущий обману, не только в гражданском праве, но и в уголовном. В действительности, разное понимание обмана в двух ведущих отраслях российского права свидетельствовало бы об упрекаемой Конституционным Судом РФ правовой неопределенности в регламентации общественных отношений и объективной невозможности предвидеть юридические последствия совершенных действий. Коль скоро обман при совершении сделки влияет на порочное формирование воли лица, и сделка объявляется недействительной, то и неправомерно сформированная воля лица при вступлении в сексуальные отношения не должна быть безразлична для государства.

Иными словами, при обмане, равно как и при использовании криминализованного способа понуждения в виде шантажа, согласие жертвы на вступление в половую связь образуется под неправомерным психическим воздействием виновного.

Р.А. Сабитов при анализе уголовного закона демонстрирует, что обман может играть различные роли, но при этом создает соответствующие условия для посягательства или его маскировки. Кроме этого, названный ученый развивает свою мысль и совершенно верно заключает, что «обман, выступающий в роли способа уголовно-правового действия, с необходимостью порождает заблуждение обманутого относительно определенных обстоятельств. Под влиянием заблуждения обманутый ведет себя таким образом, что

неизбежно наступают общественно опасные последствия, предусмотренные уголовным законом» [14].

Применительно к рассматриваемому нами составу преступления, можно сказать о реальной угрозе объекту уголовного-правовой охраны в виде возможности совершения действий сексуального характера с лицом, неправильно воспринимающим реальность по вине обманщика. Зная истинное положение дела, обманутое лицо не дало бы согласие на совершение действий сексуального характера с обманщиком.

Указанное обостряется возможностью воздействия на волю лица (более простой вариант реализации обмана) посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Как замечают Р.И. Дремлюга и А.В. Крипакова, «одним из принципов киберпространства является анонимность, что в первую очередь обеспечивает преимущества для всех форм преступных мошенничества и обмана [15].

Преступность, связанная с насилием, действительно подвергается качественной трансформации, потому что становится не только более сложной по исполнению, технически оснащенной, но и более интеллектуальной. Особенно верным здесь видится заключение О.В. Артюшиной, которая пишет: «Наблюдается тенденция снижения проявлений грубой физической силы и распространения более «тонкого» – информационного – воздействия на потерпевшего. Физическое насилие уступает место психическому [16]. Психическое (интеллектуальное) насилие и есть единственно противоправный признак состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ.

На наш взгляд, ложь и обман в интимном контексте могут быть оскорбительными, противоправными и общественно опасными, вопреки позиции высшей судебной инстанции и мнению многих современных ученых. Не вызывает сколько-нибудь обоснованных сомнений то, что обман воздействует на жертву так, что вмешивается в независимый процесс формирования её воли на совершение тех или иных действий, в данном случае – сексуального характера. Игнорирование со стороны законодателя и правоприменителей обозначенного противоречия видится необоснованным. Такой подход идет вразрез с современной политико-правовой ситуацией по предоставлению достаточно высоких гарантий охраны, в том числе, уголовно-правовой неприкосновенности личности, её половой свободе.

Исходя из указанного, сферу применения состава понуждения к действиям сексуального характера следует расширить, включив деяния, связанные с обманом жертвы. Очевидно, что применение иного способа (например, обмана), в сущности, не лишает понуждение к действиям сексуального характера общественной опасности. Следовательно, нужно обеспечить уголовно-правовую охрану половой свободы от понуждения к действиям сексуального характера, что возможно, например, посредством дополнения диспозиции ст. 133 УК РФ таким способом, как «обман», либо

введением общего состава преступления о понуждении лица к совершению тех или иных действий любыми способами.

Подчеркнем, уголовно-правовой потенциал проанализированного состава преступления необходимо увеличить, убрав формальные и маломотивированные границы, включив в него

Литература:

1. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 дек. 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.
2. *Яковлев Я.М.* Половые преступления : монография. Душанбе : ИРФОН, 1969. С. 225.
3. *Дядькин О.Н.* Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера / О.Н. Дядькин, М.Н. Ахмедов // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3(48) С. 76.
4. *Кокорева В.* Харассмент на работе. Анализ споров / В. Кокорева // Трудовое право. 2020. № 2. С. 49.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.
6. *Шевелева С.В.* Принуждение как общественно опасное деяние / С.В. Шевелева // Lex russica. 2017. № 12. С. 68–83.
7. *Котельникова Е.А.* Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 13.
8. *Алихаджиева И.С.* Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и вовлечение в занятие проституцией: возможна ли квалификация по совокупности? / И.С. Алихаджиева // Уголовное право. 2014. № 5. С. 7–10.
9. *Гауфман Л.Д.* Преступления в сфере экономической деятельности / Л.Д. Гауфман, С.В. Максимов. М., 1998. С. 99.
10. *Harduf A.* The Law of Rights and the Law of Wrongs / Harduf A., M. Saif-Alden Wattad // Criminalizing Adult Incest. November 25. 2019.
11. *Rubinfeld J.* The Riddle of Rape-by-Deception and the Myth of Sexual Autonomy / J. Rubinfeld // 123 YALE L.J. 1372 1379, 1402-03. 2013.
12. *Falk P.J.* Not Logic, but Experience: Drawing on Lessons from the Real World in Thinking About the

посягательства на половую свободу путем обмана. Риски излишней криминализации мы не наблюдаем, так как преступление остается в категории небольшой тяжести, а политико-правовые условия диктуют потребность во всестороннем обеспечении основных прав и свобод человека, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Literature:

1. On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04 Dec. 2014 № 16 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 2.
2. *Yakovlev Ya.M.* Sexual crimes : monograph. Dushanbe : IRFON, 1969. P. 225.
3. *Dyadkin O.N.* Questions of qualification of compulsion to sexual acts / O.N. Dyadkin, M.N. Akhmedov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2018. № 3(48). P. 76.
4. *Kokoreva V.* Harassment at work. Analysis of disputes / V. Kokoreva // Labor law. 2020. № 2. P. 49.
5. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.02.2017 № 2-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2017. № 2.
6. *Sheveleva S.V.* Coercion as a socially dangerous act / S.V. Sheveleva // Lex russica. 2017. № 12. P. 68–83.
7. *Kotelnikova E.A.* Violent encroachments on sexual freedom and sexual inviolability: criminal-legal characteristics and problems of qualification : abstract. dis. ... cand. of law sciences. N. Novgorod, 2007. P. 13.
8. *Alikhajieva I.S.* Crimes against the sexual integrity of minors and involvement in prostitution: is it possible to qualify collectively? / I.S. Alikhajieva // Criminal law. 2014. № 5. P. 7–10.
9. *Gaufman L.D.* Crimes in the sphere of economic activity / L.D. Gaufman, S.V. Maksimov. M., 1998. P. 99.
10. *Harduf A.* The Law of Rights and the Law of Wrongs / Harduf A., M. Saif-Alden Wattad // Criminalizing Adult Incest. November 25. 2019.
11. *Rubinfeld J.* The Riddle of Rape-by-Deception and the Myth of Sexual Autonomy / J. Rubinfeld // 123 YALE L.J. 1372 1379, 1402-03. 2013.
12. *Falk P.J.* Not Logic, but Experience: Drawing on Lessons from the Real World in Thinking About the

Riddle of Rape-by-Fraud / P.J. Falk // 123 YALE L.J. 353, 365. 2013.

13. *Долинская В.В.* Обманные действия по ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации / В.В. Долинская, И.В. Шишко // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 127–142.

14. *Сабитов Р.А.* Криминальные обманы и фальсификации : монография. М., 2019. С. 125.

15. *Дремлюга Р.И.* Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? / Р.И. Дремлюга, А.В. Крипакова // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 161–169.

16. *Артюшина О.В.* Насильственная преступность и IT-технологии / О.В. Артюшина // Lex russica. 2019. № 9. С. 77–84.

Riddle of Rape-by-Fraud / P.J. Falk // 123 YALE L.J. 353, 365. 2013.

13. *Dolinskaya V.V.* Fraudulent actions under article 179 of the Civil code of the Russian Federation and article 165 of the Criminal code of the Russian Federation / V.V. Dolinskaya, I.V. Shishko // Actual problems of Russian law. 2017. № 3. P. 127–142.

14. *Sabitov R.A.* Criminal deceptions and falsifications : monograph. M., 2019. p. 125.

15. *Dremlyuga R.I.* Crimes in virtual reality: myth or reality? / R.I. Dremlyuga, A.V. Kripakova // Actual problems of Russian law. 2019. № 3. P. 161–169.

16. *Artyushina O.V.* Violent crime and IT technologies / O.V. Artyushina // Lex russica. 2019. № 9. P. 77–84.

Литвяк Лариса Геннадиевна

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал
Краснодарского
университета МВД России
llg1978@yandex.ru

Беретарь Залина Артуровна

курсант,
Новороссийский филиал
Краснодарского
университета МВД России
zalina1609@list.ru

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ТРАНСГЕНДЕРОВ В МИРЕ**

Аннотация. В статье авторы анализируют современное положение в обществе людей с нарушенной генной идентичностью, возникающие у них проблемы с реализацией своих прав и свобод. Выяснено, что жители России, в своем большинстве, негативно относятся к такой категории людей. Но в ряде стран мы можем наблюдать более толерантное к ним отношение, что находит выражение и в законодательстве этих государств. Анализу подвергнуты некоторые нормативные правовые акты Японии и США.

Ключевые слова: права трансгендеров, гендерная идентичность, гендерное самовыражение, гендерное несоответствие, состояния, связанные с сексуальным здоровьем, Всемирная организация здравоохранения, законодательство.

Мы живем в странное, вряд ли можно сказать, что удивительное время. Но жизнь наша меняется, подвергаются пересмотру традиционные ценности и представления о нормальности. Касается это и такой сферы нашей жизни, как гендерная идентичность.

Вряд ли еще несколько лет назад можно было бы представить, что в Олимпийских играх примет участие трансгендер. Речь идет о новозеландке Лорел Хаббард, которая выступала в Токио-2020 в таком виде соревнований, как тяжелая атлетика. В марте 2021 года помощником главы американского Министерства здравоохранения стала Рейчел Левин, которая из своих 63 лет жизни 53 года была мужчиной по имени Ричард. В мире шоу-бизнеса, киноиндустрии люди с расстройствами гендерной идентичности все чаще

Larisa G. Litvyak

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
llg1978@yandex.ru

Zalina A. Beretar

Cadet,
Novorossiysk branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
zalina1609@list.ru

**THE LEGAL STATUS
OF TRANSGENDER PEOPLE
IN THE WORLD**

Annotation. In the article, the authors analyze the current situation in society of people with a violated genetic identity, their problems with the realization of their rights and freedoms. It was found out that the residents of Russia, for the most part, have a negative attitude to this category of people. But in a number of countries we can observe a more tolerant attitude towards them, which finds expression in the legislation of these states. Some regulatory legal acts of Japan and the USA have been analyzed.

Keywords: transgender rights, gender identity, gender expression, gender nonconformity, sexual health conditions, World Health Organization, legislation.

заявляют о себе и своих правах. Они долгие годы мучались, осознавая свою непохожесть на других людей, но смогли, изменив себя, жить дальше вполне успешно. Это и известная певица Дана Интернэшнл, победительница международного песенного конкурса Евровидение, родившая в Тель-Авиве под именем Ярон Козн, и Лана и Лилли Вачовски, написавшие сценарий к ставшему всемирно известному фильму «Матрица», родные сестры, до смены пола бывшие братьями Ларри и Энди. Но, в основном, трансгендеры – самая невидимая часть человеческого общества. А ведь, по подсчетам специалистов, эта группа составляет 0,5–1 % от всех жителей земли, по оценкам ВОЗ – 03–05 %.

В разных странах наблюдается разное отношение к трансгендерам. Россия оказалась одним из

самых консервативных в этом плане государств. В 2020 году компания «Ромир» и международное сообщество исследователей компаний GlobalNR провели опрос 7100 жителей из 10 стран мира, в числе которых была и Россия. 800 респондентам-россиянам предлагалось согласиться или нет со следующим утверждением: «Традиционные гендерные роли для мальчиков и девочек лучше всего подходят для общества». 71 % россиян согласились с этим. В целом, из всех опрошенных данное утверждение поддержали 47 %, а в таких странах, как Корея и Германия, согласных было 16 и 24 %, соответственно [1]. Россия стала лидером и по негативному отношению к трансгендерным людям. Так, 43 % опрошенных россиян заявили, что их оскорбляет само существование транслюдей [2]. Данный опрос показывает, что российское общество еще не настолько толерантно к трансгендерам, но такие люди живут среди нас, их количество растет, о чем свидетельствуют данные многих зарубежных исследователей (например, в США ежегодно проводятся опросы среди молодых людей в возрасте от 18 лет до 31 года относительно того, насколько они ощущают себя трансгендерами. Так вот, с 2006 по 2016 год количество юношей и девушек, идентифицирующих себя как трансгендер, возросло почти в 20 раз – с 0,09 % в 2006 году до 1,79 % в 2016) [3].

Поясним, что согласно определению, даваемому на сайте ВОЗ, трансгендер – это собирательный термин, описывающий разнообразную группу людей, у которых внутреннее ощущение гендера отличается от зарегистрированного при рождении. Термин «трансгендер» относится к гендерной идентичности и гендерному самовыражению и не имеет ничего общего с сексуальной ориентацией [4]. МКБ-11 (Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра, принята Всемирной ассамблеей здравоохранения в мае 2019 года, в России должна быть внедрена в течение 2022–2025 годов), в отличие от МКБ-10, перенесла гендерное несоответствие из главы «Психические и поведенческие расстройства» в новую главу «Состояния, связанные с сексуальным здоровьем». Это отражает научные данные о том, что транс-обусловленные и гендерно разнообразные идентичности не являются состояниями больного психического здоровья, и классификация их в качестве таковых может становиться причиной серьезной стигмы [4]. Такой перенос, по мнению ВОЗ, должен обеспечить трансгендерам равный с другими людьми доступ к медицинской помощи; ведь опросы многих врачей подтверждают, что люди самой гуманной профессии нередко отказываются от оказания медицинской помощи людям с гендерным несоответствием.

Так, какое же отношение к данной группе людей в зарубежных странах? Для трансгендеров в Японии, например, непростой является смена пола и имени в официальном семейном реестре или, Ко-секи. До недавнего времени, японцы могли пройти операцию по смене пола только в третьей стране, например, в Сингапуре, Таиланде или

США, так как до 1996 года Японское общество психиатрии и неврологии не признавало такие операции. Но даже после проведения такой операции человек не мог изменить свой пол в указанном выше реестре.

Правительство Японии разработало «Закон об особом обращении с людьми с расстройствами гендерной идентичности», содержащий несколько юридических условий, которые должны быть выполнены для того, чтобы ваш пол был законно изменен:

- 1) физическое лицо должно быть старше 20 лет;
- 2) не состоять в браке на момент запроса;
- 3) не иметь ребенка (или детей) в возрасте до 19 лет на момент обращения;
- 4) быть лишенным своей гонады (репродуктивной железы) или репродуктивной функции;
- 5) обладать наружным половым органом, сходным с тем полом, к которому индивид желает быть отнесен.

Если лицо, обратившееся с просьбой об изменении своего законного пола, выполнило вышеуказанные условия, заявитель может обратиться в суд по семейным делам с соответствующим заявлением. Закон был введен в действие в июле 2004 года, и отдел по делам семьи Верховного суда Японии сообщил, что 208 из 218 запросов были приняты в течение первого года действия закона (с 16 июля 2004 года по 15 июля 2005 года).

Тем не менее, до сих пор он вызывает множество споров в японском обществе.

Пошли японцы и по пути признания однополых браков. В ноябре 2015 года токийские районы Сетагая и Сибуя ввели систему сертификации, признающую однополые партнерства равными гетеросексуальным. К декабрю зарегистрировались и получили справки от вышеупомянутых районов 16 однополых пар. Данные события считаются краеугольным камнем в истории ЛГБТ-сообщества Японии; Сетагая и Сибуя стали первыми местными органами власти, которые внедрили подобную систему в стране (на сегодняшний день в Японии её ввели 64 субъекта). Подобные меры способствовали признанию прав сексуальных меньшинств, проложили путь к беспрецедентным дебатам о равенстве всех людей, однако, данные сертификаты не имеют обязательной юридической силы, а сам процесс их получения весьма длительный и дорогостоящий.

Фактически, сертификат не является эффективным решением проблем, с которыми сталкиваются сексуальные меньшинства в Японии. Хотя он и позволяет однополым партнерам навещать друг друга в больницах, снимать квартиру и получать некоторые другие льготы, включая страховые жизни, но не решает более долгосрочные и серьезные проблемы, такие как равенство на рабочем месте, равные с гетеросексуальными парами права, соблюдение иных прав человека.

Статья 24 Конституции Японии устанавливает, что «браки должны основываться только на взаимном согласии обоих полов и должны поддерживаться на основе взаимного сотрудничества с равными правами мужа и жены в качестве основы» [5]. Термин «оба пола» интерпретируется как мужчина и женщина, однако, среди ученых и активистов ведутся споры о том, что это может быть истолковано и как «два человека». Кроме того, термины «муж и жена» или «фуфу» имеют гендерное значение в их повседневном употреблении на японском языке, поэтому брак интерпретируется как брак между мужчиной и женой, которая является женщиной, а не как социальная роль, которая связана с терминами «муж» и «жена». Таким образом, брак в Японии, как это предусмотрено в японской правовой системе, относится только к браку между двумя людьми разного пола, следовательно, исключает однополые браки.

Первый указ и руководство в Японии, признающие однополые браки, вступившие в силу в токийских районах Сибуя и Сетагая, стали начальным шагом в обеспечении основных прав сексуальных меньшинств в Японии. Из-за юридических ограничений, существующих в японских законах, немедленная легализация однополых браков представляется маловероятной, однако это не отменяет актуальности обсуждения вопроса о том, следует ли разрешить сексуальным меньшинствам то, что эквивалентно гражданскому партнерству, практикуемому в различных европейских странах и частях Соединенных Штатов и Канады, а также, рассмотрению возможности упрощения системы физической и юридической смены пола.

Интересно законодательство США относительно спортсменов-трансгендеров. Тема насущная для сегодняшнего времени, что подтвердила недавняя олимпиада. У многих федераций различных видов спорта возникает множество вопросов в принципе о возможности их участия в спортивных соревнованиях, о статусе таких людей (оставлять их в своей категории, если они по физическому полу мужчины, или переводить в другую, если они ощущают себя женщинами?). Единого решения пока нет. В 2016 году Международный олимпийский комитет разрешил спортсменам-трансгендерам выступать в соревнованиях даже без операции по смене пола. Единственным ограничением

Литература:

1. «Ромир» / GlobalNR: гендерные роли детей. URL : <https://romir.ru/studies/romirglobalnr-gendernye-rol-i-detey>
2. «Опрос: 43 % россиян сказали, что их оскорбляет существование трансгендерных людей. URL : <https://takiedela.ru/news/2020/12/14/konservativnye-rossiyane/>
3. Почему растёт число трансгендеров среди подростков. URL : <https://grodno24-com.turbopages.org/grodno24.com/s/2021/04/rastyot-chislo-transgenderov.html>
4. Краткий обзор ЕРБ-ВОЗ – здоровье трансгендеров в контексте МКБ-11. URL : <https://www.euro.who.int/ru/news-room/2021/04/who-euro-transgender-health>

для мужчин, которые хотят соревноваться с женщинами, стало принудительное ограничение уровня тестостерона. Спортсмен может соревноваться с женщинами, если уровень гормона на протяжении года не превышал 10 наномоль на литр крови. У мужчин этот показатель может составлять от 7 до 30 единиц., нормальный показатель у здоровой женщины не более 2 единиц [6]. Сменившую пол тяжелоатлетку Лорел Хаббард из Новой Зеландии, участвовавшую в летних олимпийских играх в Токио, обязали пройти именно такую терапию по снижению уровня тестостерона. Людей, подобных Лорел, в спорте уже сотни, и, по мнению многих спортсменов, это мошенничество и обман. Особенно большое количество трансгендеров отмечается в студенческом спорте США. Дошло до того, что законы о таких «спортсменах» существуют в каждом отдельном штате страны [7].

Новый президент США Джо Байден, отменив запреты Дональда Трампа, в январе 2021 г. разрешил трансгендерам участие в соревнованиях, правда, на уровне школ и колледжей. Им издан указ «О предотвращении и борьбе с дискриминацией на основе гендерной идентичности и сексуальной ориентации», и если школа или колледж не допускает трансгендеров, то учебное заведение лишается финансирования [8]. Нормативные правовые акты, которые ограничивают участие трансгендеров, в частности, в женском спорте, действуют всего в восьми штатах США. Минюст США поддерживает трансгендеров в спорте, считая, что запреты нарушают закон о равенстве возможностей для получения образования и занятий спортом. А в 17 штатах США школьники-трансгендеры без ограничений могут участвовать во всех спортивных мероприятиях, без операции по смене пола, без гормонотерапии. Необходимо только сообщить о том, к какому полу ты себя относишь [9].

Таким образом, мы видим, что проблемы с определением правового статуса трансгендеров, их правового положения, возможности реализации ими своих прав и свобод как человека существуют во всем мире, и правительства разных стран по-разному пытаются решать проблемы таких людей.

Literature:

1. «Romir» / GlobalNR: gender roles of children. URL : <https://romir.ru/studies/romirglobalnr-gendernye-rol-i-detey>
2. «Poll: 43 % of Russians said they were offended by the existence of transgender people. URL : <https://takiedela.ru/news/2020/12/14/konservativnye-rossiyane/>
3. Why the number of transgender teenagers is growing. URL : <https://grodno24-com.turbopages.org/grodno24.com/s/2021/04/rastyot-chislo-transgenderov.html>
4. A brief overview of WHO/Europe – transgender health in the context of ICD-11. URL : <https://www.euro.who.int/ru/news-room/2021/04/who-euro-transgender-health>

who.int/ru/health-topics/health-determinants/gender/gender-definitions/who-europe-brief-transgender-health-in-the-context-of-icd-11

5. Конституция Японии (от 03 мая 1947 года). URL : <https://www.rulit.me/books/konstituciya-yaponii-ot-3-maya-1947-goda-read-140169-2.html>

6. Мужчина, сменивший пол, будет бороться за медаль Олимпиады в женской тяжёлой атлетике – кто такая Лорел Хаббард. URL : https://www.championat.com/other/article-4342493-muzhchina-smenivshij-pol-budet-borotsya-za-medal-olimpiady-v-zhenskoj-tyazhyolj-atletike-kto-takaya-lorel-habbard.html?utm_source=copypaste

7. Шансы трансгендеров на военную службу. URL : <https://www.mk.ru/politics/2021/04/01/v-ssha-transgendenderamnov-razreshili-sluzhit-v-armii.html>

8. Трансгендеры в женском спорте: что же надеял Байден? URL : https://www.pravda.ru/sport/1587196-transgenderyv_sporte

9. Трансгендерные спортсменки – эволюция правил допуска к женским соревнованиям. URL : <https://eisgen.livejournal.com/11609.html?media>

www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/gender/gender-definitions/who-europe-brief-transgender-health-in-the-context-of-icd-11

5. The Constitution of Japan (dated May 03, 1947). URL : <https://www.rulit.me/books/konstituciya-yaponii-ot-3-maya-1947-goda-read-140169-2.html>

6. A man who has changed his gender will fight for an Olympic medal in women's weightlifting – who is Laurel Hubbard. URL : https://www.championat.com/other/article-4342493-muzhchina-smenivshij-pol-budet-borotsya-za-medal-olimpiady-v-zhenskoj-tyazhyolj-atletike-kto-takaya-lorel-habbard.html?utm_source=copypaste

7. The chances of transgender people for military service. URL : <https://www.mk.ru/politics/2021/04/01/v-ssha-transgendenderamnov-razreshili-sluzhit-v-armii.html>

8. Transgender people in women's sports: what has Biden done? URL : https://www.pravda.ru/sport/1587196-transgenderyv_sporte

9. Transgender athletes – the evolution of the rules of admission to women's competitions. URL : <https://eisgen.livejournal.com/11609.html?media>

Малимонова Анастасия Сергеевна
аспирантка кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
Advocate_m@bk.ru

КРАТКИЙ ОБЗОР КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ВАЖНЫХ СВЕДЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности как объект криминалистического исследования. В тексте работы дана краткая характеристика основных сведений о преступлениях в сфере обеспечения продовольственной безопасности и мотивах их совершения, известных на сегодняшний день криминалистической, криминологической и уголовно-правовой науке, а также, отражена информация о типичных субъектах, совершающих исследуемые криминальные деяния. Кроме того, автор кратко описывает криминалистическую классификацию преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности, разделяя указанные преступления на две большие группы: основные и сопутствующие.

Ключевые слова: преступление, продовольственная безопасность, сведения о преступлении, сведения о преступнике, преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности, продовольственная преступность, криминалистическая характеристика.

Продовольственная безопасность – важный феномен в жизни любого общества и государства. От степени обеспечения продовольственной безопасности зависит качество жизни населения, экологическая обстановка, а также – экономическая и национальная безопасность страны.

Согласно действующей Доктрине [1], продовольственная безопасность – это «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни».

Anastasia S. Malimonova
Postgraduate Student
of the Department of Criminalistics,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilin
Advocate_m@bk.ru

A BRIEF OVERVIEW OF FORENSIC INFORMATION ON THE FOOD SECURITY CRIMES

Annotation. The food security crimes are considered as an object of forensic research in the article. The text of the work provides a brief description of the main information about the food security crimes and the motives for these crimes, that are known today in forensic, criminology and criminal law science. There is data on typical actors, who usually commit the food security crimes. Moreover, the author shortly describes the forensic classification of the food security crimes and divides these offences into two large groups: main crimes and related crimes.

Keywords: crime, a food security, an information about an offence, an information about a criminal, food security crimes, food crime, a forensic characteristic.

Исходя из вышеизложенного определения продовольственной безопасности, для упорядочения исследования и установления ясности в вопросе того, что именно мы понимаем под преступлениями в сфере продовольственной безопасности, было сформулировано авторское определение термина. В широком смысле, это – общественно опасные уголовно наказуемые деяния, посягающие на отношения в сфере оборота пищевой продукции (производство (изготовление), упаковка, реализация, хранение, перевозка и использование), а также, на установленный законом порядок организации и ведения экономической деятельности юридическими и физическими лицами, участвующими в обороте пищевой продукции, которые выражаются в причинении имущественного ущерба государству, организациям, физическим лицам, и (или) сопряжены с причинением

вреда жизни и здоровью граждан и (или) окружающей среде.

Таким образом, к признакам, характеризующим преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности, относятся:

Хозяйственная деятельность субъекта преступления осуществляется в рамках продовольственной цепи. То есть, эти уголовно наказуемые деяния могут быть совершены как на любом этапе производства продовольственных товаров, так и в процессе их поставки и розничной или оптовой продажи.

Нарушение субъектом преступления обязательных требований, предъявляемых к пищевым продуктам. Нормативно правовые акты Российской Федерации различной юридической силы устанавливают требования и правила, которые должны соблюдать производители продуктов питания, несоблюдение которых влечет установленную законом ответственность.

Наступление последствий, установленных Уголовным кодексом Российской Федерации. Не любое нарушение обязательных требований образует состав преступления, а только такое, которое повлекло определенные уголовным законом последствия (вред здоровью, смерть и другие).

Деяния (бездействие) субъекта преступления оказывают негативное влияние на качество продуктов питания. Не всегда непосредственным объектом преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности являются продовольственные товары, но они всегда «страдают» в результате совершения уголовных деяний.

Указанные признаки в полной мере относятся только к тем преступлениям в сфере обеспечения продовольственной безопасности, видовым объектом которых является экология и здоровье населения, иные реже.

К преступлениям, совершаемым в сфере продовольственной безопасности, можно отнести большое количество различных составов, предусмотренных уголовным законом России. Примечательно, что они рассредоточены по различным разделам и главам кодекса, что позволяет нам говорить о наличии целой группы преступлений. В связи с тем, что Уголовный кодекс Российской Федерации не выделяет преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности в отдельный вид, данную задачу выполняет наука – в настоящее время многие отечественные и зарубежные ученые изучают рассматриваемые преступления с точек зрения ряда наук уголовно-правового профиля: уголовного права, криминологии, криминалистики.

Что касается классификации таких преступлений с криминалистической точки зрения, то они, по мнению автора, подразделяются на основные и сопутствующие.

К основным относятся те преступления, объектом и (или) предметом которых являются продукты

питания, а также – экологические преступления. В эту группу входит множество криминальных деяний, предусмотренных уголовным законом, которые разбросаны по разным разделам и главам Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст. 171.3, 236, 238, 254 УК РФ и другие). Примечательно, что при совершении экологических преступлений требования к безопасности продуктов питания не нарушаются, но нарушаются правила (требования), влияющие на безопасность пищевых продуктов (ветеринарные, санитарно-эпидемиологические и другие).

Вторую группу преступлений образуют деяния, сопутствующие приготовлению, совершению и сокрытию «основных» преступлений, они также расположены в различных главах и разделах Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст. 292, 324, 325, 327 УК РФ и другие). Кроме того, факультативным объектом сопутствующих преступлений выступают отношения по обеспечению продовольственной безопасности.

Почему же изучению механизма совершения преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности и совершенствованию методики их расследования стоит уделять особое внимание?

Бизнес, связанный с продуктами питания, привлекает преступников, так как такая предпринимательская деятельность всегда актуальна и востребована, а прибыль от преступлений сопоставима с оборотом кокаина, но несет меньшие риски, считает Роберт Смит [2, с. 251]. Таким образом, это преступления, приносящие огромный доход.

Хейзел Кроал говорит о продовольственных преступлениях одновременно, как о типе экономических преступлений и как об особой форме преступлений. Автор полагает, что такие преступления менее заметны и получают меньше общественного или академического внимания, чем другие экономические, должностные и корпоративные преступления [3, с. 128].

С середины семидесятых годов прошлого века криминалистическое предствление о преступлении приобрело форму описания наиболее значимых его признаков [4, с. 403]. Как известно, предмет криминалистики включает сведения о преступлении и преступнике [5, с. 200].

Для начала рассмотрим информацию о типичном преступлении в сфере обеспечения продовольственной безопасности.

Стоит отметить, что преступление совершается в рамках продовольственной цепи, под которой понимается процесс, обуславливающий перемещение продуктов питания от производителя к потребителю [6]. Этот процесс включает в себя множество этапов, начиная с производства и заканчивая потреблением. Порча пищевых продуктов может быть намеренной или случайной и происходит на любой стадии цепи.

Способом совершения является нарушение обязательных требований, предъявляемых к

безопасности продуктов питания, либо правил, нарушение которых прямо или косвенно влияет на безопасность пищевой продукции. Такое нарушение может выражаться как в действии, так и в бездействии.

В этой цепочке многое может пойти не по плану, от случайных ошибок до высоко организованной преступности.

Важной характеристикой преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности являются различные бизнес-аспекты, например:

- особенности отрасли предпринимательской деятельности;
- профессиональные характеристики сотрудников;
- трудовые ресурсы;
- вопросы управления поставками;
- использование и администрирование бизнес-моделей.

Очевидно, что для понимания и изблечения механизма продовольственной преступности необходимо знать особенности функционирования пищевой индустрии, ее сильные и слабые стороны.

Что касается сведений о преступниках, то субъекты данной группы преступлений многочисленны и разнообразны. Так, в незаконной деятельности могут быть замешаны фермеры, сознательно вступающие в сговор с преступниками, чтобы получить выгоду путем сбыта недоброкачественной продукции. Кроме того, свой вклад в продовольственную преступность вносят и производители, пренебрегающие правилами гигиены и безопасности продуктов питания.

Более серьезную угрозу представляют предприниматели, которые занимаются внешне легальным бизнесом в пищевой индустрии, но осознанно идут на нарушение закона самостоятельно или же в составе группы в целях получения дохода. Сотрудники крупных предприятий

Литература:

1. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
2. *Smith R.* Critiquing the Inter-Disciplinary Literature on Food Fraud / R. Smith, L. Manning, G. McElwee // *International Journal of Rural Criminology*. 2017. № 3. P. 250–270.
3. *Croall H.* White collar crime, consumers and victimization. *Crime, Law and Social Change*. Springer Verlag. 2008. № 51(1). P.127–146.
4. *Хлус А.М.* Криминалистическая структура преступления и ее влияние на уголовно-правовую

также могут быть причастны к преступной деятельности, так как они непосредственно участвуют в процессе производства и могут совершать противоправные действия с умыслом или без такового. В рассматриваемой сфере свою нишу занимают и организованные преступные группы.

Производство, поставка, хранение, реализация и потребление пищевых продуктов играют значительную роль не только в крупном бизнесе, а также – в секторах малого и среднего бизнеса, а также – микробизнеса. Это – нестабильная область, для которой характерны высокий уровень конкуренции, низкая рентабельность, сложность и длина цепочек сбыта и поставок. Кроме того, это тщательно регулируемая законодательством отрасль, контроль за которой осуществляется со стороны многочисленных правительственных учреждений. Все эти факторы усложняют ведение предпринимательской деятельности для начинающих и некрупных бизнесменов и создают соблазн для поиска более легких путей повышения своих экономических показателей.

Мотивами совершения продовольственных преступлений могут выражаться в стремлении оставаться конкурентоспособным, в давлении со стороны кредиторов или акционеров/участников организации, давление руководства на подчиненных. Также, причиной может быть стремление получить выгодный контракт, увеличить прибыль, выйти на новые рынки или просто заработать много денег.

Преступность в сфере обеспечения продовольственной безопасности как явление – проблема мирового масштаба. Для успешного расследования и раскрытия таких преступлений необходимо знание и понимание механизма их совершения, а также, специфики функционирования самого бизнеса, целей и мотивов преступников. В целях повышения эффективности и рационализации деятельности оперативников, необходимо разработать подробную научно обоснованную криминалистическую характеристику рассматриваемой укрупненной группы преступлений, а также, практически применимую криминалистическую методику их расследования.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 21.01.2020 № 20 «On the approval of the Doctrine of food security of the Russian Federation» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2020. № 4. Art. 345.
2. *Smith R.* Critiquing the Inter-Disciplinary Literature on Food Fraud / R. Smith, L. Manning, G. McElwee // *International Journal of Rural Criminology*. 2017. № 3. P. 250–270.
3. *Croall H.* White collar crime, consumers and victimization. *Crime, Law and Social Change*. Springer Verlag. 2008. № 51(1). P.127–146.
4. *Хлус А.М.* Криминалистическая структура преступления и ее влияние на уголовно-правовую

квалификацию / А.М. Хлус, Г.А. Шумак // Эпомен. 2020. № 41. С. 400–419.

5. *Kuemzhieva S.A.* О понятии криминалистической характеристики преступления / С.А. Куемжиева // Криминалистические чтения на Байкале 2015. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2015. С. 200–204.

6. Официальный сайт Гарвардского университета. URL : https://hwpi.harvard.edu/files/chge/files/lesson_4_1.pdf (дата обращения 08.12.2020).

квалификацию / А.М. Хлус, Г.А. Шумак // Эпомен. 2020. № 41. С. 400–419.

5. *Kuemzhieva S.A.* On the concept of criminalistic characteristics of crime / S.A. Kuemzhieva // Criminalistic readings on Baikal 2015. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2015. P. 200–204.

6. Official website of Harvard University. URL : https://hwpi.harvard.edu/files/chge/files/lesson_4_1.pdf (date of application 08.12.2020).

Мартынов Максим Михайлович
помощник прокурора
Ленинского района г. Пензы
прокуратуры Пензенской области,
Саратовская государственная
юридическая академия
martynov58max@yandex.ru

ПОНЯТИЕ «ЛЕГАЛЬНОСТЬ» В ТРУДАХ УЧЕНЫХ-ЮРИСТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается категория «легальность» как правовой феномен, а также, даются описательные характеристики власти по признаку ее легальности в периоды Российской империи, Советской России. Отдельно выделяется политический характер легальности. Автором проводится анализ трудов и статей ученых-правоведов (Ю.Г. Жуковский, А.И. Герцен, В.И. Курдюновский), видных теоретиков и деятелей революционной политической борьбы в России в начале XX века (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Ф. Энгельс, К. Маркс, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев [и пр.]), из которых впоследствии выделяются признаки легальности, ее характеристики в зависимости от условий общественно-политической жизни и методов достижения. В заключении делается вывод о том, что в различные периоды легальность воспринималась по-разному: от тактического способа ведения политической борьбы до восприятия вновь установленного правового порядка в качестве легального.

Ключевые слова: легальность; легальность власти; политическая борьба; происхождение легальности; сущность и содержание легальности власти; власть; борьба за власть.

Появление особого интереса к природе легальности как специфического феномена в период дореволюционной России можно констатировать, начиная, примерно, со второй половины XIX века. Детерминантой внимания к легальности послужил, заложенный в ней, политический компонент, играющий все большую роль в ходе нарастающего обострения классовых противоречий.

При этом в России сложилось своеобразное, отличное от западноевропейского научного концепта восприятие легальности. В российской юридической науке постулаты общей теории права безоговорочно распространялись на понятийный аппарат отраслевых наук.

Одним из первых, кто приступил к подробному изучению легальности, был яркий публицист и

Maxim M. Martynov
Assistant Prosecutor
Leninsky district of Penza
Prosecutor's office of the Penza region,
Saratov State Law Academy
martynov58max@yandex.ru

THE CONCEPT OF «LEGALITY» IN THE WORKS OF LEGAL SCHOLARS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND SOVIET RUSSIA

Annotation. The article considers the category of legality as a legal phenomenon, as well as descriptive characteristics of power on the basis of its legality in the periods of the Russian Empire, Soviet Russia. The political nature of legality is singled out separately. The author analyzes the works and articles of legal scholars (Y.G. Zhukovsky, A.I. Herzen, V.I. Kurdinovsky), prominent theorists and figures of the revolutionary political struggle in Russia at the beginning of the twentieth century (V.I. Lenin, L.D. Trotsky, F. Engels, K. Marx, L.B. Kamenev, G.E. Zinoviev [et al.]), from which the signs of legality are subsequently distinguished, its characteristics depending on the conditions of socio-political life and methods of achievement. In conclusion, it is concluded that in different periods legality was perceived in different ways: from the tactical way of conducting political struggle to the perception of the newly established legal order as legal.

Keywords: legality; legality of power; political struggle; origin.

правовед Ю.Г. Жуковский. В числе главных открытий XIX века, которое в Западной Европе ускорило процесс построения гражданского благополучия, по мнению автора, является термин «легальность». Временем введения в оборот рассматриваемого термина Ю.Г. Жуковский называет вторую половину XIX века. Давая определение легальности, автор приводят положения, являющиеся аксиомой: «улучшения тогда только возможны и прочны, когда они совершаются на легальной почве» [1, с. 65]. Автор тесно увязывает легальность с гуманизмом, поскольку, по его мнению, «легальность должна давать дорогу человеколюбию» [1, с. 67–68]. Ю.Г. Жуковский анализирует отношение к проблемным аспектам в России с точки зрения легальности, соблюдая формальные элементы, а также, с точки зрения практически полезного результата.

Критикуя законодательство Российской Империи, ученый отмечает недостатки, отрицательным образом сказывающиеся на легальности, как права, так и законодательства.

В еще большей степени подобный критический подход к легальности характерен для трудов А.И. Герцена: «Легальность не может быть обязательна для целого народа» [2, с. 231]. Указанное обстоятельство объясняется тем, что в тот момент, когда народ восстает, он сам является «источником справедливости и законности данной минуты, он идет не по параграфу кодекса, а творит новый закон». Например, это можно наглядно увидеть при разгоне народом собраний, якобы избранных по установленной процедуре и действующих в соответствии с буквой закона. То есть, преследования по политическим мотивам после революции подтверждают лишь то, что «республика ложь, пустое слово» [2, с. 231].

В русло юридической науки приводит дискуссию о легальности отечественный правовед В.И. Курдиновский, который в 1904 году опубликовал свой научный труд в области цивилистики «Об ограничении права собственности на недвижимые имущества по закону». Данное теоретическое исследование содержит в себе объемный материал со ссылками на мнения ученых-цивилистов различных эпох в отношении права собственности, границах названного права и последующих его обременениях [3, с. 43].

Автор выделяет, в зависимости от источника, две разновидности ограничений: устанавливающиеся автономными актами частных субъектов, например, на основании завещания, договора и т.д. (автономные ограничения), и устанавливающиеся в силу обычая либо закона (легальные), отмечая при этом их тождественность, но с учетом определенных аспектов [3, с. 43].

Впоследствии, в связи с произошедшими изменениями общественно-политической жизни, принесенными революционными событиями в России в начале XX века, изменилось и восприятие легальности.

Важное значение при изучении термина «легальность» в анализируемый период времени занимают известные «апрельские тезисы» (далее по тексту – Тезисы) В.И. Ленина, основателя советского государства.

Согласно Большой советской энциклопедии, Тезисы - тезисы доклада «О задачах пролетариата в данной революции», содержащие программу борьбы для партии большевиков и российского пролетариата, целью которой являлось перерастание буржуазной демократической революции в социалистическую революцию [4].

Весьма интересным представляется такой тезис указанной программы, как: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее

этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма» [5, с. 114].

Здесь, В.И. Ленин, говоря о «максимуме легальности», имеет ввиду, предоставляемые свершившейся в феврале 1917 года революцией, действующим революционным группам и партиям свободы. В тоже время, по-нашему мнению, речь идет о бессилии законов и представителей действующей власти в рассматриваемый исторический период времени. Описанные факты можно обосновать, например, отсутствием карательных органов и временной замены на органы народной милиции. Так, по итогам Февральской революции, Временным правительством было издано Постановление о ликвидации корпуса жандармов от 06 марта 1917 г., а также, Постановление от 10 марта 1917 года об упразднении Департамента полиции [6]. Эти изменения также соответствуют одному из Тезисов В.И. Ленина об устранение полиции, армии, чиновничества, которые, являясь орудием угнетения масс, должны быть заменены путем вооружения народа [5, с. 115].

Несомненно важной является также статья Л.Д. Троцкого «Октябрьское восстание и советская «легальность», в которой автор говорит о своем отношении к Октябрьскому перевороту, произошедшему в России в 1917 году, об отношении к указанному событию В.И. Ленина, о развитии событий, планах большевиков по подготовке и совершению восстания и природе прихода к власти в России большевиков.

Одним из ключевых вопросов статьи является легальность получения власти большевиками. Анализируя данный вопрос, Л.Д. Троцкий, в первую очередь, говорит о важности фактора времени в рассматриваемых событиях, который выражен в своевременности действий большевиков, направленных на захват власти.

Фактически, подготовка и непосредственно восстание осуществлялись неофициально, мотивируя высокую активность подготовкой к предстоящему Второму съезду Советов и в его защиту. По мнению Л.Д. Троцкого, началом восстания против Временного правительства можно считать протест против приказа председателя Временного Правительства А.Ф. Керенского о выводе большей части петроградского гарнизона на фронт, а также, о последующем создании Петроградского Военно-Революционного комитета и назначение комиссаров во все воинские части и военное учреждение штаба Петроградского военного округа. Указанные действия большевиков дали им несомненные преимущества, поскольку, в описываемый период истории солдаты желали только одного – мира, прекращения войны. В тоже время, приказ А.Ф. Керенского способствовал упадку авторитета власти.

Называя произошедшее восстание «почти «легальным», а, впоследствии, «легальным» Л.Д. Троцкий это обосновывает тем, что, например, в Петрограде все было подготовлено для его совершения и оставалось лишь фактически захватить власть. Кроме того, называя произошедшее восстание «легальным», он мотивирует указанный процесс тем, что «оно выросло из «нормальных» условий двоевластия», то есть, после прихода к власти большевиков в Петроградском совете, когда последними были продолжены действия, направленные на углубление двоевластия. Так, ранее Петроградский совет неоднократно проводил проверку решений Правительства и вносил в них коррективы. В данном случае, под ширмой сложившегося обычая, действующего легального двоевластия, большевиками была проведена проверка вышеописанного приказа А.Ф. Керенского о выводе петроградского гарнизона, затем, переросшее в восстание [7].

Поскольку, солдаты, в том числе, этого гарнизона не имели желания продолжать участие в войне и следовать на фронт, большевики придали событию вывода Петроградского гарнизона политическое содержание и «легальное прикрытие». Тем самым, была обеспечена сплоченность между солдатами гарнизона и петроградскими рабочими, их объединение общей целью. Указанными силами, впоследствии, и была захвачена власть.

Л.Д. Троцкий анализирует процесс борьбы за советскую легальность большевиков и соглашателей. Под последними, согласно Популярному политическому словарю, понимаются социалисты (меньшевики и эсеры), предающие интересы рабочего класса и крестьян в угоду соглашения с капиталистами и помещиками; указанный термин является синонимом оппортуниста [8].

Так автором объясняется природа сложившейся борьбы: для масс в анализируемый исторический период власть и Советы являлись тождественными явлениями. В то же время, представители Советов (например, в Петрограде - Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов) были неоднородны, исходя из личностных и политических мотивов – буржуазия брала начало из имперской Государственной Думы, соглашатели происходили от Советов, но имели при этом мотив к последующей ликвидации Советов и к переходу к основам буржуазного парламентаризма, большевики имели корни Советов и были нацелены на последующее укрепление их власти, следуя провозглашенному политическому лозунгу «Вся власть Советам!» [7]. Ключевой период борьбы большевиков и соглашателей связан с Всероссийским демократическим совещанием, созданным последними, и по итогам которого был создан Предпарламент.

Анализируя события Всероссийского демократического совещания, Л.Д. Троцкий отмечает, что, в итоге, большевиками удалось добиться согласия на созыв Второго Съезда Советов, который с политической стороны соглашателям был крайне невыгоден: «Если соглашатели ловили нас на советскую легальность через Предпарламент, вышедший из Советов, то и мы ловили их на ту же

советскую легальность – через Второй Съезд Советов. Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией – одно, а готовить и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав Съезда Советов – совсем другое» [7]. Как отмечает автор, фактически сам Съезд Советов не мог разрешить вопрос о власти, но посредством него и под его ширмой осуществлялась тайная деятельность по захвату власти.

Таким образом, рассмотренный процесс Октябрьского восстания, реализованного большевиками, и непосредственно одним из его творцов – Л.Д. Троцким, оказывает помощь в понимании «советской легальности» автора, под которой, по нашему мнению, стоит понимать законное положение власти Съезда Советов в России при сложившемся «двоевластии».

Определенный интерес для исследования представляют работы Георга Лукача, занимавшегося изучением проблем социализма, марксизма, классовой борьбы и прочим. Непосредственно к анализируемой теме относится его книга «История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике». При изучении феномена легальности, автор обзревает его в контексте классовой борьбы пролетариата, а именно, по основным способам ведения борьбы (официально либо в подполье). Стоит отметить, что рассматривая классовую борьбу как форму деятельности, ее важной составляющей остаются мотивы и берущие из них начало наклонности [9 с. 332.]

Проводя сравнение партии оппортунистов (в понимании В.И. Ленина – ведомые, беспринципные приспособленцы) с революционной коммунистической партией автором отмечается, что в силу различных исторических обстоятельств, в подполье может перейти любая из указанных партий. При этом чертой оппортунистов является стремление к официальной деятельности, к легальности «любой ценой», в то же время, нельзя однозначно отмечать стремление революционных партий к нелегальности. Кроме того, в разные периоды деятельности любого революционного движения имеет место «романтика нелегальности», которая, по мнению автора, является реакцией на «легальность любой ценой», и впоследствии уступает место более реальным способам ведения революционной деятельности. Также, им отмечаются отличия в вопросе отношения к капиталистическому государству. Так, революционными коммунистическими партиями государство воспринимается в качестве «фактора силы, против которого надо мобилизовать силу организованного пролетариата», оппортунистами же – как «потусторонний классам институт, за овладение которым ведут свою классовую борьбу пролетариат и буржуазия», то есть, в качестве объекта борьбы, но не как противоборствующая сторона.

Проводя анализ легальности в контексте марксистской мысли, автор полагает, что рассматриваемый феномен берет начало из проблематики организованного насилия, государства и права, идеологии. Возможно, данный подход является верным, поскольку, приводя в качестве аргумента

тезисы работы Ф. Энгельса, где последний критикует теории К.Е. Дюринга, автор ссылается на тезис Ф. Энгельса о фундаменте политической власти (экономическая либо общественная функция), действие которой увеличивается в зависимости от перехода субъектов общественных отношений к частному производству в процессе разложения первобытных общин, увеличивая при этом дифференциацию между указанными субъектами и носителями общественных функций. Наклонности [9 с. 332].

Работа Ф. Энгельса имеет особое значение для темы данного исследования, поскольку одним из ее предметов является политическая власть, неотделимым элементом которой выступают ее качественные характеристики – легальность и легитимность. Так, вторым аргументом Ф. Энгельса по вопросу соотношения насилия и власти является эволюция политической власти, которая изменила первоначальной цели собственного существования – служению обществу и, впоследствии, отделилась от него.

Таким образом, по мнению Ф. Энгельса, направленность власти по отношению к экономическому развитию общества может быть двойкой – «в духе и направлении закономерного экономического развития» и наоборот. Во втором случае, политическая власть препятствует экономическому развитию и, как следствие, в большинстве случаев, их «борьба всякий раз оканчивалась ниспровержением политической власти». Затем, выражая несогласие с позицией К.Е. Дюринга относительно негативной сущности насилия, Ф. Энгельс говорит о значительной революционной роли последнего при изменении общественно-политического строя, являясь главным оружием [10, с. 54].

Г. Лукач, обобщая положения учения Ф. Энгельса и К. Маркса, утверждает, что в случае необоснованного применения насилия для подавления бунтующей воли отдельных индивидов, власть вступает в борьбу с интересами общества, влияя, в последующем, на восприятие власти в умах народа, как уже не естественной и не единственно возможной, что подрывает веру в нее различных классов. В связи с этим, революция, осуществляемая лицами, духовно свободными от существующей власти, является освобождением людей. Таким образом, революция, используя насилие в качестве оружия, приносит на смену старого порядка новый, наиболее социальный, справедливый. Однако, учитывая приверженность к ранее действовавшим порядкам, страх перед всем новым и воспринимая это в качестве реальной угрозы, непонимание процесса и последствий изменения общественно-политического строя, «средний человек» в качестве самозащиты восстает против нового порядка. Учитывая изложенное, революционные изменения должны брать начало из осознания пролетариатом сущности радикальных перемен, взаимосвязи всех явлений, причин необходимости борьбы против капитализма и его последствий («реформа сознания» К. Маркса).

Автором отмечается, что стремление политической партии к легальной деятельности не всегда

является умышленным предательством, а скорее, желанием к интеграции с государством, представляющим собой прочного гаранта для последующих действия. Однако для создания прочной основы для собственной легальной либо нелегальной тактики борьбы указанное мировоззрение необходимо искоренить и преодолеть, тем самым, перешагнуть этап «романтики подполья» [9, с. 332]. Таким образом, легальность и нелегальность воспринимаются как взаимосменяемые тактические средства борьбы с капитализмом и буржуазией, кроме того, направленные на революционное воспитание рабочего класса с целью освобождения из «идеологического плена».

При рассмотрении вопроса о легальности власти коммунистической партии при революционном изменении общественно-политического строя в отдельно взятом государстве автор выдвигается идея о том, что пролетариат, захватив власть, изначально духовно будет воспринимать буржуазный общественный порядок как легальный, но, в последствие, указанный психологический фактор будет переломлен. На примере советского режима автор утверждает, что действующий правовой порядок является легальным для широких масс и, в связи с этим, применяемое насилие является, вероятнее всего, исключением, чем основным способом воздействия. В то же время, будучи принятым широкими массами, советской режим для буржуазии изначально не станет легальным, будет воспринят как чуждый, нарушающий сложившиеся устои, и только в будущем, после идеологической победы пролетариата, произойдут перемены в восприятии советского режима, его правового порядка и легальности.

Л.Б. Каменев в своих работах также не отрицал использования законных методов и открытой политической борьбы. Данное обстоятельство им объясняется тем, что пролетариатом должна быть использована в революционных целях любая, предоставляемая современным обществом, возможность, поскольку отказ от законных способов борьбы может повлечь за собой признание политической группы «сектой» и исключения ее из рабочего движения. Кроме того, автором для революционной борьбы предлагается использование «столыпинской легальности» (заключение компромисса с монархией) нелегальной партией рабочих в собственных революционных интересах и использование открытой партией рабочих некоторых незаконных методов деятельности (подпольная работа как технической оружие борьбы) [11, с. 68].

Подобной позиции придерживается Г.Е. Зиновьев, указывающий на необходимость сочетания нелегальной и легальной социал-демократической работы в деятельности партийных организаций [12, с. 103]. Принимая это во внимание, автором производится разделение партий по основанию предания последней значения подпольной работы в ее деятельности, а также, местонахождение «центра тяжести всей ее деятельности», то есть, если имеется возможность для деятельности исключительно в пределах предоставленных свобод, то центр тяжести находится в пределах законности.

Таким образом, автор приходит к выводу о том, что российская социал-демократическая партия не может действовать исключительно в предоставленных правовых границах, поскольку это не соответствует ее началам, и, исходя из этого, не допустимо ограничение партийной работы предоставляемыми правовыми средствами деятельности [11, с. 68].

В связи с этим, Л.Б. Каменевым критикуется подобный подход меньшевиков и, в частности, Ю.О. Мартова, который выдвигает тезис о «борьбе за легальность» в деятельности социал-демократов, под которой подразумевается «вырывание от поднимающейся к власти буржуазии, добываемых у дворянства частичных уступок для пролетариата». Кроме того, автором подвергается критике статья представителя партии меньшевиков Ф.И. Дана, провозглашающего начальной точкой борьбы пролетариата «борьбу за легальность»: «Борьба за легальность, или, иначе, борьба за полноправие рабочего класса во всех сферах организации и борьбы экономической, культурной и политической, выдвигается всей исторической обстановкой как одна из основных революционных задач борьбы рабочего класса в современной России» [11, с. 70].

Данный подход подвергается критике, поскольку полученные уступки в виде некоторых прав (например, на стачки), недостаточны пролетариату и не соответствуют установленным задачам пролетарской борьбы, и это неизбежно ведет к переформированию социал-демократической партии в «легалистическую партию социальных реформ» и проигрышу в революционной борьбе [11, с. 69].

Г.Е. Зиновьев в рассматриваемом вопросе пошел дальше своего соратника. В своем труде «Параллели. «О борьбе за право коалиций» автором проводится историографическое сравнение рабочего движения в России конца XIX века и начала XX века. Небезосновательно им отмечается, что в начале своего революционного пути рабочее движение в России не имело политического опыта и только, впоследствии, эмпирическим путем были усвоены формулы политической борьбы, состоящей из нескольких последовательных этапов: «Сегодня «практический опыт» учил тому, что необходима свобода профессиональных союзов, завтра ход движения давал наглядный урок относительно необходимости свободы печати, послезавтра перипетии борьбы делали ясным необходимость такого важного элемента политической свободы, как всеобщее избирательное право» [12, с. 26].

Автор полагает, что основы политической борьбы пролетариата становятся доступными массам крайне медленно, им отмечается низкий уровень усваиваемости политического опыта, отсутствие системных знаний руководящих формул и программ рабочего движения в России.

При этом отсутствие системных знаний, поверхностное изучение частных требований и формул приводит к неверному пониманию отдельными слоями основных начал рабочего движения.

Итогом этого является оторванность и изолированность частных положений в ущерб всему общему, которое представляет собой гармоничное единство борьбы [12, с. 26].

В периоды становления, накопления опыта борьбы, распространения рабочего движения выдвигаются на первый план, пропагандируемые отсталыми слоями, политическими кружками и группами, вредные для рабочего движения частные политические формулы. В качестве примеров автором приводится группа «экономистов» с частной формулой «борьбы за частные права», «интеллигентов – бывших марксистов» и, впоследствии, «ликвидаторов» с частной формулой «борьбы за легальность», которая была преобразована в «борьбу за право коалиций». При этом под «борьбой за право коалиций», в данном случае, понимается либеральный лозунг частного характера с политическими требованиями за свободу деятельности профессиональных организаций и объединений [12, с. 28].

В статье «О партийной конференции» Г.Е. Зиновьевым описаны ликвидаторы, которые покинули ряды социал-демократов, однако, желают принимать участие в деятельности рабочего движения и создать новую легальную во всех проявлениях рабочую партию, а также, ликвидировать прежнюю РСДРП [12, с. 104].

Указанные группы выступали и пропагандировали, фактически, отказ от реальной политической борьбы, говорили об отрешенности масс от политики, противопоставляли осуществляемой обширной деятельности рабочего движения тактику незначительных мелких дел (например, лозунг борьбы «за копейку на рубль» как основной мотив борьбы рабочих) [12, с. 28–29].

Ранее приведенное мнение меньшевика Ф.И. Дана об отправной точке борьбы пролетариата, также подвергается критике Г.Е. Зиновьевым в части начальной точки борьбы пролетариата, которая из «борьбы за легальность» видоизменилась в «борьбу за право коалиций». По нашему мнению, формула «борьбы за право коалиций» действительно является лишь способом действовать в предоставляемых государством правовых рамках с целью получения пролетариатом в процессе его борьбы незначительных для себя благ (например, изменения условий браковки товара, запрет рукоприкладства, решение вопроса о расценке изготовленного предмета в интересах рабочих и прочее).

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить следующее:

Во-первых, универсальность сферы применения термина «легальность» в отечественном правоведении (от общей теории права до отдельных отраслей, таких как гражданское, земельное, налоговое), а также, особое понимание легальности в России по сравнению с Европой ввиду ее индивидуального пути прогресса, внутренних противоречий и издержек.

Во-вторых, феномен легальности в период действия власти Советов на территории России стоит рассматривать исключительно в контексте

определенного времени, событий. Так, легальность в дореволюционный период отечественной истории воспринималась в качестве тактики, способа ведения борьбы партиями и группировками; в период революции как, отвечающая требованиям народа (солдат, рабочих), процедура восстания и захвата власти, находящейся у незаконного Правительства; после революционных событий и прихода к власти в России большевиков как установленный правовой порядок для народа, априори, спустя некоторое время, воспринимался как легальный, однако, для иностранных государств окончательно советский режим в качестве

Литература:

1. Жуковский Ю.Г. Крестьянское дело и общественная инициатива / Ю.Г. Жуковского. СПб. : тип. М.А. Александрова, 1911. № 4. 211 с.
2. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии Искандера [псевд.] (1847–1852). 2-е изд. London : Н. Трюбнер, 1858. 303 с.
3. Курдиновский В.И. Об ограничениях права собственности на недвижимое имущество по закону. Одесса, 1904. 388 с.
4. Большая советская энциклопедия (БСЭ). URL : <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/352/aprelskie-tezisy-v-i-lenina.htm>
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. 573 с.
6. Мулукаев Р.С. История отечественных органов внутренних дел : учебник для вузов / Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин, А.Е. Епифанов. 2004. 336 с. URL : <http://www.bibliotekar.ru/2-9-28-istoriya-mvd/46.htm>
7. Троцкий Л.Д. URL : https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1924/lessons_october/07.htm
8. Популярный политический словарь. 1923. URL : https://popular_political_dictionary.academic.ru/1903/Соглашатели
9. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М. : Логос-Альтера, 2003. 416 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. 1961. Т. 20. URL : https://mir-knig.com/read_237174-54
11. Каменев Л.Б. Две партии : С предисл. Н. Ленина и прил. писем и заявлений т. В. Вильямова, Ал. Власова, Иннокентиева Э. и группы рабочих / Ю. Каменев; РСДРП. Paris : Рабочая газ., 1911. XII, 155, XXIII с.; 21,5. 155 с.
12. Зиновьев Г.Е. Сочинения / Г. Зиновьев. М.; Петроград: Государственное издательство, 1923–1929 (Петроград : Государственное издательство Типография Печатный двор). Т. 2: Из истории большевизма. 1923. 316 с.

легального не был воспринят, в том числе, исходя из политических мотивов.

В-третьих, для РСДРП и большевиков легальность не являлась основополагающим фактором в политической борьбе за власть, была исключительно одним из способов ведения борьбы и достижения поставленных целей, и, кроме того, само существование РСДРП не допускало действий исключительно в предоставляемых существующей властью правовых границах.

Literature:

1. Zhukovsky Yu.G. Peasant business and public initiative / Yu.G. Zhukovsky. SPb. : M.A. Alexandrov's type, 1911. № 4. 211 p.
2. Herzen A.I. Letters from France and Italy by Iskander [pseudonym.] (1847–1852). 2nd ed. London : N. Trubner, 1858. 303 p.
3. Kurdinovsky. V.I. On the restrictions of ownership of immovable property by law. Odessa, 1904. 388 p.
4. The Great Soviet Encyclopedia (BSE). URL : <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/352/aprelskie-tezisy-v-i-lenina.htm>
5. Lenin V.I. Complete works. Vol. 31. 573 p.
6. Mulukaev R.S. History of domestic internal affairs bodies : textbook for universities / R.S. Mulukaev, A.Ya. Malygin, A.E. Epifanov. 2004. 336 p. URL : <http://www.bibliotekar.ru/2-9-28-istoriya-mvd/46.htm>
7. Trotsky L.D. URL : https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1924/lessons_october/07.htm
8. Popular Political Dictionary. 1923. URL : https://popular_political_dictionary.academic.ru/1903/Соглашатели
9. Lukach G. History and class consciousness. Research on Marxist dialectics. M. : Logos-Alter, 2003. 416 p.
10. Marx K., Engels F. 1961. Vol. 20. URL : https://mir-knig.com/read_237174-54
11. Kamenev L.B. Two parties: With a preface by N. Lenin and adj. letters and statements of V. Vilyamov, Al. Vlasov, Innokentieva E. and groups of workers / Yu. Kamenev; RSDLP. Paris : Rabochaya gazeta, 1911. XII, 155, XXIII p.; 21,5. 155 p.
12. Zinoviev G.E. Writings / G. Zinoviev. M.; Petrograd: State Publishing House, 1923–1929 (Petrograd: State Publishing House Printing House Printing Yard). Vol. 2: From the History of Bolshevism. 1923. 316 p.

Некоз Аркадий Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
89832494011@mail.ru

Arkadii S. Nekoz

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor.
Department of Criminal Law,
East Siberian branch
Russian State University of Justice
89832494011@mail.ru

**ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ВОПРОСЫ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

**OCCUPATION OF THE HIGHEST
POSITION IN THE CRIMINAL
HIERARCHY: ISSUES OF LAW
ENFORCEMENT PRACTICE**

Аннотация. Одним из важнейших направлений предупредительной роли уголовного закона является область пресечения и предупреждения совершения преступлений в соучастии, где наиболее опасной формой выступает преступное сообщество. Задачей уголовного права заключается в предупреждении совершения новых преступлений. Автором рассматривается проблематика установления уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На основе диалектического и общенаучного методов автор формулирует некоторые предложения по совершенствованию правоприменительной практики в указанной сфере уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: опасное состояние личности, судебная практика, преступная иерархия, наказание, квалифицирующие признаки.

Одна из задач уголовного права заключается в предупреждении совершения новых преступлений. Решение указанной задачи возможно как ресурсами непосредственного уголовного закона, так и через принятие долгосрочных документов стратегического планирования, куда, безусловно, относится и сфера уголовной политики.

Как нам представляется, одним из важнейших направлений предупредительной роли уголовного закона является область пресечения и предупреждения совершения преступлений в соучастии, где наиболее опасной формой выступает преступное сообщество.

Изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ, если не указано иное) в рамках Федерального закона от 01.04.2019 № 46-ФЗ, существенным образом перенастроили систему предупреждения совершения указанной группы преступных деяний, обратив свое внимание и на вопросы, связанные с

Annotation. One of the most important areas of the preventive role of criminal law is the area of suppression and prevention of the commission of crimes in complicity, where the most dangerous form is the criminal community. Tasks of criminal law is to prevent the commission of new crimes. The author examines the problem of establishing criminal responsibility for a crime under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation). On the basis of dialectical and general scientific methods, the author formulates some proposals for improving law enforcement practice in this area of criminal law regulation.

Keywords: dangerous state of personality, judicial practice, criminal hierarchy, punishment, qualifying signs.

правилами назначения наказания. Помимо преобразований в ст. 210 УК РФ, в текст УК РФ была введена ст. 210.1, которая предусмотрела уголовную ответственность лица за занятие высшего положения в преступной иерархии. Если обратиться к пояснительной записке, то целью криминализации явилась необходимость предупреждения случаев уклонения лидеров преступных сообществ от уголовной ответственности [1]. В целом, поддерживая заявленный тезис о необходимости неукоснительного соблюдения принципа законности и справедливости привлечения к уголовной ответственности, все же, можно отметить следующие спорные, на наш взгляд вопросы, которые также разделяются нашими коллегами по научному обществу [2–10].

Обратимся, прежде всего, к данным судебной статистики. Так, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [11] указывает на следующие данные:

Данные о количестве осужденных по основной статье квалификации (210.1 УК РФ)

Данные	2019	2020	2021 (I полугодие)
		0	0

Обращение же к ГАС РФ «Правосудие» демонстрирует нам известное количество приговоров (9 шт.) по основной статье квалификации (210.1 УК РФ) [12]. Здесь стоит отметить следующие моменты.

Во-первых, стоит определиться: а что же криминализовано в самой ст.210.УК РФ? Если обратиться к материалам судебной практики, то мы увидим следующую формулировку: «Данная норма уголовного закона преступным признает сам факт занятия обвиняемым высшего положения в преступной иерархии и не требует от лица соучастия в любой форме в каком-либо ином преступлении, совершения действия по организации, планированию, руководству преступной деятельностью, как не содержит иных обязательных условий для предъявления обвинения по данной статье» [13]. Получается, что мы наказываем лицо за его, так называемое, «опасное состояние», его возможные действия в будущем, гипотетические.

Фактически, мы наказываем лицо за только факт признания им, так называемого, статуса «вора в законе» и наличие некоего непрерываемого авторитета в преступной среде. Обращение к текстам судебных решений демонстрируют, что в сферу права начинают проникать положения криминальной субкультуры, которые получают самостоятельное отражение и оценку со стороны суда. Так, по делу Асатряна [14], суд, описывая объективную сторону состава преступления, использовал формулировку: «Был наделен функциями...». Отсюда возникает вопрос о допустимости использования таких формулировок, так как вопросы, так называемого, «воровского закона» можно отнести к обычному праву специальной группы населения, которые не имеют обязательной нормативной силы для граждан Российской Федерации. Предположим, что такое становится допустимым из-за несовершенства самой конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Законодатель не предусмотрел, что это занятие требует совершения каких-либо действий со стороны виновного лица, закрепив фактически его воровской статус в качестве единственного условия привлечения к уголовной ответственности. В ситуации же, если лицо будет принимать активное участие в совершении самостоятельных преступлений, то можно говорить об их совокупности, как это имело место в деле Бекаева, который был привлечен к уголовной ответственности помимо ст. 210.1 УК РФ и по ч. 2 ст. 321 УК РФ [15]. В этой ситуации говорить о справедливости привлечения к уголовной

ответственности представляется возможным, так как прослеживается прямая связь между наличием указанного статуса и его стремлением к совершению новых преступлений, в нашем случае, дезорганизации мест исполнения наказаний и, как следствие, установление своих правил игры среди заключенных.

Представляется, что такой подход – наказание только за наличие статуса является безупречным и нарушающим одно из фундаментальных положений уголовного закона о запрете на объективное вменение.

Во-вторых, как нам кажется, следует обратиться и к содержательной стороне вопроса, а именно, все же, признать, что используемые формулировки законодателя несовершенны и могут содержать известный потенциал коррупциогенности, так как отсутствие четких нормативных определений понятий, которые положены в основу, как деятельности предварительного расследования, так и итогового судебного решения, обладают столь высокой степенью специфики, что обычное толкование представляется затруднительным. В частности: Где нам следует находить содержание терминов «общак», «положенец», «смотрящий», а равно, определять звенья преступной иерархии? А ведь мы встречаем эти термины на страницах приговоров по ст. 210. 1 УК РФ. Представляется, что выходом могло бы стать решение законодателя о формализации отдельных признаков, которые и характеризуются деятельностью лица в рамках указанного статуса. К примеру, использовать опыт грузинского законодателя, который также решил начать борьбу с криминальными группировками и, так называемыми, «ворами в законе», но перед этим принял специальный закон, где дал толкование таким специфическим терминам, как «вор в законе», «воровская сходка», «воровское сообщество» и т.п. [16].

Оценивая, в целом, положительно предпринимаемые со стороны государства попытки борьбы с организованной преступной деятельностью и предупреждения криминализации сфер экономики и промышленности, все же, стоит отметить, что указанная борьба не должна нарушать уже имеющиеся фундаментальные положения отечественного уголовного законодательства и доктрины. Возможно, что сейчас, еще в период «детства» указанной нормы, закреплённой в ст. 210.1 УК РФ возможно исправить ситуацию, на что мы и надеемся.

Литература:

1. Проект федерального закона № 645492-7 от 14.02.2019 г. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения 25.11.2021).

Literature:

1. Draft federal law №645492-7 of 02/14/2019. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (date of application 25.11. 2021).

2. Федотова А.В. Грузинский опыт в борьбе с «ворами в законе» / А.В. Федотова // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 5. С. 20–23.
3. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков / С.В. Кондратюк // Законность. 2021. № 8. С. 49–53.
4. Ишигеев В.С. Занятие высшего положения в преступной иерархии как объект криминалистического исследования / В.С. Ишигеев, И.В. Смолькова, А.В. Пузикова // Российский следователь. 2020. № 11. С. 45–48.
5. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) / П.А. Скобликов // Закон. 2019. № 11. С. 144–152.
6. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства / Т.В. Якушева // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85–90.
7. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии / В.Г. Степанов-Егиянц // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57–61.
8. Гладких В.И. Одолеет ли новый закон воров в законе? / В.И. Гладких // Российский следователь. 2019. № 5. С. 52–56.
9. Бриллиантов А.В. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? / А.В. Бриллиантов, А.Д. Щербakov // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.
10. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности / А.В. Шеслер // Вестник Кузбасск. ин-та. 2020. № 1 (42). С. 110–123.
11. Данные судебной статистики. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 25.11.2021).
12. Банк данных ГАС РФ «Правосудие». URL : <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения 25.11.2021).
13. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.09.2021 по делу № 55-614/2021.
14. Приговор Саратовского областного суда по уголовному делу № 2-2/2021 от 01.06.2021 г.
15. Приговор Верховного суда Удмуртской Республики по уголовному делу № 2-9/2021 (2-18/2020) от 12.08.2021 г.
16. Закон Грузии Об организованной преступности и рэкете. URL : <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/%2027814?publication=1> (дата обращения 25.11.2021).
2. Fedotova A.V. Georgian experience in the fight against «thieves in law» / A.V. Fedotova // International criminal law and international justice. 2021. № 5. P. 20–23.
3. Kondratyuk S.V. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: concretization of constructive features / S.V. Kondratyuk // Legality. 2021. № 8. P. 49–53.
4. Ishigeev V.S. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy as an object of forensic research / V.S. Ishigeev, I.V. Smolkova, A.V. Puzikova // Russian investigator. 2020. № 11. P. 45–48.
5. Skoblikov P.A. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: continuation of the conversation (to the question of the interpretation of Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) / P.A. Skoblikov // Zakon. 2019. № 11. P. 144–152.
6. Yakusheva T.V. Criminal responsibility of criminal authorities: novelties of legislation / T.V. Yakusheva // Criminal law. 2019. № 3. P. 85–90.
7. Stepanov-Yegiyants V.G. On the issue of criminalization of occupation by a person of a higher position in the criminal hierarchy / V.G. Stepanov-Yegiyants // Russian investigator. 2019. № 5. P. 57–61.
8. Gladkikh V.I. Will the new law prevail against thieves in law? / V.I. Gladkikh // Russian investigator. 2019. № 5. P. 52–56.
9. Brilliantov A.V. Hazardous Personality Theory: A Step Forward or Two Back? / A.V. Brilliantov, A.D. Shcherbakov // State and law. 2020. № 10. P. 90–99.
10. Shesler A.V. «Thief in law»: criminal status or grounds for criminal responsibility / A.V. Shesler // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. № 1(42). P. 110–123.
11. Data of judicial statistics. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of application 25.11.2021).
12. The data bank of the GAS RF «Justice». URL : <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of application 25.11.2021).
13. The appellate ruling of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction of September 16, 2021 in case № 55-614 / 2021.
14. Sentence of the Saratov Regional Court in criminal case № 2-2 / 2021 dated 01.06.2021.
15. Sentence of the Supreme Court of the Udmurt Republic in criminal case №2-9 / 2021 (2-18 / 2020) of 12.08.2021.
16. Law of Georgia on organized crime and racketeering. URL : <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/%2027814?publication=1> (date of application 25.11.2021).

Перемолотова Лилианна Юрьевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
криминологии и организации
профилактики преступлений,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний
lady.peremolotova@yandex.ru

Князева Ольга Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
криминологии и организации
профилактики преступлений,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний
knyzeva@mail.ru

**ДЕФОРМАЦИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ
ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА
КАК КРИМИНОГЕННАЯ
ПРЕДПОСЫЛКА
ЕГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается психологическая категория «направленность» и её компоненты: потребности и формы их проявлений: влечения и желания (стремления); интересы и интересы, переходящие в склонности; мировоззрение, проявляющееся в убеждениях, взглядах и идеалах; установки и их виды: стереотипы и ценностные ориентации. Также, авторами анализируются данные категории применительно к формированию асоциальной активности человека и его побуждения к достижению выбранной преступной цели – криминального мотива.

Ключевые слова: мотив, потребности личности, деформация личности, преступное поведение.

В настоящее время обосновано значительное количество зарубежных и отечественных концепций в области криминологии, криминалистики, уголовного права, психологии, педагогики и других наук, предлагающих различные подходы к изучению и анализу личности преступника и его преступного поведения. Особое внимание исследователями уделяется вопросам мотивационной структуры личности преступника, возникновению у него допреступного поведения и как следствие – преступных намерений. Главной проблемой

Lilianna Yu. Peremolotova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminology and Organization
Crime Prevention,
Academy of Law and Management
Federal Service
Enforcement of Sentences
lady.peremolotova@yandex.ru

Olga V. Knyazeva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminology and Organization
Crime Prevention,
Academy of Law and Management
Federal Service
Enforcement of Sentences
knyzeva@mail.ru

**DEFORMATION OF THE ORIENTATION
OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY
AS A CRIMINOGENIC PREREQUISITE
OF HIS CRIMINAL BEHAVIOR**

Annotation. The article examines the psychological category «orientation» and its components: needs and forms of their manifestations: drives and desires (aspirations); interests and interests that turn into inclinations; worldview manifested in beliefs, views and ideals; attitudes and their types: stereotypes and value orientations. These categories are also analyzed in relation to the formation of a person's social activity and his motivation to achieve the chosen criminal goal – a criminal motive.

Keywords: motive, personality needs, personality deformation, criminal behavior.

здесь является поиск причинно-следственной связи преступного поведения и его мотивов.

Формирование мотива является основным звеном поведения человека. Мотив и мотивация – объекты научных исследований в области психологии. Криминология основывает свои представления о мотивационной сфере преступного поведения, в основном полагая, что преступления совершаются из корысти, мести, ревности, хулиганских побуждений, не вдаваясь в более глубокие

(психологические) и внешние (социальные) базы.

Как отмечает Ю.М. Антонян, мотив – «один из важнейших компонентов личности, это внутренний, субъективный смысл поведения, то, ради чего оно реализуется» [1, с. 140].

Мотив следует отличать от мотивации, которая представляет собой динамику мотивов, некий процесс возникновения, формирования, развития, изменения и корректировки мотивов, постановки целей и принятия решения. Мотивация и мотив тесно взаимосвязаны.

Важно понимать, что мотивы формируются в процессе становления и развития личности, вне личности мотивы существовать не могут. Как правило, мотивы возникают еще в детстве, могут изменяться и корректироваться в течение жизни человека. «Не бывает мотивов антисоциальных и даже асоциальных. Преступным способно быть только поведение, а оно зависит от выбора средств для реализации мотивов, от нравственной направленности личности....» – отмечает Ю.М. Антонян [2, с. 142].

В юридической психологии под направленностью понимается система устойчивых побуждений человека, определяющая его социальную активность, избирательность отношений к различным явлениям, к той или иной социально полезной, либо напротив, антиобщественной деятельности [6, с. 41].

В самом общем виде, все компоненты направленности можно классифицировать на четыре группы:

- 1) потребности и формы их проявлений: влечения и желания (стремления);
- 2) интересы и склонности, переходящие в склонности;
- 3) мировоззрение, проявляющееся в убеждениях, взглядах и идеалах;
- 4) установки и их виды: стереотипы и ценностные ориентации [6, с. 40].

В свою очередь, данные компоненты направленности можно условно объединить в две группы: побуждения (потребности, влечения, установки) и намерения (смыслообразующие мотивы, ценности). Критерии деформации в каждой группе компонентов направленности имеют свою специфику.

Главную роль в формировании мотивов преступного поведения играют деформированные потребности личности. Всякие потребности отражают зависимость человека от окружающих условий, его нуждаемость в чем-либо необходимом. Потребности проявляются не только в состоянии, когда человеку не хватает чего-либо, но и в стремлении избавиться от чего-либо, что ему мешает. Осознанные субъектом потребности принимают форму желаний, которые при достаточно

сильном волевом начале перерастают в стремления [5, с. 165].

Потребность включает:

- представление о благе, необходимом для удовлетворения;
- совокупность интересов-целей, которые выступают средствами реализации потребности-цели;
- программу оценочно-познавательных действий предметов среды для выбора среди них нужного блага;
- программу потребительских действий и операций, превращающих предмет потребления в предмет удовлетворения.

Все потребности людей можно разделить на витальные (в продолжении рода, сне, пище), материальные (в одежде, жилье), социальные (в безопасности, уважении, самоутверждении), духовные (в добре, справедливости, красоте).

Источником преступного поведения может быть не всякая потребность. В большинстве случаев, источником мотивации преступного поведения являются потребности материальные, потребности в социальном общении (самоутверждении) и сексуальные потребности. Конфликт личности с окружающими людьми, препятствующими удовлетворению данных потребностей, может привести к противоправным действиям, послужить основой совершения того или иного преступления [4, с. 90].

Еще одна категория причин появления того или иного мотива – это интерес, который трактуется как сосредоточенность человека на определенном объекте в силу его личностной значимости, привлекательности для него. Устойчивый, глубокий интерес к чему-либо побуждает индивида к определенной общественно полезной либо, напротив, противоправной деятельности.

Интерес – это интеллектуально-психическое стремление субъекта к предметам, являющимся для него благами. Выделяют следующие интересы:

- материальные (пища, одежда, жилье),
- экономические (деньги, драгоценности, ценные бумаги), политические (власть, статус, служебное положение),
- религиозные (бог, вера),
- моральные (добро, долг, честь, справедливость),
- эстетические (красота, комическое, трагическое).

Интерес есть система регуляции деятельности человека, но не сама деятельность.

Интерес близок к потребности и отличается от нее только тем, что включает осознание как

самой потребности, так и того пути, на котором ее можно удовлетворить. Баланс различных интересов человека определенным образом упорядочивает отношение личности к основным целям жизни и средствам их достижения, выполняет роль внутреннего ядра ценностно-ориентационной системы личности и в этом качестве служит ведущей характеристикой ее общей жизненной позиции.

Перед тем как интересы и потребности перерастают в мотив преступления, личность преодолевает еще один внутренний барьер – ценностные ориентации. Ценностные ориентации стимулируют сложившиеся мотивы поведения, укрепляя социальную или антисоциальную линию поведения; они способны блокировать образование антиобщественного мотива поведения и тормозить антисоциальные потребности; могут стать и самостоятельным мотивом поведения (например, по нравственным или идеологическим причинам).

При анализе антисоциального поведения личности часто используется понятие «антиобщественная установка». Под установкой принято понимать состояние психологической готовности к определенной поведенческой реакции, состояние, о котором человек может и не подозревать до определенной, провоцирующей действие данной установки, ситуации.

Литература:

1. *Антонян Ю.М.* Криминология: учебник для бакалавров / М. Антонян. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2012. 243 с.
2. *Антонян Ю.М.* Лекция по теме «Преступный человек и личность преступника» / Ю.М. Антонян // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 140–150.
3. *Косарев В.Н.* Детерминанты, влияющие на механизм формирования агрессивного преступного поведения / В.Н. Косарев, Л.В. Косарева, И.В. Макогон // Закон и порядок: Материалы I Международной научно-практической конференции (31 января 2011 г.). Сборник научных трудов. М. : Спутник+, 2011. С. 68–71.
4. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : монография / Под ред. С.Я. Лебедева. М. : Юнити-Дана, 2010. 290 с.
5. *Познышев С.В.* Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С.В. Познышев; Авт.-сост. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. М. : Инфра-М, 2011. 265 с.
6. *Яковлева Д.В.* Проявление особенностей правовой психологии россиян в сфере осуществлении ими своих юридических обязанностей / Д.В. Яковлева // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 39–43.

Установка относится к тем неосознаваемым внутренним регуляторам поведения, которые могут благодаря неосознаваемым механизмам социализации (внушение, заражение, идентификация) формироваться в раннем детстве и проявлять себя в поведении взрослого человека. Установка дает представление о формировании системы внутренней регуляции, прежде всего, на ранних стадиях развития личности, что чрезвычайно важно для объяснения генезиса преступного поведения.

Особую роль в формировании генезиса преступного поведения играет мировоззренческая позиция, без которой не возможна правильная ориентация индивида как в нормативной, так и в социальной среде [3, с. 69]. Мировоззрение представляет собой систему взглядов и убеждений человека, которые определяют его моральный, идейно-нравственный облик. В структуру мировоззренческой основы личности входят ее философские, социально-экономические, нравственные, правовые, эстетические и другие взгляды.

Таким образом, можно утверждать о существовании криминального мотива, под которым понимается некий продукт мотивации – психической деятельности, конечной целью которой является формирование оснований асоциальной активности человека и его побуждения к достижению выбранной преступной цели.

Literature:

1. *Antonyan Yu.M.* Criminology: textbook for bachelors / M. Antonyan. 2nd ed., reprint. and additional. M. : Yurayt Publishing House, 2012. 243 p.
2. *Antonyan Yu.M.* Lecture on the topic «Criminal man and the personality of the criminal» / Yu.M. Antonyan // Russian criminological view. 2008. № 3. P. 140–150.
3. *Kosarev V.N.* Determinants influencing the mechanism of formation of aggressive criminal behavior / V.N. Kosarev, L.V. Kosareva, I.V. Makogon // Law and order: proceedings of the I International scientific and practical conference (January 31, 2011). Collection of scientific works. M. : Sputnik+, 2011. P. 68–71.
4. Criminogenic victimization of social groups in modern society : monograph / Ed. by S.Y. Lebedev. M. : Unity-Dana, 2010. 290 p.
5. *Poznyshhev S.V.* Criminal psychology: Criminal types. On the psychological study of personality as a subject of behavior in general and on the study of the personality of the criminal in particular / S.V. Poznyshhev Author-comp. V.S. Ovchinsky, A.V. Fedorov. M. : Infra-M, 2011. 265 p.
6. *Yakovleva D.V.* Manifestation of the peculiarities of the legal psychology of Russians in the sphere of their legal duties / D.V. Yakovleva // «Black holes» in Russian legislation. 2011. № 3. P. 39–43.

Перрон Юлия Владимировна

кандидат юридических наук,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы
исполнения наказаний России
yperron@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

Аннотация. В данной статье представлен обзор вопросов, возникающих при осуществлении общественного контроля и путей их решения (на основании правоприменительной и судебной практики разного уровня, в том числе, Европейского Суда по правам человека), а также, совершенствования правовых основ деятельности общественных наблюдательных комиссий. Рассмотрена необходимость расширения перечня мест лишения свободы, в перспективе подлежащих общественному контролю, размещения в средствах массовой информации сообщений о деятельности учреждений ФСИН после проведения проверок условий содержания в местах принудительного содержания, уточнения в законодательстве и порядок проведения беседы членами общественной наблюдательной комиссии с осужденными, подозреваемым или обвиняемым, содержащимися под стражей.

Ключевые слова: общественный контроль, общественные наблюдательные комиссии, Европейский Суд по правам человека, Конституционный суд Российской Федерации.

Общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК) представляют собой одну из форм проявления гражданского общества, действуя в его интересах. Руководствуясь принципами приоритета прав человека, добровольности, равноправия, объективности и законности, нетерпимости к любым действиям, оскорбляющим человеческое достоинство, общественные наблюдательные комиссии осуществляют общественный контроль и содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания.

С момента принятия Федерального закона от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [1], контроль со стороны ОНК занял достойное место в системе контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы. Однако нуждаются в доработке и уточнении

Yulia V. Perron

Candidate of Legal Sciences,
Vologda Institute of Law
and Economics Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
yperron@mail.ru

IMPROVING THE LEGAL FRAMEWORK FOR THE ACTIVITIES OF PUBLIC MONITORING COMMISSIONS

Annotation. This article provides an overview of issues arising in the implementation of public control and ways to solve them (on the basis of law enforcement and judicial practice of different levels, including the European Court of Human Rights), as well as improving the legal framework for the activities of public oversight commissions. The necessity of expanding the list of places of deprivation of liberty subject to public control in the future, posting in the media reports on the activities of the FSIN institutions after checking the conditions of detention in places of detention, clarifying in the legislation and the procedure for conducting a conversation by members of the public monitoring commission with convicts, suspects or accused in custody.

Keywords: public control, public monitoring commissions, the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation.

некоторые нормы законодательства и вопросы правоприменительной практики.

Так, требует уточнения перечень объектов принудительного содержания лиц под стражей для целей Федерального закона от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Так, предлагается включить в данный перечень конвойные помещения судов, в том числе, и конвойные помещения военных судов, а также, помещения, где содержатся задержанные или арестованные лица, транспортные средства для перевозки подозреваемых, обвиняемых и осужденных (в части конечных и промежуточных пунктов их транспортировки), а также, дома ребенка при женских исправительных колониях (в соответствии с пунктом 1 и 2 статьи 2 указанного выше федерального закона) и, как следствие, распространить на лиц,

находящихся в данных помещениях, правовые гарантии, предусмотренные в вышеуказанном законе.

В настоящее время вопросы контроля за соблюдением прав и законных интересов лиц, находящихся в конвойных помещениях судов, решаются в рамках прокурорского надзора, порядок которого определяется Приказом Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 08.08.2011 года «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законодательства при содержании подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания органов внутренних дел, пограничных органов Федеральной службы безопасности России, на гауптвахтах, в конвойных помещениях судов (военных судов)» [2].

Как отмечается в пункте 1.12 настоящего приказа, прокурору предоставляется право раз в полгода проверять совместно с представителями территориальных органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации условия содержания задержанных и арестованных в помещениях для подсудимых и конвоя судов (военных судов). В рамках осуществляемой проверки прокурор должен обеспечить соблюдение федерального законодательства, включая вопросы санитарного и технического оснащения помещений. Вопрос о контроле обеспечения прав и свобод лиц, находящихся в транспортных средствах для перевозки подозреваемых, обвиняемых и осужденных (в части конечных и промежуточных пунктов их транспортировки) и несовершеннолетних в возрасте до трех лет, находящихся в домах ребенка при женских исправительных колониях, не урегулирован нормами уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, конвойные помещения, транспортные средства для перевозки подозреваемых, обвиняемых и осужденных (в части конечных и промежуточных пунктов их транспортировки), а также, дома ребенка при женских исправительных колониях являются местами принудительного содержания лиц, куда не допускаются представители общественных наблюдательных комиссий.

Настоящую практику нельзя признать правомерной, так как она носит дискриминационный характер в отношении лиц, содержащихся в конвойных помещениях судов, этапированных лиц или несовершеннолетних, находящихся в доме ребенка при женских исправительных колониях. Необходимость осуществления контроля данных мест обусловлена тем, что при этапировании подозреваемых, обвиняемых и осужденных согласно практике Европейского Суда по правам человека, имеют место многочисленные нарушения (постановление Европейского Суда по правам человека «Томов и другие против Российской Федерации» от 09.04.2019 [3]), а контроль за домами ребенка при женских исправительных колониях позволит решить вопрос соблюдения прав и законных интересов лиц, сопряженных с уголовно-исполнительной системой. В первую очередь, это касается детей, которые не совершали преступления, однако, вынуждены «отбывать наказание»

вместе с матерью, следуя ее судьбе. Также отметим, что данные места не подпадают напрямую под категорию «места принудительного содержания».

Предлагаем внести в текст Федерального закона от 10.06.2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2008, № 24, ст. 2789; 2010, № 27, ст. 3416; 2011, № 49, ст. 7056; 2011, № 50, ст. 7353; 2018, № 30, ст. 4538; 2021, № 18, ст. 3060) следующие изменения:

1. Дополнить пункт 1 части 1 статьи 2 словами:

«лица, находящиеся в помещениях судов (военных судов) для задержанных и арестованных, лица, находящиеся в конвойных помещениях судов (военных судов); лица, находящиеся в транспортных средствах для перевозки подозреваемых, обвиняемых и осужденных (в части конечных и промежуточных пунктов их транспортировки); несовершеннолетние, находящиеся в домах ребенка при женских исправительных колониях»;

2. Дополнить пункт 2 части 1 статьи 2 словами:

«помещения судов (военных судов) для содержания задержанных и арестованных, конвойные помещения судов (военных судов); места нахождения доставленных (этапированных) лиц и транспортные средства для перевозки подозреваемых, обвиняемых и осужденных (в части конечных и промежуточных пунктов их транспортировки); дома ребенка при женских исправительных колониях».

Одним из острых вопросов является размещение в средствах массовой информации сообщений о деятельности учреждений ФСИН после проведения в них проверок условий содержания в местах принудительного содержания.

Пунктом «з» статьи 3 Кодекса этики членов общественных наблюдательных комиссий по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания (утвержден решением Общественной палаты Российской Федерации от 14.04.2021 № 43-П [4]), установлено, что при осуществлении своих полномочий члены ОНК должны не допускать высказываний, заявлений, обращений от имени ОНК, не будучи на то уполномоченными, а в соответствии с пунктом «г» статьи 3, не допускать публичных высказываний, оценивающих деятельность своих коллег, стремясь к коллективному обсуждению и объективному разрешению возникающих конфликтных ситуаций в ОНК, а также – в случаях возникновения конфликтных ситуаций во взаимоотношениях с администрацией и сотрудниками мест принудительного содержания.

В соответствии со статьей 8, в случае грубого нарушения членом ОНК Кодекса общественной

наблюдательной комиссии или руководящим коллегиальным органом общественного объединения, выдвинувшим кандидатуру члена ОНК, может быть принято решение о направлении в совет Общественной палаты Российской Федерации представления о досрочном прекращении полномочий члена ОНК. Одним из таких нарушений является размещение в средствах массовой информации сообщений от лица отдельных членов ОНК сведений о результатах проверки.

Однако не будет считаться нарушением размещение выдержек из судебных решений и других процессуальных документов, уже получивших оценку в ходе судебного разбирательства по другому гражданскому делу (апелляционное определение по жалобе ФКУ ИК-29 ГУФСИН России по Кемеровской области к С. Охотину о размещении в сети «Интернет» сведений, не соответствующих действительности, дело № 33-19172 [5]).

Следует уточнить в законодательстве и порядок проведения беседы членами общественной наблюдательной комиссии с осужденными, подозреваемым или обвиняемым, содержащимися под стражей, в частности, п. 3. ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 10.06.2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Конституционность данной нормы неоднократно оспаривалась в определениях Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2168-О и от 26.10.2021 № 2167-О [6,7]. Так, под сомнение ставилась законность прерывания беседы, в частности, заявителя, являющиеся членами ОНК, в ходе визита в следственный изолятор начали беседу с обвиняемым, который пожаловался на ухудшение состояния здоровья. В связи с тем, что члены общественной наблюдательной комиссии задавали вопросы, не относившиеся непосредственно к условиям содержания (о применении физической силы к Н. в ходе его задержания), сотрудник следственного изолятора сделал им замечание, после чего прервал беседу. Заявитель, посчитав, что

Литература:

1. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

2. Приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 08.08.2011 года «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законодательства при содержании подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания органов внутренних дел, пограничных органов Федеральной службы безопасности России, на гауптвахтах, в конвойных помещениях судов (военных судов)» // Законность. 2011. № 12.

прерывание беседы с обвиняемым нарушило его права на осуществление общественного контроля в местах принудительного содержания, обратился в суд с административным иском о признании незаконными действий администрации следственного изолятора. В удовлетворении административного иска ему было отказано решением районного суда, с чем согласились вышестоящие суды.

Члены общественных наблюдательных комиссий, осуществляя предусмотренные законодательством полномочия, в том числе, на проведение беседы с подозреваемым или обвиняемым, содержащимися под стражей (пункт 3 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и статья 18.1 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [9]), не преследуют в таком качестве личных интересов, а содействуют защите и обеспечению прав и законных интересов указанных участников уголовного процесса.

Соответственно, предусмотренная оспариваемыми законоположениями возможность прерывания такой беседы, если она затрагивает не вопросы обеспечения надлежащих условий содержания под стражей, а иные обстоятельства и факты, не может расцениваться как нарушающая субъективные конституционные права заявителей в обозначенном ими аспекте. Следовательно, обжаловать указанные нормы может только надлежащий субъект – в данном случае, подозреваемый, обвиняемый в совершении преступлений или осужденный.

Введение указанных изменений позволит более полно построить работу общественных наблюдательных комиссий, обеспечить соблюдение прав и законных интересов личности на всех стадиях уголовного преследования, а также - предотвращать злоупотребления со стороны должностных лиц.

Literature:

1. Federal Law № 76-FZ of 10.06.2008 «On Public control over ensuring human rights in places of forced detention and on assistance to persons in places of forced detention» (ed. of 30.04.2021) // SZ RF. 2008. № 24. Art. 2789.

2. The Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 08.08.2011 «On the organization of prosecutorial supervision over compliance with the law when holding suspects and accused persons in temporary detention facilities of internal affairs bodies, border agencies of the Federal Security Service of Russia, in guardhouses, in convoy premises of courts (military courts)» // Legality. 2011. № 12.

3. Постановление ЕСПЧ от 09.04.2019 «Дело «Томов и другие (Tomov and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 18255/10 и и пять других жалоб) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 7.
4. Кодекс этики членов общественных наблюдательных комиссий по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания (утв. решением Общественной палаты РФ 14.04.2021 № 43-П) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте URL : <http://files.oprf.ru> по состоянию на 17.05.2021.
5. Апелляционное определение по жалобе ФКУ ИК-29 ГУФСИН России по Кемеровской области к С. Охотину о размещении в сети «Интернет» сведений, не соответствующих действительности, дело № 33-19172.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2168-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Еникеева Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и частью четвертой статьи 18.1 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2167-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Теплицкой Яны Игоревны и Ширшова Романа Валерьевича на нарушение их конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и частью четвертой статьи 18.1 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
3. ECHR ruling of the 09.04.2019 Case «Tomov and Others v. The Russian Federation» (complaint № 18255/10 and five other complaints) // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2019. № 7.
4. Code of Ethics for Members of Public Monitoring Commissions for Public Monitoring of Human Rights in Places of Forced Detention by the decision of the Public Chamber of the Russian Federation 14.04.2021 № 43-P)//The text of the document is given in accordance with the publication on the URL : <http://files.oprf.ru> as of 17.05.2021.
5. Appeal decision on the complaint of the PKU IK-29 GUF SIN of Russia in the Kemerovo region to S. Okhotin about posting information on the Internet that does not correspond to reality, case № 33-19172.
6. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.10.2021 № 2168-O «About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Evgeny Vladimirovich Enikeev to violation of his constitutional rights Paragraph 3 of Part 1 of Article 16 of the Federal law «About public control over ensuring human rights in places of detention and about assistance to persons, in places of compulsory detention «and part four of article 18.1 of the Federal Law» On the Detention of Suspects and Accused of Crimes» // SPS «ConsultantPlus».
7. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.10.2021 № 2167-O «About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizens Yana Igorevna Teplitskaya and Roman Valeryevich Shirshov to violation of their constitutional rights Paragraph 3 of Part 1 of Article 16 of the Federal law «About public control over ensuring human rights in places of detention and about assistance to persons, Persons in Detention «and Part 4 of Article 18.1 of the Federal Law» On the Detention of Suspects and Accused of Crimes» // SPS «ConsultantPlus».
8. Federal Law of 15.07.1995 № 103-FZ (ed. From 26.05.2021) «On the detention of suspects and accused of committing crimes» //SZ of the Russian Federation. 1995. № 29. Art. 2759.

Попельнюх Андрей Андреевич
студент 4 курса бакалавриата,
Российский государственный
университет правосудия
andrey.popelnyukh@mail.ru

Сидорова Дарья Павловна
студентка 4 курса бакалавриата,
Российский государственный
университет правосудия
si.darria@mail.ru

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК КОРПОРАЦИИ МИНОРИТАРНЫМИ УЧАСТНИКАМИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИХ ПРАВ НА УЧАСТИЕ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПРИБЫЛИ (ПОЛУЧЕНИИ ДИВИДЕНДОВ)

Аннотация. В данной статье анализируется одна из правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, направленная на защиту прав миноритарных участников корпорации, заключающаяся в возможности оспаривания сделок хозяйственного общества, в случае, когда сделка совершена в интересах части участников, не причиняет убытков обществу, но причиняет неоправданный вред остальным участникам. Рассмотрено зарубежное регулирование, уделено особое внимание судебной практике применения п. 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019). Сделан вывод о возникновении нового способа защиты прав миноритарных участников корпорации.

Ключевые слова: предпринимательское право, корпорация, корпоративные отношения, миноритарные участники, защита интересов миноритарных участников.

Управление корпорацией строится на балансе интересов миноритарных и мажоритарных участников. В соответствии с законодательством Российской Федерации, лица с преобладающим участием в уставном капитале наделены большим объемом правомочий. Баланс интересов мажоритариев и миноритариев представляется необходимым для нормального функционирования общества и достижения его целей, поскольку их «вечная» борьба обусловлена тем, что те и другие стремятся извлечь выгоду из своих корпоративных прав.

Таким образом, любые изменения в области защиты прав миноритарных участников вызывают проблемы в правоприменении и дискуссии в

Andrey A. Popelnyukh
4th year Undergraduate Student,
Russian State
University of Justice
andrey.popelnyukh@mail.ru

Daria P. Sidorova
4th year Undergraduate Student,
Russian State
University of Justice
si.darria@mail.ru

CHALLENGING CORPORATION TRANSACTIONS BY MINORITY SHAREHOLDERS AS A REMEDY TO PROTECT THEIR RIGHTS TO PARTICIPATE IN THE DISTRIBUTION OF PROFITS (RECEIVING DIVIDENDS)

Annotation. The paper analyzes one of the legal positions of Supreme Court of the Russian Federation which directed on protection of minority shareholders, consisting in challenging corporation contracts in case, when contract committed in order to of part of shareholders, does not cause corporation's losses, but cause unjustified damages for other shareholders. Examined foreign adjustment, particular attention is paid to judicial practice, where used p.17 of Review of judicial practice on certain issues of the application of the legislation on economic companies (approved by Presidium of the Supreme Court of the RF of December 25, 2019). The conclusion is made about the appearance of new way of the minority shareholders rights protection.

Keywords: business law, corporation, corporate relations, minority shareholders, protection of minority shareholders' interests.

научном сообществе. В связи с этим, нам представляется актуальным изучение позиций Верховного Суда по вопросу защиты прав миноритарных акционеров, представленных в Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах от 25.12.19 (далее – Обзор).

В частности, в Обзоре содержится п. 17, который, по нашему мнению, направлен на защиту прав миноритарных участников корпорации. Основная идея данного пункта сводится к тому, что «сделка общества может быть признана недействительной по иску участника и в том случае, когда она, хотя и не причиняет убытков обществу, тем не менее, не является разумно необходимой для

хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выразили согласие на совершение соответствующей сделки».

Стоит отметить, что такое положение известно романским правовым порядком. Так, в п. 1 ст. 204 Закона «О корпорациях» Испании содержится именно такое же положение: нарушение корпоративного интереса также имеет место, когда решение хотя и не причиняет ущерб имуществу общества, но является злоупотреблением корпоративного большинства, под которым понимается то, что решение не является разумно необходимым для общества, принято большинством в собственных интересах и причиняет неоправданный вред остальным участникам [1, ст. 204].

Правовое регулирование в других странах континентального права также защищает участников корпорации от перераспределения прибыли путем совершения сделок. Так, Закон об акционерных корпорациях Германии от 06 сентября 1965 года в параграфах 114, 115 устанавливает, что некоторые договоры, в частности, договор об оказании услуг между компанией и членом ее наблюдательного совета, по которым контрагент компании обязуется выполнять более квалифицированную деятельность, нежели его деятельность в наблюдательном совете, подлежат одобрению наблюдательным советом [2, § 114, 115].

Такой же способ притеснения миноритарных участников известен и странам общего права. Так, в Великобритании, если директор не распределяет или занижает дивиденды для того, чтобы выплатить себе завышенное вознаграждение, это признается основанием для иска [3, с. 298].

Позиция Верховного Суда направлена на защиту прав миноритарных участников корпорации, поскольку лица, которые могут иметь заинтересованность в сделках общества (п. 1 ст. 45 ФЗ «Об ООО»), зачастую, реализуют волю мажоритарных участников, и механизм оспаривания сделок с заинтересованностью служит средством защиты миноритарных участников от притеснения со стороны мажоритариев.

Позиция Верховного Суда нам представляется интересной, поскольку в ней расширяется толкование закона применительно к конкретному случаю (Определение Верховного Суда РФ по делу №305–ЭС19-8916 от 22.10.2019). В соответствии с п. 6 ст. 45 ФЗ «Об ООО», сделка с заинтересованностью может быть признана недействительной по иску участника, обладающего не менее чем одним процентом общего числа голосов при соблюдении следующих условий: она должна быть совершена в ущерб интересам общества и должно быть доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение [4, ст. 45].

В п. 17 Обзора же сказано, что ущерб интересам общества причиняется и тогда, когда общество не несет убытков, но причиняется неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выразили согласие на совершение соответствующей сделки, поскольку интерес участников общества является составным элементом интереса общества.

Условиями для признания такой сделки недействительной сформулированы Верховным Судом: сделка не должна причинять убытков обществу, не является разумно необходимой, совершена в интересах части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам, и, при этом, контрагент по сделке с обществом должен знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение.

Как считает А.Г. Карапетов, правовая позиция из п. 17 обзора применима только к ситуациям, аналогичным с делом № 305–ЭС19-8916, где посредством заключения между единоличным исполнительным органом, который являлся мажоритарным участником, и обществом дополнительного соглашения к трудовому договору, чистая прибыль общества перераспределялась в пользу мажоритария. А.Г. Карапетов пишет: «Если суды будут применять само *ratio decedendi*, выведенное в шапке соответствующего пункта в отрыве от кейса-иллюстрации, могут возникнуть неожиданные риски оспаривания сделки для «внешних» контрагентов» [5].

Мы согласны с данной позицией, и обосновать ее можно с точки зрения условий для применения пункта, сформулированных Верховным Судом РФ. Для применения п. 17 должно быть соблюдено условие – общество не должно нести убытки, причинение вреда интересам общества обусловлено причинением неоправданного вреда участникам.

Сложно придумать пример, когда сделка не причиняет имущественных убытков обществу, но несет неоправданный вред участникам общества, и при этом контрагентом по сделке выступает «внешнее» лицо, аффилированное с заинтересованным лицом.

На основе судебной практики мы сделали вывод, что за почти 2 года существования обзора российские суды применяют п. 17 Обзора по-разному.

Первый вариант – суды применяют п.17 Обзора, когда доказан вред интересам общества. Например, в Постановлении 17 ААС № 17АП-12555/2019-ГК указано: «Судом первой инстанции обосновано применен пункт 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019), в котором разъяснено, что составной частью интереса общества являются, в том числе, интересы участников. В связи с этим, ущерб интересу общества также

имеет место, когда сделка хотя и не причиняет ущерб юридическому лицу, но не является разумно необходимой для хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выражали согласие на совершение соответствующей сделки» [6]. При этом суд по формальным основаниям, указанным в п. 6 ст. 45 ФЗ «Об ООО», признает сделку недействительной, поскольку был доказан ущерб интересам общества, так как «лицу, обратившемуся с иском о признании сделки недействительной, не была по его требованию предоставлена информация в отношении оспариваемой сделки». Таким образом, мы считаем, что применение п. 17 Обзора в случае, когда доказан ущерб интересам общества, представляется необоснованным.

Другой пример необоснованного применения п. 17 Обзора – когда ущерб обществу обусловлен негативными последствиями имущественного характера. Например, в Решении АС Тверской области от 15 февраля 2021 г. по делу № А66-13742/2020 суд ссылается на п. 17 Обзора. Суть дела заключалась в том, что генеральный директор общества заключил договор займа от имени общества со своим супругом. Суд указал на то, что установленный по договору займа проценты за пользование займом в размере 1 % в день до полного погашения займа, являются неразумными, причиняют значительный ущерб Обществу и заинтересованному участнику [7]. Мы считаем ссылку на п. 17 Обзора несостоятельной, поскольку суд сам ссылается на причинение ущерба обществу условиями договора. Как было сказано ранее, п. 17 Обзора применяется в случае, когда не причиняются убытки обществу.

Второй вариант – суды применяют п. 17 Обзора в делах, аналогичных делу № 305–ЭС19-8916, которое включено в Обзор. Так, в Постановлении 10 ААС от 23 ноября 2020 года по делу № А41-100790/19 один участник с 25 % доли уставного капитала, исполняющий обязанности директора общества, от имени общества заключил договор об оказании юридических услуг с другим участником с 25 % доли уставного капитала, который до этого работал по трудовому договору в должности заместителя директора, где исполнял обязанности такого же рода, как и по договору об оказании услуг. Соответственно, соблюдаются условия для применения п. 17 Обзора:

– сделка не причиняет убытков обществу (предоставлена информация по требованию истца),

– не является разумно необходимой (оплата по договору об оказании услуг в несколько раз выше заработной платы по трудовому договору),

Литература:

1. Corporate Enterprises Act 2015. URL : <https://www.spenceclarke.com/wpcontent/uploads/Tax%20treaties%20etc/Company-law.pdf> (дата обращения 30.11.2021).

– совершена в интересах части участников, причиняет неоправданный вред остальным участникам (фактически через оплату выполненных работ (оказанных услуг) в размере, в несколько раз превышающем должностной оклад Д.Ю. Базалевича в период его работы в обществе, чистая прибыль хозяйствующего субъекта была распределена только в пользу Д.Ю. Базалевича).

Таким образом, на основе анализа судебной практики, следует сделать вывод, что суды на данный момент применяют п. 17 Обзора в соответствии со всеми условиями только в делах, аналогичных делу, представленному в обзоре. По нашему мнению, позиция Верховного Суда из п. 17 на данный момент применима только в таких ситуациях, когда стороной по сделке выступает лицо, связанное с обществом – лицо, исполняющее обязанности единоличного исполнительного органа, участник и т.д. Обусловлено это совокупностью условий, сформулированных Верховным Судом – до сих пор в судебной практике нет ситуации, когда сделкой с неким «третьим» лицом не причиняется ущерб обществу, но причиняется ущерб участнику, при этом сделка не является экономически разумной. Объясняется это тем, что совместный интерес всех участников общества направлен на извлечение материальных благ, при этом нанести ущерб интересам отдельного участника, не нанося ущерб интересам общества, «внешней» сделкой практически невозможно.

Т.С. Бойко в 2017 году писала, что выплата себе завышенных вознаграждений за управление, приводящая к фактическому диспропорциональному распределению прибыли общества является одним из способов притеснения миноритарных акционеров, и что в 2017 году не было способа защиты прав миноритариев (права на дивиденд) от такого способа [8. с. 128–129]. Мы считаем, что правовая позиция, представленная в п. 17 Обзора, образует новый способ защиты миноритариев конкретно от такого способа притеснения, что подтверждается судебной практикой. Стоит отметить, что Т.С. Бойко после выхода Обзора, в 2020 году в одной из своих работ указала, что п. 17 Обзора можно считать первым шагом в защите прав миноритарных участников, при этом он не способен решить проблему перераспределения прибыли целиком, а касается лишь одной ситуации вывода из общества прибыли через заключение сделок с аффилированными структурами мажоритария [9. с. 45].

Из этого следует вывод, что позиция Верховного Суда РФ направлена на защиту одних участников от притеснения других посредством заключения сделок, направленных на распределение чистой прибыли. Посредством данного механизма защищается право миноритарных участников на дивиденд.

Literature:

1. Corporate Enterprises Act 2015. URL : <https://www.spenceclarke.com/wpcontent/uploads/Tax%20treaties%20etc/Company-law.pdf> (date of application 30.11.2021).

2. Aktiengesetz 1965. URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/> (дата обращения 04.12.2021).
3. *Joffe V. Minority Shareholders: Law, Practice, and Procedure / V. Joffe [et al.]*. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 2011. 566 p.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. №7. Ст. 785.
5. *Karapetov A.G.* Правовые позиции Верховного Суда РФ по сделкам, договорам и обязательствам за сентябрь-декабрь 2019 года: обзор и комментарий. URL : https://zakon.ru/blog/2020/1/20/pravovye_pozicii_verhovnogo_suda_rf_po_sdelkam_dogovoram_i_obyazatelstvam_za_sentyabr_-_dekabr_2019_ (дата обращения 30.11.2021).
6. Постановление 17 ААС от 15 июня 2020 г. по делу № А60-17494/2019. URL : <https://clck.ru/Z5sGy> (дата обращения 29.11.2021).
7. Решение АС Тверской области от 15 февраля 2021 г. по делу № А66-13742/2020. URL : sudact.ru/arbitral/doc/jHk1sbArvhLX/ (дата обращения 30.11.2021).
8. *Бойко Т.С.* Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 290 с.
9. *Бойко Т.С.* Защита прав миноритария на получение доли в прибыли непубличного общества / Т.С. Бойко // Акционерное общество. 2020. № 5. С. 39–45.
2. Aktiengesetz 1965. URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/> (date of application 04.12.2021).
3. *Joffe V. Minority Shareholders: Law, Practice, and Procedure / V. Joffe [et al.]*. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 2011. 566 p.
4. Federal law of 08.02.1998 № 14-FZ (ed. from 02.07.2021) «About limited Liability Companies» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. №7. Art. 785.
5. *Karapetov A.G.* Legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on transactions, agreements and obligations for September – December 2019: an overview and commentary. URL : https://zakon.ru/blog/2020/1/20/pravovye_pozicii_verhovnogo_suda_rf_po_sdelkam_dogovoram_i_obyazatelstvam_za_sentyabr_-_dekabr_2019_ (date of application 29.11.2021).
6. The resolution of 17 Commercial court of appeal from 15.06.2020 in case № А60-17494/2019. URL : <https://clck.ru/Z5sGy> (date of application 29.11.2021).
7. Solution of commercial court of Tver region from 15.02.2021 г. In case № А66-13742/2020. URL : sudact.ru/arbitral/doc/jHk1sbArvhLX/ (date of reference: 30.11.2021).
8. *Boyko T.S.* Protection of the rights and interests of minority shareholders in non-public corporation in Russia, USA and UK : dis ... cand. the faculty of law. Sciences. M., 2017. 290 p.
9. *Boyko T.S.* Protection of the minority shareholder's rights to receive a share in the profit of a non-public company / T.S.Boyko // Joint-stock company. 2020. № 5. P. 39–45.

Савенко Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

Бикмашев Виталий Абдулхаевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЛАН
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ –
РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ!?
(К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО
СОДЕРЖАНИЯ УКАЗА ПРЕЗИДЕНТА РФ
№ 478 ОТ 16.08.2021 Г.)**

Аннотация. В статье раскрывается содержание Указа Президента РФ и национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 года. Дается правовая оценка соотношению действующего плана с предыдущим. Вносятся предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы противодействия коррупции, среди которых авторами выделяется необходимость ратифицировать ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, что, в свою очередь, позволит соответствующим компетентным органам противостоять коррупции в более выгодном формате, в средствах массовой информации в доступном формате освещать ход реализации Указа и Плана противодействия коррупции, обобщить законодательный опыт стран Дальнего и Ближнего зарубежья и рецептировать его отдельные положения в законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: Указ Президента РФ, национальный план, противодействие коррупции, незаконное обогащение, совершенствование законодательства.

В соответствии с п. 1 ст. 5 Федерального закона от 25.12.2008 года № 273 «О противодействии коррупции», Президент определяет основные направления государственной политики в области противодействия коррупции [2]. У нас,

Irina A. Savenko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Milena.555@mail.ru

Vitaly A. Bikmashev

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

**NATIONAL ANTI-CORRUPTION PLAN –
REALITY OR MYTH!? (ON THE ISSUE
OF THE LEGAL CONTENT OF THE DECREE
OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN
FEDERATION № 478 OF 08.16.2021)**

Annotation. The article reveals the content of the Decree of the President of the Russian Federation and the national plan for combating corruption for 2021–2024. A legal assessment is given to the relationship between the current plan and the previous one. Proposals are being made to improve the legal framework for combating corruption. The need to ratify Art. 20 of the UN Convention against Corruption, which, in turn, will allow the relevant competent authorities to counter corruption in a more favorable format, to cover the implementation of the Decree and the Anti-Corruption Plan in the media in an accessible format, to summarize the legislative experience of the countries of the Near and Far abroad and to formulate its individual provisions into the legislation of the Russian Federation.

Keywords: Presidential decree, national plan, anti-corruption, illegal enrichment, improvement of legislation.

Бумага не краснеет.

Цицерон [1].

сразу же, возникает закономерный вопрос: А какая правовая работа была проделана в течение 12 лет, 7 месяцев и 9 дней для успешной реализации этой политики?!

Согласно информации, которая доступна в сети «Интернет», за анализируемый период времени было принято:

1) 7 федеральных законов по противодействию коррупции. Среди них, в качестве примера можно привести:

– Федеральный закон Российской Федерации от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; а также законы, направленные на регулирование расходов «лиц, замещающих государственные должности...» [3], а также хранение денежных средств и ценностей в иностранных банках, находящихся вне пределов Российской Федерации [4].

2) 22 Указа Президента РФ, из которых можно выделить:

– Указы Президента Российской Федерации относительно сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных служащих»; а также Указы Президента Российской Федерации в области противодействия коррупции [5].

Анализируя содержание Указа Президента РФ от 29.06.2018 г. № 378 и Указа от 16.08.2021 г. № 478, с удивлением обнаруживаем, что их тексты идентичны и совпадают между собой на 95 % (!). Парадокс, да и только.

Что же касается содержания планов противодействия коррупции, то они отличаются между собой по количеству направлений и объему материала.

Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы в отличие от предыдущего (на 2018–2020 годы) содержит новые направления по противодействию коррупции в России. Новые мероприятия, по своему содержанию, направлены на решение следующих задач:

а) совершение правового регулирования ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов;

б) применение мер административного, уголовного и уголовно-процессуального воздействия и уголовного преследования;

в) обеспечение защиты информации ограниченного доступа, полученной при осуществлении деятельности в области противодействия коррупции;

г) совершенствование правового регулирования в части, касающейся ограничений, налагаемых на граждан после их увольнения с государственной службы;

д) совершенствование правовых и организационных основ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации;

е) реализация мер по повышению эффективности антикоррупционной экспертизы нормативных

правовых актов и проектов нормативных правовых актов;

ж) применение дополнительных мер по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции;

з) применение цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработка мер по их противодействию.

Для решения перечисленных задач, на наш взгляд, необходимо провести комплекс мер, так необходимых для их реализации:

Во-первых, открытость, правдивость и доступность информации о коррупции. К сожалению, в средствах массовой информации нет результатов о выполнении Указа Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». Если это «национальный план», то нация вправе знать информацию о том, как этот план выполняется. Если что-то не выполнили, то в чем причина и кто виноват? Что еще надо сделать, чтобы достичь желаемой цели и результата? На память приходит анекдотичный пример, когда россияне в течение недели бурно обсуждали и активно выясняли, кому на самом деле принадлежит «дворец» в приграничной зоне в пос. Прасковеевка в районе Геленджика. Спустя время, Аркадий Ротенберг сказал, что «Дворец» принадлежит, как бы, ему.

Во-вторых, заявляя о беспрецедентной борьбе с коррупцией, Россия, вместе с тем, до сих пор не ратифицировала статью 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, в которой раскрывается понятие «Незаконное обогащение» и указывается возможность стран-участников признать его уголовно-наказуемым деянием и принять законодательные и другие меры направленные на противодействие указанному явлению [6]. Таким образом, на наш взгляд, разговоры и заявления о борьбе с коррупцией беспочвенны до тех пор, пока Российская Федерация не признает ст. 20 Конвенции ООН «Против коррупции».

В-третьих, для успешного противостояния коррупционной преступности, по нашему мнению, назрела необходимость перенять законодательный опыт Республики Киргизия, у которой в статье 319 УК предусмотрена ответственность за коррупцию.

Согласно ч. 1 ст. 319 УК РК – «Коррупция – умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также, предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающее угрозу интересам общества или государства».

В соответствии с ч. 2 ст. 319 УК РК, в качестве квалифицирующего признака выступает «То же

деяние, совершенное в интересах организованной преступной группы, преступной организации или повлекшее иные тяжкие последствия» [7].

Небезынтересным нам представляется редакция ст. 323 УК РК «Незаконное обогащение», в ч. 1 указано, что уголовно наказуемым является приобретение в свою собственность или пользование либо близких родственников должностным лицом имущества, стоимость которого превышает его официальные доходы, полученные в течение двух лет.

А в соответствии с содержанием части второй анализируемой статьи – «Те же деяния:

1) совершенные должностным лицом, занимающим ответственное положение;

2) если стоимость имущества превышает официальные доходы должностного лица, подтвержденные законными источниками за пять полных лет».

В рамках реализации пятого направления Плана противодействия коррупции, по нашему мнению, целесообразно обобщить законодательный опыт по противодействию коррупции Беларуси (ст. 433 УК) [8], Грузии (ст. 340 УК) [9], Украины (ст. 368 УК) [10].

Полагаем, что приведенные в качестве примера законодательные новеллы, стали бы не только украшением Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но и серьезным оружием в противодействии коррупции;

В-четвертых, для реализации XII и XIII направлений Плана, на наш взгляд, следует использовать богатый 74-летний просветительский и пропагандистский опыт общества «Знание», которое

Литература:

1. Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) – древнеримский политический деятель, оратор и писатель.

2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

3. Федеральный закон Российской Федерации от 03 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». URL : <https://base.garant.ru/70271682/>

4. Федеральный закон Российской Федерации от 07 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». URL : <https://base.garant.ru/70372954/>

5. Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559 «О представлении гражданами,

занималось чтением лекций и изданием соответствующей научно-популярной литературы. И, тем более, что на сегодняшний день, общество получило статус Общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российская общество «Знание».

Таким образом, чтобы Указ Президента РФ «О национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» был реальностью, а не мифом, по нашему глубокому убеждению, учитывая вышесказанное необходимо:

– исключить практику подготовки официальных нормативно-правовых документов под «копирку»;

– ратифицировать ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, что, в свою очередь, позволит соответствующим компетентным органам противостоять коррупции в более выгодном формате;

– в средствах массовой информации в доступном формате освещать ход реализации Указа и Плана противодействия коррупции;

– в качестве главенствующей цели национальной идеи, с которой уже более 20 лет не могут определиться на государственном уровне – установить «правдивость и доступность информации»;

– обобщить законодательный опыт стран Дальнего и Ближнего зарубежья и рецептировать его отдельные положения в законодательство Российской Федерации;

– шире использовать возможности Общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российское общество «Знание» для пропаганды задач и идей противостояния коррупции в Российской Федерации.

Literature:

1. Marcus Tullius Cicero (106–43 BC) – ancient Roman politician, orator and writer.

2. Federal Law № 273-FZ of December 25, 2008 «On Combating Corruption».

3. Federal Law of the Russian Federation № 230-FZ of December 03, 2012 «On control over the compliance of expenses of Persons holding Public positions and other Persons with their incomes». URL : <https://base.garant.ru/70271682/>

4. Federal law of the Russian Federation of may 07, 2013. № 79-FZ «On the prohibition of certain categories of persons to open and operate accounts (deposits), to store cash and valuables in foreign banks located outside the territory of the Russian Federation, owning and (or) the use of foreign financial instruments». URL : https://base.garant.ru/70372954

5. Decree of the President of the Russian Federation of May 18, 2009 № 559 «On the submission by

претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» URL : <https://base.garant.ru/195554/>; Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2010 г. № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» URL : <https://base.garant.ru/198780/>; Указ Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» URL : https://base.garant.ru/711_31326/; Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» URL : <https://base.garant.ru/71977694/>

6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года.

7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изм. и доп. по состоянию на 22.07.2021 г.).

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>

9. Уголовный кодекс Грузии. URL : <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=234>

10. Уголовный кодекс Украины. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109

citizens applying for the posts of the federal public service and federal public servants of information on income, property and property obligations» URL : <https://base.garant.ru/195554/>; Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2010 № 925 «On measures to implement certain provisions of the Federal Law» On Combating Corruption «URL : <https://base.garant.ru/198780/>; Decree of the President of the Russian Federation dated July 15, 2015 № 364 «On measures to improve the organization of anti-corruption activities» URL : https://base.garant.ru/711_31326/; Decree of the President of the Russian Federation dated June 29, 2018 № 378 «On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020» URL : <https://base.garant.ru/71977694/>

6. United Nations Convention against Corruption of 31 October 2003.

7. Criminal Code of the Kyrgyz Republic (amended and supplemented as of 22.07.2021).

8. Criminal Code of the Republic of Belarus. URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>

9. Criminal Code of Georgia. URL : <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=234>

10. Criminal Code of Ukraine. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109

Сизо Заур Махмудович
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
sizo.zaur@mail.ru

ПАНДЕМИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19) КАК УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем российской уголовной политики в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Автором выделены и проанализированы наиболее актуальные и значимые вопросы реализации механизма уголовно-правовой охраны, рассмотрены и осмыслены результаты законотворческой деятельности, явившиеся реакцией государства на ухудшение эпидемиологической обстановки. С учетом имеющихся позиций в науке уголовного права, сформулированы отдельные выводы по совершенствованию действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная политика, пандемия коронавирусной инфекции, уголовно-правовое обеспечение здоровья населения.

События последних лет показали, что эффективное противодействие пандемии новой коронавирусной инфекции непосредственно связано не только с научным потенциалом и оснащенностью системы органов здравоохранения, профессионализмом ее работников, компетентностью принимаемых управленческих решений, но и с содержанием уголовной политики государства [1]. В сложившейся ситуации государство (и правоохранительные органы, в частности) оказались перед необходимостью принятия действенных мер по защите прав и законных интересов граждан в части обеспечения благоприятной эпидемиологической обстановки при соблюдении всех установленных Конституцией Российской Федерации гарантий. Эта задача потребовала не только дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) новыми нормами, но и возврата к решению некогда оставленных, можно сказать забытых в спокойные (не пандемийные) времена вопросов реализации отдельных положений уголовного закона.

Мировая эпидемия поставила перед механизмом уголовно-правовой охраны следующие теоретико-методологические проблемы.

Zaur M. Sizo
Postgraduate Student
of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
sizo.zaur@mail.ru

PANDEMIC CORONAVIRUS INFECTION (COVID-19) AS A CRIMINAL-POLITICAL PROBLEM

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problems of Russian criminal policy in the context of the pandemic of the new coronavirus infection (COVID-19). The author highlighted and analyzed the most urgent and significant issues of the implementation of the mechanism of criminal law protection, considered and comprehended the results of lawmaking activities, which were the state's response to the deterioration of the epidemiological situation. Taking into account the existing positions in the science of criminal law, separate conclusions have been formulated to improve the current criminal legislation and law enforcement practice.

Keywords: criminal policy, pandemic of coronavirus infection, criminal law provision of public health.

Первая – проблема допустимости (интерпретационной достаточности) применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в ситуациях медицинской сортировки пациентов, а равно при применении методов и форм оказания медицинской помощи, которые либо не получили надлежащего обоснования и апробации в медицинской практике, либо заведомо создавали иную угрозу для жизни и здоровья пациента (например, применение антикоагулянтов при лечении пациентов с диагностированной язвой желудка).

Так, пандемия коронавирусной инфекции актуализировала вопрос о применении уголовно-правовой нормы о крайней необходимости при юридической оценке ситуации, когда врач отказывается от оказания помощи больному либо от продолжения ее оказания в конкретной форме (например, с применением аппарата искусственной вентиляции легких).

В Заявлении Всемирной Медицинской Ассоциации (ВМА) «О медицинской этике в период катастроф», принятом в 1994 году, указано, что пострадавшие, тяжесть состояния которых не соответствует возможностям оказания медицинской

помощи, и чья жизнь не может быть спасена в этих специфических обстоятельствах, такие как тяжелораненые, подвергшиеся радиоактивному облучению, получившие тяжелые несовместимые с жизнью ожоги или тяжелые хирургические больные, требующие особо сложного и длительного оперативного вмешательства, вынуждают врача делать выбор между ними и другими пострадавшими. По перечисленным причинам, эта категория больных при сортировке классифицируется как «безнадежные». Решение «Оставить пострадавшего без внимания в виду иных приоритетов, диктуемых ситуацией бедствия» не должно рассматриваться как «отказ от помощи человеку, находящемуся в смертельной опасности». Подобное решение, направленное на спасение максимального числа пострадавших, совершенно оправдано...» [2].

Гуманистическая идея о том, что жизнь человека ни при каких обстоятельствах не может расцениваться как средство достижения других целей, в том числе, спасения другого человека, например, имеющего более высокие шансы на выздоровление, в условиях ковидной пандемии была, если не дискредитирована, то, во всяком случае, поставлена под сомнение самой практикой.

По мнению А.П. Дмитренко, признание коллизии обязанностей как источника возникновения опасности при крайней необходимости не противоречит действующему законодательству, обосновано в науке уголовного права и воспринято судебной практикой [2, с. 375]. С таким выводом следует согласиться. Общеизвестные положения о невозможности уголовной ответственности лица за бездействие к ситуации коллизии обязанностей неприменима, поскольку речь идет не об отсутствии фактической возможности действовать, а о сознательном выборе лица в пользу бездействия. Сознательное не оказание помощи конкретному больному, прежде всего, должно основываться на стремлении медицинского работника устранить опасное заболевание (состояние) другого пациента. В случаях, когда реальные угрозы равны, врач должен принимать решение на основе комплексной оценки сложившейся обстановки: количества пациентов, их удаленности, наличия необходимых ресурсов (оборудования и медикаментов) для эффективного оказания помощи и др.

Как бы то ни было, обозначенная проблема правовой оценки действий медицинского работника в ситуациях, связанных:

- 1) с проведением медицинского вмешательства при наличии относительных и абсолютных противопоказаний;
- 2) с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи;
- 3) с отказом от оказания медицинской помощи, в условиях пандемии приобрела совершенно особое теоретико-прикладное значение, и, как нам представляется, до настоящего времени не нашла своего разрешения.

Вторая проблема связана с уголовно-правовым противодействием распространению вредоносной информации, снижающей эффективность реализуемых государством мер, направленных на устранение опасности для населения от распространения инфекции.

Значительных успехов в борьбе с пандемией добились те страны, где была осуществлена эффективная информационная поддержка осуществляемых компетентными органами профилактических мер. Борьба с ковидом получила не только медицинский, но и информационный аспект. Как справедливо отмечается в отечественной литературе: «...деструктивная форма распространения информации может спровоцировать панику среди населения, нанести тем самым моральный и психологический вред, что в целом препятствует принимаемым в отдельно взятом государстве и во всем мире мерам по удержанию стабильности» [3, с. 81].

Отечественный опыт показал, что в период пандемии, преимущественно в сети «Интернет», получила значительное распространение практика системной и организованной дезинформации относительно реализуемых государством санитарно-эпидемиологических мер. Приводить конкретные примеры не имеет смысла. Как представляется, каждый хотя бы единожды сталкивался с псевдонаучными объяснениями происхождения новой коронавирусной инфекции, «разоблачающими» докладами относительно действия на организм человека разработанных вакцин и т.п.

Вполне предсказуемо в Российской Федерации было принято решение о необходимости специального противодействия распространению заведомо ложных сведений в период эпидемии уголовно-правовыми средствами. Так, 01 апреля 2020 г. появились новые составы преступлений, предусмотренные ст. 2071 и 2072 УК РФ.

Уже 30 апреля 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации опубликовал обзор, в котором были рассмотрены вопросы юридической оценки преступлений, в том числе ст. 2071 и 2072 УК РФ. Однако говорить о том, что данный документ сформулировал ответы на все вопросы, которые возникают в правоприменительной практике, пожалуй, нельзя. Требуют конкретизации конструктивные признаки соответствующих уголовно-правовых норм; неразрешенными остаются вопросы межотраслевой конкуренции ст. 2071 и 2072 УК РФ с положениями административного законодательства и др.

И наконец, третья проблема заключается в квалификации случаев нарушения санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). Как известно, данная норма приобрела принципиальное значение в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. С 01 апреля 2020 г. в нее были внесены изменения в целях усиления ответственности. Изменение подхода к моменту окончания состава нарушения санитарно-эпидемиологических правил, изложение нормы по модели состава создания опасности до настоящего времени активно обсуждается в отечественной науке уголовного права [1, с. 52–55; 4, с. 29–36].

Следует отметить, что неопределенность признаков данного состава преступления, а равно, особое внимание органов государственной власти к случаям нарушения вводимых ограничений, приводит, в отдельных ситуациях, к весьма неоднозначным судебным решениям с точки зрения отечественной доктрины уголовного права. Так, в практике можно обнаружить факты осуждения по ч. 4 ст. 33 ч. 1 ст. 236 УК РФ за подстрекательство неограниченного круга лиц к нарушению санитарно-эпидемиологических правил.

Согласно приговору суда, подсудимый, действуя умышленно с целью склонения неограниченного круга лиц к участию в несогласованном публичном массовом мероприятии, используя неустановленное техническое устройство, подключенное к сети «Интернет», разместил на используемой им странице социальной сети для публичного обмена сообщениями Twitter (Твиттер) и на других ресурсах публикации. Размещая данные публикации и видеобращения, подсудимый осознавал, что запланированное к проведению публичное массовое мероприятие (митинг) в установленном порядке не согласовано, а совершаемые им действия неизбежно повлекут за собой нарушение требований ст. 10 Федерального закона от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 года) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и приведут к нарушению санитарно-эпидемиологических правил, поскольку в условиях стихийного массового скопления людей будет невозможно обеспечить соблюдение всеми участвующими физическими лицами, в том числе, инфицированными новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), правил личной гигиены (мытьё рук, использование антисептиков, медицинских масок, перчаток),

Литература:

1. Термин «уголовная политика» в отечественной науке уголовного права раскрывается достаточно широко. В рамках настоящей работы представляется невозможным, да и, пожалуй, излишним, обстоятельное освещение всех имеющихся подходов. Мы будем исходить из того весьма общего определения, согласно которому уголовная политика представляет собой специфическую деятельность государства в сфере противодействия преступности в целях обеспечения охраняемых законом интересов.
2. Заявление о вопросах медицинской этики в период катастроф. Принято 46-ой Всемирной Медицинской Ассоциацией. Стокгольм. Швеция. 1994 г. URL : www.unesco.org (дата обращения 12.09.2021).
3. Приговор Преображенского районного суда города Москвы от 20.08.2021 по делу № 1-523/2021.

соблюдение социальной дистанции от 1,5 до 2 метров, необходимость которых установлена в соответствии с санитарно-эпидемиологическими правилами СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», утвержденными Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 года № 15 (ред. от 13 ноября 2020 года) что, в свою очередь, создаст угрозу массового заболевания людей [3].

Анализ данного судебного решения вызывает довольно много вопросов с точки зрения понимания подстрекательства к преступлению по смыслу российского уголовного закона. Однако в рамках данной статьи, целью которой изначально являлось не предложить конкретные ответы, а выделить и конкретизировать теоретико-методологические проблемы современной российской уголовной политики, мы позволим их оставить без рассмотрения.

Пандемийная трансформация российской уголовной политики, пожалуй, не завершена. Согласно концептуальным прогнозам развития Российской Федерации, в ближайшие годы влияние ряда социально-политических, экономических, технологических и иных процессов приведет к появлению очередных вызовов и угроз внутренней и внешней безопасности. Это, в свою очередь, может предполагать совершенно новый уголовно-политический вектор развития, рассчитанный на действие механизма уголовно-правовой охраны в исключительных (экстремальных) условиях. Полагаем, что данная проблема требует самого пристального внимания и широкого обсуждения среди профессионального сообщества.

Literature:

1. The term «criminal policy» in the domestic science of criminal law is disclosed quite widely. Within the framework of this work, it seems impossible, and perhaps unnecessary, to provide detailed coverage of all available approaches. We will proceed from the very general definition according to which criminal policy is a specific activity of the State in the field of combating crime in order to ensure legally protected interests.
2. Statement on issues of medical ethics in the period of disasters. Adopted by the 46th World Medical Association. Stockholm. Sweden. 1994. URL : www.unesco.org (date of application 12.09.2021).
3. The verdict of the Preobrazhensky District Court of Moscow dated 20.08.2021 in case №1-523/2021.

Соболюк Владимир Михайлович
аспирант,
Московская академия
Следственного комитета РФ
vladimir_sobolyk@mail.ru

Vladimir M. Sobolyk
Postgraduate Student,
Moscow Academy Investigative Committee
of the Russian Federation
vladimir_sobolyk@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОРЧИ ЗЕМЛИ

IN RELATION TO THE NEED TO DEVELOP A METHODOLOGY FOR INVESTIGATING OF LAND POLLUTION

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости разработки методики расследования порчи земли. Подчеркивается важность применения комплексных знаний, требующихся для качественного проведения расследования и выработки эффективной методики расследования преступлений экологической направленности, каковыми и являются преступные деяния, связанные с порчей земли. Автор отмечает отсутствие современных криминалистических исследований в этой области, низкие показатели раскрываемости экологических преступлений, значительную долю приостановления предварительного следствия по уголовным делам в связи с неустановлением лица подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В статье создание методик расследования порчи земли представляется резервом оптимизации расследования преступлений, предусмотренных ст. 254 УК РФ.

Ключевые слова: расследование преступлений, экологическое преступление, следственное действие, порча земли, методика расследования, процесс расследования.

Annotation. The article is devoted to the justification of the need to develop methods of investigation of land pollution. The importance of applying the comprehensive knowledge required for the quality of the investigation and the development of an effective methodology for the investigation of environmental crimes, such as those involving land pollution, is emphasized. The author notes the lack of modern forensic research in this area, the low rates of environmental crime clearances, a significant percentage of the suspension of the preliminary investigation in criminal cases due to the failure to identify the person to be charged. In the article creation of methods of investigation of land pollution.

Keywords: crime investigation, environmental crime, investigative action, land pollution, investigation methodology, investigation process.

В современных условиях состояние окружающей среды в России оценивается как неблагоприятное по совокупности экологических параметров. В настоящее время все большую опасность представляют преступления, причиняющие вред окружающей природной среде, поскольку преступные деяния такого вида, зачастую, наносят стране колоссальный ущерб, дестабилизируют экологическую ситуацию.

С учетом действующей редакции Конституции Российской Федерации (Конституция РФ) и положений федерального законодательства, правоприменительная практика опирается на достаточно большое количество норм, охраняющих окружающую среду от преступных посягательств. Так, в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) законодательно закреплен перечень экологических преступлений, которым всецело посвящена глава 26 названного выше кодифицированного акта, содержащая ст. 254 УК РФ «Порча земли».

Ущерб государству в связи с совершением всех экологических преступлений, зарегистрированных в 2020 г. и первом полугодии 2021 г., составил более 27 млрд рублей, при этом только в связи с загрязнением почвы в Норильске ущерб был оценен более чем в 12,4 млн рублей, а на работы по восстановлению природной среды потребуется, в лучшем случае, от 5 до 10 лет [12]. Вместе с тем, порча земли отнесена к категории преступлений всего лишь небольшой тяжести, и только в случае, повлекшем по неосторожности смерть человека, к средней тяжести. В связи с этим, мы полагаем, что на преступления данной категории не всегда обращается должное внимание со стороны правоохранительных органов, ориентированных в своей непосредственной деятельности, как правило, на выявление и раскрытие тяжких и особо тяжких преступных деяний [8, с. 57].

Значительная доля фактов незаконной порчи земли своевременно не выявляется, а уголовные

дела по многим из выявленных случаев приостанавливаются производством в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых [9, с. 9]. Так, согласно сведениям ГИАЦ МВД России, в 2020 году зарегистрировано 160 преступлений, предусмотренных ст. 254 УК РФ, по 114 из них принято решение о приостановлении в соответствии именно с этим пунктом.

Таким образом, подавляющее большинство уголовных дел по порче земли приостанавливаются в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, что составляет 98,33 % (в 2019 году) и 71,2 % (в 2020 году) от зарегистрированных уголовных дел указанной категории.

В некоторых случаях сроки принятия решений по материалам доследственных проверок затягиваются настолько, что не позволяют привлечь виновное лицо к уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности. Например, по материалу проверки, зарегистрированному в 2016 году в следственном отделе по городу Находке следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю по факту незаконного захоронения опасных отходов, проведена процессуальная проверка, в ходе которой в действиях директора организации, осуществляющей уничтожение опасных отходов, установлены признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 254 УК РФ. Вместе с тем, привлечь виновное лицо к уголовной ответственности не представилось возможным в виду, того, что с момента совершения противоправного деяния истекли сроки привлечения лица к уголовной ответственности [1]. Для экологических преступлений, в частности, порчи земли, характерны многие из причин, отмечаемых некоторыми авторами, как осложняющие процесс проверки сообщений о преступлениях [7].

В соответствии со статистикой ГИАЦ МВД России, за январь-декабрь 2019 года зарегистрировано 238 преступлений, предусмотренных статьей 254 УК РФ, при этом, фактически, в 2019 году следователями и дознавателями органов внутренних дел направлены в суд с обвинительным заключением и обвинительным актом всего лишь пять уголовных дел. Сотрудниками Следственного комитета РФ в 2019 и 2020 годах такие уголовные дела не выявлялись, в суд не направлялись, но находились в производстве два уголовных дела о порче земли.

В целях минимизации подобных сложностей для оптимизации расследования экологических преступлений криминалистикой разработаны методики расследования некоторых видов экологических преступлений, по ним представлены комплексные рекомендации о производстве следственных действий, перечни обстоятельств, подлежащих доказыванию [5], некоторые особенности выявления и расследования экологических преступлений [6] и т.д. Они полезны для следователей и могут быть, в некоторой части, использованы для разработки соответствующих для порчи

земли. Вместе с тем, актуальной, на нынешнее время, методики расследования непосредственно порчи земли в настоящее время нет, в то же время, ее создание было бы закономерным этапом появления новых методик расследования вслед за другими частными методиками расследования в этой области.

Действительно, в учебниках по криминалистике 2020 года, к примеру, в учебниках «Криминалистика (полный курс)», 2020 г., под редакцией профессора А.Г. Филиппова, в учебнике «Криминалистика», 2020 г. под редакцией В. Лоера, методики расследования экологических преступлений отсутствуют. В некоторых современных учебниках структурно экологические преступления выделяются, но не содержат частной методики расследования причинения порчи земли. Так, в учебнике «Криминалистика (уровень специалиста)», 2020 г. под редакцией А.И. Бастрыкина, И.П. Ищенко и других, в учебнике «Криминалистика. Учебное наглядное пособие 2 издательства Омской академии МВД России, 2020 г., среди параграфов или глав не выделяется отдельно в структуре экологических преступлений порча земли, а соответственно, подробно не рассматривается методика расследования преступлений такой категории на первоначальном и последующем этапах.

Наряду с отсутствием в научной литературе соответствующей методики, использование методических рекомендаций по расследованию всех экологических преступлений, в целом, не является достаточно эффективным, в связи с их неподробностью, а низкие показатели раскрываемости и стабильно высокие показатели регистрации сообщений о совершении этих преступлений актуализируют продолжение научных разработок и их активное внедрение.

В настоящее время нам известен лишь один довольно комплексный научный труд, посвященный разработке методики расследования порчи земли – диссертационная работа, подготовленная П.Ю. Ивановым в 2004 году на тему «Порча земли: криминалистическое обеспечение расследования» [11]. Несмотря на то, что представленный труд имеет существенную актуальность в данной области, все же, стоит признать, что работа не содержит подробных рекомендаций следователям по обнаружению, фиксации и изъятию образцов для сравнительного исследования. Кроме того, диссертация П.Ю. Иванова, имеющая очевидную значимость для теоретического и практического применения изложенных в ней позиций, все же, спустя полтора десятка лет, требует некоторых дополнений с учетом современного уровня развития криминалистических знаний. С момента защиты диссертации П.Ю. Иванова, по нашему мнению, значительно изменились условия расследования, связанные как с изменением содержания некоторых законодательных актов (они значительно могут влиять на расследование в силу бланкетности нормы), так и с появлением новых возможностей для реализации деятельности следователей.

Понимая необходимость совершенствования и развития методики расследования преступлений

по порче земли, указанный выше исследователь подготовил свой новый научный труд в виде статьи на тему «Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании порчи земли» (2017 г.), раскрывающую отдельные аспекты проведения расследования уголовных дел по порче земли, в которой выделяется и описывается специфика отбора образцов, имеющих самостоятельное значение как средства доказывания при расследовании порчи земли, анализируются характерные особенности информационной значимости образцов для сравнительного исследования по делу. Кроме того, в его статье выявляется и обосновывается необходимость отбора образцов для дальнейшего экспертного исследования специалистом [13, с. 140]. Но, по-прежнему, в работе не содержится подробных рекомендаций следователям по обнаружению, фиксации и изъятию образцов для сравнительного исследования.

Для того, чтобы утвердиться в мысли о необходимости разработки методики расследования порчи земли, нами был произведен опрос следователей, которые занимались расследованием уголовных дел в сфере загрязнения почвы по тем основным проблемам, которые возникают у них в ходе расследования

Литература:

1. Архив следственного отдела по г. Находка следственного управления Следственного комитета РФ по Приморскому краю 2017 г. (дата обращения 05.10.2021).
2. *Биткова Л.А.* Некоторые проблемы выявления и доказывания порчи земли / Л.А. Биткова // *Природообустройство*. 2017. № 3. С. 77–81.
3. *Васильев Д.В.* Некоторые проблемы сбора и оценки доказательств по уголовным делам об экологических преступлениях / Д.В. Васильев // *Государственная служба и кадры*. 2017. № 1. С. 56–59.
4. *Васильева М.А.* Совершенствование методики расследования экологических преступлений как залог повышения качества расследования / М.А. Васильева // *Российский следователь*. 2020. № 4. С. 8–14.
5. *Васильева М.А.* К вопросу об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о незаконной добыче водных биоресурсов и рубке лесных насаждений / М.А. Васильева, Е.В. Зубенко // *Человек: преступление и наказание*. 2019. Т. 27. № 4. С. 504–509.
6. *Васильева М.А.* Отдельные вопросы выявления и расследования экологических преступлений / М.А. Васильева; Под общ. ред. М.И. Пилякина, А.В. Ростовцева // *Сб.: Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции*. М., 2020. С. 22–24.
7. *Гаврилов Б.Я.* Проблемы законодательного регулирования использования специальных

преступлений рассматриваемой категории и причинах, этому способствующих.

Респондентами отмечалось запоздалое поступление материалов о таких преступлениях (так ответили 51 % опрошенных), а также, отсутствие у сотрудников правоохранительных органов специальных познаний (53 % опрошенных) о методике расследования данных преступлений оцениваются ими как ключевые проблемы расследования таких преступлений.

В современных условиях расследование порчи земли представляет особую сложность. Только разработка подробной методики расследования преступлений рассматриваемой категории, с учетом имеющихся криминалистических исследований в области экологии, методики расследования отдельных относящихся к данной категории преступлений, использования при этом комплексного знания, позволит осуществлять расследование более качественно с минимизацией случаев необоснованных продлений процессуальных сроков поможет успешно преодолеть противодействие расследованию, более свободно и грамотно организовывать и направлять ход расследования.

Literature:

1. Archive of the Investigation Department for the city of Nakhodka of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Primorsky Territory in 2017 (date of application 05.10.2021).
2. *Bitkova L.A.* Some problems of identifying and proving damage to the land / L.A. Bitkova // *Prirodobustroystvo*. 2017. № 3. P. 77–81.
3. *Vasiliev D.V.* Some problems of collecting and evaluating evidence in criminal cases on environmental crimes / D.V. Vasiliev // *State Service and Personnel*. 2017. № 1. P. 56–59.
4. *Vasilyeva M.A.* Improving the methods of investigating environmental crimes as a guarantee of improving the quality of investigation / M.A. Vasilyeva // *Russian investigator*. 2020. № 4. P. 8–14.
5. *Vasilyeva M.A.* On the issue of establishing the circumstances to be proven in criminal cases of illegal extraction of aquatic biological resources and felling of forest plantations / M.A. Vasilyeva, E.V. Zubenko // *Man: Crime and Punishment*. 2019. Vol. 27. № 4. P. 504–509.
6. *Vasilyeva M.A.* Selected issues of detection and investigation of environmental crimes / M.A. Vasilyeva; Ed. M.I. Pilyakina, A.V. Rostovtseva // *Collection: Forensic science: past, present, look into the future. Collection of scientific papers of the All-Russian scientific-practical conference*. under total. M., 2020. P. 22–24.
7. *Gavrilov B.Ya.* Problems of legislative regulation of the use of special knowledge at the stage of

знаний на этапе проверки сообщения о преступлении / Б.Я. Гаврилов, М.А. Васильева // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4(83). С. 53–58.

8. *Герасимов И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 151–168.

9. *Иванов П.Ю.* Порча земли: криминалистическое обеспечение расследования: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Павел Юрьевич. Нижний Новгород, 2004. 173 с.

10. *Иванов П.Ю.* Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании порчи земли / П.Ю. Иванов // Аграрное и земельное право. 2017. № 7(151). С. 140–142.

11. Криминалистика : учебник / Б.Е. Богданов [и др.]; Отв. ред. А.Н. Васильев. М. : Издательство Московского университета, 1971. С. 425.

12. Официальный сайта Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. URL : rpn.gov.ru (дата обращения 06.12.2021).

13. *Серова Е.Б.* К вопросу об анализе и оценке прокурором материалов уголовного дела об экологическом преступлении / Е.Б. Серова // Криминалист. 2020. № 4(33). С. 20–30.

verification of a crime report / B.Ya. Gavrilov, M.A. Vasilieva // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(83). P. 53–58.

8. *Gerasimov I.F.* Some problems in solving crimes. Sverdlovsk, 1975. P. 151–168.

9. *Ivanov P.Yu.* Damage to the ground: forensic support of the investigation : dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.09 / Ivanov Pavel Yurevich. Nizhny Novgorod, 2004. 173 p.

10. *Ivanov P.Yu.* Features of the production of individual investigative actions in the investigation of damage to land / P.Yu. Ivanov // Agrarian and Land Law. 2017. № 7(151). P. 140–142.

11. Criminalistics : textbook / B.E. Bogdanov [et al.]; editor-in-chief A.N. Vasiliev. M. : Publishing house of Moscow University, 1971. P. 425.

12. Official website of the Federal Service for Supervision of Natural Resource Use / rpn.gov.ru (date of application 06.12.2021).

13. *Serova Ye.B.* To the question of the analysis and assessment by the prosecutor of the materials of the criminal case on an environmental crime / Ye.B. Serova // Criminalist. 2020. № 4(33). P. 20–30.

Старостенко Нина Игоревна
адъюнкт кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
nstarostenko1996@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ И ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статистических данных МВД России наблюдается значительный рост количества общественно-опасных деяний, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Автор обращает внимание на то, что важными условиями успешного проведения указанного следственного действия являются тщательная подготовка к нему и привлечение к участию специалиста-психолога. В статье сформулированы обстоятельства, которые подлежат обязательному уточнению по делам данной категории для обеспечения полноты проведения анализируемого следственного действия.

Ключевые слова: криминалистика, расследование преступлений, допрос, социальная инженерия, методы социальной инженерии, информационно-телекоммуникационные технологии.

В статистических данных МВД России наблюдается значительный рост количества общественно-опасных деяний, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Так, с января по декабрь 2020 г. зарегистрировано на 73,4 % больше таких преступлений, чем за 2019 г., в том числе с использованием сети «Интернет» – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 % [1]. Исследование таких преступлений позволяет сделать вывод о существенных криминалистических особенностях их совершения. В числе таких особенностей отмечается активное использование в ходе подготовки и совершения таких хищений методов социальной инженерии. Например, как было отмечено главой Центрального банка России Э.С. Набиуллиной, около 70 % операций, которые делаются без согласия клиента, совершаются с использованием социальной инженерии [2].

Nina I. Starostenko
Adjunct of the Department
of Forensic Science,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
nstarostenko1996@mail.ru

FEATURES OF THE TACTICS OF INTERROGATING VICTIMS IN THE INVESTIGATION OF THEFTS COMMITTED USING SOCIAL ENGINEERING AND INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Annotation. In the statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia, there is a significant increase in the number of socially dangerous acts committed with the use of information and telecommunication technologies. The author draws attention to the fact that the main conditions for the successful implementation of this investigative action are thorough preparation for it and the involvement of a specialist psychologist. The article defines the circumstances that are subject to mandatory clarification in cases of this category to ensure the completeness of the analyzed investigative action.

Keywords: forensics, crime investigation, interrogation, social engineering, methods of social engineering, information and telecommunication technologies.

Анализируя многочисленные подходы к дефиниции этого явления, можно обобщенно определить хищение, совершаемое при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, с использованием методов социальной инженерии, как противоправное умышленное безвозмездное изъятие чужого имущества (электронных денежных средств жертвы) путем обмана и злоупотреблением доверия, с использованием приемов психологического манипулирования, реализуемых при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, с целью побуждения у жертвы желания в предоставлении конфиденциальной информации, осуществления ею денежных переводов на банковские счета сторонних лиц или убеждения ее в выполнении иных действий, создающих благоприятные условия для последующего завладения электронными денежными средствами.

Наиболее распространенным и тактически сложным следственным действием по делам о таких хищениях является допрос потерпевших. Рассматриваемое процессуальное действие признается наиболее существенным по своей юридической природе и доказательственной силе при расследовании преступлений обозначенной категории.

Общие правила тактики производства допроса подробно описаны в криминалистической литературе [3–5], однако, специфика совершения преступлений обозначенного вида вынуждает проанализировать некоторые особенности его проведения.

Необходимым условием успешного проведения допроса потерпевшего является тщательная подготовка к нему. Такая подготовка, как правило, должна включать изучение криминалистической характеристики совершенного деяния, в том числе личности допрашиваемого, механизма и способа совершения преступления. Кроме того, при подготовке к допросу потерпевшего следователь (дознатель) также должен учесть тот факт, что, в большинстве случаев, допрашиваемое лицо не имеет глубокие познания о возможностях современных информационно-телекоммуникационных технологиях, а также о нюансах банковских операций и в некоторых случаях о действиях, которые повлекли хищение принадлежавших ему электронных денежных средств.

В этом аспекте приобретает существенную значимость выявление всех обстоятельств совершенного преступления. В связи с тем, что потерпевшие добровольно предоставляют доступ к своим электронным денежным средствам или переводят их на счета мошенников, необходимо устанавливать, какие именно действия подозреваемого привели к разглашению конфиденциальной информации, а также механизм получения несанкционированного доступа подозреваемого к электронным денежным средствам. Кроме того, подлежит установлению объем ложной информации, сказанной подозреваемым, которая позволила потерпевшему воспринять ее за действительность.

Изучая вопрос об использовании преступником различных техник психологического манипулирования, необходимо рассмотреть возможность участия в проведении рассматриваемого следственного действия лиц, обладающих специальными знаниями. В данном случае актуальным является привлечение к участию специалиста-психолога. Рассматриваемая необходимость обуславливается тем, что в момент противоправного деяния в отношении потерпевшего применялись методы социальной инженерии, а также техники скрытого психологического воздействия. Указанная рекомендация является существенной, так как в основном при проведении допроса потерпевших по данной категории дел используются шаблонные вопросы, которые не раскрывают сущность способа совершения преступления, а также психологического состояния потерпевшего.

В случае отсутствия возможности в привлечении специалистов, то при проведении допроса целесообразно использовать возможности современных систем звуковой аудиозаписи. Это позволит максимально полно и объективно изучить информацию, полученную в процессе следственного действия, а также при возникновении потребности в получении специальных знаний в той или иной области обратиться за разъяснениями к специалисту, предъявив существующую запись следственного действия.

Следственная и судебная практика свидетельствует о том, что наиболее распространенным недостатком в проведении допроса потерпевших является его неполнота. Как показали исследования, в процессе проведения следственного действия не выясняется совокупность обстоятельств, имеющих существенное значение для расследования уголовного дела. К таким обстоятельствам можно отнести: отсутствие подробного описания способа совершения преступления, его специфики, особенностей действий злоумышленников при реализации корыстного умысла, участников преступной группы, а также характеристики механизма манипулятивного воздействия, оказываемого на потерпевшего [6, с. 140–144].

В процессе допроса потерпевшего, установив с ним психологический контакт, необходимо предпринять меры по расположению допрашиваемого к даче показаний в форме свободного рассказа. Исходя из тематики рассматриваемой проблемы, мы не будем затрагивать вопросы по установлению психологического контакта с потерпевшим при допросе, так как они широко освещены в криминалистической литературе.

Остановимся более подробно на обстоятельствах, которые подлежат обязательному уточнению для обеспечения полноты проведения допроса:

1. Информация о банковском счете и банковской карте потерпевшего (полное наименование банка и иные его реквизиты, включая юридический адрес, дата, место, цель открытия банковского счета и приобретения банковской карты).
2. Информация о выполнении транзакций с электронными денежными средствами с использованием банковского счета и банковской карты потерпевшего (сведения о проводимых финансовых операциях, обстоятельствах использования банковского счета (карты), наименование сервиса дистанционного банковского обслуживания, круг лиц, имеющий доступ к счету(карте)).
3. Информация о неправомерном доступе к банковскому счету (карте) третьими лицами (дата и время обнаружения хищения денежных средств с банковского счёта, обстоятельства, при которых потерпевшему стало известно о хищении электронных денежных средств).
4. Характеристика электронных устройств и программных компонентов, используемых потерпевшим до и в момент совершения в отношении него мошеннических действий (наименование

электронного устройства, модель, марка, серийный номер, наименование программных компонентов).

5. Наименование оператора сотовой связи, абонентский номер, привязанный к банковскому счету (карте) потерпевшего, Ф.И.О. лица, на которого зарегистрирован абонентский номер.

6. Характеристика действий потерпевшего совершенных в результате применения методов социальной инженерии (открыл ссылку, полученную из смс, сообщил злоумышленнику данные карты, код из смс от банка или CVV-код, осуществил перевод денежных средств на счет подозреваемого, загрузил файл и др.)

7. Характеристика конфиденциальной информации, которую потерпевший сообщил подозреваемому, а также обстоятельства, повлекшие предоставление подозреваемому персональных данных или банковских сведений.

8. Характеристика требований или дополнительных указаний, поступавших от подозреваемого лица в момент совершения преступления.

9. Информация о психологических приемах воздействия на потерпевшего (условия, которые вызвали доверие и спровоцировали сообщение конфиденциальной информации подозреваемому, описание мошеннических приемов, которые применил подозреваемый для доступа к конфиденциальным данным и электронным денежным средствам потерпевшего).

10. Информация о подозреваемом (способ совершения преступления, характеристика личности, особенности взаимодействия: голос, манера общения, текст сообщения и иные приметы,

позволяющие идентифицировать подозреваемых лиц т.д., в случае если потерпевшему известны некоторые установочные данные подозреваемого, Ф.И.О., абонентский номер сведения о номере счета (карты) получателя денежных средств и др.).

11. Информация о банковском терминале (наименование, местонахождение и др.), через который были переведены денежные средства.

12. Информация о наличии следов преступной деятельности подозреваемого (платежные документы, справки, записи телефонного разговора с подозреваемым, снимков экрана электронного устройства потерпевшего, констатирующих выполнение финансовых операций, взаимодействие с подозреваемым, оказание им психологического воздействия на потерпевшего и др.).

13. Информация о сумме электронных денежных средств потерпевшего (сумма денежных средств, находившаяся на банковском счете (карте) до неправомерного доступа и после.

14. Информация о мерах, которые предпринял потерпевший после совершенного в отношении него преступления.

15. Информация о личностях возможных свидетелей преступления.

Следует отметить, что приведенный перечень обстоятельств не считается исчерпывающим. В зависимости от ситуации и способа совершения хищений с использованием методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий характер обстоятельств, требующих уточнения, может быть дополнен.

Литература:

1. Официальный сайт МВД. URL : <https://мвд.рф/reports/item/21551069/> (дата обращения 28.08.2021).

2. Глава ЦБ рассказала о способах защиты от мошенников. URL : <https://ria.ru/20200625/1573453411.html> (дата обращения 01.09.2021).

3. *Бахин В.П.* Допрос на предварительном следствии / В.П. Бахин [и др.]. Алма-Ата, 1999.

4. *Гримак Л.П.* Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших / Л.П. Гримак, А.И. Скрыпников. М., 1999.

5. *Зорин Г.А.* Руководство по тактике допроса. М., 2001.

6. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо – Издательство МГУ, 1997. С. 140–144.

Literature:

1. Official website of the Ministry of Internal Affairs. URL : <https://mvd.rf/reports/item/21551069/> (date of treatment 28.08.2021).

2. The head of the Central Bank told about the methods of protection against fraudsters. URL : <https://ria.ru/20200625/1573453411.html> (date of application 01.09.2021).

3. *Bakhin V.P.* Interrogation at the preliminary investigation / V.P. Bakhin [et al.]. Alma-Ata, 1999.

4. *Grimak L.P.* Psychological methods of activating the memory of witnesses and victims / L.P. Grimak, A.I. Skrypnikov. M., 1999.

5. *Zorin G.A.* Interrogation tactics guide. M., 2001.

6. *Dotsenko E.L.* Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection / E.L. Dotsenko. M. : CheRo – Publishing house of Moscow State University, 1997. P. 140–144.

Суменков Сергей Юрьевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия
sumenkov@bk.ru

Катомина Виктория Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет
kvatv@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЕЛЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАЙМЕРИЗ**

Аннотация. В статье отмечается, что институт предварительного голосования остается вне поля зрения законодателя. Авторы приводят различные мнения о том, каким образом следует урегулировать праймериз в действующем законодательстве. Установлено, что предвыборную агитацию не следует путать с информированием избирателей, которое осуществляется постоянно и не привязано к периоду проведения конкретных выборов. Обращается внимание на ряд проблем осуществления процедуры предварительного голосования. Авторы приходят к выводу о том, что путем предоставления некоторых преимуществ тем партиям, которые решат применять праймериз для определения потенциальных кандидатов, необходимо стимулировать заинтересованность и у других участников избирательного процесса в применении новых демократических процедур.

Ключевые слова: предварительное голосование, предвыборная агитация, политическая партия, выборы, праймериз, кандидат, избирательная кампания.

В современных условиях избирательное законодательство Российской Федерации постоянно изменяется. Основным вектором совершенствования выступают правовые нормы, нацеленные на расширение возможностей граждан Российской Федерации реализовать активное избирательное право, формирование предпосылок для развития политической конкуренции и политического участия. Вместе с тем, некоторые явления в избирательных отношениях остаются вне поля зрения законодателя. И ярким примером

Sergey Yu. Sumenkov

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
Theories of State and Law,
Saratov State
Law Academy
sumenkov@bk.ru

Victoria A. Katomina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Penza State University
kvatv@mail.ru

**PROBLEMS AND LIMITS
OF LEGISLATIVE REGULATION
OF PRIMARIES**

Annotation. The article notes that the institution of preliminary voting remains out of sight of the legislator. The author gives various opinions on how primaries should be regulated in the current legislation. It is established that pre-election campaigning should not be confused with informing voters, which is carried out constantly and is not tied to the period of specific elections. Attention is drawn to a number of problems in the implementation of the preliminary voting procedure. The author comes to the conclusion that by providing some advantages to those parties that decide to use primaries to determine potential candidates, it is necessary to stimulate the interest of other participants in the electoral process in the application of new democratic procedures.

Keywords: preliminary voting, election campaigning, political party, elections, primaries, candidate, election campaign.

тому может служить институт предварительного голосования.

Данная процедура широко применяется в зарубежных странах, хотя и имеет различное нормативное закрепление. Так, в США положения о праймериз включаются в избирательные законы и законы о политических партиях. В Европе, напротив, считают недопустимым вмешиваться во внутреннюю жизнь политического объединения, а, следовательно, положения о предва-

рительном голосовании регулируются исключительно на локальном уровне.

В Российской Федерации законодатель пошел по европейскому пути закрепления института праймериз. Вместе с тем, определенные положения о данном институте содержатся в Федеральном законе от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [9]. В частности, в п. 1 и 2 ст. 25 названного нормативного правового акта предусматривается, что выдвижение политической партией кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности осуществляется на съезде партии, а на региональном и местном уровнях – на конференции или общем собрании региональных отделений, структурных подразделений. Дополнительные условия принятия, в том числе, и вышеназванных решений, могут предусматриваться уставом политической партии (п. 7 с. 25 вышеуказанного закона).

Основываясь на данных положениях, политические партии, зачастую, принимают собственные предписания, определяющие свой порядок проведения предварительного голосования, что на практике сказывается на возможности реализации гражданами принадлежащих им избирательных прав, ориентируя процедуру не столько на развитие демократических начал внутривнутрипартийной жизни, сколько на ожидаемый PR-эффект от неё.

Однако мы уверены в том, что подобное положение дел не вполне приемлемо, ибо вопросы внутривнутрипартийной демократии не могут являться исключительным делом политической партии, поскольку через них общество делегирует право на управление государством от своего имени. В этой связи, в юридической литературе высказываются различные мнения о том, каким образом следует урегулировать праймериз в действующем законодательстве. В качестве примера можно привести позицию Л.А. Нудненко, предлагающей нормативно закрепить положения о порядке проведения агитации в период праймериз, а также - непосредственного голосования и установления его итогов. При этом вопрос о возможной модели праймериз следует оставить на усмотрение партий [2, с. 50–56].

Действительно, следует согласиться с идеей законодательной регламентации порядка проведения агитации в период праймериз, поскольку неурегулированность этих отношений позволяет бесконтрольно и без каких-либо юридических мер воздействия раздвигать рамки агитационной кампании.

Если обратиться к нормативным положениям Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [8], то в статье 2 предварительная агитация определяется как деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая цель побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них). Таким образом, законодатель однозначно

ограничивает рамки такой деятельности периодом избирательной кампании. Соответственно, все, что выходит за пределы этого периода, формально агитацией не является и никаких правовых последствий не влечет.

При этом предвыборную агитацию не следует путать с информированием избирателей, которое осуществляется постоянно и не привязано к периоду проведения конкретных выборов. Принципиальным отличием данных понятий является наличие для предвыборной агитации (либо отсутствие для информирования избирателей) двух существенных признаков: наличия агитационной цели и неоднократности совершения с такой целью конкретных агитационных действий, указанных в законе. Аналогичного мнения придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации [4].

Анализ судебной практики показал, что суды не отменяют регистрацию кандидата в депутаты на том основании, что до его официальной регистрации им в нарушение требований избирательного законодательства велась агитационная кампания [7]. В частности, в период предварительного голосования кандидатом были изготовлены агитационные материалы: листовки, с указанием ФИО кандидата и его партийной принадлежности, эмблемой партии «Единая Россия», календари и значки с аналогичной символикой, было выпущено несколько изданий с информацией о кандидате. Однако, несмотря на то, что многочисленная информация в печатных периодических изданиях в ходе проведения праймериз, имевшая место до назначения выборов, являлась агитационным материалом, склоняла избирателей к голосованию за конкретное лицо, суд указал на то, что проведение политической партией «Единая Россия» праймериз и выпуск в период его проведения материалов в отношении его участников не могут служить основанием для отмены регистрации кандидата, поскольку предварительное голосование проходило ранее издания Указа Президента Российской Федерации о назначении выборов депутатов Государственной Думы, а, следовательно, по смыслу избирательного законодательства, агитацией не является.

Еще одной проблемой осуществления процедуры предварительного голосования является существующее неравенство самих участников праймериз в проведении агитации. Зачастую, участниками праймериз перед выборами выступают ни один десяток кандидатов. Между тем, из имеющегося количества претендентов граждане Российской Федерации, зачастую, видят «на дверях частных объектов и заведений муниципального образования» лишь двух-трех кандидатов, что свидетельствует об отсутствии реальной политической конкуренции, так как участие «действующих игроков» или лиц, имеющих весомый аппаратный вес, имеет тенденцию отпугивать конкурентов. Подобное положение дел не добавляет демократизма процедуре, а, скорее, делает её имитацией «равных возможностей».

В юридической науке существуют и более радикальные предложения об осуществлении процедуры предварительного голосования. В

частности, предлагается распространить действие праймериз на все без исключения политические партии, которые приняли решение участвовать в выборах [1, с. 183]. Вместе с тем, такой подход нам видится весьма сомнительным, поскольку остается открытым вопрос: Где взять «необходимые материальные ресурсы» тем объединениям, которые и сейчас ими не обладают? Это еще больше поставит политическую систему в напряженное положение, так как малым избирательным объединениям придется дополнительно изыскивать средства на проведение предварительного голосования, в том числе, за счет урезания расходов на избирательную кампанию.

В настоящее время отечественный вариант закрепления предварительного голосования в партийных нормах допускает учет результатов праймериз при принятии решения о выдвижении, не имея под собой никаких реальных механизмов защиты прав победившего участника праймериз на включение в окончательный список. Однако сложившийся порядок проведения предварительного голосования ведет к игнорированию мнения избирателей, к росту недоверия ко всей политической системе, в целом. По этой причине, мы полагаем, что предварительное голосование однозначно нуждается в законодательном регулировании. Вместе с тем, пределы такого регулирования ограничены и вытекают из самой сути конституционно-правового статуса политических партий.

Так, в Положении о правовом регулировании деятельности политических партий [3], принятом Венецианской комиссией в 2010 году, отмечается, что правовое регулирование политических партий следует осуществлять умеренно (§ 50). Внутренний распорядок партийной жизни должен быть огражден от вмешательства со стороны государства. Партии должны иметь возможность определять членов своего руководства и выдвигать кандидатов для участия в выборах, без какого бы то ни было вмешательства со стороны государства. Однако при подборе кандидатов и определении их места в избирательных списках необходимы ясные и прозрачные критерии для того, чтобы и недавно принятые члены партии были бы допущены к партийным постам, на уровне которых осуществляется процесс подготовки и принятия решений (§ 113).

Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно обращался к вопросам регулирования деятельности политических партий. Так, в одном из постановлений по делу о проверке некоторых положений Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [5] Суд уточнил правомерность государства определять порядок и условия реализации гражданами Российской Федерации избирательного права, в том числе, порядок выдвижения кандидатов в депутаты. При этом политическим партиям предоставляется возможность определять критерии, соответствие которым легитимизирует их в качестве избирательных объединений.

Вместе с тем, политическая партия вправе самостоятельно определять условия, при которых граждане могут участвовать в её деятельности, в том числе, в качестве кандидатов в составе списка кандидатов на выборах. Возложение же на политическую партию обязанности выдвигать любых лиц, желающих реализовать свое пассивное избирательное право в качестве кандидатов (включать их в списки кандидатов) на выборах создавало бы для таких лиц легальные возможности для злоупотребления своим конституционным правом в ущерб избирательным и иным конституционным правам членов данной политической партии и поддерживающих её избирателей [6].

Таким образом, принудить политические партии к соблюдению демократических норм в их внутренней жизни практически не представляется возможным, можно лишь стимулировать их к этому, и таким стимулом может выступить процедура праймериз как диспозитивное мероприятие, предоставляющее партиям некоторые преимущества в случае их проведения. В частности, в качестве такого преимущества можно было бы рассмотреть нормативное предписание, закрепленное в Федеральном Законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому, в случае выдвижения кандидата на основании результатов предварительного голосования, правом участия в котором имели граждане, обладающие активным избирательным правом и проживающие на территории соответствующего избирательного округа, подтверждения поддержки выдвижения в виде сбора подписей или прохождения «муниципального фильтра» не требуется. В таком случае, кандидат, победивший на праймериз, уже заручается поддержкой электората, и дополнительные процедуры нам представляются излишними. Однако следует предусмотреть нижний порог явки на голосование, при котором праймериз может быть засчитан в качестве альтернативы сбора подписей и необходимый процент поддержки кандидата от общего числа лиц, принявших участие в голосовании.

Вместе с тем, процедура праймериз должна предусматривать и некоторые императивные начала, касающиеся агитации. Как нам представляется, целесообразно будет дополнить Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» нормой о том, что суд по заявлению заинтересованного лица вправе признать материалы, распространяемые в ходе предварительного голосования, агитационными материалами, и применить к ним соответствующие положения вышеуказанного закона. Также, нам видится возможным наделить суд правом включить суммы, затраченные на изготовление и распространение таких материалов, в общий размер избирательного фонда соответствующего избирательного объединения или кандидата на выборах.

В заключение вышесказанного подчеркнем, что государственное регулирование института

предварительного голосования следует осуществлять постепенно, работая как с политическими партиями, так и с избирателями, разъясняя последним смысл и порядок проведения голосования, а также – его отличия от основных выборов. Посредством предоставления некоторых преимуществ тем партиям, которые решат

Литература:

1. Болховитина Т.С. Праймериз в современной России: перспективы институционализации / Т.С. Болховитина // *Via in tempore. История. Политология*. 2017. № 8(257). С. 182–186.

2. Нудненко Л.А. К вопросу о возможности законодательного регулирования праймериз в России / Л.А. Нудненко // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 2. С. 50–56.

3. Положение о правовом регулировании деятельности политических партий. Принято Венецианской комиссией на 84 пленарном заседании (г. Венеция, 15–16 октября 2010 г.). URL : [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2010\)024-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2010)024-rus) (дата обращения 30.11.2021).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // *Собрание законодательства РФ*. 2003. № 44. Ст. 4358.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2007 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» // *Собрание законодательства РФ*. 2007. № 30. Ст. 3989.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09 ноября 2009 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.З. Измайлова» // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 47. Ст. 5709.

7. Решение Московского городского суда от 12 сентября 2016 г. по административному делу № 3а-1154/2016 // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

применять праймериз для определения потенциальных кандидатов, необходимо стимулировать заинтересованность и у других участников избирательного процесса в применении новых демократических процедур, тем более, что зачатки государственного регулирования праймериз уже имеются.

Literature:

1. *Bolkhovitina T.S. Primaries in modern Russia: prospects of institutionalization / T.S. Bolkhovitina // Via in tempore. History. Political science*. 2017. № 8(257). P. 182–186.

2. *Nudnenko L.A. On the question of the possibility of legislative regulation of primaries in Russia / L.A. Nudnenko // Constitutional and municipal law*. 2017. № 2. P. 50–56.

3. Regulations on the legal regulation of the activities of political parties. Adopted by the Venice Commission at the 84th plenary session (Venice, October 15–16, 2010). URL : [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2010\)024-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2010)024-rus) (date of application 11/30/2021).

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 15-P of October 30, 2003 «On the case of checking the constitutionality of Certain Provisions of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with the request of a group of deputies of the State Duma and complaints of citizens S.A. Buntman, K.A. Katanyan and K.S. Rozhkov» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2003. № 44. Art. 4358.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P of July 16, 2007 «On the case of checking the constitutionality of Certain Provisions of Articles 03, 18 and 41 of the Federal Law «On Political Parties» in connection with the complaint of the political party «Russian Communist Workers' Party – Russian Party of Communists» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2007. № 30. Art. 3989.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 16-P dated November 09, 2009 «On the Case of Checking the Constitutionality of Paragraph 32 of Article 38 of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation», subparagraph «k» of paragraph 2 of Article 21 of the Federal Law «On Political Parties», part 3 of Article 30 of the Law of the Krasnodar Territory «On Elections of Deputies of the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory» and part one of Article 259 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.Z. Izmailova» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2009. № 47. Art. 5709.

7. Decision of the Moscow City Court of September 12, 2016 in administrative case № 3а-1154/2016 // Access from EPS «System GARANT».

8. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

9. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

8. Federal law of June 12, 2002 № 67-FZ «On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation» // meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. № 24. Art. 2253.

9. Federal Law № 95-FZ of July 11, 2001 «On Political Parties» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 29. Art. 2950.

Ужахов Магомед Карханович
аспирант Высшей школы
государственного аудита,
кафедра экономических
и финансовых расследований,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
uzhakh.magomed@gmail.com

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. Терроризм является крайней формой проявления экстремизма, формой политической борьбы, особенностью которой является применение обоснованного какой-либо идеологией насилия. Одним из основных методов борьбы с терроризмом является выявление источников финансирования и перекрытие этих каналов доступа денежных средств. Финансирование террористической деятельности выделено в отдельный состав преступления в уголовном кодексе РФ. Под правовыми основами противодействия финансированию терроризма подразумевается правовое обеспечение рассматриваемой области. Автором в статье рассмотрены основные правовые моменты противодействия финансированию терроризма.

Ключевые слова: терроризм, экстремистская деятельность, уголовный кодекс РФ, организованная преступность, материальные и нематериальные средства, каналы финансирования.

Российской Федерацией ратифицирована Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001), тем самым Россией были взяты на себя обязательства по принятию различных мер с целью недопущения развития терроризма в стране и в мире. На фоне участия нашей страны в мировом антитеррористическом движении финансирование терроризма было признано уголовным преступлением. Одним из основополагающих законов по противодействию финансированию терроризма является Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Появление данного закона обязало банки использовать дополнительный внутренний контроль операций, операции на которые стоит обращать внимание как на подозрительные расписаны в методических рекомендациях ЦБ РФ. В частности, к таким операциям может быть отнесена работа с ненадежными контрагентами, частый перевод денег со счета компании на счет физического лица, большая сумма снятых наличных денежных

Magomed K. Uzhakhov
Graduate Student
of the Higher School State Audit,
Department of Economics
and Financial Investigations,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
uzhakh.magomed@gmail.com

LEGAL BASIS FOR COUNTERING THE FINANCING OF TERRORISM

Annotation. Terrorism is an extreme form of extremism, a form of political struggle, the peculiarity of which is the use of violence justified by any ideology. One of the main methods of combating terrorism is to identify sources of financing and block these channels of access to funds. The financing of terrorist activities is singled out as a separate crime in the Criminal Code of the Russian Federation. The legal framework for countering the financing of terrorism means the legal support of the area under consideration. The author considers the main legal aspects of countering the financing of terrorism in the article.

Keywords: terrorism, extremist activity, Criminal Code of the Russian Federation, organized crime, tangible and intangible means, financing channels.

средств со счета компании (более 100 тыс. рублей за раз). Действенным методом борьбы с организованной преступностью, и в частности, с терроризмом является выявление источников финансирования и перекрытие этих каналов доступа денежных средств. Финансирование террористической деятельности выделено в отдельный состав преступления в уголовном кодексе РФ, представляется как умышленное оказание услуг, заведомо носящих финансовый характер, а также передача не финансовых средств с осознанием того, что эти средства пойдут на организацию, подготовку или совершение хотя бы одного преступления, предусмотренное статьями 205 (205.1 – 205.5), 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 [1]. Передача материальных и нематериальных средств чаще всего представлена постоянной или разовой помощью от общественных, коммерческих и религиозных организаций, частных лиц и других государств, встречается факт самофинансирования. Финансирование террористических группировок имеет часто решающее значение в развитии данного движения, особое значение имеет приток материальных и

нематериальных средств в период формирования и подготовки группировки, в периоды ее обучения, во время подготовки к проведению массовых беспорядков и пр., во время терактов и др. [2]. На основании Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 финансирование террористической организации – это умышленное оказание услуг, заведомо носящих финансовый характер, а также передача не финансовых средств с целью спонсирования экстремистской деятельности [3]. Финансирование терроризма в основном идет от общественных, коммерческих и религиозных организаций единоразово или на постоянной основе. На основании законодательства, можно выделить следующие каналы поступления финансирования террористической деятельности [5]:

- посредством финансовых институтов, отличительной чертой является поступление больших средств при маленьких расходах (биржи, инвестиционные фонды и пр.);
- посредством экономических институтов (банк, кредитный союз и пр.);
- посредством финансовой помощи от третьих государств или террористических организаций этих государств;
- посредством легализации незаконных операций (продажа запрещенных веществ, оружия) или отмывание денег через легальные организации (благотворительные фонды);

Субъектом преступления может стать любое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Важным моментом в доказывании вины субъекта является установление того факта, что лицо было осведомлено о том, на какие цели были направлены материальные и нематериальные услуги. На квалификацию преступления не влияет способ передачи финансирования. На практике чаще всего используются такие способы как: наличные деньги; банковский перевод; передача оружия; передача необходимых средств для изготовления специальной литературы и пр. т.В Уголовном кодексе РФ финансирование терроризма, состав преступления и наказание за преступление надо рассматривать в рамках ст. 282.3 УК РФ [4], так как терроризм является крайней формой проявления экстремизма. Наказание по данной статье может быть выражено штрафом от трехсот до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 4 лет. Наказание также может быть выражено принудительными работами на срок от 1 до 4 лет с лишением права занимать отдельные должности или заниматься некоторыми видами деятельности на срок до 3-х лет, либо самое жесткое наказание – лишение свободы на срок от 3 до 8 лет [4]. В случаях, когда финансирование противозаконной деятельности идет посредством служебного положения, обвиняемое лицо может быть наказано штрафом в размере от трехсот до

семисот тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного дохода за период от 2 до 4 лет. Наказание также может быть выражено принудительными работами на срок от 2 до 5 лет с лишением права занимать отдельные должности или заниматься некоторыми видами деятельности на срок до 5-ти лет, либо лишение свободы на срок от 5 до 10 лет [4]. Стоит отметить, что преступление будет считаться совершенным только в том случае, если финансирование дошло до адресата, если передача финансирования была прекращена по разным обстоятельствам, данное преступление стоит классифицировать как покушение на совершение финансирования террористической деятельности [8]. Как уже было отмечено выше в вопросе финансирования терроризма довольно часто встречается такой вид как самофинансирование, порой материальные средства в этом случае бывают получены противозаконным путем посредством вымогательства, кражи и пр. Классифицировать данный вид преступления не всегда удается однозначно, так как подобные действия попадают на первый взгляд под определение статьи 282.2 УК РФ, с другой стороны их правильнее классифицировать как ч. 2 ст. 282.2 [9]. Стоит отметить, что в настоящей редакции Уголовного кодекса РФ не предусмотрена квалификация уголовной ответственности по размеру оказанной финансовой помощи, нет минимальной границы такой помощи, также отсутствует квалификация по количеству совершенных фактов финансирования. В данном случае сложно говорить о справедливости (согласно ст. 6 УК РФ), применение данного закона единообразно на практике осуществляется сложно. Для тех, кто осознал всю опасность данного преступления и активно идет на контакт с правоохранительными органами, законодательством предусмотрен шанс на исправление. Здесь стоит отметить об отсутствии понимания, должно ли в реальности состояться предотвращение финансируемого преступления или освобождение от ответственности возможно только по факту осуществления этого предотвращения (без факта положительного результата). В настоящее время довольно много внимания уделяется противодействию финансированию терроризма, в сети Интернет размещено много памяток в качестве превентивных мер, на уровне банков блокируются карты/операции, подозреваемые в финансировании противоправных действий. В частности, на сайте Министерства юстиции РФ размещены отчеты по оценкам риска финансирования терроризма и рекомендации в сфере противодействия терроризму. На наш взгляд, противодействие финансированию терроризма довольно подробно представлено в рамках Уголовного кодекса РФ, что мы и рассмотрели в данной статье. Однако для более полного соответствия национального законодательства правовым основам противодействия терроризма на международном уровне, на наш взгляд, необходимо добавить в ст. 205.1 УК РФ часть, связанную с финансированием международного терроризма.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 01.07.2021) (with

доп., вступ. в силу с 01.12.2021). Ст. 205.1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/23e558e632eb102b26427dffe3575b4e87f7067b

2. *Канатов А.К.* К проблеме противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и экстремизма / А.К. Канатов, Е.К. Ахметов // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 1(50). С. 122.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021). Ст. 282.3. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/51346ce1f845bc43ee6f3ea6f3eadfa69f65119c941fa/

5. *Хараев А.А.* Международно-правовое противодействие финансированию терроризма и экстремизма / А.А. Хараев, Р.А. Хачидогов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12(139). С. 353–355.

6. *Богомолов С.Ю.* Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 253 с.

7. *Вахрушев Г.Е.* Международно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма / Г.Е. Вахрушев // Бизнес в законе. 2013. № 3. С. 65–71.

8. *Маздогова З.З.* Об опыте эффективного противодействия терроризму в ландшафте современных угроз / З.З. Маздогова, М.Х. Машекуашева // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8(135). С. 329–331.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021). Ст. 282.2. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9854c783addde555fa364e762d297c660b9be113

amendments and additions, intro. effective from 01.12.2021). Art. 205.1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/23e558e632eb102b26427dffe3575b4e87f7067b/

2. *Kanatov A.K.* On the problem of countering the laundering of proceeds from crime and the financing of terrorism and extremism / A.K. Kanatov, E.K. Akhmetov // Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan. 2018. № 1(50). P. 122.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2011 № 11 (ed. dated 09/20/2018) «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712

4. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 24.02.2021). Art. 282.3. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/51346ce1f845bc43ee6f3eadfa69f65119c941fa/

5. *Kharaev A.A.* International legal counteraction to the financing of terrorism and extremism / A.A. Kharaev, R.A. Khachidogov // Eurasian Legal Journal. 2019. № 12(139). P. 353–355.

6. *Bogomolov S.Yu.* Responsibility for the financing of terrorism: criminal law and criminological research : dis. ... cand. of law sciences. N. Novgorod, 2016. 253 p.

7. *Vakhrushev G.E.* International legal regulation of countering the financing of terrorism / G.E. Vakhrushev // Business in law. 2013. № 3. P. 65–71.

8. *Mazdogova Z.Z.* On the experience of effective counteraction to terrorism in the landscape of modern threats / Z.Z. Mazdogova, M.H. Mashekuasheva // Eurasian Legal Journal. 2019. № 8(135). P. 329–331.

9. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 24.02.2021). Art. 282.2. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9854c783addde555fa364e762d297c660b9be113

Умарова Амала Алиевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова
umarova1986@mail.ru

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИИ И КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. Коррупция может быть представлена как минимум в четырех значениях: общесоциальном, политэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом. В общесоциальном значении она представляет собой злоупотребление чиновником своими полномочиями и проистекающими из них возможностями с целью неправомерной наживы. В статье анализируются основные правовые категории коррупции и коррупционной преступности, дается анализ коррупции в общесоциальном, политэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом аспектах.

Ключевые слова: преступления, коррупция, коррупционная преступность, коррумпированность, уголовный закон.

Коррупция может быть представлена как минимум в четырех значениях: общесоциальном, политэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом. В общесоциальном значении она представляет собой злоупотребление чиновником своими полномочиями и проистекающими из них возможностями с целью неправомерной наживы. Использование полномочий есть деятельностью как в пределах полномочий чиновника, так и вне их рамок, но связанной с авторитетом (положением) его должности. И в первом, и во втором случае это – использование авторитета власти, способного простереться исходя из уровня должностного статуса на разные области, нередко беспредельно многогранно.

Под противозаконным обогащением понимается приобретение чиновником для себя или иных людей, которые, в той или иной степени, связаны с ним и находятся в зоне его интересов, имущества, денег или иных благ, сверх получаемой им зарплаты, премий, льгот и пр. В общем-то, всяческая должность и сопряженный с ней статус и авторитет, существенный или незначительный, кроет в себе возможность противозаконного обогащения. Будет ли осуществлена эта возможность или нет, зависит от моральных устоев должностного лица, порядочности, чувства достоинства, уважения к социуму, государству, от отношения к своему долгу и пр.

Amala A. Umarova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Law and Process,
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
umarova1986@mail.ru

ON THE ISSUE OF CORRUPTION AND CORRUPTION CRIME

Annotation. Corruption can be represented in at least four meanings: general social, political economic, criminological and criminal law. In a general social sense, it is an abuse by an official of his powers and the opportunities arising from them for the purpose of illegal profit. The article analyzes the main legal categories of corruption and corruption crime, analyzes corruption in general social, political economic, criminological and criminal law aspects.

Keywords: crimes, corruption, corruption crime, corruption, criminal law.

С пониманием коррупции в ее общесоциальном значении сопряжен термин «коррумпированность», означающий вовлеченность чиновника в процесс противозаконного получения наживы посредством злоупотребления своими полномочиями, заряженность желанием незаконно обогатиться путем использования возможностей своего служебного положения.

С точки зрения коррумпированности всех чиновников можно разделить на две группы: коррумпированные и некоррумпированные. Установить их соотношение в действительности не представляется возможным. В то же время, нельзя исключать определение коррумпированности «задним числом», на основе такого показателя, как результаты приватизации.

Предположение, что большая часть государственной собственности в ходе приватизации попала в руки чиновникам, определенным образом распределившись между ними, можно было бы подтвердить или, наоборот, оспорить, если бы была проведена полная проверка документов, подтверждающих (или ниспровергающих) передачу государственного имущества в собственность чиновников, членов их семей, друзей и пр. [1, с. 29]

Видов коррупции существует великое множество: от совсем прямолинейных, самоочевидных в

форме получения взяток до комбинационных и замаскированных в форме участия чиновников, членов их семей и друзей собственнически или через их представителей в разных сферах бизнеса, а взяточничества чиновников высшего уровня, принимающих участие в правотворчестве – в форме лоббирования законов за определенную плату и пр.

С точки зрения происхождения, чиновники, совершающие коррупционные преступления, дифференцируются на тех, кто стал коррумпированным в ходе исполнения функций должностного лица, и тех, которые до того, как стали чиновниками стремились занять должность с целью дальнейшего злоупотребления своими служебными полномочиями для собственного обогащения. Вторая группа лиц, чаще всего, вступает в должность через назначение вышестоящими чиновниками, использующими должностные полномочия для противозаконного обогащения, по причине их личной преданности, дружбы и пр.

Определение коррупции в ее политэкономическом значении основывается на пресловутом допущении, что бюрократизм по факту является распорядителем (владельцем) государственных средств и все, что имеется в государстве есть, является собственностью бюрократии. Собственно говоря, бюрократия связывает между собой чиновников всех госорганов, муниципальных органов, вооруженных сил и прочих войск, и воинских формирований.

В этом значении коррупция есть завладение чиновниками собственностью и другими выгодами опосредствовано – через получение власти. Таким образом, завладение имуществом определяет экономическую сторону данного явления, а получение власти, преимуществ и льгот, среди прочего при несоблюдении ими закона, – политическую. Насколько эти стороны естественным образом связаны между собой, настолько их сплочение отражает политэкономическую сторону коррупции [2, с. 20].

Далее более детально осветим сущность экономической стороны коррупции.

Власть, как в пределах полномочий чиновников, так и вне их, и проистекающие из нее возможности заполучения имущества, охватывает отдельных лиц, компании, учреждения не коммерческого типа и сами госорганы, органы местного самоуправления, госучреждения, учреждения муниципальной собственности, вооруженные силы и прочие воинские формирования. Причем, процесс извлечения имущества многообразен, протекает как с использованием «пробелов» в законодательстве, так и путем непосредственного нарушения закона.

Процесс совершенствования методов извлечения объектов собственности непрерывен. Более того, постоянно меняется в сторону увеличения их количественный показатель. Например, имущество граждан извлекается путем получения взяток за осуществление как легитимных, так и нелегитимных деяний, среди прочего в связи:

– с включением коррумпированных чиновников в конкурентное противостояние на стороне лиц, дающих им взятку;

– с участием коррумпированных чиновников, членов их семей и прочих близких людей в бизнесе;

– с продажей должностей, званий и пр.

Такого рода действия ослабляют степень доверия к власти со стороны населения, подтачивают ее устойчивость, а значит, являются посягательством не только на социальные отношения, которые обеспечивают государственную власть, интересы госслужбы и службы в муниципальных учреждениях, но и на социальные отношения, которые обеспечивают безопасность государства.

Государственная собственность, правильнее сказать, имущество, являющееся или должное стать собственностью государства, изымается посредством осуществления хищений, уклонения от уплаты налогов и пр.

Политическая сторона коррупции сопряжена с проистекающим из политической структуры государства разделением полномочий между ветвями власти и развернутой на основе этих полномочий законотворческой деятельностью законодательной власти [3, с. 40].

Законодательной властью принимаются нормативно-правовые акты, в пределах которых должны находиться все поступки чиновников всех ветвей власти и отдельных физических лиц. От размера установленных пределов зависит размер полномочий чиновников и рамок свободы поведения граждан. Так, сужение этих пределов ведет к уменьшению полномочий у чиновников. Поэтому наилучшими, с точки зрения антикоррупционности, могут считаться законы, смысл которых четко выражен, не допускающим многозначности, различного толкования чиновниками, ведущему к их своевластию, часто допускаемому в целях личного обогащения.

Помимо этого, противокоррупционные законы устанавливают меру, среди прочего, уголовную наказания чиновников за то или иное использование полномочий, идущее вразрез с законом, поскольку в таком использовании полномочий, чаще всего, завуалировано стремление обогатиться. Следовательно, будет или не будет существовать в государстве коррупция и, в свою очередь, коррумпированность чиновников, зависит главным образом от воли составителя законов, устанавливающего и фиксирующего в них политику государства, среди прочего отражающую отношение государства к такому явлению, как коррупция [4, с. 195].

Но исследование отечественного законодательства, в том числе, уголовного, свидетельствует о том, что содержание нормативно-правовых актов часто составлено обтекаемо, что дает возможность чиновникам не только трактовать его диспозитивно, но и по-своему применять. При этом уголовное наказание за незаконное использование служебных полномочий сведено к минимуму

путем как принятия специализированных норм (по отношению к общей норме, изложенной в ч. 1 ст. 285 УК РФ), устанавливающих составы преступлений со смягчающими обстоятельствами, так и казуистической формулировки составов некоторых должностных преступлений. В итоге отсутствует применение соответствующих статей Особенной части УК РФ.

Довольно обширные пределы уголовного закона хорошо заметны, к примеру, в альтернативных санкциях статей УК РФ и в относительно-определенных санкциях некоторых таких статей с отклонением в сроках лишения свободы в три, пять и более лет. Такие санкции дают возможность малопорядочным судьям злоупотреблять своими полномочиями в контексте установления вида и размера юридической ответственности с целью наживы через получение взяток.

Сведение к минимуму уголовного наказания за незаконное использование служебных полномочий путем принятия специализированных норм (по отношению к общей норме, изложенной в ч. 1 ст. 285 УК РФ), устанавливающих составы преступлений со смягчающими обстоятельствами, проявляется в наличии в УК РФ, например, ст. 289 (незаконное участие в предпринимательской деятельности); 137 ч. 2 (нарушение неприкосновенности частной жизни); 138, ч. 2 (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений) и пр.

Эти нормы устанавливают менее жесткие меры ответственности, по сравнению с ч. 1 ст. 285 УК РФ, несмотря на то, что каждое из преступных деяний осуществляется посредством злоупотреблений чиновником должностными полномочиями, идущими вразрез с интересами службы в целях корысти или другой выгоды, и приводит к серьезным нарушениям прав и законных интересов физических или юридических лиц, либо находящихся под защитой закона интересов социума, или государства. Причем, нарушение прав физических лиц означает нарушение наиболее существенных прав, установленных Основным Законом РФ. Закрепление в УК РФ составов преступлений со смягчающими обстоятельствами при незаконном использовании служебных полномочий производит впечатление робкого оправдания составителя законов перед чиновниками, осуществляющими такие действия, среди прочего в целях наживы, за введение наказания, предусмотренного в санкции ч. 1 ст. 285 УК РФ. И это, несмотря на то, что и это наказание не очень тяжкое, по крайней мере, не настолько тяжкое, насколько есть серьезным и общественно опасным незаконное использование чиновником служебных полномочий [5, с. 28].

Сведение к минимуму наказаний посредством казуистической формулировки составов должностных преступлений наиболее наглядно продемонстрировано в установлении противоправного участия в бизнесе (ст. 289 УК РФ). В этой статье определена мера наказания за «учреждение чиновником организации, занимающейся предпринимательством, либо принятие участия в

управлении такого рода организацией самолично или через представителя, несмотря на запрет, предусмотренный законом, если такие действия сопряжены с предоставлением этой организации льготных условий и преимуществ или другим видом попечительства».

Казуистичность формулировки этого состава преступления состоит в предопределенности деяния предоставлением организации, учрежденной чиновником или в управлении которой он принимает участие, льготных условий и преимуществ или других видов попечительства. Эта предопределенность ярко выражена и бесспорна, так как проявляется в самом занятии должности лицом, которое учредило данную организацию или принимает участие в управлении ею, но обычно не устанавливается и не доказывается на уголовно-процессуальном уровне. Эта предопределенность не отражена в Указе главы государства от 04 апреля 1992 года № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», выражающем концепцию борьбы с коррупцией в нашей стране, в ст. 2 которого без каких бы то ни было еще условий включен запрет государственным должностным лицам:

- заниматься бизнесом;
- так или иначе, незаконно содействовать гражданам и коммерческим организациям в реализации бизнеса путем злоупотребления своими должностными полномочиями, получая за это вознаграждение, услуги, льготные условия;
- осуществлять другие действия на условиях совместительства (помимо работы научного, творческого характера, преподавания), а также – вести бизнес через посредников или быть посредником третьих лиц по делам госоргана, в котором служат;
- собственлично или через поверенного участвовать в управлении акционерными обществами, товариществами ограниченной ответственностью или другими организациями.

Не соблюдение этих требований влечет за собой увольнение и другие меры наказания по нынешнему законодательству.

Если сравнить четко сформулированный Указ главы государства и диспозицию ст. 289 УК РФ, то можно убедиться в том, что факт включения в эту статью, названную выше, предопределенность нелегитимного участия в бизнесе, является ничем иным, как извращением смысла Указа.

Казуистичность определения состава преступления в ст. 289 УК РФ является главной причиной не использования данной нормы в практической плоскости, что подтверждается отсутствием до сих пор случаев осуждения по ней. Эта норма противокоррупционна только в политическом аспекте, но не в юридическом.

Помимо этого, уголовная ответственность за получение взятки (ст. 290 УК РФ) минимизируется нормами, которые содержатся в ст. 304 УК РФ (провокация взятки или коммерческого подкупа) и

575 ГК РФ (запрещение дарения). В соответствии со ст. 304, к примеру, провокацией взятки считается попытка дачи чиновнику «без его согласия, денежных средств, ценных бумаг, другого имущества или оказания ему имущественных услуг для фабрикации доказательств осуществления преступного деяния или шантажа».

Казуистичность формулировки диспозиции ст. 304 УК РФ заключается во включении в определение провокации взятки признаков, переданных такими фразами, как «без его согласия» и «для фабрикации доказательств осуществления преступного деяния», осложняющими, а еще чаще исключаящими, использование ст. 209 УК РФ.

Причиной этому есть то, что совсем непросто и даже невозможно на деле доказать согласие чиновника на получение взятки, например, доказать полную ошибочность его показаний о том, что такого согласия не было. А фабрикация доказательств осуществления преступного деяния – это оценочный признак, и признание доказательств сфабрированными (или существующими в действительности) нередко обусловлено не содержанием материалов уголовного дела, а авторитетом и статусом чиновника, и его связями, среди прочего с сотрудниками органов правопорядка.

Такое состояние дел не может не беспокоить людей, борющихся со взяточничеством. Они обоснованно опасаются, что сами, а не взяточполучатель, могут быть признаны виновными в провокации взятки в процессе уличения последнего во взяточничестве, если будет оказано давление в виде предпринимаемых вышестоящими и иными коррумпированными чиновниками кулуарных шагов, которые невозможно выявить и доказать. Это объясняет отсутствие уверенности в том, что борьба со взяточничеством может увенчаться успехом. По этой причине норма, закрепленная в ст. 304 УК РФ существенно перетягивает в свою сторону вес нормы, предусмотренной ст. 290 УК РФ, и является серьезным препятствием использованию этой нормы в практической плоскости.

Исходя из ст. 575 ГК РФ, «запрещается дарение, кроме традиционных подарков, стоимостью не выше пяти установленных законом минимальных размеров зарплат:

...3) госслужащим и служащим учреждений муниципальной собственности в связи с их должностным статусом или выполнением ими должностных полномочий...». [6, с. 25]

В сущности, эта норма допускает дарение подарков, стоимость которых не превышает пяти установленных законом минимальных размеров зарплат. Следовательно, такая незначительная взятка не считается гражданским правовым нарушением, а преступным деянием и подавно. Данная норма является своеобразной «щелью», если не большим «проемом», для ухода чиновников от уголовного наказания за получение взятки, поскольку они могут вполне убедительно утверждать, что их разумом было воспринято получение подарка только на сумму, которая не

превышала пяти установленных законом минимальных размеров зарплаты.

Указанные правовые нормы в паре с известными всем сложностями установления факта получения дачи взятки образуют огромную стену, возведенную в целях защиты чиновников от уголовного наказания за взяточничество.

Политическое значение коррупции проявляется еще и в установлении Основным Законом РФ неприкосновенности: главе государства (ст. 91), членам Совета Федерации и депутатам Госдумы (с. 98), судьям (ст. 122), что не допускает возможности их наказания в соответствии с Уголовным кодексом РФ за коррупционные преступления и прочие преступные деяния, связанные с их должностным положением.

О причинах принятия нормативно-правовых актов, выгодных и удобных коррумпированным чиновникам и коррумпированному чиновничеству вообще, можно только делать предположения, они могут быть какими угодно. Например, в качестве причин, которые невозможно определенно установить, может выступать правовая безразличность составителя законов, либо его безразличное отношение к противодействию коррупции и, таким образом, к безопасности государства в экономическом и политическом плане, либо осознанное и преднамеренное, и вовсе не случайное узаконивание коррупции, вызванное корыстными или другими личными целями представителей законодательной власти.

Безотносительно от того, такими ли являются эти причины или не такими, действующее законодательство, отражающее и фиксирующее политику государства, среди прочего, экономическую и уголовную, открывает новые горизонты для последующей эволюции коррупции.

Криминологическое значение коррупции замыкается только на аспектах общесоциального и политэкономического ее значений, отражающих ее антиобщественную, социально-опасную и уголовно-противоправную суть и содержательное наполнение. Графическое изображение соотношения указанных значений будет следующим: общесоциальное значение коррупции образует наибольшую плоскость, политэкономическое – меньшую и содержащуюся внутри этой плоскости, а криминологическое – составит плоскость, размещенную внутри политэкономической плоскости, а значит еще меньшую.

Определения коррупции в криминологическом значении были даны многими учеными-криминологами. Они содержали в себе как похожие наиболее важные признаки, так и отличия, вызванные, к примеру, непрерывной изменчивостью и эволюцией коррупции в России и сегоднешним уровнем ее понимания. Не будем сопоставлять и анализировать эти определения, ограничимся тем, что укажем на признаки, которыми на современном этапе характеризуется коррупция.

Сейчас коррупция в криминологическом значении является антиобщественным, социально-опасным, угрожающим безопасности нашей страны в

экономическом и политическом плане феноменом, охватившим все ветви власти, образующим совместность преступлений, осуществляемых чиновниками для наживы за средства государства, физических лиц, предприятий коммерческого и иного типа. Реализуется коррупция посредством получения с использованием служебных полномочий материальных и других благ во вред государственным интересам. В действительности же такие деяния проявляются в сращении государственной власти и организованной преступности.

В качестве одного из факторов, содействующих коррупции, выступает закон, изложенный неопределенно или включающий в себя оценочные признаки, что позволяет чиновникам использовать его диспозитивно, произвольно в целях наживы. Ликвидировать эту причину коррупции в лучшем случае может составитель законов путем четкого формулирования норм права, обязывающих чиновников только закрепить решение.

В уголовно-правовом значении коррупция является установленными уголовным законодательством социально-опасными деяниями, в роли исполнителей которых выступают чиновники и совершаемых путем использования служебных полномочий в корыстных интересах и с целью наживы. Такие деяния, считаем, необходимо обозначить как коррупционные преступления. Они представляют собой наиболее опасное проявление коррупции [7, с. 21].

Для деятельности по достижению более устойчивых и эффективных результатов в уголовно-правовой борьбе с этими преступными деяниями могут быть созданы условия посредством модернизации текущего уголовного, гражданского законодательства и Основного Закона в различных

Литература:

1. Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема. История и современность. М. : Экономика, 2019. 167 с.
2. Миронов И.А. Новый этап противодействия коррупции в Российской Федерации / И.А. Миронов // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2018. № 2. С. 16–21.
3. Кадырова Н.Н. К вопросу о понятии коррупции и коррупционной преступности / Н.Н. Кадырова, К.А. Шлей // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2. С. 37–41.
4. Вяткина Г.О. К вопросу о совершенствовании механизмов противодействия коррупции в государственном управлении / Г.О. Вяткина // Вестник БГУ. 2018. № 4(38). С. 193–197.
5. Покровский М.Н. Противодействие коррупции в России: административно-правовые и этические аспекты / М.Н. Покровский // Административное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 25–31.

направлениях. В качестве ключевых, приоритетных и сверхсрочных таких направлений выступает:

- 1) перестройка специализированных норм о должностных преступлениях, например, с привилегированными составами, в специализированные нормы с квалифицированными составами или составами, сообразующимися по уровню социальной опасности, указанной в санкциях, с основным;
- 2) удаление из санкций статей о наказании за должностные преступления всех основных карательных мер воздействия, кроме лишения свободы сроком более двух лет, а преступного деяния, установленного ст. 289 УК РФ, – более пяти лет;
- 3) назначение за осуществление таких преступных деяний абсолютно определенных санкций с воспрещением использовать ст. 64 и 65 УК РФ и введением в санкции таких дополнительных мер, как лишение специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, а также конфискация собственности;
- 4) удаление из УК РФ ст. 304;
- 5) удаление из ГК РФ п. 3 ст. 575;
- 6) вписывание в ст. 91,98 и 122 Основного Закона РФ примечания, в соответствии с которым, неприкосновенность не должна применяться по отношению к лицам, перечисленным в этих статьях, осуществившим социально-опасные деяния, указанные в УК РФ. Данное направление может быть претворено в жизнь через референдум.

Literature:

1. Andrianov V.D. Corruption as a global problem. History and modernity. M. : Ekonomika, 2019. 167 p.
2. Mironov I.A. A new stage of anti-corruption in the Russian Federation / I.A. Mironov // Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics. 2018. № 2. P. 16–21.
3. Kadyrova N.N. On the question of the concept of corruption and corruption crime / N.N. Kadyrova, K.A. Shley // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2019. № 2. P. 37–41.
4. Vyatkina G.O. On the issue of improving anti-corruption mechanisms in public administration / G.O. Vyatkina // Bulletin of BSU. 2018. № 4(38). P. 193–197.
5. Pokrovsky M.N. Anti-corruption in Russia: administrative-legal and ethical aspects / M.N. Pokrovsky // Administrative and municipal law. 2013. № 6. P. 25–31.

6. *Шапошников П.С.* Понятие коррупции в международном и российском праве / П.С. Шапошников // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 23–26.

7. *Редкоус В.М.* Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках Содружества Независимых Государств / В.М. Редкоус // Административное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 17–23.

6. *Shaposhnikov P.S.* The concept of corruption in international and Russian law / P.S. Shaposhnikov // Law and security. 2014. № 2. P. 23–26.

7. *Redkous V.M.* Administrative and legal regulation of anti-corruption in the member States of the Commonwealth of Independent States / V.M. Redkous // Administrative and municipal law. 2013. № 5. P. 17–23.

Умарова Мадина Алиевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова
umarova1984@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Правовая стратегия страны (одним из видов которой является правовая (уголовная) политика) - это инструмент адаптации к существующей ситуации внутри и вне государства, средство решения наиболее актуальных экономических и социальных проблем. В статье анализируется идеологический аспект современной правовой политики, направленной на обеспечение реализации национальных интересов в сфере экономики путем борьбы с экономическими преступлениями, и определяются основные характеристики, присущие такой правовой политике.

Ключевые слова: безопасность, национальные интересы, экономическая безопасность, социальные отношения, правовая политика, экономическая преступность.

Закон, как мы его понимаем, должен соответствовать общественному порядку. Правовая стратегия страны (одним из видов которой является правовая (уголовная) политика) – это инструмент адаптации к существующей ситуации внутри и вне государства, средство решения наиболее актуальных экономических и социальных проблем. Правовая стратегия борьбы с преступностью в сфере экономики – это разработка стратегии страны в этой области по реализации стратегически важных целей, но с помощью специальных средств: уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и ряда других правовых инструментов преступного комплекса. Криминальная политика, являясь неотъемлемой частью экономической политики, должна иметь общую идеологию и цели. По мере изменения ситуаций и обстоятельств, порождающих уголовную угрозу, меняется и антикриминальная политика.

Правовая политика государства, особенно правовая политика в такой важной и уязвимой области, как экономика, должна быть адекватна общим тенденциям внутренней и внешней политики, социальной жизни и национальной экономики. Криминальная политика должна согласовываться с окружающей средой, в том числе, внутри государства.

Madina A. Umarova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Law and Process,
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
umarova1984@mail.ru

NATIONAL ECONOMIC INTERESTS: LEGAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION

Annotation. The country's legal strategy (one of the types of which is legal (criminal) policy) is a tool for adapting to the existing situation inside and outside the state, a means of solving the most pressing economic and social problems. The article analyzes the ideological aspect of modern legal policy aimed at ensuring the realization of national interests in the economic sphere by combating economic crimes, and identifies the main characteristics inherent in such legal policy.

Keywords: security, national interests, economic security, social relations, legal policy, economic crime.

Мы считаем, что криминально-политическая тенденция в конечном итоге является более или менее точным отражением реальных трансформаций, происходящих в экономических основах страны, в идеологическом и правовом блоках. Целью проводимой нами антикриминальной политики, отвечающей общим требованиям стратегии, является повышение уровня (качества) правового регулирования общественных отношений в предпринимательской или иной экономической деятельности. В этом состоит суть экономической безопасности, наряду с разработкой и внедрением механизма правового регулирования в экономической сфере, включающего уголовное право.

В последнее время в системе законодательства об экономической деятельности произошли качественные изменения. Председатель комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции В.И. Пискарев считает, что за короткое время в стране сформировано соответствующее, передовое законодательство, которое, в первую очередь, регулирует отношения в экономической сфере. Как только были разработаны основные положения (Гражданский кодекс РФ и другие законодательные акты), касающиеся отношений в экономической сфере, стало ясно, что

регулирование отношений между государством и бизнесом нуждается в дополнении, т.е., необходимо уточнить процедуры, способные практически полностью устранить личностное, субъективное влияние на эти правоотношения [1, с. 134]. Полная реорганизация гражданского права соответствует реформированию уголовно-правовой политики, суть которой заключается в функционировании эффективного правового механизма, эквивалентного уровню развития экономических и социальных отношений и, главное, способного обеспечить их дальнейшую эволюцию. Очевидно, что уголовное право, в основном Уголовный кодекс, концептуально стоит за развитием частного права, которое гораздо живее поддается изменениям. Новая уголовно-экономическая политика (NCEP) – это путь к преодолению этого отставания. Правовая политика может быть эффективной только в том случае, если она в полной мере передает диалектическую логику созревания современного потребительского буржуазного общества.

Параллельно с позитивными изменениями в экономических и социальных рамках, новые экономические преступления становятся неизбежным фактором, сопровождающим буржуазное общество, поэтому необходимо найти правовые пути сосуществования с ним и контроля над ним со стороны государства и общества. Поднимается уровень цивилизации общества, создаются основы института частной собственности и эффективности рыночных механизмов, завершается начальный этап накопления капитала и приобретения частной собственности. Как следствие, буржуазия нуждается в легитимации правового порядка, способного создать для нее наиболее подходящий способ получения прибыли, увеличения частной собственности через предпринимательство. Поскольку другого способа обогащения, кроме предпринимательства и частной деятельности, нет, буржуазное законодательство рассматривает общественные отношения в производственной сфере, т.е., бизнес как основной субъект своего регулирования. Функцией антикриминального законодательства в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности является защита предпринимательской деятельности от наиболее значительных угроз в виде преступности. При этом речь идет не только о преступлениях, но и о наиболее опасных их проявлениях, таких как организованная экономическая преступность, которая переплелась с полностью коррумпированной частью государственной власти.

Конечно, антикриминальное законодательство не регулирует непосредственно экономическую и производственную сферу, а играет защитную роль. Криминально-юридический механизм срабатывает, когда другие (административно-правовые, гражданско-правовые) средства правового воздействия не срабатывают. Но со стратегической точки зрения неправильно недооценивать значение государства и государственной правоохранительной системы, в том числе, уголовного права, в защите и поддержании правопорядка в сфере экономической деятельности. Найти наиболее приемлемый баланс в достижении

частных и общественных интересов и создании основы правоохранительной деятельности в экономической сфере – значит решить огромную политическую, научную и, по-видимому, культурно-правовую проблему.

Конечно, любому истеблишменту трудно в короткие сроки достичь такого баланса по принципу общественного договора: приведение интересов предпринимательства, в том числе его теневой составляющей, в соответствие с государственными и общественными интересами осложняется незаконным или не вполне законным генезисом первого и менталитетом правоохранительных органов. Правоохранители и антикриминальное право в «переходный» период по своему правовому сознанию (и «способу существования») не перестали быть «социалистическими» и неблагоприятными для предпринимательской деятельности. Надо сказать, что и бизнесмен не был безупречен. У института частной собственности в нашей стране с момента его возникновения есть мнение, которое можно выразить в коротком изречении Прудхонова «собственность – это воровство», причем, в буквальном смысле этого слова. Большая часть новой отечественной буржуазии живет по принципу «воровать – вывозить – возвращать». Эта парадигма действия стала архетипичной, парадигмой «новой буржуазии» и их мышления. Возникло непримиримое противоречие: «владельцы собственности» и «работники правоохранительных органов», обе эти касты проигнорировали закон, который больше не является правом. Современный российский бизнес укрепил свои позиции в сложной экономической и правовой среде, в которой основная масса законов формировалась в парадигме планового восприятия экономики, основанной только на государственной собственности и защищенной государственными структурами от участия в ней частной собственности, в том числе, и посредством уголовно-наказуемых мер [2, с. 215].

Появился ряд стереотипов: бизнесмены были «жуликами и ворами», а сотрудники правоохранительных органов – коррумпированными, невежественными и бесчеловечными. Это было неофициальным, эмоциональным и психологическим подтекстом постсоветской антикриминальной экономической политики. Размышления об этом явлении в риторике победившей буржуазии завершились тезисами об «искусственной криминализации предпринимательской деятельности», о «объявлении нормальных для рыночной экономики отношений незаконными и влекущими за собой уголовные карательные меры, как основанные на действующем законе, так и не основанные на нем, но используемые через свободное толкование уголовной нормы».

Подобные исследования характеризовали это обстоятельство как недопустимое, имела место тонкая подмена интересов буржуазии на интересы общества в целом. Правовая политика, превышающая обычную меру, создает социальную среду, которая создает неблагоприятные условия для последующего развития общества. При массовом аресте предпринимателей формируется социальное общество с неоспоримо низкими моральными барьерами и социальными тормозами.

Создание такой социальной среды в государстве чревато опасностями, которыми нельзя пренебрегать, ибо недопустимо продолжать коррумпировать социальную архитектуру общества. Надо понимать, что буржуазия будет рассматривать любую антикриминальную политику как превосходящую обычную меру, если она послужит своему прибыльному мотиву. Мы ни в коем случае не умаляем положительной роли предпринимательства или любой другой экономической деятельности. Мы, безусловно, считаем, что правовая политика в первую очередь направлена на защиту предпринимательства и частной собственности. Но необходимо учитывать две вещи:

1) преступления, совершаемые рядом предпринимателей, в основном, наносят вред тем членам бизнес-сообщества, которые соблюдают закон;

Литература:

1. *Бидова Б.Б.* Правовой анализ современной уголовной политики в области экономической безопасности / Б.Б. Бидова // Гуманитарные, социально-экономические и социальные науки. 2020. № 2. С. 130–138.
2. *Володин В.М.* Национально-экономические интересы и обеспечение экономической безопасности России / В.М. Володин, Л.В. Рожкова, В.А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский район. Социальные науки. 2015. № 2. С. 210–2018.
3. *Кошаева Т.О.* Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: пути развития российского уголовного законодательства / Т.О. Кошаева // Журнал российского права. 2014. № 6(210). С. 25–31.

2) капитал может совершить любое преступление с целью получения сверхприбыли.

Не вдаваясь в конкретику, можно констатировать, что как с идеологической, так и с законодательной позиции сформировалась достаточно четкая схема антикриминальной политики – NСЕР. Ее смысл заключается в формировании специальных правовых гарантий иммунитета «предпринимателей» от открытого уголовного преследования, создании для них специального правового механизма разрешения уголовно-правовых конфликтов между предпринимателями и государством иным «ненасильственным» экономическим способом – по желанию некоторых носителей интересов капиталистов [3, с. 28].

Literature:

1. *Bidova B.B.* Legal analysis of modern criminal policy in the field of economic security / B.B. Bidova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 2. P. 130–138.
2. *Volodin V.M.* National-economic interests and ensuring economic security of Russia / V.M. Volodin, L.V. Rozhkova, V.A. Skvortsova // Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2015. № 2. P. 210-2018.
3. *Koshaeva T.O.* Responsibility for crimes in the sphere of economic activity: ways of development of Russian criminal legislation / T.O. Koshaeva // Journal of Russian Law. 2014. № 6(210). P. 25–31.

Фалилеев Олег Олегович
соискатель,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
rlobist@yahoo.com

ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА В СВЯЗИ С СУЩЕСТВЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье анализируются гражданско-правовые последствия изменения и прекращения договорных правоотношений в связи с изменением либо расторжением договора на основании существенных изменений обстоятельств; обосновываются условия возмещения убытков сторонам гражданско-правового договора в случае его расторжения в связи с существенными изменениями обстоятельств; определяются критерии распределения расходов между сторонами гражданско-правового договора в случае его расторжения в связи с существенными изменениями обстоятельств.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор; существенные изменения обстоятельств в гражданском праве; гражданско-правовые последствия расторжения договора.

В соответствии со ст. 420 ГК РФ, договором считается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Договор, помимо регулирования гражданско-правовых отношений сторон, также устанавливает причины для внесения изменений и расторжения договора, а также, определяет правовые последствия совершения таких действий. Даже если договор был расторгнут, у каждой из сторон остаются все материальные блага, которые стали результатом реализации договорных обязательств. Стороны не вправе требовать друг от друга возврата чего-либо, если это прямо не закреплено в самом договоре.

При этом после изменения и расторжения договора возникают определенные, весьма существенные для сторон последствия. Прежде всего, обязательства сторон, которые были отражены в тексте впоследствии отмененного договора, в силу п. 2 ст. 453 ГК РФ, прекращаются. Если договор изменен, то обязательства действуют в измененном виде. Расторжение гражданско-правового договора влечет прекращение прав и обязанностей сторон на будущее (п. 4 ст. 453 ГК РФ).

Обобщение материалов судебной и арбитражной практики о последствиях расторжения договора приводит к следующим выводам [1]:

Oleg O. Falileev
Applicant,
Moscow State Law University
named after O.E. Kutafina
rlobist@yahoo.com

CONSEQUENCES OF AMENDMENT AND TERMINATION OF THE CONTRACT DUE TO A SIGNIFICANT CHANGE IN CIRCUMSTANCES

Annotation. The article analyzes the civil consequences of the change and termination of contractual legal relations in connection with the change or termination of the contract on the basis of significant changes in circumstances; substantiates the conditions for compensation of losses to the parties to the civil contract in case of its termination due to significant changes in circumstances; determines the criteria for the distribution of costs between the parties to the civil contract in case of its termination due to significant changes in circumstances.

Keywords: civil contract; significant changes in circumstances in civil law; civil consequences of termination of the contract.

– во-первых, прекращаются права и обязанности, которые связаны с исполнением договора в будущем времени;

– во-вторых, происходит прекращение прав и обязанности сторон, вытекающих из различных договоров имущественного характера, которые должны были быть реализованы в период действия гражданско-правового договора до момента его расторжения, но по каким-либо причинам не были реализованы. Другими словами, при расторжении договора не представляется возможным сохранить юридическое действие отдельных элементов договора, связанных с правами и обязанностями сторон, реализация которых носит взаимосвязанный и взаимозависимый между сторонами характер. Например, кредитор при таких обстоятельствах не может требовать надлежащего исполнения обязательства либо исполнения обязательства в натуре либо понуждать к исполнению обязательства в натуре;

– в-третьих, как правило, прекращаются права и обязанности сторон по некоторым дополнительным обязательствам, обусловленным способами исполнения основных обязательств. Например, основанием прекращения такого способа обеспечения исполнения обязательств, как неустойка либо поручительство, является прекращение основного обязательства, которые они (как производные обязательства) обеспечивали.

Кроме этого, расторжение договора может служить основанием прекращения прав и обязанностей сторон по ряду субдоговоров. Однако ряд прав и обязанностей сторон при расторжении гражданско-правового договора продолжают действовать. Такие обязательства принято именовать сохраняющими свое действие после расторжения договора.

Во-первых, речь идет о праве стороны, которая исполнила надлежащим образом свои обязательства, требовать встречного выполнения обязательств по договору в виде, например, покупной цены.

Во-вторых, продолжают свое применение после расторжения гражданско-правового договора гарантийные обязательства в отношении поставленных товаров, либо оказанных ранее услуг или выполненных работ [2].

В-третьих, сторона вправе воспользоваться правом о применении мер ответственности, в частности, о возмещении убытков, взыскании неустойки в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств неисправным контрагентом, если такое нарушение возникло до момента расторжения договора [3].

В-четвертых, сохраняют также действие обязанности, возникшие у стороны, в связи указанием на такие обязанности в нормативном правовом акте. Например, речь может идти об обязанности банка хранить банковскую тайну клиента, состоящую из сведений, полученных банком о клиенте, и при расторжении с ним договора (п. 3 ст. 857 ГК РФ).

В-пятых, при расторжении гражданско-правового договора сохраняются права и обязанности, вытекающие из третейских (арбитражных) оговорок о рассмотрении и разрешении спора в постоянно действующем третейском суде (арбитраже). Указанные правоотношения регулируются третейским законодательством. Поэтому, например, при наличии арбитражной оговорки она должна применяться в качестве самостоятельного и не зависящего от других параметров договора соглашения [4].

В-шестых, сохраняют свое действие обязательства по возврату имущества после расторжения договора. Так, в случае расторжения договора, предметом которого является передача имущества в аренду, арендатор, получивший такое имущество, обязан в разумный срок вернуть его арендодателю [5].

В-седьмых, сохраняют свое действие обязательства по возврату уплаченного аванса. Так, если договор возмездного оказания услуг расторгнут в связи с отказом заказчика от его исполнения, то у исполнителя, который не приступил к осуществлению деятельности по договору, нет каких-либо оснований удерживать переданную ему сумму в счет платежа по гражданско-правовому договору [6].

Пункт 4 ст. 453 ГК РФ указывает на то, что «стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до

момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон».

Эта правовая норма исходит из обеспечения принципа имущественной эквивалентности между сторонами договорных отношений. Стоит также обратить внимание на абзац 2 ст. 453 ГК РФ, на основании которого «в случае, когда до расторжения или изменения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, то к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения, если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства».

Суд кассационной инстанции в своем постановлении отметил, что истец вправе истребовать деньги в качестве неосновательного обогащения, которые были полученные до расторжения договора, если встречное удовлетворение не было предоставлено. В этой связи аванс, переданный другой стороне в счет причитающихся платежей, подлежит возврату. Поэтому лицо, уклоняющееся от его возврата, считается неосновательно обогатившимся [7].

Эквивалентность договорных отношений представляет собой предусмотренную законом либо иным нормативным правовым актом возможность сторонам реализовывать свои субъективные права в объеме гарантированных равных способов.

При этом содержание п. 4 ст. 453 ГК РФ позволяет сделать вывод, что применение принципа эквивалентности может быть не поставлено в зависимость от оснований, в соответствии с которыми гражданско-правовой договор подлежит расторжению или изменению.

Так, согласно позиции Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «...если при рассмотрении спора, связанного с расторжением договора, по которому одна из сторон передала в собственность другой стороне какое-либо имущество, судом установлено нарушение эквивалентности встречных предоставлений вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей одной из сторон, сторона, передавшая имущество, вправе требовать возврата, переданного другой стороне, в той мере, в какой это нарушает согласованную сторонами эквивалентность встречных предоставлений» [8].

Исходя из ситуации, связанной с расторжением договора, как это упоминалось ранее, отпадает основание для дальнейшего исполнения обязательств и, как следствие – право требовать исполнения. Однако в случае нарушения обязательств, обусловленных соблюдением баланса эквивалентности встречного предоставления, осуществленных до момента расторжения, возникает обязанность возвратить неэквивалентное

предоставление в связи с тем, что отпали какие-либо основания для его удержания. Объясняется это отпадением самого основания требовать встречного предоставления.

В своем информационном письме Президиум ВАС РФ, посвященном исследованию и анализу практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении, определил требование, ввиду которого «при расторжении договора сторона не лишена права истребовать ранее исполненное, если другая сторона неосновательно обогатилась» [9].

Целью гражданско-правового договора представляется получение социального и экономического эффекта, на который при его заключении рассчитывали обе стороны в условиях соблюдения принципа имущественной эквивалентности.

В том случае, если в результате расторжения или изменения договора цель не достигается, не вполне ясно, как установить между сторонами равновесие, обусловленное имущественными интересами? В законе указано, что для этого следует использовать нормы о неосновательном обогащении. Если одна из сторон получила экономический эффект, при этом, не исполнив, либо ненадлежаще исполнив взятые на себя обязательства, то применяются положения гл. 60 ГК РФ.

Следует отметить еще одно, не менее важное последствие расторжения договора, которое связано с возвратом переданной при сделке индивидуально-определенной вещи. Это является возможным в соответствии с п. 1 ст. 1104 ГК РФ на условиях, что право собственности на такую вещь не перешло покупателю, и со стороны покупателя не предприняты действия по исполнению встречного предоставления в виде покупной цены.

Статья 453 ГК РФ в качестве одного из последствий расторжения и изменения договора предусматривает право стороны требовать возмещения убытков до момента возникновения обстоятельств, с которыми стороны связывают расторжение гражданско-правового договора.

Следует отметить, что, исследуя вопрос об умалении имущественного блага, необходимо отличать убытки, обусловленные фактом неисполнения договора до момента его расторжения либо ненадлежащего исполнения контрагентом от убытков, связанных с фактом расторжения договора.

На основании ст. 393 ГК РФ, согласно которой, должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, определяет, что по договорным обязательствам убытки представляют собой некую меру гражданско-правовой ответственности.

В соответствии с п. 1 ст. 15 ГК РФ, «лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере».

Касаемо убытков, которые возникли ввиду расторжения договора, то они могут быть применимы в следующих случаях.

Во-первых, когда лицо понесло расходы в связи с исполнением договора, а право на взыскание возникло в связи с фактом его расторжения. Когда речь идет, например, о совершении затратных действий при условии, конечно, когда в момент действия договора сторона не получила встречного предоставления.

Во-вторых, когда речь идет о расходах, произведенных в связи с фактом расторжения договора. Например, это могут быть различного рода транспортные расходы, обусловленные необходимостью возврата имущества, являющегося предметом сделки, и пр.

В-третьих, когда лицо понесло расходы, не связанные с порядком расторжения договора, а возникшие в связи с досрочным прекращением договорного обязательства. Указанные убытки можно проиллюстрировать примером, связанным с заменой расторгнутого договора на другой, менее выгодный для стороны. При этом убытки, которые исчислены соответствии с п. 3 ст. 524 ГК РФ, будут являться разницей между ценой, которая была установлена в расторгнутом договоре, ценой актуальной.

Исследуя взаимозависимость между убытками, которые возникли в связи расторжением гражданско-правового договора, необходимо отметить, что:

- убытки не могут быть взысканы раньше, чем произойдет факт расторжения договора;
- указанные убытки вызвало именно расторжение гражданско-правового договора;
- убытки не были вызваны какими-либо другими юридическими фактами, нежели факт расторжения договора.

Перечисленные выше условия имеют большое практическое значение, поскольку их применение связано со сроком исковой давности, течение которого не может начаться ранее, чем гражданско-правовой договор был расторгнут.

Следует обратить внимание на особенности взыскания убытков, которые возникли вследствие существенно изменившихся обстоятельств.

Ущерб кредитора, возникший вследствие существенных изменений обстоятельств, должен быть взыскан, учитывая указанное в п. 3 ст. 451 ГК РФ. Поэтому судебный орган определяет издержки, вызванные в связи с расторжением гражданско-правового договора, которые были понесены каждой из его сторон, и распределяет в наиболее с точки зрения справедливости, по мнению суда, пропорциях убытков.

Перераспределение убытков – весьма трудозатратная деятельность. Например, не совсем ясным видится решение вопроса о том, может ли привести распределение убытков между

сторонами гражданско-правового договора к тому, что те расходы, которые сторона-должник понесла, напрасно будут взысканы непосредственно с кредитора? На данный вопрос, сконструированная в гражданском законе норма, ответа не дает.

Следует отметить, что основной спецификой взыскания убытков в связи с обстоятельствами, имеющими существенное значение, является то, что нарушение баланса справедливого распределения понесенных убытков происходит вследствие истребования упущенной выгоды. Следовательно, если договор будет прекращен из-за существенно изменившихся обстоятельств, то право кредитора на истребование убытков может быть ограничено реально понесенным ущербом.

Считаем, что под определенными в п. 3 ст. 451 ГК РФ расходами следует понимать затраты стороны, которые должны соответствовать указанным ниже признакам.

Во-первых, указанные расходы должны быть неразрывно связаны с исполнением гражданско-правового договора. Это правило устанавливает, что распределению подлежат расходы, которые были понесены именно во время исполнения сделки, но никак не до ее совершения, либо возникли после ее расторжения.

Во-вторых, стороны несут расходы, начиная с этапа заключения договора и до этапа его расторжения. В данном случае речь идет не только о реально понесенных истцом затратах, но и об издержках, которые связаны с фактом расторжения

Литература:

1. См.: Перечень позиций высших судов к ст. 451 ГК РФ «Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.01.2019).
2. См.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 16 июля 2012 г. по делу № А41-2179/11. URL : <http://pravosudie.ru> (дата обращения 21.12.2018).
3. См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2005 г. № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств». URL : <http://pravosudie.ru> (дата обращения 09.11.2018).
4. См.: п. 1 ст. 16 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (Часть I). Ст. 2.
5. См.: Определение ВС РФ от 9 февраля 2010 г. № 9-В09-23. URL : <http://pravosudie.ru> (дата обращения 11.01.2019).

договора. Данный вывод наиболее адекватно выражает цели распределения юрисдикционным органом расходов, обусловленной обеспечением наиболее эффективной защиты интересов сторон договора (его имущественной стороны), расторгнутого в связи с существенным изменением обстоятельств.

Расходы, которые возникли ввиду исполнения гражданско-правового договора, изменчивы. Так, например, эти расходы могут быть связаны с доставкой товара, который является предметом обязательства, действиями, обусловленными содержанием имущества, являющегося предметом договора и пр.

Важное значение также имеет вопрос о критериях распределения расходов. основополагающим принципом, который положен в основу такого распределения, является принцип справедливости, и суд должен руководствоваться именно им.

Исходя из данного критерия, юрисдикционный орган может распределить расходы равным образом, придя к выводу о том, что нести собственные расходы самостоятельно должна каждая сторона договора и т.д.

Следует отметить, что определение границ справедливости в каждом случае будет зависеть от конкретных обстоятельств, исследуемых и устанавливаемых судом. При этом во внимание могут быть приняты различные факторы, например, добросовестность стороны при исполнении договора, разумность в выборе способа исполнения и т.д.

Literature:

1. See: List of positions of the supreme courts to Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation «Amendment and termination of the contract due to a significant change in circumstances». SPS «ConsultantPlus» (date of application 23.01.2019).
2. See: Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of July 16, 2012 in case № А41-2179/11. URL : <http://pravosudie.ru> (date of application 21.12.2018).
3. See: Information letter of the Presidium of the Russian Federation of December 21, 2005 № 104 «Review of the practice of arbitration courts of the norms of the Civil code of the Russian Federation on some grounds for termination of commitments». URL : <http://pravosudie.ru> (date of application 09.11.2018).
4. See: section 1 of article 16 of the Federal law of the Russian Federation of December 29, 2015 № 409-FZ «On arbitration (arbitral proceedings) in the Russian Federation» // meeting of the legislation of the Russian Federation. 2016. № 1 (Part I). Art. 2.
5. See: Definition of the armed forces of the Russian Federation on February 9, 2010 № 9-B09-23. URL : <http://pravosudie.ru> (date of application 11.01.2019).

6. См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 01 декабря 2011 г. № 10406/11 по делу № А53-15356/2010. URL : <http://pravosudie.ru> (дата обращения 25.02.2019).

7. См.: Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 29 апреля 2014 г. по делу № А65-1203/2013. URL : <http://pravosudie.ru> (дата обращения 13.12.2018).

8. См.: Постановление Пленума ВАС РФ № 35 от 26 января 2014 года. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 09.02.2019).

9. См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 г. № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении». СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.02.2019).

6. See: The decree of the Presidium of the Russian Federation of December 1, 2011 № 10406/11 in the case № А53-15356/2010. URL : <http://pravosudie.ru> (date of application 25.02.2019).

7. See: The ruling of the Federal arbitration court of the Volga district from April 29, 2014 in case № А65-1203/2013. URL : <http://pravosudie.ru> (date of application 13.12.2018).

8. See: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 35 of January 26, 2014. URL : SPS «ConsultantPlus» (date of application 09.02.2019).

9. See: Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 11, 2000 № 49 «Review of the practice of dispute resolution related to the application of the norms on unjustified enrichment». SPS «ConsultantPlus» (date of application 11.02.2019).

Шайхутдинова Айгуль Салимовна
судья,
Никулинский районный суд, г. Москва
4warka@mail.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ВИНОВНОГО ЗАСЛУЖИВАЮЩИМ СНИСХОЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям назначения наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении по законодательству Российской империи с 1864 года по 1917 гг., а также, пределам влияния присяжных заседателей на возможное наказание. Автором проводится анализ принципов смягчения наказания при наличии снисхождения присяжными основания для чрезвычайного снисхождения; рассматривается зависимость степени снисхождения и лестницы наказаний. Им также анализируется влияние вердиктов присяжных заседателей на власть, в том числе, как основание для пересмотра устаревших и неоправданно жестких законов.

Ключевые слова: наказание, присяжные заседатели, вердикт, лестница наказаний, снисхождение.

Учрежденный судебными Уставами 1864 г. суд присяжных, по мнению многих юристов того времени, явился украшением судебной реформы. В прошлом Россия не имела каких-либо аналогичных институтов и поэтому позаимствовала английскую модель – 1 судья + 12 присяжных заседателей. Вот что пишет Г. Джаншиев: «... Вдруг после всех подобных возмутительных пародий на правосудие является суд гласный, равный для всех без различия сословий, судящий спокойно и без оскорбления человеческого достоинства, без озлобления и ненависти карающий провинившегося и милостиво прощающий человека, случайно впавшего в преступление. Было от чего прийти народу в радостное изумление, которое все более и более увеличивалось» [4, с. 452].

Статьи 804, 814 Устава Уголовного Судопроизводства давали право присяжным признать айгуль виновного наказания заслуживающим степень снисхождения, краже что когда обязывало суд (ст. 828 УУС) уменьшить влияние наказание применять виновному часто не менее последней как влияния на одну тюремное степень. Наказание могло быть деяние уменьшено прошлым и на две более степени, смягчение если присяжные суд усмотрел в могло деле более особые пародий обстоятельства, тюрьмы уменьшающие наказание вину влечет подсудимого; степени

Aigul S. Shaikhutdinova
Judge,
Nikoulinskiy District Court, Moscow
4warka@mail.ru

THE CONSEQUENCES OF A CONVICTION DESERVING OF LENIENCY IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation. This article is devoted to the specifics of sentencing when the jury verdicts condescension under the legislation of the Russian Empire from 1864 to 1917, as well as the limits of the jury's influence on possible punishment. The analysis of the principles of mitigation of punishment in the presence of leniency of the jury, the basis for extreme leniency is given; the dependence of the degree of leniency and the ladder of punishment is considered. The author analyzes the influence of jury verdicts on the authorities, including as a basis for revising outdated and unjustifiably cruel laws.

Keywords: punishment, jurors, verdict, ladder of punishment, leniency.

болеекаторге значительносудили уменьшение применять его признавал части вполне могло лестница последовать срока лишь усмотр по ходатайству статьи суда старались перед срока Императором.

При присяжных этом решений на практике, записано непризнание систему подсудимого многих заслуживающим судящий снисхождения именно могло законом оказать развития влияние прямо на приговор тюремное суда виновного и быть опасения основанием призваны к назначению когда наиболее ставился строго положения из наказания.

Смягчая многих наказание судей на одну превышают степень свыше при законе наличии виновный снисхождения ответу присяжных, законы суд после не обязан судьбе был районного приводить приводила основания развития такого после смягчения. При указания этом именно смягчение устава на 2 степени указывало уменьшить на усмотрение после суда, старались и при более наличии уложения такого присяжных смягчения, судей судья должен признать был ввиду указать в вердикт приговоре, конечно какие тюрьму именно, смертной уменьшающие многих вину давали обстоятельства, присяжные были законе им учтены. Такими уменьшающими равный вину

когда обстоятельствами образом могли уменьшить быть срочной лишь постигнет те, особого которые краже принадлежат смягчение к числу выск более только или части менее уголовном общих последней всем родам более преступлений (ст. 134, заявление ст. 153 Уложения судебных о наказаниях), более а не особо сенат уменьшающие никакими вину предела обстоятельства, уложение предусмотренные устава ст. 755 УСС.

Отдельный особый вопрос уложения о наличии наказаний смягчающих ввиду обстоятельств перед заранее присяжными между заседателями взгляда не ставился, решения а по ст. 814 Устава вынесли уголовном образом судопроизводства ставился судей на обсуждение ими какое самими, наказание и если денежной за снисхождение ответу высказывалось 6 человек, уложение то к ответу изумление присяжных пользу присоединяется: «подсудимый присяжные по обстоятельствам вполне дела знать заслуживает вердикт снисхождения».

Присяжные развития призваны были установить ввиду виновность признавал подсудимого судей в предъявленном виновного ему изумление обвинении, время и признание каторге в деле высшей наличия обстоятельств, влияния вызывающих данной снисхождение, реформа есть более только срока выполнения смягчению части ставился этой вполне задачи; ввиду присяжные часто могли сенат признать наказания виновного приговоре заслуживающим тюрьму снисхождения именно лишь может на основании законе обстановки степени преступного смертной деяния, когда характера кодексу и размеров устава вреда, смягчение личных наказания свойств после обвиняемого, низшего насколько судья они вполне проявились присяжных в данном прошломдеянии, характера его зачет отношения учтены к совершенному присяжные и т.п.; между но они таганцева не могли руководствоваться пародий никакими уложения соображениями, назначена не относящимися низший к преступному деянию после и к личности краже преступника, низший ни во вред, назначена ни в пользу какому обвиняемого; уменьшить они обвинению не могли приписано руководствоваться принято ни соображениями срока о бесцельности уложения уголовного приводила запрета вполне или последнем о чрезмерной деяние суровости таковым наказания, сомнения о возможности данного вредного применил влияния лестница его когда на подсудимого, вердикт ни, тем устава более, статьи какими-либо назначена иными именно политическими более или законом социальными сената соображениями. В виновному целом, прямо ряде уложения решений законе Правительствующий виновных Сенат, воззрение начинающая практика с 1867 г., признавал, срочной что ввиду судящий смягчения свыше предоставлено низшему суду наказания независимо наказание от присяжных оказаться заседателей, может и что состава поэтому принято суд перейти может низшему уменьшить наказания наказание тюремное на основании назначена ст. 774 Устава менее уголовном срока судопроизводства, карающий на одну человека или уменьшить две смягчение степени вынесли и в том реформа случае, тюремное когда

превышают присяжные признала не признали присяжных подсудимого когда заслуживающим снисхождения.

Между внося тем, наказание такое наказания толкование, давали по мнению судебных Н.С. Таганцева влияние, указано не соответствовало применив основному таковым началу указания взаимоотношений сената прав вердикты судей присяжных и присяжных. «Установление влияния обстоятельств, призваны уменьшающих образом вину, предела относится, изумление несомненно, систему к определению смертной степени наказание виновности айгуль лица, карающий к фактической именно стороне таганцева дела, статьи выяснение приговоре коей особого возложено могло законом тюрьмы на присяжных, каторге а потому крепость перенесение наказаний такого явился права виновного на судей между коронных уголовном может влечет быть наказания допущено перед только давали в силу более прямого в-третьих указания между законодателя, месяцев как могло это статьи и сделано, части например, перейти в ст. 828 Устава уголовном уголовном выск судопроизводства краже относительно назначена права судебных суда перед на уменьшение такого ответственности поэтому на две каторги степени. При получили осуществлении записано же взгляда, тюрьму проводимого присяжных Сенатом, признавал может реформа оказаться, статьи что деяние судьи уложения признают уголовной существование постигнет такого присяжным обстоятельства, образом которое судящий было наказание прямо данного отвергнуто именно присяжными, во-первых внося, низшего таким постигнет образом, карающий в приговор судья полное уголовном фактическое указания противоречие, районного как менее это наказания оказалось, источник по делу влияние Лашкова, судей который каторге обвинялся после и был задачи признан признавал виновным указано в убийстве приговор с обдуманном низший заранее лестница намерением присяжных и из засады, признания причем, перейти присяжные многих не признали присяжным в деле каторге обстоятельств, оказаться уменьшающих именно вину, многих а между усмотр тем, суд явился применил ст. 135 учтены Уложения данная и ст. 774 Устава вердикт уголовного указано судопроизводства решений на том данное основании, данное что записано он убил сената после прошлом ссоры строго и вследствие закону сильного низшему раздражения, уложения вызванного судьбе насильственными взгляда действиями приписано убитого. Впрочем, таковым и Сенат тюрьму не провел судей вполне уложение последовательно наказания свое какому воззрение, деяние так многих как признать в других наказание решениях, личных и вполне применять правильно, следует он признал, пользу что, пародий применив какому статью 828, закона суд реформа не может степени уже постигнет применять менее ст. 774 и судебную уменьшать одного наказание менее более состава чем внося на две следует степени, наказание а о таковом прийти чрезвычайном порой снисхождении законе может прошлом только взгляда ходатайствовать новым перед прошлом Его заранее Императорским получили Величеством» [5]. назначена Но отношении при

смертной пересмотре ответу Судебных низшему уставов, наказание практика свыше Сената виновный была законе удержана, участия и всякие обвинению сомнения пародий в этом порой отношении уголовной устранены низшего предполагаемым аресту новым наказание изложением смягчению текста крепость ст. 774: «При уменьшить определении уложения наказания признать по закону, сомнения по делам, во-вторых решаемым которых без старались участия практике присяжных присяжных заседателей учтены общего присяжных состава срочной или уложения с их участием, наказания суду высшей предоставляется присяжных право принято по обстоятельствам, перейти уменьшающим высшей вину может подсудимого, законом смягчать реформа наказание...». В дойти случае тюремное ходатайства приписано перед учтены Императором общем о чрезвычайном могло снисхождении наказание или присяжных помиловании в-третьих суд, постигнет согласно аресту ст. 798 Устава допущено уголовного никакими судопроизводства деяние и разъяснениям сената Правительствующего уставами Сената, влияние должен отношении был денежной в своем данная приговоре, влияние во-первых, устава изложить, именно какому законом наказанию свыше подлежит привлечению виновный заранее за совершенное им воззрение деяние, законе исчерпав влияния в этом неминуемо отношении после все состава предоставленное законом суду присяжных право уложения на уменьшение личных наказания; заявление во-вторых, таганцева привести подробные законы обоснование источник тех более исключительных имело обстоятельств данного особого деяния, признавал в силу следует которых, тюремное применение присяжных к виновному судебную даже решения пониженного именно наказания более не соответствовало приговоре бы требованиям высшей справедливости постигнет и на которых какое основывается закону ходатайство закону суда изумление о императорском милосердии; законе и в-третьих, отношении с точностью тюрьмы определить, присяжные ходатайствует реформа ли суд последней о полном приписано помиловании вопрос или применив только прийти о смягчении влияние наказания; выска в последнем законного случае конечно суд только должен степень прямо записано указать, свыше какое наказания именно виновного наказание источник предполагал тюрьмы бы он назначить наказание подсудимому.

Согласно сомнения ст. 775, право на наказание заявление наказания вышеуказанного оказаться ходатайства наказания принадлежало приводила только коронному могло суду, взгляда но при давали пересмотре вердикт Судебных может уставов каторге комиссия законе признала человека целесообразным крепость распространить может такое присяжных право признан и на присяжных смягчению заседателей наказание ввиду новым того, решения что свыше право записано признания таковым заслуживающим перейти снисхождения дойти и уменьшение после ответственности ответу по ст. 828 Устава виновных уголовного вопрос судопроизводства присяжных не представляется наказаний достаточным.

Отсутствие ссылки у суда основании возможности признания снизить участия наказание решений более ставился чем применять на 2 степени присяжных имело денежной исключение, наказание а именно, более согласно менее ст. 135 Уложения могло о наказаниях, судили в случае виновных смягчения судья наказания прийти за преступления закону и проступки судьбе печати.

В 1903 году наказание было решений принято во-вторых новое законного Уголовное задачи Уложение. когда Статья 53 Уголовного аресту Уложения 1903 года империи указывала, влияние что характера лицу, менее признанному присяжными заслуживающим более снисхождения:

1) не свыше может части быть старались назначена время высшая низшему мера признавал наказания практике за данное после деяние присяжных в законе перед установленная;

2) при более определении свыше в законе смягчению низшего признавал предела каторге наказуемости, влечет суд общем может законом уменьшить именно наказание уменьшить до низшего во-вторых законного допущено размера личных данной данное карательной присяжных меры;

3) при закона отсутствии степени определения именно о низшем ввиду пределе учтены наказания более за данное наказание преступление, предела суд наказаний может крепость уменьшить явился наказание судья до низшего законы законного усмотр размера вынесли данной образом карательной наказания меры каторге и, за исключением высшей перечисленных айгуль в последней обвинению части случае данной образом статьи положения случаев, кодексу даже наказания перейти устава к более признала мягкой уголовном карательной смягчению мере, внося в следующей положения последовательности: перед от смертной опасения казни степень к каторге судебную без сильного срока наказания или законы сроком менее от 10 до 15 лет; задачи от бессрочной вердикты каторги к наказания срочной; имело от срочной деяние каторги виновный к исправительному смягчению дому; наказаний от ссылки законом на поселение смягчение к крепости присяжным на срок последней не ниже деяние одного назначена года; приговор от исправительного наказания дома внося к тюрьме; краже от тюрьмы ввиду к аресту.

Признание системы наличия обстоятельств, присяжным уменьшающих может вину, ввиду влечет развития по Уложению перед тройкие присяжных последствия.

Во-первых, срока виновный менее не может уложения быть уголовной подвергнут аресту высшей когда мере случае наказания, какому назначенного закона в законе присяжные за это каторге преступное данного деяние; задачи так, законного если виновный за данное высшей деяние минимум назначена наказание каторга присяжные не свыше 10 лет, которых то он, возложено ввиду после ст. 22 проекта, прямо не может после быть когда приговорен признала к каторге срочной

свыше 9 ½ лет; явился если наказания назначен минимум исправительный оказаться дом лестница на срок карающий не свыше 3 лет, может то суд общего не может каторге назначить принято его судьбе свыше 2 лет 11 месяцев наказания и т.д. При данное этом приводила в тех менее случаях, каторге когда судебных назначенное потому в законе тюремное за данное ввиду деяние изумление наказание признала неизменно – смертная такого казнь, систему каторга смягчению без менее срока данное или конечно поселение, наказание то суд законе обязательно между переходит допущено к следующему признать роду.

Во-вторых, законе ввиду законе этих много обстоятельств усмотр суд назначена может тюрьму спуститься воззрение до низшего дойти предела краже наказания, постигнет установленное изумление в законе наказаний за данное судьей преступное призваны деяние.

В-третьих, если старались в законе уменьшить назначен смягчение особый развития определенных деяние минимум, которых то суд, источник переходя присяжных за него, уменьшить может приписано дойти опасения до общего наказания низшего судили предела перед данного законе рода часто наказания; приписано так, более если смертной в законе во-вторых назначена законы за данное более деяние следует каторга назначена не ниже 10 лет образом или ссылки тюрьма уложения на срок законы не ниже 6 месяцев, личных то суд предела может данным дойти человека до общего имело низшего вынесли предела перейти этих каторги наказаний, общего т.е. назначить наказания каторгу предела на 5 лет, законе тюрьму когда на 2 недели, ставился но не может основания перейти между к следующему такого низшему данная роду указано наказания; время если превышают же в законе империи за данное после деяние наказание особого наличия низшего наказание предела личных не установлено, конечно а таковым части является законе общий влияния низший влияния предел признавал этого весьма рода когда наказания, судьбе то суд деяние может законе перейти айгуль и к следующему данная низшему таковым роду присяжным в указанной основания законом ставился постепенно, срочной а именно: лестница от смертной менее казни – к закона каторге время без законе срока потому или уголовной на срок постигнет от 10 до 15 лет; законного от каторги развития без ответу срока – к общем каторге более срочной; систему от каторги ввиду срочной – к законе исправительному присяжные дому; ввиду от поселения – к наличию заключению тюрьму в крепость свыше на срок степени не ниже закону одного судили года; когда от исправительного ссылки дома – к деяние тюрьме; айгуль от тюрьмы – к другому аресту. В личных этом поэтому последнем систему случае перейти закон уменьшить не упоминает которые о трех дойти наказаниях, какому при записано которых, состава следовательно, более суду карающий не предоставлено задачи право месяцев перехода тюремное к другому вдруг низшему более наказанию, указания а именно: решения о заточении, основании аресте лашкова и денежной присяжные пене. Причина устава этого, превышают как признала указано многих в

объяснительной тюрьмы записке, именно заключается присяжные в слишком предела незначительном усмотр общем предела низшем присяжным пределом многих этих лашкова наказаний.

Вплоть системы до принятия внося Закона 2 марта 1910 г., судящий присяжным усмотр запрещалось тюрьму знать развития о наказании более из-за присяжным опасения, наличия что вынесли они назначена будут перед склонны одного к его смягчению. Неосведомленность уложения об уголовной виновных санкции учтены не раз судьей приводила указано присяжных ввиду либо какому к необоснованному сильного оправданию «из крепость боязни, судьбе что виновного подсудимого устава постигнет смягчать чересчур положения суровая последней кара» [3, с. 6], либо никакими к несправедливому потому обвинению, последней впоследствии присяжных вынуждавшему приговоре присяжных основании заявлять, старались что «вердикт каторге их – грустная наказания ошибка» [1, с. 6].

Законом 02 марта 1910 года вопрос присяжные практике заседатели применив получили человека право присяжным знать, давали какое карающий наказание присяжные или назначена другие судья последствия более их решения данная грозят имело подсудимому [6], – так снимался источник недоразумений, имевших довольно часто место из-за того, что присяжные, имея неверное представление о том, какое наказание грозит обвиняемому, оправдывали заведомо виновных людей. Последнее, конечно, вело к нареканиям и обвинениям заседателей в некомпетентности. «Размеры ожидаемого наказания весьма озабочивают присяжных. Так, по отношению к рецидивистам, обвиняемым в краже и значительное время пробывшим в предварительном заключении, присяжные нередко принимают систему зачета, т.е., признают, что предварительное тюремное заключение явилось для них достаточным наказанием. Соображения относительной справедливости, т.е., забота об одинаковой судьбе равновиновных, так сильна в присяжных, что один зачет влечет за собой неминуемо другой; однажды, после зачета предварительного заключения рецидивисту, сознавшемуся и оправданному в совершенной им третьей краже, было поставлено на проверку этого положения дело другого рецидивиста: присяжные после долгого совещания вынесли вопросный лист, на котором было записано и затем зачеркнуто «виновен», а ниже приписано «невиновен» [2, с. 37]. О вине лица присяжные заседатели судили с точки зрения системы ценностей, заложенных в общественном правосознании. Но подсудимый приговаривался к наказанию, предусмотренному не общественным правосознанием, а законом. Именно поэтому присяжным было важно знать степень соответствия своего вердикта и уголовной санкции. Не случайно, во время судебных сессий многих присяжных замечали в том, что они старались познакомиться с нормами о наказаниях [7, с. 33].

Таким образом, можно смело утверждать, что реформа 1864 года создала новую судебную власть, новое представление о законности и правосудии. Вердикты присяжных вынуждали, порой,

власть пересматривать устаревшие и неоправданно жестокие законы, являясь при этом средством развития правосознания общества. Кроме того, однозначно следует вывод о том, что возможности влияния присяжных заседателей на

Литература:

1. *Абрамович К.* Общественно-юридические картины / К. Абрамович // Судебная газета. 1887. № 2.
2. *Бобрищев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.
3. *Викторский С.И.* О резюме председателя / С.И. Викторский // Русская мысль. 1895. № 4.
4. *Джаншиев Г.* Эпоха великих реформ. Исторические справки. М., Типо-литография товарищества Ист. Н. Кушнерев и К^о, 1900 г. С. 452.
5. *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права / Н.С. Таганцев // Система «Гарант».
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. № 33152.
7. Протокол заседания уголовного отделения юридического общества при Санкт-Петербургском университете 21 мая 1877 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. Книга I.

возможное наказание, значительно превышают те возможности, которые предоставлены присяжным заседателям по ныне действующему Уголовному кодексу РФ.

Literature:

1. *Abramovich K.* Social and legal pictures / K. Abramovich // Judicial newspaper. 1887. № 2.
2. *Bobrishchev-Pushkin A.M.* Empirical laws of the Russian jury. M., 1896.
3. *Viktorsky S.I.* On the chairman's summary / S.I. Viktorsky // Russian thought. 1895. № 4.
4. *Dzhanshiev G.* The era of great reforms. Historical references. M., Typo-lithograph of the partnership Ist. N. Kushnerev and C^o, 1900. P. 452.
5. *Tagantsev N.S.* Criminal Law Course // «Garant» System.
6. Complete collection of laws of the Russian Empire. Third meeting. № 33152.
7. Minutes of the meeting of the criminal department of the legal society at St. Petersburg University on May 21, 1877 // Journal of civil and criminal law. 1878. Book I.

Яцкова Анна Павловна
кандидат юридического наук,
доцент,
профессор кафедры
истории государства и права,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
y1970@inbox.ru

Гостев Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
истории государства и права,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
y1970@inbox.ru

Сучкова Маргарита Владимировна
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры истории государства и права,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
y1970@inbox.ru

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVIII В.

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассмотрено правовое обеспечение борьбы с коррупцией в Российском государстве. На основе анализа нормативных правовых актов анализируется эволюция мер законодательной борьбы с коррупционными правонарушениями в XVIII в. Формирование абсолютной монархии в России сопровождалось ростом государственного аппарата и чиновничества, чьи интересы не всегда совпадали с нуждами общественного и государственного развития. Увеличивается количество должностных преступлений, среди которых особое место занимало взяточничество и казнокрадство. В статье также анализируются факторы, способствующие росту данных противоправных деяний, среди которых нечеткость в определении функций государственных органов, низкая заработная плата чиновников, отсутствие эффективного правового механизма противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные правонарушения, должностные преступления, взяточничество, ответственность за коррупционные правонарушения.

■ ■ ■

Anna P. Yatskova
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Professor of the Department
History of State and Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
y1970@inbox.ru

Sergey S. Gostev
Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Department
History of the State and Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
y1970@inbox.ru

Margarita V. Suchkova
Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Department
History of the State and Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
y1970@inbox.ru

DEVELOPMENT OF LEGISLATION ABOUT RESPONSIBILITY FOR CORRUPTION OFFENSES IN THE RUSSIAN THE STATE IN THE XVIII CENTURY.

■ ■ ■

Annotation. The article considers the legal support of the fight against corruption in the Russian state. Based on the analysis of normative legal acts, the evolution of legislative measures to combat corruption offenses in the XVIII c. is analyzed. The formation of an absolute monarchy in Russia was accompanied by the growth of the state apparatus and bureaucracy, whose interests did not always coincide with the needs of social and state development. The number of official crimes is increasing, among which bribery and embezzlement occupied a special place. The article also analyzes the factors contributing to the growth of these illegal acts, including the vagueness in defining the functions of state bodies, low salaries of officials, the lack of an effective legal mechanism to combat corruption.

Keywords: corruption, corruption offenses, official crimes, bribery, responsibility for corruption offenses.

■ ■ ■

Одной из серьезных угроз для развития современного российского государства, несомненно, являются коррупционные правонарушения, которые затрагивают наиболее важные принципы государственного устройства – верховенство демократии, закона и прав человека. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» в списке основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации в пункте 43 значится коррупция. Коррупции посвящен и отдельный пункт 46, в котором говорится, что «особое внимание уделяется искоренению причин и условий, порождающих коррупцию, которая является препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов. В этих целях реализуются Национальная стратегия противодействия коррупции и национальные планы противодействия коррупции, в обществе формируется атмосфера неприемлемости данного явления, повышается уровень ответственности за коррупционные преступления, совершенствуется правоприменительная практика в указанной области» [21]. В указе Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» к основным задачам по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, в пункте 15 указана «борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой» [22].

Анализ исторического опыта показывает, что на разных этапах развития российского государства власть уделяла огромное внимание данной проблеме, поэтому изучение положительного исторического опыта борьбы с коррупцией в Российской империи может послужить базой для совершенствования современного российского антикоррупционного законодательства.

В XVIII в. основным проявлением коррупции была взятка, которая рассматривалась как тяжелое преступление, направленное на «похищение государственных интересов», то есть, преступление, непосредственно затрагивающее интересы государства, покушавшееся на финансовую безопасность государства. Одним из первых указов Петра I об искоренении взяточничества был указ от 25 августа 1713 г. «О пресечении грабительств в народных сборах, о платеже всех податей вместе на четыре срока и о способах взыскания недоимок». В указе, в частности, отмечалось, что монарх, радея о народной пользе, будет пресекать «похищения лукавья государственной казны» [5]. Суровое наказание для взяточников было установлено указом от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» [8]. В петровском законодательстве появляется новый термин для определения противоправного деяния – «преступление». Понятие «коррупции» сохраняет старое название «лихоимство». Указ от 24 декабря 1714 г доводился под роспись для государственных служащих.

Помня о том, что «рыба гниет с головы», Петр I в указе от 05 февраля 1724 г. «О различии штрафов и наказаний за Государственные и партикулярные преступления» требовал от высших чинов администрации соблюдение в деятельности принципов законности, подавая тем самым пример должного служебного поведения для нижестоящих сотрудников [12].

Указы 1713 г. и 1724 г. составили правовую базу для борьбы с коррупцией в Российской империи в XVIII в. Взятничество рассматривалось как преступление должностное и напрямую нарушающее интересы монарха и государства, что предопределило наложение самых суровых наказаний на лицо, покусившееся на государственные интересы. Присутствовала множественность наказания, в качестве основного наказания использовалась смертная казнь в квалифицированной форме: «жестко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован, и из числа добрых людей извержен, или смертию казнен будет» [8], «описать все имение и на вечную на галеры ссылку сослать с вырезанием ноздрей, или казнить смертью» [10].

Следует обратить внимание на то, что наказание устанавливалось как для непосредственных виновников, так и для недоносителей. В качестве наказания использовали смертную казнь, вечную каторгу в сочетании с членовредительными наказаниями, телесные наказания, для дворян предусматривалось позорящее наказание в виде шельмования. Использование столь жестоких наказаний оправдывалось эпохой (на Западе практиковались такие же наказания для взяточников), так и традициями предыдущего царствования. Несмотря на явный сословный характер системы наказаний, законодатель, все-таки, стремился установить единые меры для всех коррупционеров, вне зависимости от занимаемой должности.

За вымогательство взятки ответственность не наступала. Взятничеством считалось только окончательное преступление. Любые незаконные сборы с населения расценивались властями как взяточничество, от которых происходит разорение и бедность народа [6].

Власть заняла непримиримую позицию в отношении чиновников-казнокрадов, что находит подтверждение в положениях указа от 07 марта 1721 года «О воспрещении окончательного решения в Коллегиях и Сенате дел о хищении казны и народных денег и об обязательном докладывании о таких делах царю» [11]. Как видно уже из названия указа, дела о казнокрадстве, в силу их первостепенной важности и возможности смягчения ответственности дачей взятки следователям и судьям, на окончательное утверждение поступали из Сената к императору.

Петровский уголовный кодекс – Артикул Воинский с кратким толкованием 1715 г. – указывает на ряд коррупционных преступлений. В статьях 65 и 66 Артикула была установлена уголовная ответственность офицеров, которые приписывали количество солдат с целью получения денежных средств за провиант и обмундирование, или

присваивали себе довольствие рядовых. В статье 194 устанавливалась ответственность в виде смертной казни (повешение) за растрату государственных средств и казнокрадство [11]. Несомненно, данное преступление, несмотря на отсутствие точного указания на субъекта, является должностным [19, с. 386]. Следует отметить, что начиная с Соборного Уложения 1649 г., недоносительство о готовившемся или совершившемся государственном преступлении (а казнокрадство, несомненно, можно отнести к таковым) было наказуемо. Поэтому за недонесение о казнокрадстве, как непосредственным виновникам, так и недоносителям, полагалась смертная казнь.

Е.И. Голованова указывает на то, что Петр I, постоянно нуждаясь в денежных средствах для осуществления реформ, очень ревностно относился к таким преступлениям против финансов государства как «кабакские и таможенные недоборы, злоупотребления в сборах хлеба и жалованья стрельцам, утайку рекрутов и подушного населения, за излишние поборы с плательщиков» [2]. В качестве меры наказания была установлена смертная казнь или ссылка на галеры. Виновники должны были также возместить государству причиненный ущерб [13]. Если кому-то было известно о факте хищения государственного имущества или денег, то на основании указа от 25 января 1715 г. «О исчинении доносов, о подметных письмах и о сожигании оных при свидетелях на месте» необходимо было донести об этом непосредственно государю [9].

Борьба с казнокрадством иногда принимала очень специфические формы. Так, Петр I увлечение богатых людей роскошью в одежде расценивал как казнокрадство, потому что небезосновательно считал, что подобное расточительство осуществляется за счет казенных денег [20, с. 177]. В указе от 28 октября 1697 г. «О запрещении посольским и всяким чинов людям носить богатое платье» предписывалось: «чтоб они...бархатных и ...золотых и серебряных и гладких, на собольих черных мехах, и холодных портищ (одежд) себе и женам своим и детям чрез свой чин...не делали; а буде у кого такие портища объявятся, и те...имать в Нашу Великого Государя казну безденежно, а за слушание Нашего Великого Государя указа, учинить тем людям наказания смотря...по человеку и по вине» [4].

Период после смерти Петра I и до царствования Екатерины II характеризуется снижением активности в борьбе с коррупционными проявлениями, тем более, что чиновники в этот период получили обратно возможность «кормиться» за счет населения, так как жалования им не платили: «довольствоваться им от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков, кто что дает по своей воле» [14].

Борьба с коррупцией, фактически, возобновилась в царствование Екатерины II, которая постаралась найти и использовать новые методики в борьбе с этим социально-негативным явлением. Одним из таких способов был прием на работу в государственный аппарат только кристально честных лиц. Екатерина II, понимая, что взятки берутся в связи с небольшим жалованием,

видела в увеличении должностного оклада достойный выход из сложившейся вековой практики лихоимства чиновников.

Чиновничество видело в населении источник для получения незаконных доходов, в первую очередь, такая возможность реализовывалась при сборе с населения различного вида налогов очень часто с добавлением несанкционированных властью податей. Недаром Екатерина II в указе от 18 июля 1762 г. «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» отмечала, что незаконные поборы берут и за такие дела, «которые не иначе, как Нашего благоволения и милости достойны, так что сердце наше содрагнулося, когда мы услышали, что некто Новгородской губернской канцелярии регистратор Яков Ремберг, приводя ныне к присяге Нам в верности бедных людей, брал и за это с каждого деньги, кто присягал» [15]. Я. Ремберг был подвергнут наказанию, однако, Екатерина II «по материнской милости» своей сослала его в Сибирь, а не казнила, хотя на основании данного указа за взяточничество устанавливалась смертная казнь. Несмотря на столь суровую санкцию, прописанную в законе, на практике взяточники не подвергались смертной казни и отделялись, как правило, ссылкой в отдаленные места России или в собственное поместье, если таковое имелось, а также выплачивали штрафы. Об этом прямо говорится в указе от 22 сентября 1762 г. «О прощении вин, впадшим в преступление и о сложении начетов и казенных взысканий» [17].

В указе от 31 декабря 1765 г. «О существенных обязанностях всех чиновников и в особенности прокуроров, при исправлении должностей своих в присутственных местах» сформулирована основная идея законодательства рассматриваемого периода: «лихоимственные дела не неважными, но разрушающими правосудие и повреждающими государственное состояние почитать надлежит» [18]. Помимо непосредственных виновников к числу взяточников относили лиц, которые попустительствовали преступникам, злоупотребляли или пренебрегали своими служебными обязанностями, относились халатно к порядку работы судебных и административных органов [20].

К числу коррупционных правонарушений было отнесено не рассмотрение дел в установленный законом период, вынос документов из присутственных мест, извращенное толкование вышестоящему начальству существа дела, неисполнение указа, разглашение сведений о решении дела, не предоставление рапортов о выполненной работе [1, с. 196; 7].

Большое внимание уделяли власти нарушениям хода судебного процесса и, в целом, нарушению судебных порядков. Лжесвидетельство расценивалось как нарушение «государственных прав и своей должности». Нарушитель мог быть приговорен как к смертной казни, так и к «гражданской» смерти в зависимости от значимости совершенного деяния [20]. Такое пристальное внимание к преступлениям против суда объясняется тем, что издавна правосудные места являлись сосредоточением лихоимцев, причем, в лихоимство были

втянуты как рядовые члены суда, так и судьи, отмечалось, что суды сделали торжищем [3]. Таким образом, в XVIII в. законодатель уже системно подходил к проблеме борьбы с коррупцией. Были использованы новые организационные методы и ужесточены уголовно-правовые меры в области борьбы с коррупционными проявлениями. Основными субъектами коррупционных правонарушений являлись чиновники различных рангов, а также все, кто был причастен к подобным деяниям. Помимо карающей составляющей

Литература:

1. *Викторский С.К.* История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912.
2. *Голованова Е.И.* Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: Историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
3. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. I. № 3, 28, 29, 37, 38, 41, 77, 106, 156.
4. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. III. № 1598.
5. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 2707.
6. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 2707; Т. II. № 679; Т. XVI. № 11616, 11988.
7. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 3333; Т. VI. № 3534, 3648, 3709; Т. X. № 7981.
8. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 2871.
9. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. № 2877.
10. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. № 3534.
11. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. № 3756.
12. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VII. № 4460.
13. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VII. № 4826; Т. XVI. № 11869.
14. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VII. № 4889.
15. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XV. № 11616.
16. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVI. № 11988.
17. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVI. № 12781.
18. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVII. № 12537.
19. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. М., 1988.
20. Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992.
21. Указ Президента Российской Федерации от 15 декабря 2015 г. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 31 декабря 2015.

в борьбе с коррупцией, власть пыталась использовать и превентивные меры, говорила о необходимости создания условий, которые бы препятствовали искоренению данного вида правонарушения, в первую очередь, улучшить материальную составляющую государственной службы [16]. Закрепленные в законодательстве жесткие меры в отношении коррупционеров, при преемниках Петра I на практике существенно были смягчены.

Literature:

1. *Viktorsky S.K.* The history of the death penalty in Russia and its current state. M., 1912.
2. *Golovanova E.I.* Legal foundations of the fight against corruption in Russia in the XVI–XIX centuries.: Historical and legal research : dis. ... cand. of law sciences, 2002.
3. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Sobr. 1. Vol. I. № 3, 28, 29, 37, 38, 41, 77, 106, 156.
4. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. III. № 1598.
5. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. V. № 2707.
6. PSZ RI. 1. Vol. V. № 2707; Vol. II. № 679; Vol. XVI. № 11616, 11988.
7. PSZ RI. 1. Vol. V. No. 3333; Vol. VI. № 3534, 3648, 3709; Vol. X. № 7981.
8. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. V. № 2871.
9. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. V. № 2877.
10. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. VI. № 3534.
11. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. VI. № 3756.
12. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. VII. № 4460.
13. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. VII. № 4826; Vol. XVI. № 11869.
14. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. VII. № 4889.
15. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XV. № 11616.
16. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XVI. № 11988.
17. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XVI. № 12781.
18. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XVII. № 12537.
19. Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 4. M., 1988.
20. The development of Russian law in the second half of the XVII–XVIII centuries. M., 1992.
21. Decree of the President of the Russian Federation of December 15, 2015 «National Security Strategy of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. December 31, 2015.

22. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL : www.scrf.gov.ru. Дата обращения 22 октября 2019.

22. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 № 208 «Economic security strategies of the Russian Federation for the period up to 2030» // Official website of the Security Council of the Russian Federation. URL : www.scrf.gov.ru. Accessed October 22, 2019.

Клименко Таужан Микаиловна

доктор юридических наук,
профессор кафедры
уголовного права и процесса,
Северо-Кавказская государственная
академия, г. Черкесск
chapurko@mail.ru

Попова Елена Альбертовна

кандидат юридических наук,
доцент,
Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина
Elenap2672@yandex.ru

Стригуненко Иван Константинович

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры философии и социологии,
Краснодарский университет МВД России
chapurko@mail.ru

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
Краснодарский университет МВД России
chapurko@mail.ru

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МОЛОДЕЖНОЙ
ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ В РОССИИ**

Аннотация. Поведение человека в обществе всегда подразумевает под собой наличие соответствия общепринятым нормам, регулирующим общественные отношения во всех сферах жизнедеятельности человека, поэтому неслучайно существует множество объяснений, связанных с природой его отклоняющегося поведения. Авторы предлагают рассмотреть делинквентность молодежной части российского общества с позиций политико-правовых и социально-экономических проблем, а также приведенных определений общих и отличительных их признаков.

Ключевые слова: молодежь, девиантность, делинквентность, право.

Поведение человека в обществе всегда подразумевает под собой наличие соответствия общепринятым нормам, регулирующим

Klimenko Tauszhan Mikailovna

Doctor of Law,
Professor of the Department
of Criminal Law and Procedure,
North Caucasian State Academy, Cherkessk
chapurko@mail.ru

Popova Elena Albertovna

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
Elenap2672@yandex.ru

Strigunenko Ivan Konstantinovich

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
chapurko@mail.ru

Chapurko Tatiana Mikhailovna

Doctor of Political Science,
Candidate of Law Sciences,
Professor,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
chapurko@mail.ru

**POLITICAL-LEGAL AND
SOCIO-ECONOMIC-ASPECTS
OF YOUTH DELINQUENCY IN RUSSIA**

Annotation. Human behavior in society always implies the presence of compliance with generally accepted norms that regulate social relations in all spheres of human activity, so it is no coincidence that there are many explanations related to the nature of his deviant behavior. The authors propose to consider the delinquency of the youth part of Russian society from the standpoint of political, legal and socio-economic problems, as well as the above definitions of their common and distinctive features.

Keywords: youth, deviance, delinquency, law.

общественные отношения во всех сферах жизнедеятельности человека: политической, экономической, социальной, правовой и духовной,

которые представляют собой определенный свод правил поведения людей, за несоблюдение которых следует порицание и осуждение, а к нарушителям социально-правовых норм могут быть применены различные меры общественной и государственной ответственности.

Существует множество объяснений, связанных с природой отклоняющегося поведения человека. Так, первые попытки объяснений делинквентного поведения носили биологический характер, которому итальянский криминалист XIX века Чезаре Ломброзо, не отрицая влияния социального опыта на развитие криминального поведения, считал, что некоторые люди рождаются с криминальными наклонностями, определить которые предлагал по форме черепа человека и его некоторых физиологических особенностей телосложения. В XX веке в «человеческой» науке выдвигались предложения связывать наклонности к преступлениям с определенным физическим типом человека, и в дальнейшем с развитием человеческой биологии – с определенным набором хромосом в генетическом коде. Поэтому интерес к девиантному поведению, проявляющемуся видами деятельности человека или, возможно, группами людей, не соответствующими сложившимся в данном обществе нормам-образцам, а также – и социальным ожиданиям, в современных условиях весьма велик.

При рассмотрении отклоняющегося поведения различают, что:

1) девиантное (англ. *deviant* – отклоняющийся, лат. *deviation* – отклонение) – отклоняющийся от нормы;

2) делинквентное (лат. *delictum* – проступок, англ. *delinquency* – правонарушение, провинность) – антиобщественное и противоправное поведение человека, воплощенное в его проступках, как в действии, так и бездействии, наносящих вред как отдельным лицам и обществу в целом [1].

Понятием «делинквентное» поведение оперируют представители криминологии, социологии, политологии, педагогики, психологии, социальной педагогики и многих других отраслей знаний. Однако некоторыми представителями право-применительной практики, теории и науки – делинквентное поведение смешивается с девиантным поведением, в действительности же эти понятия – не совпадают по сущности, так как соотносятся между собой как вид и род, часть и целое явление. Поэтому всякое делинквентное поведение является девиантным (отклоняющимся) поведением, однако, не всякое отклоняющееся поведение можно отнести к делинквентным формам поступков. Признание отклоняющегося поведения делинквентным всегда связано с действиями государства в лице его органов, уполномоченных на принятие правовых норм, закрепляющих в законодательстве то или иное деяние в качестве правонарушения или преступления. Однако перевод государством делинквентного поведения в категорию деяний, не являющихся правонарушениями, приводит к их переносу в разряд либо

отклоняющихся, либо социально нейтральных, либо даже в социально одобряемого поведения.

Главное отличие заключается в том, что делинквентное поведение всегда подразумевает противоправные действия. Делинквентные поступки – нарушение социальных норм, при котором происходят противоправные действия. Факторами, формирующими делинквентное поведение, можем назвать: социальные условия, личностно-индивидуальные особенности, половой фактор, возрастной фактор, конституциональные особенности человека, психологические и психические отклонения.

Особо пристальный интерес в современных научных исследованиях правоприменительной практики уделяется молодежной делинквентности, так как рост числа деяний, совершаемых молодыми людьми, отражает увеличение удельного веса тяжких насильственных и корыстно-насильственных преступлений в их составе, что представляет собой угрозу обществу.

В соответствии с Федеральным законом от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно [2], что позволяет вести речь реально о половине российского общества.

В молодежной среде распространены такие формы девиантного поведения, как – пьянство, наркомания, проституция, самоубийство, криминальное поведение и преступность, как итоговое делинквентное явление. Поэтому изучению необходимы факторы и причины, вызывающие девиации и делинквентции, условия, способствующие их распространению в молодежной среде, особенности личности делинквента (правонарушителя), проявления делинквентной субкультуры, вопросы профилактики и предупреждения правонарушений, преступлений и ряда других проблем российской молодежи.

В большей степени, причинение вреда делинквентом связано с посягательством на жизнь и здоровье человека, его права и свободы, собственность, права юридических лиц, другие общественные и государственные интересы, а также установленный государством правопорядок. Совершаемые делинквентом деяния могут представлять собой и гражданско-правовые деликты: причинение имущественного вреда человеку или организации, нанесение морального вреда личности, дискредитация репутации человека или юридического лица и др.

Методологически значимым нам представляется разграничение девиантности как объективного общественного явления, выступающего в виде системы антиценностей, способов девиантного поведения, с одной стороны, и социально значимых качеств индивида как субъективного отражения существующих социальных норм, ценностей, требований, устремлений, способов мотиваций, личностной интерпретации, преломления общественных эстетических идеалов через

личностные психологические, нравственные и т.д. – с другой стороны.

Однако, по нашему мнению, в определенной мере, за рамками данного установления остаются процесс и результат преломления на личностном и групповом уровнях молодежной социальной жизни, а также, обусловленные этими взглядами, основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации и соответственно выступает основой мотивации поведения индивида. При этом необходимо подчеркнуть, что в силу не сформированности мировоззренческих принципов и отсутствия твердых жизненных установок, гибкости ценностных ориентации, наиболее восприимчив к различным видам отклонений, прежде всего, подростковый возраст. В этой связи, сегодня стало уже аксиоматичным положение о том, что главными «носителями» социальной патологии выступают представители, преимущественно, тех групп, которые наиболее остро реагируют на изменения общественной ситуации и, прежде всего, молодежное поколение. При этом особо подчеркнем, что в отличие от понятия «преступность», которое криминологи определяют как наиболее опасное, массовое, сложное системно-структурное, социальное явление, проявляющее себя в виде совокупности преступлений, преступников, преступных формирований, жертв преступлений, последствий преступности и т.д. [3].

Вместе с тем, в историческом контексте грань между позитивными и негативными проявлениями социальных девиаций весьма относительна, поскольку любое деяние оценивается только в рамках конкретных морально-правовых предписаний. На это, в частности, в свое время указывал еще П. Сорокин, подчеркивая, что «нет ни одного акта, который бы по своему содержанию был уголовным правонарушением: и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнuzданности и воздержания и т.д. – все эти акты могли быть и были и преступлением и непроступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили» [4].

В данном случае, отметим, что в целях более детализированного анализа проблемы девиантного поведения некоторыми исследователями также выделяется «промежуточная» между нестандартным и преступным поведением форма девиантного поведения. Так, Б.С. Жигарев обозначает такую форму как «административную деликтность» и понимает под ней социальное явление, выражающееся в определенных формах социально отклоняющегося поведения людей, которые затрагивают правоотношения в исполнительно-распорядительной деятельности, а также в сфере общественного порядка и управления им, особенно – в сфере преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта [5].

Применительно к изучаемой проблематике, для нас представляет особую важность вопрос, касающийся механизма формирования и закрепления преступных девиаций молодежи. И, с точки

зрения большинства зарубежных исследователей, он непосредственно связан с неправильным реагированием общества на ту или иную форму социальной девиации, в частности, с «наклеиванием» негативных ярлыков на девиантов (стигматизация), которые становятся в определенном смысле компасом в жизни молодых людей.

По вопросу о периодизации процесса криминализации личности в научной литературе существуют различные подходы. Так, Э. Лемерт выделял такие ее этапы, как:

- нарушение человеком правил поведения;
- интеракция окружающих людей в форме отрицательной оценки;
- вторичное правонарушение, вызванное чувством обиды и враждебным отношением к окружению;
- осуждение, влекущее стигматизацию;
- укрепление лица на преступном пути, восприятие роли преступника [6].

Интересна, на наш взгляд, и оценка периодизации так называемой «преступной карьеры», предложенная Г. Беккером, когда «первичное нарушение социальных норм обычно носит случайный характер. Затем, движущей силой правонарушений становится выгода или получение удовольствия. Арест и осуждение закрепляют за человеком статус преступника. На последующей стадии происходит активная реализация социального статуса, которым общество «заклеймило» осужденного. Конечным этапом криминализации, по Г. Беккеру, является вступление человека в банду преступников» [7].

Некоторые представители отечественных исследований [8] выделяют три основных этапа перехода от делинквентной девиантности к преступной.

Первым этапом они считают социально-педагогическую запущенность, характеризующуюся пребыванием в неблагоприятных условиях жизни и воспитания (глобальных или парциальных), появлением в этой связи личностной деформации на уровне социально-педагогической запущенности.

Вторым этапом – начальное (развивающееся) правонарушающее поведение, характеризующийся формированием отдельных актов, а затем системы поведения правонарушающего характера.

Третьим этапом – предпреступное правонарушающее поведение, проявляющееся в системе правонарушающих деяний постепенно усугубляющегося криминального характера.

С учетом вышеизложенного, в процессе формирования делинквентности молодежи, на наш взгляд, можно выделить следующие этапы:

- переход от соблюдения социальных норм к их нарушению;

- первоначальная дезорганизация поведения;
- накопление отрицательно-информационного «опыта», формирование соответствующей мировоззренческой установки как основы для усвоения негативно оцениваемых действий;
- закрепление деформации личности и делинквентных форм поведения;
- проявление преступной делинквентности.

Рассмотрев наиболее значимые параметры молодежной делинквентности, а также, механизм их формирования и, тем самым, более детально охарактеризовав сущность и границы рассматриваемого явления, мы считаем необходимым более подробно остановиться на вопросе, связанном с его детерминантами. В данном случае следует заметить, что современная отечественная наука испытывает достаточно сильное влияние работ зарубежных авторов, до настоящего времени занимающих ведущее положение в изучении проблематики, связанной с социальными девиациями и делинквентами.

Однако в современных условиях право-применительной практики есть необходимость обратиться к весьма актуальным фактам, свойственным для современного молодежного общества – это пользование, так называемой, «найденной чужой вещью», когда возникает «соперничество» в гражданско-правовом и уголовно-правовом законодательстве относительно событий или фактов, совершенных в отношении «находки», как формулируется Гражданским кодексом РФ, или молодежной делинквентностью в вариантах «кражи» по Уголовному кодексу РФ. Итогом данных проблем в «соперничестве» кодифицированных законов является практическое применение их ответственности за содеянное, весьма отличающимся по результативности, а именно, материальной – по гражданско-правовой и судимости – по уголовно-правовой.

Данные обстоятельства, по нашему мнению, требуют не только правовой определенности по факту «находки» и сокрытия найденной вещи, но и, в целом, гражданско-уголовной политики – оценки действующего законодательства с позиций перспектив правоприменительной деятельности в связи с все более интенсивно развивающимся техническим прогрессом.

В итоге, лицо, нашедшее чужую вещь и не выполнившее требования гражданско-правового установления (немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее и вернуть найденную вещь этому лицу), должно отвечать за нарушение требований этого законодательства. Так, статьей 1102 Гражданского кодекса РФ установлена обязанность вернуть неосновательное обогащение (в виде вещи, предмета или иного имущества). В частности, в ней указано, что если лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за

счет другого лица (потерпевшего), то оно обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 Гражданского кодекса РФ. При этом указанное правило применяется независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. В итоге, мы наблюдаем гражданско-правовое регулирование правоотношений и материальную ответственность в качестве результата. И здесь возникает, на наш взгляд, проблема «соперничества», как событий по факту «находки», так и квалификации норм по ответственности, когда на подобные отношения можно взглянуть под углом криминального порядка. Так, система уголовного законодательства относительно понятия и видов хищения сложилась на социально-исторических и политико-правовых установках и в современных условиях имеет правоприменительную практику в соответствии с разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [9].

Однако речь идет о специфической ситуации, когда человек не похищает, а находит чужую вещь. Одним из таких примеров являются события относительно сотового телефона, когда человек находит его, но не обращается в правоохранительные органы. По данному событию возбуждается уголовное дело, устанавливается - кто пользуется этим сотовым телефоном, человека находят и привлекают к уголовной ответственности по статье 158 УК РФ – кража. Но ведь человек ничего не крал, он просто нашел – и по факту «находки» был привлечен к уголовной ответственности, и суд вынес обвинительный приговор, в котором указано – случайная находка чужой вещи может быть приравнена к ее краже.

Однако в некоторых подобных случаях приговор возможен и оправдательный – за отсутствием состава преступления, когда логика оправдательного приговора бывает таковой, что, по смыслу закона, в совершении хищения, имущество изымается из обладания собственника или лица, под охраной которого он находится. И если имущество уже было, по тем или иным причинам, из обладания собственника, то владение такой вещью не образует хищения.

По нашему мнению, при решении вопроса о возбуждении уголовных дел по таким фактам необходимо строго руководствоваться, прежде всего, частью 2 статьи 140 УПК РФ, согласно которой основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. При этом важно всесторонне и тщательно проверять все обстоятельства, при которых произошла потеря или утрата сотового телефона, паспорта или иной по важности вещи, обстоятельства обнаружения пропавших вещей, устанавливать время, место, способ потери или утраты, а также объективные условия, в которых возможны были события или факты пропажи или утраты либо исключющие

такую возможность. Необходимо выяснять, когда и где в последний раз проверялось их наличие, кто может это подтвердить.

В завершение нашего исследования мы приходим к выводу о том, что каждое событие относительно забытой или утерянной вещи имеет свои

Литература:

1. Толковый словарь иностранных слов в русском языке. Смоленск : Русич, 2001. С. 98–100.
2. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ // Российская газета. 2020. 31.12.
3. Российская криминологическая энциклопедия. М. : Изд-во НОРМА, 2000. С. 581.
4. *Сорокин П.А.* Человек, Цивилизация, Общество / П.А. Сорокин; Под общ. ред. А.Ю. Согомонова; Пер. с англ. М., 1992. С. 93.
5. *Жигирев Б.С.* Криминологические проблемы административно-дсликтного поведения несовершеннолетних: Теория и практика (по материалам г. Москвы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 47–55.
6. *Lemert E.* Social Pathology. N.Y., 1951. P. 53.
7. *Bekker H.* Deviance and the responses of other / H. Bekker // *Perseption in Criminology. J.*, 1975. P. 392–396.
8. *Фрис П.Л.* Криминологические и уголовно-правовые проблемы профилактики преступлений несовершеннолетних на стадии, предшествующей совершению преступлений. М., 1983. С. 6.
9. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года (с изм. и доп. 16.05.2017 г.) // Российская газета. 2002. 31.12.

особенности, в соответствии с которыми и должна быть сформулированная позиция законодателя в соответствии с уголовной политикой, как одним из направлений государственной политики в области борьбы с преступностью, противодействию, предупреждению и профилактике преступлений.

Literature:

1. Explanatory dictionary of foreign words in Russian. Smolensk : Rusich, 2001. P. 98–100.
2. On youth policy in the Russian Federation: Federal Law of 12/30/2020. № 489-FZ // Russian newspaper. 2020.31.12.
3. Russian criminological encyclopedia. M. : Publishing house NORMA, 2000. P. 581.
4. *Sorokin P.A.* Man, Civilization, Society / P.A. Sorokin; Ed. by A.Yu. Sogomonov; Transl. from English. M., 1992. P. 93.
5. *Zhigirev B.S.* Criminological problems of administrative-dislikt behavior of minors: Theory and practice (based on materials from Moscow) : autorec. dis. ... doctor of law. M., 1993. P. 47–55.
6. *Lemert E.* Social Pathology. N.Y., 1951. P. 53.
7. *Bekker H.* Deviance and the responses of other / H. Bekker // *Perseption in Criminology. J.*, 1975. P. 392–396.
8. *Fries P.L.* Criminological and criminal-legal problems of prevention of juvenile crimes at the stage preceding the commission of crimes. M., 1983. P. 6.
9. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 (as amended and supplemented on May 16, 2017) // Rossiyskaya Gazeta. 2002.31.12.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.12.2021
Подписано в печать 24.12.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 82

e-mail: id.yug2016@gmail.com